

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Юридический институт

X
У592

**УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ
«ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»**

Материалы Международной научно-практической конференции
24–25 марта 2022 года

Часть II

Под редакцией В.В. Кваниной

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2022

ББК Х.я43 + ХО.я43

У592

Одобрено
Советом Юридического института

Рецензенты:

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Уральского филиала ФГБОУ
ВО «Российский государственный университет правосудия»

Е.В. Лебедева,

к.ю.н., заместитель начальника отдела анализа и обобщения судебной
практики Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда

Е.С. Уланова

Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы Международной научно-практической конференции, 24–25 марта 2022 г. / под ред. В.В. Кваниной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. – Ч. II. – 332 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам, обсуждаемым в юридической науке в области предпринимательского и гражданского права России и зарубежных стран. В сборник вошли статьи, посвященные общетеоретическим вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности, несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов, государственного регулирования предпринимательской деятельности, правового обеспечения цифровой экономики.

Данное научно-практическое издание рассчитано на сотрудников высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов юридического профиля, работников правоохранительных и правоприменительных органов, студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция».

ББК Х.я43 + ХО.я43

ISBN 978-5-696-05292-2 (ч. II)

ISBN 978-5-696-05291-5

© Издательский центр ЮУрГУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

Герасимова Н.П., Калинина Н.В. Историко-правовое регулирование экономических отношений.....	8
Евдокимова Л.С. Понятие «имущество религиозного назначения» в российском законодательстве	13
Жаров С.Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики в России середины XVII века	17
Камалова Г.Т. Теоретико-исторический аспект правового регулирования новой экономической политики (1921 – 1929 гг.)	21
Куковский А.А. Генезис и соотношение норм международного и национального права в вопросах обеспечения безопасности в условиях глобализации	25
Махрова Т.К. Предпринимательская активность на Южном Урале в XIX веке: правовые стимулы и правовые ограничения	30
Муравьева А.А. К вопросу о правовом регулировании торговых отношений в период феодальной раздробленности на Руси (на примере «Псковской Судной Грамоты»)	34
Новикова Ю.С. Экономический фактор в теоретико-правовом познании государства и права.....	38
Толочко О.Н. Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в эпоху цифровой трансформации	42
Шалаева Т.З. Теоретико-правовые основы разграничения понятий «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность»: опыт Республики Беларусь	45

СЕКЦИЯ «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Буртовой М.Ю. Конституционные основы регулирования инновационной, высокотехнологичной экономики	49
Воробьева Д.С. О конституционном праве несовершеннолетних на осуществление предпринимательской деятельности: проблемы реализации, гарантии и защита.....	53
Егупов В.А. Конституционное право граждан на предпринимательство... ..	58
Зайчук Г.И. Правовые вопросы ограничения, приостановления и прекращения хозяйственной и иной деятельности, и права специального природопользования.....	62
Зинченко Е.Н. О значении коммуникативного подхода в обучении студентов по направлению подготовки Юриспруденция	66
Ильиных А.В. О некоторых проблемах территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации	72

Калина Е.С. К вопросу об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности	77
Кузьмин А.Г., Титова Е.В. Проблема коллизий конституционных ценностей: вопросы доктрины и правоприменительной практики	80
Куковский А.А. Конституционно-правовая защита национальных интересов и ценностей.....	87
Окулич И.П., Мамаев В.В. Основные закономерности и тенденции цифровизации парламента.....	93
Осипов Д.Ж. Пуританизм и традиции американского конституционализма	98
Танаева З.Р. О некоторых особенностях государственного управления сферой организации отдыха и оздоровления детей.....	101
СЕКЦИЯ «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»	
Запрутин Д.Г. Предотвращение отмывания (легализации) денежных средств, добытых преступным путем в сфере предпринимательства	106
Лучинкин Ф.М. О значении оперативно-розыскной деятельности в правовом механизме противодействия экономической преступности ..	110
Мелентьева О.В. О нормативно-правовом обеспечении предпринимательской деятельности в Российской Федерации	113
Никитин Е.В. Антикоррупционная политика организации в сфере предпринимательской деятельности	117
Овчинникова О.В. Уголовно-правовые меры обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации	122
Пестова Т.П. Основания и условия замены административного штрафа на предупреждение субъектам малого и среднего предпринимательства.....	126
Степушов М.Ю. Использование в уголовных делах о незаконной банковской деятельности доказательств, сформированных из результатов оперативно-розыскной деятельности.....	130
Фаткулин С.Т. Проблемы предупреждения и пресечения полицией административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности и пути их решения	133
Шмидт А.А. Особенности контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований законодательства об оружии в деятельности юридических лиц, осуществляющих хранение и торговлю оружием и патронами, на основе оценочных листов.....	137
СЕКЦИЯ «ЦЕННОСТЬ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ»	
Валюшко-Орса Н.В., Орса А.Е. К вопросу о совершенствовании порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности	142

Демидов Н.В. Соотношение трудового права и экономики: история и современность	144
Егорова О.А. Рациональные начала познания права. Единство и различие принципов трудового права и принципов логики в юридическом познании: философский и правовой аспекты	147
Иванчина Ю.В. Социальная ценность трудового права в современных условиях	156
Истомина Е.А. Защита от социальных рисков: о необходимости комплексного подхода	160
Корсаненкова Ю.Б. Принципы права социального обеспечения: научная оценка их содержания	165
Кудрявцева Е.В. Кадровая политика государства в подготовке рабочих кадров	169
Мосин В.А. Недействительность трудового договора.....	174
Ойкин В.Г. Правые новеллы в пенсионном обеспечении в условиях модернизации социальной сферы	180
Опанасюк И.О. Значение социально-психологического климата в трудовом коллективе для поддержания трудовой дисциплины работников	184
Офман Е.М. Ценность права и ценности трудового права: размышления с позиции дефекта механизма осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей работниками и работодателями	189
Протченко Е.А. Особый статус одинокой матери: теория и практика.....	193
Рейхерт Е.С. Применение профессиональных стандартов в отношении педагогических работников высших образовательных учреждений	196
Сагандыков М.С. Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы	199
Станскова У.М. Нормы трудового права в обеспечении режима коммерческой тайны: проблемы реализации	203
Филиппова Э.М. К вопросу о проблемах реализации отраслевых принципов права социального обеспечения	207
СЕКЦИЯ «ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ»	
Александров А.С., Александрова И.А. Особенности уголовного судопроизводства в отношении лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью	212
Аширбекова М.Т. О предпосылках обособления регламентации досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям	216

Борохова Н.Е. Некоторые вопросы защиты прав предпринимателей в уголовном процессе	221
Волосова Н.Ю. Представитель юридического лица в уголовном процессе: проблемные вопросы участия	223
Дражевская Ю.В. Некоторые особенности участия представителя юридического лица при производстве осмотра места происшествия	227
Драничникова Н.В. Экономическая целесообразность процессуальных издержек по уголовным делам о незаконном предпринимательстве.....	231
Ендольцева А.В. Особое уголовное производство в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью: необходима ли подобная дифференциация?	236
Зайцев О.А. Особенности производства по уголовным делам в отношении предпринимателей: тенденции и перспективы	240
Казакова Л.Н. Особенности применения мер пресечения по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности	244
Каменев С.А. Участие стороны защиты в проверке законности изъятия электронных носителей информации по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности	250
Левченко О.В. Роль прокуратуры в сфере обеспечения безопасности предпринимательства уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами	253
Ордан А.В., Ястребова Т.И. Криминалистические признаки преступлений и некоторые пути их установления по преступлениям, совершенным в сфере экономической деятельности	257
Папоян Н.П. Опыт использования возможностей лингвистической и фоноскопической экспертиз при расследовании уголовных дел экономической направленности	262
Попов Д.П. Процессуальная деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причинённого преступлением: проблемные аспекты законодательной регламентации	267
Рудич В.В. Различия в соотношении норм материального и процессуального права и влияние этого различия на решение вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	272
Русман Г.С. Значение дискреционных полномочий суда при прекращении уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ	279
Седова Г.И. О коллективных субъектах в уголовном судопроизводстве	283

Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Ведение бизнеса обвиняемым (подозреваемым) в условиях ограничения свободы: уголовно-процессуальный аспект	287
Чикулина А.Р. Предмет доказывания в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности	291

**СЕКЦИЯ «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ БИЗНЕСА»**

Асозода Ф.Х. Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции по законодательству Республики Таджикистан	295
Гостькова Д.Ж. Уголовная политика в сфере бизнеса	300
Лаптев Д.Б. К дискуссии относительно уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступной деятельности	304
Озерова А.С. Информация о частной жизни лица и персональные данные как предмет уголовно-правовой охраны	307
Санькова Е.В. Проблемы квалификации воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности	311
Ткачева Н.В. Защита прав потерпевшего в производстве суда первой инстанции по преступлениям в сфере предпринимательства	316
Шадрин И.А. Общественная опасность коммерческого подкупа	320
Шершикова И.А. Усеченное действие принципа непосредственности судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции	324

СЕКЦИЯ «ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

УДК 347.261

Н.П. Герасимова, к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ

*Н.В. Калинина, преподаватель кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Историко-правовое регулирование экономических отношений

В статье представлен обобщенный взгляд на проблему правовой жизни во взаимосвязи с экономической теорией, в условиях формирования рынка, правового регулирования экономики в целом. Делается вывод о том, что в настоящее время стоит задача совершенствования всей российской экономической системы, с учетом научных достижений современного мира в области правоведения и экономики.

Ключевые слова: экономика, экономические отношения, экономические процессы, правовое регулирование экономики, экономическая система.

Экономическая и юридическая науки тесно связаны не только единичными источниками, но и методологией исследования. В настоящее время по-новому осмысливается взаимосвязь юридической науки с другими общественными науками, в том числе с экономикой. Существует необходимость рассмотрения проблем правовой жизни во взаимосвязи с экономической теорией, которая охватывает правовое регулирование экономических отношений, стадии общественного воспроизводства, конкретные взаимоотношения отдельных экономических субъектов, складывающихся в условиях рынка, либо правовое регулирование экономики в целом [9, с. 27–34].

Комплексный анализ изучения экономических процессов использует присущие ему специфические приемы и способы. Так, синтез экономического и юридического теоретического познания, практически реализует научные знания в законодательной и правоохранительной деятельности.

Как отмечают ученые, «...развитие междисциплинарных связей юриспруденции с другими науками на современном уровне науки – это ...не простое заимствование у смежных наук готовых знаний и их непосредственное использование в юридических исследованиях, а творческий процесс совершенствования и углубления специфического юридического познания с уче-

том познавательного опыта и достижений других наук», суть которого определяют по-разному: одни – как «модернизацию юриспруденции» [12, с. 26], другие как «гибридизацию науки» [10, с.135].

Существование и развитие государства, прежде всего, связаны с экономикой и классовой борьбой. На определенной ступени экономического развития, расколом общества на классы, возникшее государство стало необходимостью. Смена одного способа производства другим обуславливает в итоге смену исторических типов государства, которое в своем развитии, в конечном счете, обусловлено экономическими условиями общественной жизни государства, являясь выражением в концентрированной форме экономических потребностей класса, господствующего в производстве. Государство, следуя, в принципе экономическим законам, имеет свои логические закономерности и этапы развития, не всегда совпадающие с изменением экономической структуры.

Проблема комплексного исследования правового воздействия на экономические отношения рассматривалась в основном в работах советских теоретиков права, на уровне комментариев известных положений К. Маркса и Ф. Энгельса. В работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что наоборот, они коренятся в материальных отношениях, совокупность которых Гегель по примеру английских и французских писателей XIII в., называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [4, с. 6].

Марксистский подход к проблеме соотношения права и экономики подчеркнул Ф. Энгельс: «Каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которых они должны быть объяснены, а не наоборот, как это делалось до сих пор» [5, с. 350–351]. Данные положения допускали «относительную самостоятельность» и политики, и экономики, и государства, и права. Однако динамизм экономических потребностей современного общества выдвигает все новые задачи правового опосредования соответствующих общественных отношений.

На определенном историческом этапе развития науки признание экономических отношений волевыми породили попытки соответствующей практики государственного управления с элементами внеэкономического принуждения, экономического волюнтаризма и т. д. В связи с чем, в теоретических работах советского периода существовал тезис К. Маркса о том, что человек, конечно, не в состоянии изменить объективные законы, по которым развиваются производственные отношения, однако он может либо

ускорить развитие экономических отношений в соответствии с существующей объективной закономерностью, либо затормозить их [6, с. 417]. В соответствии с данным теоретическим положением решались и другие проблемы в теории марксизма, например, о возможности социалистических революций в странах, где не вызрели экономические условия.

Раскрывая и обосновывая роль производственных отношений в развитии общества, Маркс писал, что в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют ступени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

Базируясь на теории «естественного права», ученые стремились постигнуть рациональные законы развития, под которыми понимался человек, участвующий в общественном производстве постольку, поскольку это позволяет ему реализовать собственные интересы. Позднее, в первой трети XX в. исследовательская программа Веблена [1, с. 118] была направлена на анализ единицы экономической среды, как «института», который был определен как «стереотип мысли», дав начало институциональному направлению экономической теории. Суть данного направления «специальный контроль» над рыночной экономикой. Возглавив социально-правовую разновидность институционализма американский ученый Дж. Коммонс, в экономических отношениях отводил решающую роль юридической стороне, правовым отношениям, утверждал примат права над экономикой. Основная идея концепции Дж. Коммонса состояла в том, что государство должно осуществлять контроль и регулировать рыночную экономику [13]. Изучая судебную практику по экономическим спорам, Коммонс, сделал вывод, что независимое правосудие с помощью решений по конкретным делам может осуществлять контроль над экономикой.

Историческое развитие процесса правового регулирования экономики происходило путем поиска оптимального соотношения между экономической свободой и экономическим равенством людей. В этой связи, концепция невмешательства государства и права в экономику, обосновали сторонники либеральной школы Ф. Хайек, М. Фридман, Дж. Хикс и другие: «Как только государство берет на себя задачу планирования всей экономической жизни, государственная власть чиновников – становится единственной формой власти, к которой может стремиться в таком обществе человек. Не будет ни одного экономического или социального вопроса, который не приобретет здесь политической окраски...» [14, с. 85–86]. Вместе с тем, они отмечают, что государство не может бездействовать: власть должна создавать условия

для инициативной деятельности граждан и развития их индивидуальных способностей.

Рассматривая концепцию профессора И.М. Михайловского, дореволюционного критика, который подчеркивал важность экономического начала в истории, утверждал истину «экономического материализма»: ...вся духовная жизнь человечества нуждается в материальной основе, невозможна без этой основы [11, с. 108].

Продолжая идеи марксизма, следует отметить, что человеческие потребности, заботы о добывании средств к жизни, носят особый преобладающий характер, «ибо, прежде чем думать о какой бы то ни было духовной жизни, человек должен пить, есть, одеваться, иметь жилище». Невозможно жить человеческой жизнью тому, кто вынужден работать физически в ужасной обстановке более двенадцати часов в сутки, чтобы не умереть с голоду. Такой человек, в конце концов, потеряет облик человеческий, какими бы духовными богатствами он не обладал. Тем самым объясняется «огромная важность экономической обстановки в жизни человечества» [6, с. 109].

Одним из условий любого комплексного исследования выступают научные понятия и категории, используемые экономической и юридической науками. Понятие общественного воспроизводства обозначает постоянное повторение, непрерывное возобновление общественного процесса производства. Любое воспроизводство есть воспроизводство материальных благ, или совокупного общественного продукта, связанного с использованием веществ и сил природы, рабочей силы и производственных отношений. Процесс воспроизводства можно разделить на стадии: производство, распределение, обмен и потребление. Производство и потребление обуславливают друг друга. «Без производства нет потребления, без потребления нет производства... Потребление, прежде всего, завершает акт производства, заканчивая продукт как продукт, поглощая его, уничтожая его...» [7, с. 719].

Правовое воздействие на экономические отношения в процессе воспроизводства в юридической литературе не рассматривается. Однако полагаем, что большое теоретическое значение может иметь и исследование, в котором бы производился анализ специфики правового воздействия на каждой стадии общественного воспроизводства и общих закономерностей правового воздействия на экономические отношения.

Многоплановость экономических процессов определяется производственными, хозяйственными, материальными, экономическими и иными отношениями:

- экономическими называются отношения, которые возникают между людьми и их объединениями в процессе производства, распределения, обмена, и потребления материальных благ;
- производственные отношения возникают в процессе создания материальных благ;

- хозяйственные отношения возникают в процессе создания и распределения материальных благ;
- имущественные отношения возникают по поводу обмена и потребления материальных благ.

Многие авторы исходят из того, что указанные термины характеризуют один и тот же объект, но с разных сторон [2, с. 4]. Наличие хозяйственных, имущественных, производственных отношений свидетельствует не только о многогранности исследуемого объекта, но и об их определенном качественном отличии друг от друга, на практике эти отношения оказывают правовое воздействие, выступают в виде экономических отношений.

«В последнее время стало складываться понимание того, пишет В.Н. Кудрявцев, что все экономические нововведения требуют соответствующего закрепления, без которого экономические связи нельзя ни упорядочить, ни нормально организовать» [3, с. 4]. И если сама по себе правовая деятельность никаких материальных благ не создает, то в организации совместного производительного труда и регулировании экономических отношений ей принадлежит первостепенная роль.

Государственно-правовое регулирование в сфере экономики, равно как и в других сферах, имеет свои пределы, и в этой связи, можно выделить границы законодательного регулирования экономических отношений: примат экономических отношений перед политическими и правовыми в частности; необходимость регулирования экономических отношений с позиции обеспечения экономической и политической власти трудящихся; факт равноправия форм собственности и независимости некоторых из них от государства; факт нахождения основных средств производства в собственности государства, что неизбежно предполагает централизованное регулирование ряда вопросов. Так, в XIX в., когда существовал протест государства против саморегулирующейся рыночной экономики, государство представляло себя нейтральным посредником, когда недостаточное его «присутствие» или «отсутствие» в сфере экономики порождает серьезные негативные (в том числе криминальные) социально-экономические последствия. Однако в ходе исторического развития формы и методы вмешательства государства в экономические отношения меняются, при этом в некоторых странах учитываются и используются социальные и культурные особенности, психология и традиции народов, их населяющих.

На современном этапе развития российского государства происходит переход к качественно новой экономической системе и реальный экономический рост в стране возможен только при таком правовом воздействии на экономические отношения, в котором бы учитывались новейшие достижения не только российского и зарубежного правоведения, но и экономической науки.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Егоров Н.Д. Гражданско-правовые методы регулирования экономических отношений / Н.Д. Егоров. – Л., 1986. – 213 с.
3. Кудрявцев В.Н. Ускорение социально-экономического развития и задачи ученых-юристов / В.Н. Кудрявцева // Советское государство и право. – 1986. – № 7. – С. 4.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс. – М. – 1959. – Т. 13. – 805 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t13.pdf>(дата обращения 25.03. 2022).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс. – М. – 1961. – Т. 19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t19.pdf> (дата обращения 25.03. 2022).
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс. – М. – 1965. – Т. 37. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t37.pdf>(дата обращения 25.03. 2022).
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс. – М. – 1958. – М. – 1958. – Т. 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t12.pdf>
8. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: ООО «ТК Велби», 2002. – 637 с.
9. Марченко М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. – М. – 1996. – 475 с.
10. Михайловский И.В. Очерки философии права / И.В. Михайловский. – Томск, 1914. – Т.1. – 604 с.
13. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: 1999. – 552 с.
14. Селигмен Б. Основные течения современной мысли / Б. Селигмен. – М.: Прогресс, 1968. – 602 с.
15. Хайек Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.

УДК 342.731

*Л.С. Евдокимова, к.и.н., преподаватель ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Понятие «имущество религиозного назначения» в российском законодательстве

В статье анализируется понятие «имущество религиозного назначения», рассматривается проблема происхождения, терминологической определенности, практической применимости.

Ключевые слова: имущество религиозного назначения, религиозные объединения, свобода совести

Свобода совести, свобода вероисповедания относятся к числу конституционных прав и свобод. В процессе создания правовых гарантий реализации этих свобод необходимо учитывать специфику общественных отношений, связанных с религиозной деятельностью, место религиозных объединений в жизни современного общества. Необходимо обобщать разнообразные варианты поведения и выбирать, какие формы и способы выражения свободы совести и свободы вероисповедания социально полезны или приемлемы, а какие – недопустимы.

Опыт правового регулирования данной области показал, что затруднения возникают уже на уровне разработки основных понятий, некоторые правотворческие инициативы в связи с этим не удалось воплотить в правовые нормы, а правоприменительная практика потребовала серьезного совершенствования принятых законов. Используемые термины должны, с одной стороны, учитывать своеобразие определяемого объекта и адекватно его отражать, с другой стороны, – обеспечивать универсальность и однозначность понимания и использования. Ряд исследователей указывали, что необходимы специальные религиоведческие познания, даже предлагали создать особую междисциплинарную отрасль знаний – юридическое религиоведение, судебное религиоведение, религиоведение для юристов [1].

Одно из понятий, активно применяемых в правовом регулировании государственно-конфессиональных отношений, но вызывающих вопросы у правоприменителя, это «имущество религиозного назначения». Данный термин призван выделить из всего массива объектов, которыми в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» могут владеть религиозные объединения, особый вид имущества, предназначенного, в основном, для культурной деятельности. Это имущество может быть очень специфичным, его ценность связана не столько с материальной составляющей, сколько с сакральным значением, со способностью передавать религиозные идеи, образы в символической форме, оказывать воздействие на чувства верующих.

Понятие «имущество религиозного назначения» раскрыто в Федеральном законе от 30 ноября 2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», после принятия которого появляется и в Федеральном законе от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», но только в составе целого перечня и в формулировке «и иного имущества религиозного назначения» (статьи 21, 21.1, 22).

Понятие «имущество религиозного назначения» используется для регулирования процедуры передачи имущества, принадлежащего религиозным объединениям до революции 1917 года и национализированного советской властью. Оно призвано разграничить материальные объекты, предназначенные для религиозной деятельности и подлежащие передаче, от тех, которые не требуются для религиозной деятельности. Выделение особой категории «имущество религиозного назначения» было обусловлено необходимостью упорядочить процесс передачи религиозным объединениям национализированных объектов, установить и ограничить их перечень, снять вопрос о полной реституции дореволюционного имущества религиозных объединений, а также имущества других собственников.

Некоторый опыт определения целевого назначения имущества, используемого в рамках религиозной деятельности, сложился в советское время. Однако в этот период все многообразие религиозной деятельности было ограничено только культовой деятельностью, допустимой при соблюдении большого количества требований. Советская власть стремилась минимизировать роль религии в жизни общества. На основании Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все имущество религиозных обществ национализировалось, они лишались прав юридического лица и не могли владеть собственностью. Из всего национализированного имущества они получали в бесплатное пользование только «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей» [3, с. 112].

Такой подход был развит в Постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», которое регулировало религиозную деятельность на протяжении всего советского периода. В этом документе использовался собирательный термин «культовое имущество». При решении вопроса об управлении и пользовании культовым имуществом в его состав включались молитвенные здания (иногда – здания культа), однако в рамках процедуры передачи в пользование верующим молитвенные здания и культовое имущество упоминались обособленно. В Постановлении говорилось также о предметах религиозного культа, церковной утвари, которые религиозные общества могли производить и приобретать.

В советское время обозначенное терминологическое разнообразие не представляло собой серьезную проблему в связи с незначительной ролью законодательства в регулировании государственно-конфессиональных отношений и произвольной его интерпретацией органами власти. В постсоветское время возникла необходимость решить вопрос с возвращением верующим части национализированного имущества, а также выработать однозначные термины и критерии, которые позволили бы обозначить и закрепить особое правовое положение имущества религиозных объединений в

условиях возрастания социальной активности религиозных объединений и расширения используемых для этого средств.

Для решения вопросов, не связанных с процессом передачи имущества религиозным организациям, в Федеральном законе от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести о религиозных объединениях» используются понятия «имущество богослужебного назначения», «предметы религиозного назначения», «предметы культового назначения». Например, согласно статье 17 «Религиозная литература и предметы религиозного назначения», предметы религиозного назначения, наряду с религиозной литературой, печатными, аудио- и видеоматериалами, могут производиться, приобретаться, экспортироваться, импортироваться и распространяться религиозными организациями. При этом в названии статьи религиозная литература отделена от предметов религиозного назначения, а в тексте статьи включается в их число. В той же статье содержится понятие «предметы культового назначения», которые вправе производить только религиозные организации. В статьях 21 и 21.1 запрещается обращать взыскание по претензиям кредиторов на имущество богослужебного назначения, а также отчуждать недвижимое имущество богослужебного назначения в чью-либо собственность кроме государственной, муниципальной или собственность религиозных организаций той же конфессии.

Под имуществом религиозного назначения в Федеральном законе от 30 ноября 2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» понимается недвижимое имущество, которое было построено для осуществления и обеспечения обрядовой, образовательной, монастырской, благотворительной, паломнической деятельности, социального обслуживания, проведения религиозных собраний, а также движимое имущество, используемое для богослужений, оформления храмового пространства. Перечень видов деятельности, определяющих целевое назначение недвижимого имущества религиозного назначения частично совпадает с видами деятельности религиозных организаций, регулируемые Федеральным законом от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести о религиозных объединениях».

По мнению М.О. Шахова, Федеральный закон от 30 ноября 2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» восполнил существенные правовые пробелы, но проблемные ситуации, возникающие в ходе его применения, заставляют законодателя и правоприменителя искать правовые решения [2, с. 515–532].

На неопределенность правового регулирования неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации в решениях, принятых в связи с жалобами религиозных организаций, получивших отказ в передаче

им имущества. В результате понятие уточнялось и расширялось, конкретизировались условия, при которых передача имущества религиозного назначения не осуществляется. Можно говорить об увеличении перечня объектов, которые предназначены для осуществления и обеспечения деятельности религиозных организаций и поэтому относятся к имуществу религиозного назначения. Последние изменения были внесены Федеральным законом от 1 июля 2021 № 249-ФЗ, в котором было уточнено, что имущество религиозного назначения может быть построено для материального и иного обеспечения и осуществления целого ряда видов религиозной деятельности. Перечень видов деятельности, в рамках которых используются объекты, относимые к имуществу религиозного назначения, тоже был дополнен благотворительной деятельностью и социальным обслуживанием.

Таким образом, структурирование имущества религиозных объединений с целью создания особых правовых возможностей и условий обращения с ним сталкивается с проблемой терминологической неопределенности. Особенно это касается попыток выделить специфические религиозные объекты и установить особый режим их существования.

Библиографический список

1. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы / А.В. Пчелинцев. – М: ИД «Юриспруденция», 2012. – 248 с.
2. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / Сретенская духовная семинария. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.
3. Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства / О.В. Шведов. – М.: Ковчег, 2003. – 736 с.

УДК 340+343.3

*С.Н. Жаров, профессор ЧелГУ, профессор УФ РГУП
г. Челябинск, Россия*

Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики в России середины XVII века

В статье рассмотрен вопрос о возникновении института уголовной ответственности за таможенные преступления в России как элемента продолжения прерванной сменой династий и Смутным временем череды реформ, призванных создать на территории Московского государства единое правовое пространство

Ключевые слова: Россия, история права, таможенные пошлины, уголовная ответственность, конфискация товаров.

Сегодня в нашей стране свобода экономической деятельности, возможность беспрепятственного перемещения товаров, услуг и финансовых средств гарантируются законом (ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации). Однако возникновение этих норм произошло гораздо раньше, в эпоху, когда государственная власть не только осознала прибыльность экономической деятельности частных лиц для себя, но и смогла законодательно обеспечить возможности экономической деятельности и защитить предпринимателей от преступных посягательств (преследуя, естественно, в первую очередь свой финансовый интерес). А для этого требовалось наличие централизованного государства с твердой властью и организацией контроля не только за предпринимателями, но и за своими органами.

Такие условия в России сложились к середине XVII столетия, после окончания Смутного времени и окончательной ликвидации его последствий. Появилась возможность проведения реформ в сфере регулирования торговли. Проблема заключалась в том, что в России к тому времени не было единого экономического пространства, таможенные грамоты закрепляли в налоговом и таможенном обложении удельный порядок, ликвидированный в области государственного управления и финансов еще при Иване Грозном.

Это вызвало поток купеческих челобитных, в которых указывалось на резкое повышение «лишних» пошлин и поборов, каковых исстари не бывало, да кроме того обремененные властными полномочиями государевы люди подвергали купцов произвольным задержаниям, от чего те несли неисчислимые убытки «и в конец погибли душами и животами своими» [1, с. 31].

Правительство при подготовке реформы опиралось на просьбы и ходатайства не только купеческой элиты, но и хозяйственных руководителей наиболее авторитетных и крупных монастырей [2, с. 114], которые легли в основу именного указа «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием по сколько взято и с каких товаров», утвержденного приговором Боярской думы 25 октября 1653 года и получившего в исследовательской среде название Торгового устава [3].

Установив равное для всех участников торгового оборота (местных, иногородних, иностранных купцов) таможенное обложение всех торговых сделок, новый нормативный акт разрешил один из важнейших конфликтов – между таможенными чиновниками, стремившимися завязать пошлину, и купцами, объявлявшими как можно более низкую цену на товар, чтобы эту пошлину снизить. Именно в разрешении этого конфликта в Торговом уставе введены уголовно-правовые санкции.

В первую очередь угроза уголовного наказания коснулась чиновников: «А будет которые таможенные Головы и целовальники, сверх продажной цены на товар, учнут прибавочную цену накладывать, и лишняя пошлина имать, и тем Головам и целовальникам чинить наказание без всякой пощады» [3].

Для того, чтобы понять смысл этой нормы, необходимо разобраться, кто такие были эти Головы и целовальники. В. О. Ключевский описал их происхождение. Это не государственные служащие в полном смысле слова, а земские агенты: люди, добывающие средства к существованию различными промыслами, в том числе (и в первую очередь) торговлей, и избранные населением для отправления обязанностей государственной службы на год. Одной из важнейших функций, исполнявшихся этими избранными людьми, был сбор налогов и пошлин. Такая служба отправлялась безвозмездно, государева жалования им не полагалось, но за недоимки в сборе податей и пошлин они отвечали своим имуществом и престижем у населения. Именно поэтому, опасаясь не добрать установленную сумму пошлин, такие таможенные чиновники стремились завышать оценку. Возможно, учитывая данное обстоятельство, законодатель установил весьма строгое, но неопределенное наказание за это правонарушение (без всякой пощады), давая свободу маневра судьям в каждом конкретном случае.

С другой стороны, собственников облагаемого пошлиной товара, закон предусмотрел возможность двух составов преступлений. Во-первых, это утайка товара от досмотра и обложения, а во-вторых – преступное занижение цены товара. При этом Торговый устав определил «объективный» критерий оценки товара: продажную цену, по которой товар мог быть продан. Учитывая, что обе стороны – чиновник и собственник товара – были купцами, то есть людьми компетентными в данном вопросе, споры между ними могли возникать, но при этом оба понимали этот «объективный» критерий.

Санкция за эти преступления была одна: «у тех торговых людей те их товары имати на себя государя безповоротно», т.е. конфискация в казну. Это касалось и утаенных товаров, и даже тех, которые предьявлялись к оценке, но по преступно заниженной цене.

Данный состав предусматривал и рецидив в качестве обстоятельства, усиливавшего вину. Имущественное наказание в этом случае было дополнено весьма болезненным телесным: битье кнутом «нещадно» при сохранении конфискации утаенных от досмотра товаров.

Однако установив повышенную ответственность за рецидив для купцов, утаивающих товар от досмотра или преступно заниживших его цену, Торговый устав не предусмотрел рецидива в преступных деяниях таможенных Голов и целовальников. Ведь эти функции выполняли, как отмечено выше, избранные тяглым населением люди, и после первого совершенного преступления они утрачивали доверие и избравшего их населения, и властей, поэтому отстранялись от исполнения казенной службы. Понятно, что и уважение окружающих в таком случае также утрачивалось. Но соблазн был, по всей видимости, несопоставим даже со всем состоянием преступивших закон. Как отмечал Е.П. Карнович, «Примеры нечестной разживы, подаваемые высшими лицами, не только заражали, но и оправдывали тех, кто

стоял ниже их в служебной иерархии и пользовался должностным положением для устройства своих имущественных дел» [4, с. 19]. В результате в 1649 г. крупных купцов «гостей» имелось 18, а в гостинной сотне насчитывалось 158 человек, но среди них достойных доверия и соответственно годных к службе было настолько мало, что их привлекали едва ли не через год, что не могло не сказаться отрицательно на состоянии личных дел, считает В. О. Ключевский [5, с. 348].

Проявляя заботу о добром имени собственников товара, Торговый устав защитил их от ответственности за предусмотренные выше преступления, совершенные родственниками, приказчиками, слугами без ведома и указания хозяев. Для таких преступников было предусмотрено «нещадное» наказание, не определенное конкретно.

Следственные действия по указанным делам предусматривались самые суровые, истинных виновников требовалось отыскивать «всякими сыски накрепко, а буде кто доведется пытки, того пытать». При этом никто не мог быть освобожден от досмотров ссылкой на высокий чин, иностранное подданство или иной статус.

Таким образом, в середине XVII века в России после значительного перерыва были продолжены реформы, начатые еще Иваном Грозным, направленные на создание на территории Московского государства единого правового поля. Унификация торговых и таможенных сборов и введение уголовных санкций за нарушения привели к возникновению нового правового института – института уголовной ответственности за таможенные преступления. Собственно говоря, отнести его полностью к таможенной преступности нельзя, поскольку в Торговом уставе регулировались отношения и на внутреннем рынке. Тем не менее, именно дата утверждения Торгового устава стала основанием для установления профессионального праздника Дня таможенника Российской Федерации [6].

Библиографический список

1. Ишкаев М.Р. Развитие правовых запретов через регулирование сферы торговли в России XVII века / М.Р. Ишкаев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 3 (52). – С. 30–33.
2. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. – СПб.: Наука, 1998. – 216 с.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. № 107 – С. 302–305.
4. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России / Е.П. Карнович. – М.: Символ; Гамаюн; Баян, 1992. – 288 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
6. Воронин С.И. Торговый устав 1653 года / С.И. Воронин // Центральный музей таможенной службы (customs.gov.ru) (дата обращения 12 марта 2022 г.)

*Г.Т. Камалова, д.и.н., профессор кафедры теории государства
и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Теоретико-исторический аспект правового регулирования новой экономической политики (1921 – 1929 гг.)

В статье рассмотрены некоторые факторы, которые сопровождали реализацию советским государством новой экономической политики в 1921 – 1929 годы.

Ключевые слова: Новая экономическая политики, НЭП, антикризисная политика, информационная политика

В современном быстро меняющемся мире возрастает значимость обращения к опыту прошлого. Историческая ретроспектива является необходимым моментом для концепций о перспективах развития общества. Обращение к опыту диктуется причинами как общеметодологического, так и гносеологического характера. Особую актуальность и интерес представляет изучение периода новой экономической политики. В современных условиях реализации спецоперации на Украине следует по-новому посмотреть на меры, которые проводились сто лет назад. Прежде всего, поражает схожесть проблем, стоявших перед нашей страной. К началу 1920-х гг. страна была разорена двумя войнами и двумя революциями. Сегодня в результате предательских мер политической и финансовой номенклатуры Россия превращена в сырьевой придаток западных стран, фактически осуществлена деиндустриализация.

В 1920-е гг. страна находилась во враждебном капиталистическом окружении, реальной была угроза новой интервенции. Сегодня враждебность мировой элиты по отношению к России зашкаливает. В 1920-е гг., при таком соотношении внутренних и внешних факторов, курсу партии на возрождение страны реальным было сильное сопротивление не только извне, но и внутри страны, в том числе и внутри правящей партии от проевропейски настроенной ленинской гвардии. В ближайшем окружении И.В. Сталина многие лица имели небедных родственников за границей. Современная российская элита по масштабам собственности за рубежом в сотни раз превосходит нэповский период, зависимость ее материального благополучия от иностранного капитала порождает изощренное предательство национальных интересов. Распродажа за бесценок природных богатств, раздача территорий, уничтожение промышленности и национальной финансовой системы, разрушение системы здравоохранения, образования, нанесение

невосполнимого ущерба здоровью нации. Все это заставляет по-новому посмотреть на меры, предпринятые руководством страны в 1920-е гг.

Теоретическую основу новой экономической политики определили решения X съезда РКП (б) (8-16 марта 1921г.). По докладу В.И. Ленина съездом было принято историческое решение о замене продразверстки натуральным налогом о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике.[1, т.2, с. 256]. Нэп – это не только экономическая политика, ее суть составляла политическая задача – укрепление союза рабочего класса с многомиллионной массой крестьянства. Нэп – это была антикризисная программа, сущность которой состояла в воссоздании многоукладной экономики и использовании организационно-технического опыта предпринимателей при сохранении «командных высот» в руках большевистского правительства. Под ними понимались политические и экономические рычаги воздействия: полномочия РКП (б), укрепление государственного сектора в промышленности, централизованная финансовая политика и монополия внешней торговли. XI съезд РКП (б), развивая положения X съезда, так определил сущность нэпа: «...новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возвращению капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства» [1, т. 2, с. 318].

Переход к нэпу рассматривался большевистским руководством как путь к социализму. Известно, что в последнем своем публичном выступлении Ленин определял нэп как самый трудный, но видимо последний маневр на пути к социализму и выразил уверенность, что «из России нэповской будет Россия социалистическая» [3, Т. 45, с. 307, 309].

До смерти В.И. Ленина вопрос о возможности победы социализма в одной стране в партии не поднимался. Мнение о победе социалистической революции в нескольких передовых странах, как необходимом условии победы социализма в СССР, разделялось всеми теоретиками и идеологами РКП (б). Известно, что и Ленин всегда связывал развитие России с международными событиями. К середине 1920-х стало ясно, что мировая революция откладывается на неопределенное время. В связи с этим, в партии остро встал вопрос о судьбах Октябрьской революции, о возможности построения социализма в России как отдельно взятой стране. Вклад в его обоснование внесли Н.И. Бухарин, И.В. Сталин, Е.А. Преображенский и др. Одним из первых признал такую возможность Н.И. Бухарин. В феврале 1924 г., выступая по вопросу о строительстве социализма, он заметил, что ведет речь «об одной отдельно взятой стране». Провозглашая этот тезис, Бухарин понимал под ним более осмотнительное отношение к крестьянству, союз с де-

ревней и взвешенные темпы индустриализации. И.В. Сталин поддержал тезис о возможности построения социализма в одной стране в конце 1924 г. в статье «Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого».

Руководством к действию это положение стало после его закрепления в резолюции «По отчету ЦК» XIV съезда ВКП (б) (18–31 декабря 1925 г.), где отмечено: «в области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «...все необходимое для построения полного социалистического общества...» [2, Т. 3, с. 213; 3, Т. 45. – с. 370.]. «съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» [2, т.3, с. 246; 312-321]. Этот вывод predetermined курс на индустриализацию, чтобы избежать новой иностранной интервенции, выйти из международной изоляции, преодолеть экономическую отсталость. В те годы можно было решать вопросы промышленного строительства (источники, рабочая сила) главным образом за счет деревни. Сегодня этого источника нет, деревня обезлюдела, она нищая.

И если начальный рубеж нэпа все авторы связывают с решениями X съезда РКП (б), то относительно даты его окончания разногласия существуют до настоящего времени. В качестве основного критерия, по которому стал выделяться 1928 г. как время окончания нэпа, исследователи называют введение чрезвычайных мер в хлебозаготовках. Однако в 1928 г. обращение материальных ценностей продолжало осуществляться на основе товарно-денежных отношений. На наш взгляд, тенденция к свертыванию нэпа наметилась именно в середине 1920-х гг. в связи с курсом на строительство социализма в одной отдельно взятой стране.

Надо иметь в виду, что проведение нэпа рождало новую буржуазию, что приходило в противоречие с социалистическими лозунгами, процессы либерализации режима, укрепления революционной законности также носили противоречивый характер, имели место и отступления, особенно усилившиеся во второй половине 1920-х годов. Все авторы среди причин свертывания нэпа указывают на то, что экономические реформы не были подкреплены политическими. Вместе с тем, важно иметь в виду ещё, как и чьими руками, проводились реформы. В условиях неопределенности и неустойчивого баланса сил и интересов, особенно при повышении социальной напряженности, роль субъективного фактора приобретает ведущее значение. Изменение количественного и качественного состава правящей партии в результате ленинских призывов, смена состава политической номенклатуры после смерти В.И. Ленина и обострение внутрипартийной борьбы оказали непосредственное влияние на трансформацию тактики большевиков при сохранении стратегической задачи – построение социалистического общества. Проведение реформ порождало острейшую борьбу нового и ста-

рого, при этом, определенная либерализация режима, связанная с реформами, требовала и опоры на традиционные ценности, привычки и сопровождалась формированием административно-командной системы.

Тогда поставленные задачи в результате переплетения внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных условий нашли решение и оформление в казарменном социализме. Решение было достигнуто за счет сверх напряжения всех сил страны, ограбления деревни, укрепления традиционных ценностей, автаркии. Насколько приемлем опыт нэповской России сегодня, в каком объеме, в каких направлениях? Сегодня перед руководством страны сегодня фактически стоят те же задачи, что и 1920-е гг., только, на наш взгляд, в более сложных внешних и внутренних условиях. Это требует внимательного изучения многогранного исторического опыта, накопленного нашим народом, критического переосмысления эффективности мероприятий и их последствий.

Необходимо выработать не только антикризисную программу, предусматривающую достойный выход из объявленной России экономической войны, но определить стратегию экономического, социального, политического развития страны на долгосрочный период. Требуется постановка цели, понятной для всего населения. Для восстановления суверенитета страны, очевидно, что не избежать таких непопулярных мер как национализация собственности иностранных и отечественных олигархов, ликвидация проамериканской системы управления экономикой и финансами, чистка рядов элиты, применение репрессивных мер к ворам и расхитителям, ужесточение цензуры, активизация борьбы с нацизмом не только и не столько вне страны, сколько на собственной территории, прежде всего, в центре (в политических и экономических структурах, на телевидении, в СМИ). Наглядной становится и необходимость формирования долгосрочной информационной политики на всех направлениях, для всех слоев населения. Сегодня перед обществом сложный выбор: решение задач на путях казарменного социализма не вдохновляет, но и система либеральных ценностей дискредитировала себя. Очевидно, путь где-то по середине.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание 8-е, доп. и испр. в 9-ти т. – Т. 2. – М.: Изд-во полит. литер., 1970. – 536 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание 8-е, доп. и испр. в 9-ти т. – Т.3. М.: Изд-во полит. литер., 1970. – 547 с.
3. Ленин В.И. О кооперации / В.И. Ленин. – Полное собрание сочинений в 55 т. Т.45. – 729 с.

*А.А. Куковский, к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права,
трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Генезис и соотношение норм международного и национального права в вопросах обеспечения безопасности в условиях глобализации

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся развития нормотворчества по вопросам обеспечения безопасности в условиях глобализации, как на уровне национальной системы права, так и в контексте международного права.

Ключевые слова: международное право, правовое обеспечение безопасности, угрозы целостности и безопасности государства, глобализация

В современном мире глобализационные процессы стирают привычные рамки и границы государств, заставляя по-новому взглянуть на взаимодействие правовых систем суверенных государств, под новым научным углом рассмотреть проблемы возникновения нового типа угроз, как в целом национальной безопасности, так и отдельным ее видам.

Исходя из количества суверенных государств и национальных правовых систем, в рамках настоящей научной статьи предлагается рассмотреть процессы взаимовлияния и взаимодействия норм международного и национального права, возникающих при этом последствий и угроз целостности государства, его правовой системе, а также обществу и личности.

Так, если изначально международные правовые нормы были призваны регулировать в основном общественные отношения, лежащие вне компетенции национального права, то с усилением глобализационных процессов они же стали способствовать все большей унификации национальных систем права (в качестве примера такой унификации некоторые авторы приводят процесс разработки и принятия «модельных» нормативных правовых актов), а также к усилению роли международного права, нормы которого весьма активно интегрируются в национальное законодательство, постепенно замещая внутригосударственные правовые нормы.

Некоторые исследователи отмечают двоякое взаимовлияние внутреннего и международного права, начиная от предопределения сущности и содержания международного права через нормы о внутренней и внешней политике государства, а также путем воздействия на создание и осуществление норм международного права (порядок заключения международных договоров и т.п.). Наряду с отмеченными материальными и процессуальными аспектами взаимного влияния, можно отметить и национальные нормы, преобразованные в международные, – обычные нормы, нормы об иностранцах,

посольствах и т.д., принципы внешней политики, наконец, нормы, которые могут служить образцом при обеспечении прав человека [4].

Безусловно, национальное и международное право – это две различные системы права, которые действуют в пределах своих областей без специальной соподчиненности, при этом реально складывающиеся правоотношения требуют взаимодействия этих систем.

Согласно общетеоретическим воззрениям Г. Кельзена, в отличие от норм международного права, имеющих глобальный характер, юридические нормы, из которых возникают национальные правовые системы, являются локальными по своему характеру. Они формируют «локальные правовые порядки», из которых затем складывается универсальный правовой порядок. Характер отношений, складывающихся при этом в рамках последнего между нормами национального права, с одной стороны, и нормами международного права – с другой, зачастую сходен с взаимоотношениями между нормами национального права и нормами морали [3].

Отмечая некоторые преимущества дуалистической концепции, согласно которой существуют две самостоятельные, параллельные системы международного и национального права, в то же время мы признаем некоторую правовую односторонность подобного подхода, так, отсутствие динамики, интеграционной правовой эволюции, затрудняют процесс развития норм как международного, так и национального права, в то же время, в качестве несомненного позитивного момента можно выделить сохранение целостности правового суверенитета системы внутригосударственного права.

По мнению сторонников дуалистической концепции, международное право и внутригосударственное право составляют две различные правовые системы. В этом случае международное право начинает действовать в рамках национальной правовой системы лишь после того, как оно было трансформировано во внутригосударственное право через соответствующую процедуру. Защита субъектов права при таком взгляде зависит от упомянутого процесса трансформации, а их права и обязанности существуют только в рамках внутреннего права соответствующего государства.

При этом мы не можем согласиться с выводом Д. Анцилотти, не допускающего какой бы то ни было надгосударственной власти вопреки нормообразованию государств на основе их соглашений, так как иное означало бы конец международного права и замену его внутригосударственным правом другого государства [1]. Полагаем, что именно национальное право будет являться объектом воздействия со стороны норм международного права в связи со сложностями как механизма имплементации отдельных норм международного права, так и непрозрачности регулирования отдельных общественных отношений.

Сторонники другого подхода, отражающего теорию примата внутреннего права над международным правом или международного – над внутрен-

ним, также опосредованно выделяют в качестве основного – принцип правового суверенитета. Признание приоритета внутреннего права преобладало в доктрине и практике Советского государства, отражая защиту им своего суверенитета в условиях противостояния двух общественных систем. И лишь, пожалуй, с конца 80-х годов стал все более отчетливо проявляться феномен прочной «связанности» государства его международными обязательствами. Эти связи и их взаимовлияние все чаще рассматривались в научных публикациях, в которых признавалась либо самостоятельность норм международного права, либо реализация их с помощью создаваемых, отменяемых или изменяемых национальных норм [5].

Монистическое представление о том, что международное и национальное право – это составные части единой системы права, при этом приоритет отдается верховенству национального права, на наш взгляд, отражает, прежде всего, субъект-объектную связь взаимодействия международного и национального права, однако акцент в сторону главенства национального законодательства, приоритета норм внутригосударственной системы права, на наш взгляд, слабо выражен.

В то же время, Л. Оппенгейм не без оснований писал, что монистическая доктрина неправомерно отрицает многие вполне очевидные доводы и положения. А именно то, что: а) субъекты обеих систем права существенно различны и что в обеих системах, в конечном счете, «регулируется поведение индивидуумов», с той лишь разницей, что в сфере международной жизни «последствия такого поведения приписываются государству»; б) в обеих сферах права существенным является предписание, «обязательное для субъектов права, независимо от их воли» [6].

Кроме того, эта доктрина неправомерно утверждает, что международное и внутригосударственное право, «не имеющие между собой существенных различий, должны рассматриваться как проявления единой концепции права». И это не только проблема терминологии, поясняет Оппенгейм, согласно которой было бы неправильно давать одно и то же наименование «двум существенно различным системам норм, регулирующих одно и то же поведение». Главный довод этой доктрины в пользу идентичности «в основном обеих сфер права» состоит в том, что ряд коренных понятий международного права «не может быть понят без предположения о некоем высшем правовом порядке, из которого вытекают различные системы внутригосударственного права, в известном смысле путем делегирования. Пределы персональной и территориальной компетенции государств определяются международным правом» [6].

Рассматривая различные правовые системы в качестве элементов всеобъемлющей международной системы, при которой властные органы государства являются связанными международным правом в своих отношениях с частными лицами, делается вывод, что при этом вопрос о том, были ли

трансформированы нормы международного права во внутригосударственное право не играет определяющей роли. По мнению сторонников теории монизма, права и обязанности частных лиц порождаются непосредственно международным правом, что дает индивидам право напрямую ссылаться на нормы международного права (и, в частности, на нормы международных договоров) в национальных судах государств. При этом национальные судебные органы обязаны применять нормы международного права и, более того, исходить из верховенства этих норм над внутригосударственным правом.

Интересные явления наблюдаются в процессе выбора предмета регулирования. Здесь возникает, с одной стороны, эффект «юридической рокировки». Ввиду обострения всеобщего публичного интереса предметы регулирования внутреннего права подчас приобретают значение предметов международно-правовой регуляции. Национальные предметы трансформируются в международные в виде принципов, нормативных понятий и стандартов и возвращаются в сферы внутреннего права в иной юридической оболочке [7].

В Российской Федерации проблематика соотношения международного и национального права разрешена на конституционном уровне: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации), что, на наш взгляд, несколько ущемляет государство, как главный субъект обеспечения безопасности в вопросах правоприменения, а также ставит в зависимое положение от положений международного права (например, обжалование решений национальных судов в Европейском суде по правам человека).

Согласно главенствующей в современной международно-правовой теории точке зрения, международное право оставляет государствам право решать, каким образом им выполнять свои международные обязательства и имплементировать соответствующие международно-правовые нормы в рамках собственных правовых систем. При этом государства несут ответственность только за конечный результат соблюдения своих обязательств. Данное утверждение со всей справедливостью применимо и в отношении Европейской конвенции о правах человека. Как и в других регионах мира, в Европе существуют государства, придерживающиеся как теории дуализма, так и теории монизма [2]. Что же касается Российской Федерации, то наша отечественная правовая система, как уже было отмечено выше, построена на началах монизма, причем соответствующие принципы закреплены, в том числе, и в Конституции России.

На наш взгляд, усиление взаимодействия государств в сферах права, правоприменения, экономики, экологии, образования и других сферах, наглядно отражено в многочисленных международных правовых актах (например, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1984 года, Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года и т.п.), подобное взаимодействие, имеющее в основе принцип главенства международных норм права, несомненно, стирает границы национальные правовых систем, подобная правовая диффузия норм международного и национального права необратимо влияет на процесс эволюции национальных правовых систем, и, следовательно, приводит к управляемому развитию общества данных государств, что является прямым вмешательством во внутренние дела государства. Процессы, связанные с взаимообменом правовыми нормами, а, иногда, и их насаждением, не должны полностью нивелировать правовой суверенитет отдельного государства, создавая унифицированную систему права, единую для всех, без привязок к национальным отличиям и особенностям, более того, данные нормы должны быть предметом пристального изучения со стороны как научного сообщества, так и общества в целом с той целью, чтобы не допустить искусственного насаждения чуждых социальных регуляторов, способных, в конечном итоге, разрушить национальную правовую систему.

Библиографический список

1. Анцилотти Д. Курс международного права. Том первый «Введение – общая теория» / Д. Анцилотти. – М.: Издательство иностранной литературы, 2004. – 224 с.
2. Drzemczewski A.Z. European Human Rights Convention in Domestic Law; A Comparative Study / A.Z. Drzemczewski. – Oxford, 1983.
3. Kelsen H. Op. cit. P. 326, 328, 348. Revue de droit international et de legislation comparee. – 1939. – Vol. 20. – P. 339–408.
4. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – № 3.
5. Ллойд Деннис. Идея права. / пер. с англ. – М.: ЮГОН, 2002. – 462 с.
6. Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. Мир. – М., 1948. – С. 56.
7. Общая теория государства и права: академический курс. – М.: Зерцало, 2001. – 386 с.

*Т.К. Махрова, д.и.н., профессор кафедры теории государства
и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Предпринимательская активность на Южном Урале в XIX веке: правовые стимулы и правовые ограничения

В статье рассматривается проблема правового регулирования доступа к экономическим ресурсам для осуществления предпринимательской деятельности в условиях сословного общественного строя в Российской империи (рамки предметного изучения ограничены практикой хозяйствования и правоприменения Уральского региона).

Ключевые слова: хозяйственное право, предпринимательская деятельность, сословия.

Хозяйственно-правовой порядок в определенный исторический период для каждого государства имеет многофакторную природу. Государственный строй, общественный строй, ресурсный потенциал, правовые традиции преломляются в практике хозяйствования и правоприменения отдельного региона. Урал XIX века в этом отношении демонстрирует определенную специфику и уникальный исторический опыт. Рассмотрим его с точки зрения развития такого фактора производства как предпринимательство и возможностей для осуществления этой деятельности представителями основных сословий.

Сословный общественный строй с юридическим закреплением сословного правового статуса долго оставался труднопреодолимым средневековым тормозом развития предпринимательской активности. Такую роль играли, например, сословные монополии дворянства (землевладения, винокурения). Однако в XIX веке сословные рамки начинают разрушаться, чему способствует принятие актов, расширяющих доступ к экономическим ресурсам, основными из которых оставалась земля и ее недра. Так, недворянское право владения землей (*possessio*) признается указом Павла I от 11 августа 1797 г. [4]. В декабре 1801 г., с прекращением раздачи новых имений с крестьянами, разрешены сделки с землей (без крестьян) купцам, мещанам, государственным крестьянам [5], в 1803 г. – отпускаемым на волю помещичьим крестьянам [6], а по указу от 3 марта 1848 г. – крестьянам помещичьим и удельным на свое имя с согласия их владельцев [7]. Реформа, начатая в 1861 г., уравнивала в правах всех крестьян как единого сословия свободных обывателей, расширив, прежде всего, поле для формирования ресурсов наемного труда.

Стимулирующее значение этих правовых актов мы можем рассмотреть применительно к сословному составу населения региона. На Южном Урале владельческих крестьян, занятых в сельском хозяйстве, было немного, но значительной была доля приписанных к заводам, «крепостных мастеровых» в горных округах. Уже в правительстве Павла I звучало предостережение о том, что бессрочная приписка государственных крестьян (как повинность вместо уплаты оброчной и подушной подати на Урале и в Сибири) обеспечивает мануфактуры дешевой и постоянной рабочей силой, но не создает стимулов эффективности производства и подрывает развитие металлургии. Указом от 9 ноября 1800 г. была предпринята попытка превратить часть бывших приписных крестьян в «непременных работников» (около 17 тыс. человек), обязанных трудиться только на заводе (они вошли в категорию посессионных крестьян, которая будет ликвидирована в 1861-1863 гг.). По расчетам директора Берг-коллегии М. Соймонова, 50 непременных работников должны были заменить 1000 приписных. Приписку на казенных горных заводах отменили 15 марта 1807 г. (около 217 тыс. крестьян, в т.ч. Оренбургской губернии) [13, с. 12]. Часть государственных крестьян в первой половине XIX века в связи с переносом пограничной линии будет поставлена перед необходимостью перейти в казачье сословие или переселиться [1, с. 103].

Оренбургское казачество составляло значительную часть населения региона. По Положению от 12 декабря 1840 г. казачье войско получило «навечно» сплошную территорию в составе Оренбургской губернии (около 8 млн. дес. земли) [8]. Земельный фонд находился в общинном пользовании казачьих станиц. Хозяйство оренбургских казаков в первой половине XIX века оставалось в основном потребительским, учитывая особенности несения казаками военной службы в сочетании с ведением собственного хозяйства и самообеспечения материальной готовности к несению службы (для государства это был «дешевый» вариант содержания военной структуры).

Замкнутость казачьего сословия не способствовала развитию предпринимательства. Право поселиться на войсковой территории и владеть недвижимостью не относящиеся к сословию лица («иногородние») получают только по закону от 29 апреля 1868 г. – без права участвовать в паевом разделе земли [9]. Одновременно – по закону от 29 августа 1869 года – казакам предоставят право выхода из войскового сословия при условии полного комплекта строевых частей, отказа от земельного пая и выселения из казачьей станицы, но на практике для большинства отказ от земли означал потерю единственного источника существования при отсутствии первоначального капитала и необходимых навыков для развития своего дела [12, с. 27].

Лица невойскового сословия официально получили право торговать и устраивать промышленные заведения на войсковой территории в 1860-е годы, несколько раньше – в 1842 г. – были допущены к разработке золота,

но без права устройства торговых и иных «посторонних заведений». Недра, в отличие от поверхности земли, оставались в собственности казны, поэтому законом устанавливался сложный и часто конфликтный механизм ограничений (максимальные нормы земельных отводов, их структура, и др.) и перераспределения выгод от предпринимательской деятельности (фиксированная ежегодная выплата войску из казны за пользование недрами с 1835 г.; подесятичная плата золотопромышленников станичным обществам за поверхность занятой под прииски земли с 1847 г., а с 1870 г. – уже посаженная и государству, и др.) [10]. Вынуждены были платить войску и «иногородние» торговцы – 10% стоимости торгового свидетельства, громоздкий порядок оформления права на торговлю постоянно нарушался, и с 1870 г. сборы за право торговли на войсковой территории были заменены ежегодной выплатой войску 36 тыс. руб. из государственной казны [2, л. 7].

Стремление государства максимально освободиться от расходов на содержание казачьих войск выражалось и в попытках стимулировать предпринимательскую активность самих казаков – в развитии торговли и промыслов, повышении товарности хозяйства. В 1825 г. правительство разрешило «чинам войска производить в черте войсковых земель торговлю всякого рода товарами, устраивать кожевенные и другие заводы без взятия торгового свидетельства», в 1836-1837 гг. было создано «пятисотенного общества» торговых казаков, за ежегодно уплачиваемую в войсковой капитал сумму освобождавшихся от военной службы и станичных повинностей, зажиточные казаки нередко предпочитали таким способом откупиться от службы, но после 1870 г. официальные упоминания о таком обществе уже не встречаются [11, с. 60]. Не составляли казаки конкуренции и частным золотопромышленникам, известно лишь несколько примеров самостоятельной организации казаками золотых промыслов на войсковой территории: «владельцами таковых они бывают редко, – отмечал один из наблюдателей, – отчасти по недостатку капитала, а отчасти по недостатку умения и предприимчивости» [3, с. 42–43].

Определить с точностью статистические параметры развития предпринимательства в рамках данной статьи не представляется возможным, однако общая тенденция – для групп потенциальных участников рыночных отношений этого периода – вполне определима. Общая неразвитость ремесла, промыслов, путей сообщения на территории региона, сохранявшиеся сословные ограничения тормозили формирование рынка и предпринимательскую активность. Процесс расширения сферы свободы предпринимательской деятельности путем законодательного регулирования был длительным и противоречивым, а о результативности такого государственного воздействия, стремящегося придать хозяйственной деятельности предпринимательский характер, можно говорить применительно лишь к концу XIX

века, когда снятие сословных ограничений будет сопровождаться организацией при поддержке государственных, войсковых структур кредитования и кооперации.

Библиографический список

1. Абрамовский А.П. Оренбургское казачье войско в трех веках / А.П. Абрамовский, В.С. Кобзов. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. – 450 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.37. Оп.3. Д.106.
3. Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за сто лет, правовое отношение к ней Оренбургского казачьего войска и современное положение золотопромышленности вообще / В.К. Павловский. – Екатеринбург, 1905. – 100 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр-е 1-е. Т. XXIV. № 18087.
5. ПСЗ РИ. Собр-е 1-е. Т. XXIV. № 20075.
6. ПСЗ РИ. Собр-е 1-е. Т. XXVII. № 20620.
7. ПСЗ РИ. Собр-е 2-е. Т. XXIII. № 22042.
8. ПСЗ РИ. Собр-е 2-е. Т. XV. Ч. I. № 14041.
9. ПСЗ РИ. Собр-е 2-е. Т. XLIII. Ч. III. № 45785.
10. ПСЗ РИ. Собр-е 2-е. Т. X. Ч. I. № 8045; Т. XLIII. Ч. III. № 48399.
11. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты / Ф.М. Стариков. – Оренбург, 1891. – 249 с.
12. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. – СПб., 1907. – 717 с.
13. Хадсон Х.Д. Пролетарии по указу: история приписных крестьян Урала (1630-1861) / Х.Д. Хадсон, Б. Дж. Дехарт, Д.М. Гриффитс; перевод И.В. Кучумовой. – Режим доступа: http://orenkraeved.ru/images/biblioteka/istoriya_urala_stati/proletarii_po_ukazu.pdf (дата обращения 12.03.2022)

**К вопросу о правовом регулировании торговых отношений
в период феодальной раздробленности на Руси (на примере
«Псковской Судной Грамоты»)**

Автором статьи рассмотрены положения (нормы) Псковской Судной Грамоты, регулирующие торговые и ремесленные отношения. Проанализированы правовые нормы, имеющие историческое значение для создания и развития правовой системы, регулирующей экономические отношения на Руси в период феодальной раздробленности.

Ключевые слова: договор, договорные отношения, закон, суд, судебный пристав, поручитель, поручительство, представитель, ответчик, свидетель (послух), процесс, участник процесса, пошлина.

Правовое регулирование торговых отношений, основанных на рыночных принципах функционирования, формировалось на протяжении многих столетий под воздействием различных политических и геополитических факторов. Не безынтересным представляется один из ярких примеров расцвета товарно-денежных отношений в период XII-XV вв., городов-государств – таких как Новгород и Псков, расположенных на северо-западе Руси.

Псков и Новгород были участниками Ганзейского союза, объединяющего в те времена города-государства, расположенные на побережье Балтийского моря. Ганзейский союз представлял собой прежде всего торгово-экономический, политический и военный союз, основанный на добровольных и взаимовыгодных началах. Регулирование торговых отношений внутри союза, было основано не только на правовых обычаях, заложенных в пространственной редакции «Русской правды», но и на договорных отношениях, достигнутых между субъектами Ганзейского союза.

Выгодное географическое расположение Пскова на торговых путях, ведущих к Балтийскому морю и далее в Европу, способствовало его быстрому экономическому и демографическому росту.

В 1348 г. по Болотовскому договору, Новгородской республикой была окончательно признана независимость и самостоятельность Пскова. Отделение Пскова от Новгорода, возросший товарооборот и экономические связи явились предпосылками, послужившими в свою очередь для разработки законодательной базы, способствующей дальнейшему развитию и укреплению государственности Псковской республики.

Результатом объединения существовавших на тот момент договорных отношений, торговых традиций и обычаев, практики разрешения споров, в один свод законов явилась «Псковская Судная Грамота».

По сей день, нет единого мнения о точной дате выходе в свет «Псковской Судной Грамоты». Обусловлено это следующим: заголовок «Воронцовского списка» датирован 1397 г., однако большинство исследователей считает, что это не более, как ошибка, свершенная переписчиком и что грамота в окончательном виде, была обнародована и принята на вече в 1467 г.

Тем не менее, историческое значение Псковской ссудной грамоты для дальнейшего развития русского права, и формирования всей системы товарно-денежных отношений Русского государства очевидно и, бесспорно.

По своей сути, Псковская Судная Грамота представляет собой свод законов, затрагивающих социально-политическую и экономическую сферы деятельности, посредством регулирования гражданско-правовых отношений. Значительная часть статей Псковской ссудной грамоты посвящена земельным, наследственным, гражданско-правовым и торгово-ремесленным отношениям.

Впервые в истории права, благодаря Псковской Судной Грамоте вводятся способы обеспечения исполнения обязательств – «залог» и «заклад». При этом, важным является четкое разграничение этих двух понятий: так под «залогом» понимается денежное обязательство, исполнение которого обеспечивается недвижимым имуществом, а под «закладом» - исполнение обязательства обеспечивается движимым имуществом (ст. 28–33). При этом, документального подтверждения предъявленного иска не требовалось на сумму до 1 рубля, всё что свыше указанной суммы, должно было быть подтверждено записями, зарегистрированными в особом порядке – на «закладных досках».

В совокупности со способами обеспечения исполнения обязательств устанавливается система поручительства. Включающая в себя понятийный аппарат, определяющий специфику поручительства, и права и обязанностей поручителей (ст.32, 33). Это в свою очередь свидетельствует о создании и введении норм, регулирующих отношения в сфере займов, выполнения работ, поставок товаров и т.п, посредством обеспечения исполнения обязательств поручителями. Заложенные нормы и по сей день являются фундаментальными при заключении договоров в различных отраслях деятельности.

С целью обеспечения исполнения судебных решений, впервые в истории, вводится и закрепляется законодательно новое должностное лицо –судебный пристав (ст. 64, 65, 66, 67, 81). Обозначаются границы их полномочий и зоны ответственности. Судебные приставы, помимо обеспечения порядка в судебном заседании и в ходе «судебного поединка» осуществляют приводы ответчиков, производство обысков, вызов свидетелей, реализацию имущества. Таким образом обозначаются основные вехи исполнительного производства, затрагивающие все сферы гражданско-правовых отношений.

Правовыми нормами Псковской Судной Грамоты вводятся и новые участники процесса: свидетель (послух), необходимый для подтверждения

или опровержения совершения того или иного преступления и/или участия в нем обвиняемого (ст. 20), и представитель того или иного участника процесса (ст. 36). Сей факт, в свою очередь свидетельствует о зарождении основ состязательности и презумпции невиновности – являющихся основополагающими принципами осуществления правосудия.

Псковская Судная Грамота регламентирует порядок предъявления торговых исков и заявления встречных торговых исков, порядок изменения исковых требований, перечень доказательств по делу, порядок явки в судебное заседание, компенсацию понесенных судебных расходов (ст. 12, 37, 49), а также устанавливает размеры уплаты различных пошлин за рассмотрение дел, написания повесток и т.п (ст. 50, 83).

Значение Псковской Судной Грамоты, как исторического памятника права значительно. Подтверждение роли ПСГ в истории становления права и правовой культуры Руси, её влияния на формирование и развитие в дальнейшем системы права Московского и современного государства, мы можем найти в различных исследованиях, посвящённых изучению ПСГ, ведущих советских и российских ученых.

Ю.Г. Алексеев в своей монограмме «Псковская судная грамота и её время» в ведении подчеркивает следующее: «Псковская Судная Грамота – крупнейший кодекс феодального права эпохи раздробленности Руси...» [2, с. 4]

Так, академик Б. Д. Греков в своей работе «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» указывал, что Псковская Судная Грамота «... самый крупный и содержательный источник по истории общественных отношений в Пскове...» [3, с. 476].

И.Г Мартысевич в своей книге «Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование» придерживается точки зрения, что «Судная Грамота выражала в более развитом виде то русское феодальное право, которое первоначально было зафиксировано в Русской правде эпохи Киевской Руси» [4, с. 37].

С вышеприведёнными мнениями сложно не согласится, прежде всего по тому, что Псковская Судная Грамота имела место быть, в период феодальной раздробленности Руси, и, действительно регулировала общественные отношения, возникающие между феодалами, зависимыми крестьянами, мирскими людьми и государством в целом. ПСГ более подробно детализирует нормы, заложенные в «Русской правде» расширяя и дополняя их. Помимо этого, ПСГ регулирует отношения в экономической сфере. Устанавливает обязательные требования к письменному оформлению сделок («запись» – документ оформленный в соответствии с установленный порядок в письменном виде и переданный на хранение в архив Троицкого собора (ст. 32 и 38); «доска» – по своей форме представляет документ оформленный в свободной, простой письменной форме (ст. 30)), предусматривает уплату процентов по займам, ссудам, не своевременному исполнению долговых и

договорных обязательств. Тем самым утверждает перечень жестких требований и ограничений в сфере товарооборота, выполнения работ и услуг.

Конечно будет не справедливым, не обратить внимание на некоторые пробелы законодательства ПСГ, такие как:

- установление и определение порядка обжалования вынесенных судебных решений,

- отсутствие норм, определяющих механизм исполнения судебных решений включающий в себя сроки и процессуальный порядок наложения взысканий и привлечения к ответственности,

- не предусмотрена возможность наличия категорий смягчающих и отягчающих обстоятельств по делу (совершенному преступлению).

- в правовых нормах, относящихся к займам и поручительству, отсутствует норма, регулирующая право переуступки требования.

- не определены сроки исковой давности - по договорным обязательствам экономической направленности, совершенным в письменной форме, по преступлениям затрагивающим имущественные отношения и преступления против личности.

- в сфере регулирования торговых отношений не предусмотрены обстоятельства непреодолимой силы и форс-мажор.

И это далеко не исчерпывающий перечень отсутствия правовых норм в ПСГ, создающий существенные пробелы в законодательстве и требующие дальнейшей проработки со стороны административно-управленческого аппарата. Но, несмотря на это, именно Псковской Судной Грамотой были заложены основы, регулирующие главные принципы торгового оборота, договорных взаимоотношений, на много веков вперед, вплоть до современного времени.

Библиографический список

1. «Псковская Судная Грамота» / перевод Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева. Исторические записки, Т. VI. – М., 1940.

2. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная Грамота и её время. Развитие феодалных отношений XIV–XV вв. / Ю.Г. Алексеев. – Л.: Из-во Академия наук ССР, 1980.

3. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б.Д. Греков. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946.

4. Мартысевич И.Г. Псковская Судная Грамота. Историко-юридическое исследование / И.Г. Мартысевич. – М., 1951.

5. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. / Исаев И.А. – М., 2003.

6. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник / Марченко М.Н. – М.: Проспект, 2016.

Экономический фактор в теоретико-правовом познании государства и права

В статье рассматривается роль экономического фактора в теоретико-правовом познании государства и права, а именно, в исследовании процессов происхождения государства и права, трактовки сущности и функций государства и права, в анализе структуры государственного аппарата, в типологии государства и права, в изучении системы и структуры права и законодательства. Автором делается вывод о нарастающей роли экономического фактора в исследовании государств современного типа, особенно в свете мировых экономических процессов.

Ключевые слова: экономический фактор в юриспруденции, государство и экономика, экономическая функция государства, типология государства.

Вопрос об исследовании экономического фактора в теоретико-правовом познании государства и права в юриспруденции не является новым. Великие умы человечества трудились над этой темой еще в 19 веке. Так сторонники материалистической концепции (К. Маркс и Ф. Энгельс) обосновали принцип обусловленности государства и права экономическими отношениями в обществе. Долгое время отечественная юридическая наука базировалась на данном методологическом подходе и достигла серьезных научных результатов, которые легли в основу современной теории государства и права. Наступивший на рубеже 1990-х годов методологический плюрализм в юриспруденции не стал основанием для отказа от передовых идей материализма. Более того, ряд современных ученых-теоретиков продолжает развивать материалистическое направление в юридической науке [см., напр., 4]. Небольшой экскурс в современную теорию государства и права позволяет нам увидеть следующие основные моменты, характеризующие роль экономического фактора в познании государства и права.

1. Серьезное значение экономическому фактору придается в исследовании процесса происхождения государства и права. Известно, что основным событием, послужившим толчком к становлению государственно-правовых институтов, стала неолитическая революция, а именно, переход от присваивающей экономики к производящей, и те социально-экономические последствия в обществе, которые в дальнейшем привели к трансформации органов государственного управления. Так, профессор Т.В. Кашанина дока-

зывает, что государство представляет собой результат возникновения специализации в производственной сфере (экономической специализации) и в сфере управления (политической специализации) [2, с. 97].

2. В современных учебниках по теории государства и права можно встретить два основных подхода к трактовке сущности государства – классовый подход и общесоциальный. Вообще под сущность государства и права принято понимать их основную, глубинную черту, которая характеризует их назначение обществе и которая проявляется в их функциях. Но профессор Н.А. Власенко дополнительно указывает, что определить сущность государства, означает установить, в чьих руках находится государственная власть, чьим интересам она служит, чью волю выполняет [1, с. 33]. И мы вновь наблюдаем применение экономического фактора в выяснении вопроса о сущности государства и права. Согласно классовому подходу, право есть возведенная в закон воля господствующего класса, а государство представляет собой машину для подавления одного класса другим, орудие диктатуры экономически господствующего класса в обществе. Выделяя общесоциальное и классовое в содержании и сущности государства, современные ученые практически всегда сводят их характеристики к экономическому фактору. Так, общесоциальная сторона в деятельности государства проявляется через так называемую «функцию общих дел», в выполнении которой заинтересованы все члены общества. К таковым, в частности, относятся решение макро и микроэкономических задач, а также социальная, экологическая и другие функции, которые в связи с высокими темпами развития научно-технического прогресса, ростом народонаселения, негативным воздействием человека на окружающую природную среду, ростом промышленности, развитием информационных технологий, увеличением бюджетных расходов, увеличением налоговой нагрузки и иных экономических факторов, также приобретают особую актуальность.

3. Функции государства представляют собой основные направления деятельности государства внутри страны и на международной арене, в которых проявляется сущность и социальное назначение государств в жизни общества. В связи с этим функции государства принято делить на внутренние и внешние. И здесь одной из важнейших функций государства является внутренняя экономическая функция и внешняя функция экономического сотрудничества на международном рынке. Очевидно, что такое деление является весьма условным, поскольку отделить внутреннюю экономическую функцию от внешней практически невозможно, так как они представляют собой единые, взаимосвязанные и взаимозависимые направления деятельности государства, и современная мировая экономика нам это весьма наглядно демонстрирует.

4. Типология государства и права в юридической науке также осуществляется с применением экономического фактора. Необходимо заметить, что базовое значение в современных учебниках по теории государства

и права имеет именно формационный подход, согласно которому в основе выделения типов государства и права лежит общественно-экономическая формация как господствующий в обществе способ экономического производства. Так выделяют рабовладельческое, феодальное, буржуазное и социалистическое государство и право, характеризуют их сущность и функции, исходя из материалистической концепции обусловленности государства и права экономическими отношениями в обществе.

5. Структура государственного аппарата и его тесная связь с функциями государства также демонстрирует нам значительную роль экономического фактора в специализации деятельности государственных органов. Значительная часть полномочий государственных органов сегодня – это полномочия по государственному управлению в отдельных сферах экономики. Здесь мы можем наблюдать Федеральное Собрание РФ, правомочное принимать законы во всех сферах экономики, Президента РФ, уполномоченного определять основные направления внутренней и внешней политики, Правительство РФ, которое разрабатывает и обеспечивает исполнение федерального бюджета, проводит единую финансовую, кредитную и денежную политику, управляет федеральной собственностью, содействует развитию предпринимательства и т.д. Кроме того, в РФ функционирует целая система органов исполнительной власти, специализирующихся на государственном управлении в отдельных сферах экономики. Для разрешения экономических споров созданы специализированные суды – арбитражные.

6. Несколько слов хочется также сказать о системе права и системе законодательства. Под системой права принято понимать внутренне строение (структуру) права, отражающее единство и дифференциацию норм права на отрасли и институты права в соответствии со спецификой регулируемых ими общественных отношений (предмет правового регулирования) и способов регулирующего воздействия (метод правового регулирования). И здесь, на наш взгляд, также не последнее место занимает экономический фактор. Так, в конституционном праве определяются экономические основы конституционного строя. Базовой отраслью права, нормы которой регулируют экономические отношения в обществе, является гражданское право, а его основной источник – Гражданский кодекс – называют экономической конституцией страны. Важнейший элемент экономики – трудовые отношения – обособили отрасль трудового права. Необходимость упорядочения экономических отношений в области финансов стала основанием возникновения отрасли финансового права и его подотраслей – банковского, валютного, налогового, страхового и бюджетного. В уголовном праве существует самостоятельный институт преступлений в сфере экономики. В административном праве в рамках управленческой деятельности в экономике установлена ответственность за правонарушения в промышленности, на транспорте, в области предпринимательской деятельности, в области финансов и т.д.

Перечисленное – этот далеко не все моменты, в которых познание государственно-правовых явлений осуществляется через призму экономического фактора. И в будущем, как представляется, его значение будет только увеличиваться. Думается, что сегодня человечество стоит на пороге становления нового типа государства, функционирующего в условиях так называемой «экономической войны». Это тип государства, которому характерны такие явления, как экономические санкции и экономическая блокада, подрыв базового принципа свободы экономики и свободы предпринимательства, нарушение права собственности, авторских и патентных прав, отказ от исполнения гражданских обязательств по политическим причинам, нарушение общемировых стандартов международного права, информационная война, нарушение прав и свобод граждан и многое другое. Сегодня мы наблюдаем процесс деформации внешних функций государства. И если в начале 90-х годов для России актуальными были функция интеграции в мировую экономику, функция внешнеэкономического партнерства и государственной поддержки иностранных инвестиций [см., напр., 3, с. 144], то сегодня содержание этой функции изменилось коренным образом. Какие функции у современного государства нового типа, какова их сущность, каково содержание и социальное назначение такого государства? На эти вопросы юридической науке еще предстоит ответить.

Думается, что мировые экономические процессы, протекающие сегодня, являются актуальными направлениями исследования. Они требуют пристального научного познания с опорой на базовые юридические конструкции демократического правового государства, гражданского общества, ценности прав и свобод человека, а также гуманизма и справедливости.

Библиографический список

1. Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения / Н.А. Власенко. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 424 с.
2. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: учебное пособие / Т.В. Кашанина. – М.: Юристъ, 1999. – 335 с.
3. Морозова Л.А. Избранные статьи / Л.А. Морозова. – М.: РГУП, 2018. – 396 с.
4. Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное / В.М. Сырых. – М.: 2011. – 1260 с.

Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в эпоху цифровой трансформации

Анализируются изменения, происходящие в связи с цифровизацией мировой экономики и обуславливающие необходимость адаптации правовой системы. Предлагаются пути совершенствования экономического законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровая трансформация, право ЕАЭС, международное экономическое право, совершенствование экономического законодательства

В настоящий момент осуществляется переход мировой экономики в качественно новое состояние, обусловленное четвёртой промышленной революцией – развитием ИТ-технологий и 3D-печати. Расширение применения робототехники, искусственного интеллекта и аддитивных технологий могут кардинально снизить издержки производства в большинстве отраслей [1]. В ближайшей перспективе вследствие роботизации сборки сборочные операции крупных промышленных предприятий будут переноситься из регионов с дешевой рабочей силой обратно в страну происхождения или в страну конечного спроса. Такая ситуация вызовет глубочайший сдвиг в системе международных экономических отношений, который подорвёт прежнюю форму глобализации и, следовательно, основанные на ней преимущества для экономик целого ряда стран. Цепочки производства уменьшатся по протяженности и по числу задействованных производственных узлов. Соответственно, объемы глобальной торговли сократятся, поскольку в едином производственном процессе будет участвовать все меньше предприятий и стран.

Рост экономики в таких условиях уже не будет определяться глобальной торговлей. Развивающимся странам потребуются структурные реформы, направленными на стимулирование внутреннего спроса, а не экспорта, а также на расширение производственной базы. В развитых странах экономический рост будет связан, прежде всего, с повышением производительности за счет новых технологий и других инноваций.

По мере того, как растёт зависимость общества и экономики от цифровых технологий, юристы должны прилагать огромные усилия к разработке регулирующих правовых норм и в целом правил поведения для всех заинтересованных сторон. Для этого необходим многосторонний международный диалог по цифровой безопасности и развитию, а также по укреплению доверия и производственно-технических связей.

Как отмечают авторы Доклада о глобальных рисках – 2022, подготовленного к Всемирному экономическому форуму, по мере того как общество перемещается в цифровой мир, неуклонно растут угрозы, связанные с киберпреступностью и посягательства на критическую инфраструктуру [2]. Серьёзным испытаниям подвергаются социальная сплочённость общества и его психическое благополучие. Стремительно возрастающая зависимость от компьютерных систем изменила функционирование многих обществ. Удалённая работа, цифровизация физических цепочек поставок создаёт новые уязвимости, поскольку всё это может стать объектом кибератак [2, р. 47]. Инструменты кибер-вторжения прямо продаются на чёрных рынках, что в значительной мере облегчается платежами в криптовалютах. Все эти проблемы усложняются отсутствием международно-правового регулирования и «лоскутным» характером действующих норм, крайне затрудняющим сотрудничество в борьбе с такого рода посягательствами.

Цифровая технологическая революция оказывает непосредственное влияние как на внутригосударственное, так и на международное и право. В ближайшие 5–10 лет, по всей вероятности, произойдут кардинальные изменения в правовом регулировании международных экономических отношений. Как уже отмечалось, цифровизация «приближает» субъектов экономических отношений, сокращая производственные цепочки и время, затрачиваемое на производственные циклы. Мировая экономика трансформируется в направлении регионализации, поскольку отпадает необходимость распределять стадии производства по отдалённым регионам планеты. Тем не менее, регионализация не отменяет и не снижает роли общих норм ВТО, регулирующих мировую торговлю. Соглашения ВТО остаются безальтернативным универсальным регулятором на среднесрочную перспективу.

В то же время значительно возрастает роль региональных и субрегиональных торговых соглашений [3]. Республика Беларусь состоит в нескольких таких соглашениях, однако наиболее актуальным является развитие и совершенствование права ЕАЭС.

Вместе с тем, анализ общих положений Договора показывает, что право ЕАЭС фактически не интегрировано с национальными правовыми системами государств-участников и функционирует как бы в «резервации», замыкающейся на Суд ЕАЭС и Высший Евразийский экономический совет. Это обстоятельство находит своё выражение в статьях 6 и 12 Договора о ЕАЭС, а также в нормах Статута Суда ЕАЭС, определяющих его статус, компетенцию и акты Суда, из которых следует, что все вопросы применения норм права ЕАЭС находятся в исключительной компетенции Суда, а национальные суды государств-участников фактически не задействованы в этом процессе. Конечной инстанцией реализации актов Суда является Высший Евразийский экономический совет.

Такая конфигурация интеграционной правовой системы, как представляется, не отвечает потребностям систематического, каждодневного,

правового регулирования экономических отношений. Необходимо региональное право, встроенное в обычный правопорядок: возможность обращения заинтересованного субъекта в суд по месту нахождения ответчика; рутинная, а не эксклюзивная, система судопроизводства; общий порядок исполнения судебного решения и т.д. Действующий Договор таких возможностей субъектам хозяйствования не предоставляет. Следовательно, без реформы общих положений Договора совершенствование отдельных норм права ЕАЭС заметного эффекта иметь не будет.

Таким образом, ключевыми мерами на данном этапе являются завершение процесса вступления Беларуси в ВТО и реформа общих положений Договора о ЕАЭС, направленная на имплементацию его норм в национальные правовые системы государств-участников.

На внутригосударственном уровне цифровизация экономических отношений потребует коррекции отраслевого законодательства – гражданского, банковского, инвестиционного, процессуального и т.д. Как представляется, предстоит системная реформа экономического законодательства, которая должна начинаться с Гражданского кодекса: общие положения о собственности и её правовой защите, об объектах прав, о лицах, об обязательствах, договорное право и т.д., в которые должны быть встроены, в том числе, и новые цифровые реалии. Для разработки общей концепции реформы ГК можно создать творческий научный коллектив либо объявить конкурс на лучший проект Гражданского кодекса, что позволило бы добиться концептуального единства каждого представленного проекта и обсуждения их на конкурентной основе. Вопрос реформирования экономического законодательства в условиях цифровизации, как представляется, должен найти отражение в программных документах, таких как Национальная стратегия устойчивого развития, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь, Стратегия «Наука и технологии».

Цифровая трансформация открывает новый этап развития международных экономических отношений. Как фундаментальный тренд развития экономического базиса она оказывает непосредственное воздействие на всю систему общественных отношений. Остаться в стороне от этого процесса невозможно, он объективно обуславливает глубокие и всесторонние изменения экономико-социальной модели как на мировом, так и на внутригосударственном уровнях. Данный процесс требует адекватного развития правовой системы, которое неизбежно произойдёт в ближайшей перспективе. Такие изменения лучше осуществлять уже сейчас – планомерно, с необходимым научным обеспечением и широкой общественной дискуссией. Правовые проблемы, связанные со становлением нового уклада экономики, не решены пока в мировой юридической науке. Вместе с тем, уже сейчас может быть принят ряд мер, направленных на повышение устойчивости национальной экономики к новым вызовам и угрозам. В их числе – включение

Республики Беларусь в глобальную торговую систему посредством членства во Всемирной торговой организации; имплементация норм права Евразийского экономического союза в национальное право стран-участниц через изменение общих положений Договора о ЕАЭС; приведение внутреннего законодательства Республики Беларусь в соответствие новым экономическим реалиям, и для начала – разработка общей концепции совершенствования гражданского и другого экономического законодательства.

Библиографический список

1. The Rise of Manufacturing Marks the Fall of Globalization // Geopolitical Weekly. – June 7, 2016. – P. 39–47.
2. The Global Risks Report 2022 // World Economic Forum [Electronic resource]. – Mode of access: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2022.pdf. Date of access: 03.03.2022.
3. Regional Trade Agreements: Database // WTO [Electronic resource]. – Mode of access: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>. – Date of access: 03.03.2022.

УДК 347.261

*Т.З. Шалаева, к.ю.н., доцент БрГУ им. А.С. Пушкина
г. Брест, Беларусь*

Теоретико-правовые основы разграничения понятий «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность»: опыт Республики Беларусь

В статье рассматриваются теоретические подходы к разграничению понятий «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность» с выделением ремесленной деятельности

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, предпринимательская деятельность, коммерческая деятельность, хозяйственное право, предпринимательское право, гражданское право.

Под предпринимательской деятельностью в соответствии с п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются

для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Началом развития белорусского предпринимательства, как и всех республик бывшего СССР, являлось снятие монополии государства на все виды коммерческой деятельности. С распадом Советского Союза и построением Республикой Беларусь собственной экономической системы нашей стране пришлось создавать и собственную законодательную базу в сфере предпринимательских отношений. Новый, концептуальный для белорусского законодательства подход к предпринимательству заключался, прежде всего, в трактовке прав предпринимателей как разновидности прав граждан [1, с. 28]. Так, согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь, государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Конституционное закрепление прав граждан Республики Беларусь на занятие предпринимательской деятельностью ознаменовало, что конституционный статус предпринимателей независимо от того, государственное это предпринимательство или частное, поддерживается и защищается государством [1, с. 29].

В юридической литературе проводится разграничение понятий «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность» и «коммерческая деятельность».

Все указанные понятия встречаются довольно часто, иногда используются как синонимы. При этом в нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует легальное понятие «хозяйственной» и «коммерческой» деятельности. Однако в них есть общие черты и отличительные особенности [2, с. 6].

Белорусский ученый Тихиня В.Г. дает следующее определение хозяйственной деятельности – «это деятельность, связанная с производством и реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг, а также с обеспечением их производителей необходимыми ресурсами» [2, с. 6].

С точки зрения отечественных правоведов Маньковского И.А. и Вабищевич С.С., «хозяйственная деятельность – это активная самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в соответствии с законодательством, направленная на производство и реализацию товаров, работ и услуг с целью систематического получения прибыли (предпринимательская деятельность) или для собственного потребления (хозяйственная деятельность, не связанная с предпринимательской), а также на реализацию произведенных или приобретенных товаров с целью систематического получения прибыли (коммерческая деятельность)» [3, с. 8].

Представляется более убедительной позиция данных ученых относительно понятия хозяйственной деятельности. Они считают, что хозяйственная деятельность – более широкое понятие и должно включать в себя:

1) предпринимательскую деятельность, которая подразделяется на коммерческую и деятельность, связанную с выполнением работ и оказанием услуг;

2) деятельность, связанную с собственным потреблением [2, с. 7].

Большой толковый словарь русского языка дает понятие «коммерции» как торговой операции, а «коммерсанта» – как лица, занимающегося торговлей. Следовательно, под коммерческой деятельностью следует понимать разновидность предпринимательской деятельности в области купли и продажи товаров, сырья, материалов, готовой продукции, а также последующую их продажу с целью получения прибыли по договору купли-продажи, розничной купли-продажи, поставки, контрактации, энергоснабжения и т.д. Следовательно, коммерческая деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности, а сама предпринимательская деятельность является одной из составляющих хозяйственной деятельности. Хозяйственная деятельность, осуществляемая с целью получения прибыли называется предпринимательской деятельностью, а субъекты предпринимательства – предпринимателями.

Однако для некоторых видов деятельности, подпадающих под признаки предпринимательской, белорусский законодатель делает исключение. Так, в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержится перечень видов деятельности, которые не относятся к предпринимательской, например: деятельность в сфере агроэкотуризма, адвокатская деятельность, нотариальная деятельность нотариусов, оказание услуг по выращиванию сельскохозяйственной продукции; предоставление услуг по дроблению зерна, репетиторство, чистка и уборка жилых помещений и т.д.

Не относится к предпринимательской деятельности и ремесленная деятельность, под которой понимается не являющаяся предпринимательской деятельность физических лиц по изготовлению и реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг с применением ручного труда и инструмента, осуществляемая самостоятельно, без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, если иное не предусмотрено данным Указом, и направленная на удовлетворение бытовых потребностей граждан, что установлено в пп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 09.10.2017 г. № 364 «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности» (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 31.10.2019 № 411). Таким образом, ремесленная деятельность по своей природе хоть и обладает отдельными признаками предпринимательской деятельности, однако, по сути, направлена на иную цель, а именно – удовлетворение бытовых потребностей граждан.

Однако и хозяйственная деятельность может осуществляться без цели получения прибыли (некоммерческая хозяйственная деятельность) – это деятельность некоммерческих юридических лиц, направленная на создание и

поддержание необходимых материально-технических условий их функционирования (например, деятельность социально-культурных, религиозных, общественных организаций).

Разграничивая термины «хозяйственная деятельность», «предпринимательская деятельность» и «коммерческая деятельность», следует иметь в виду, что:

– предпринимательская деятельность есть всегда деятельность, направленная исключительно на систематическое получение прибыли;

– хозяйственная деятельность есть деятельность, как направленная, так и не направленная на получение прибыли (результаты деятельности используются для собственного потребления) или осуществляемая с таковой целью, но при условии, что ее содержание составляют единичные, не носящие систематического характера гражданско-правовые сделки (договоры);

– коммерческая деятельность представляет собой разновидность предпринимательской деятельности и направлена исключительно на куплю-продажу товаров. Сама же предпринимательская деятельность более широкое понятие, которое включает в себя не только коммерческую деятельность, но и деятельность, направленную на выполнение работ, оказание услуг с целью получения прибыли;

– предпринимательская деятельность является составной частью хозяйственной деятельностью, которая регулирует также отношения, не связанные с извлечением прибыли, а также организационные отношения.

Таким образом, рассматриваемые виды деятельности можно расположить от общего к частному следующим образом: хозяйственная деятельность – предпринимательская деятельность – коммерческая деятельность. Так как данные виды деятельности отличаются, соответственно будет отличаться и круг субъектов, наделенных в силу законодательства правом осуществлять тот или иной вид деятельности.

Библиографический список

1. Хозяйственное право: учеб. пособие / под ред. Т.А. Сигаевой. – Минск: БГЭУ, 2011. – 508 с.

2. Договор в хозяйственном праве: курс лекций / Т.Д. Трамбачева, С.П. Чечкова. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2013. – 84 с.

3. Вабищевич С.С. Коммерческая деятельность: Основы правового регулирования: практ. пособие / С.С. Вабищевич, И.А. Маньковский. – Минск: Молодежное, 2003. – 344 с

СЕКЦИЯ «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

УДК 342.9

*М.Ю. Буртовой, к.ю.н., доцент кафедры конституционного
и административного права ЮУрГУ
Челябинск, Россия*

Конституционные основы регулирования инновационной, высокотехнологичной экономики

Аннотация: В статье рассматриваются конституционные основы экономической системы. Формулируются возможные направления совершенствования конституционного регулирования экономической модели, ориентированной на инновационный, высокотехнологичный сценарий развития.

Ключевые слова: конституционные основы, конституция, экономическая деятельность, экономика, инновационная деятельность, инновационная экономика, высокотехнологичная экономика.

Влияние конституций на состояние развития различных сфер общественных отношений существенно. Положения конституции, регулирующие базовые общественные отношения, могут ускорить или замедлить их развитие. Исторический опыт демонстрирует, что вопросы конституционного развития, как правило, актуализируются в переломные для общества и государства периоды времени. Именно в конституции устанавливаются нормы-идеалы, цели, принципы, институты к достижению которых стремится государство и общество.

Вопросы конституционного регулирования экономической сферы привлекали внимания многих ученых. Ряд исследователей анализировали вопросы взаимовлияния конституции и экономики в контексте экономической конституции [1], конституционной экономики [2], рассматривали дискуссионные вопросы данных концепций.

Для экономической сферы конституционное регулирование является важнейшим инструментом формирования и развития той экономической модели, которая устанавливается в конституции. Несмотря на разнообразие конституционно-правовых отношений, нормы, посвященные инновационной деятельности, инновационной экономики, развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей и напрямую регулирующие данные вопросы в Конституции Российской Федерации не предусмотрены. Одновременно с этим, в Конституции Российской Федерации содержатся положения, способные повлиять на развитие обозначенных элементов экономической

сферы. Среди них можно выделить нормы, регулирующие: принципы экономического публичного порядка; политико-идеологические предпосылки; общественные отношения в сфере науки; интеллектуальную собственность.

При анализе конституционных основ инновационной деятельности, инновационной экономики, развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей, являющиеся сложными экономическими явлениями, целесообразным является рассмотрение положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих основы конституционного регулирования экономики государства. Именно основы конституционного регулирования экономики формируют соответствующую экономическую систему. В ситуации, когда конституция государства не провозглашает соответствующий тип экономики, рассмотрение основ конституционного регулирования экономики становится предпосылкой для разрешения многих социально-экономических проблем, в том числе проблемы построения конкурентоспособной высокотехнологичной, наукоемкой, инновационной экономики.

В статье 8 Конституции Российской Федерации¹ устанавливается: единство экономического пространства; свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; поддержка конкуренции; свобода экономической деятельности; признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных формы собственности. Конституция Российской Федерации прямо не закрепляет какой-либо тип экономики, вместе с тем, ее содержание с одной стороны ориентировано на развития рыночной экономической деятельности, с другой стороны не исключает системы экономики с признаками различных видов экономических систем.

Важное значение в вопросе экономических основ инновационной деятельности имеют конституционные экономические права личности. В статье 34 Конституции России находят свое закрепление положения, закрепляющие, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Там же предусмотрены положения, устанавливающие, что не допускается экономическая деятельность направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Единство экономического пространства, подразумевает общность правового регулирования экономики на всей территории государства. Особое значение данное положение получает в федеративном государстве, где существует потенциальный риск коллизии федерального и регионального законодательства, означающего возникновению правовых проблем, сдерживающих экономическую деятельность. Поэтому отражение данного

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. – № 237.

принципа можно найти в пунктах «е», «ж», «з» статьи 71 Конституции Российской Федерации, где установлено, что в ведении Российской Федерации находятся: установление основ федеральной политики и федеральные программы в области экономического развития Российской Федерации; установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки; федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития.

Необходимо отметить, что данные положения не исключают, регулирование экономики субъектами Российской Федерации или органами местного самоуправления.

В тексте Конституции Российской Федерации норма о свободе перемещения товаров, услуг и финансовых средств повторяется дважды (в статье 8 и части 1 статьи 74), тем самым подчеркивается особое значение данного положения для экономики государства. В части 1 статьи 74 Конституции Российской Федерации, говорится о том, что на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

Основой инновационной экономики является конкуренция, являющаяся системообразующим механизмом взаимодействия субъектов экономической деятельности. Конкуренция – движущая сила для обновления и совершенствования товаров, услуг, уменьшения себестоимости производства, совершенствование управления, повышения эффективности. Достигнуть эти показатели возможно, в том числе и через инновационную деятельность.

Для развития в конкурентной среде необходима свобода экономической деятельности. Данное положение означает, что субъекты экономической деятельности вправе заниматься всеми не запрещенными видами экономической деятельности. Одновременно с этим, государству необходимо гарантировать осуществление свободы экономической деятельности, регулировать её использование, защищать от злоупотреблений. Провозглашение свободы экономической деятельности предполагает постоянное, разностороннее государственное регулирование экономических отношений.

Содержание Конституции было дополнено рядом положений¹, среди которых были включены нормы, регулирующие экономику государства. В частности, ст. 75.1 предусматривает, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения

---

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «Консультант Плюс».

благополучия граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Также среди полномочий Президента России были предусмотрены положения, касающиеся определения приоритетных направлений социально-экономического развития государства (ст. 83 п.е.5).

Анализ конституционных норм показывает, что конституционные основы предусматривают определенную структуру регулирования экономики: 1) положения, связанные с принципами регулирования экономической деятельности; 2) нормы, касающиеся конституционного экономического статуса личности; 3) экономики и ее составляющих в качестве объекта государственно-управленческого воздействия; 4) полномочия органов государственной власти в сфере регулирования экономических отношений.

Существующие конституционные основы экономической системы показывают возможные направления совершенствования конституционного регулирования экономической модели, ориентированной на инновационный, наукоемкий, высокотехнологичный сценарий развития.

В конституции возможны как минимум несколько моделей регулирования инновационной экономики государства. Первая, когда непосредственно в тексте конституции закрепляются отдельные нормы, в том числе нормы-цели, идеалы, принципы, связанные с инновационной, высокотехнологичной, наукоемкой экономикой. Вторая, когда в нормах конституции не закрепляются соответствующие положения, но и не исключается развитие отдельных направлений, в частности инновационной экономики. Первый подход в регулировании является предпочтительней в силу особой учредительной юридической природы конституции, предполагающей развитие конституционных положений юридической системой.

Библиографический список

1. Капыш В.П. Правовая модель «экономической конституции» / В.П. Капыш // Право и современные государства. – 2016. – № 2. – С. 29 – 38.
2. Сергеев А.М. Методологические основы и концептуальные положения конституционной экономики / А. М. Сергеев // Российский юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 7–22.

*Д.С. Воробьева, старший преподаватель кафедры
административного и муниципального права СГЮА
г. Саратов, Россия*

**О конституционном праве несовершеннолетних
на осуществление предпринимательской деятельности:
проблемы реализации, гарантии и защита**

В статье рассматривается проблема осуществления несовершеннолетними предпринимательской деятельности. Предлагается усовершенствовать законодательное регулирование правового статуса несовершеннолетних предпринимателей.

Ключевые слова: конституционные права детей, предпринимательская деятельность, молодежное предпринимательство.

По данным Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) России, по состоянию на 2020 год в России было зарегистрировано 456 несовершеннолетних индивидуальных предпринимателей (из них – 260 юношей и 196 девушек). «Самая популярная среди несовершеннолетних предпринимателей сфера деятельности – сдача в аренду недвижимости. Юные бизнесмены предпочитают заниматься и розничной торговлей, в первую очередь продуктами и напитками. Еще одна сфера, распространенная среди бизнесменов младше 18 лет, – деятельность рекламных агентств» [18].

Также, говоря об актуальности представленной темы, следует отметить, что содействие предпринимательской деятельности молодежи относится к одним из основных направлений реализации молодежной политики в Российской Федерации (п. 15 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹). Кроме того, на состоявшемся в июне 2021 года Петербургском международном экономическом форуме одно из обсуждений было посвящено молодежному предпринимательству, по результатам которого Президентом было дано поручение «запустить... меры содействия молодежному предпринимательству» [7].

Напрямую в законодательстве вопрос определения возрастного порога, по достижении которого гражданин может реализовывать конституционно гарантированное право на осуществление предпринимательской деятельности, не решен. В науке сложились мнения о том, что:

---

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 28.

а) несовершеннолетний вправе заниматься предпринимательской деятельностью уже по достижении 14-летнего возраста [10, с. 218–219];

б) «...минимальным возрастом для регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей должен быть определен 16-летний возраст» [10, с. 219];

в) необходимо законодательно запретить несовершеннолетним заниматься предпринимательской деятельностью [12, с. 59–60].

В пользу последнего довода говорит, например, определение предпринимательской деятельности как самостоятельной и осуществляемой на свой риск (абз. 3 ч. 1 ст. 2 ГК РФ [1])¹, в связи с чем возникает вопрос – обладают ли несовершеннолетние должной степенью самостоятельности и могут ли осознавать и оценивать в полной мере риски от совершения предпринимательской деятельности?

Например, представители ФНС России сообщают об имеющихся в России случаях вовлечения учащихся средних и высших учебных заведений в создание фиктивных организаций в качестве номинального руководителя или регистрации их в качестве индивидуальных предпринимателей без намерений осуществлять хозяйственную деятельность – для использования в криминальных схемах по уклонению от уплаты налогов и обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем, за что для лиц, достигших 16-летнего возраста, установлена уголовная ответственность по ст. ст. 173.1 – 174 УК РФ² [4].

Исходя из системного толкования ст. ст. 26 и 27 ГК РФ и п. «з» ч. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³ [15], в качестве индивидуального предпринимателя несовершеннолетний может быть зарегистрирован, начиная с 14 лет, при наличии согласия родителей (иных законных представителей), удостоверенного в нотариальном порядке. При этом совершать сделки (за исключением прав распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими; совершать мелкие бытовые сделки

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; – Российская газета. – 2022. – 01 марта.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; – Российская газета. – 2022. – 11 марта.

³ Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431; – 2022. – № 1 (часть I). – Ст. 61.

и некоторые иные сделки) (ч. 2 ст. 26, ч. 2 ст. 28 ГК РФ) такой подросток вправе только с письменного согласия своих законных представителей (ч. 1 ст. 26 ГК РФ). Т.е., получается, полностью самостоятельно осуществлять предпринимательскую деятельность он не может, является частично дееспособным. Такая ситуация не только усложняет ведение предпринимательской деятельности несовершеннолетним, но и создает дополнительные риски для его потенциальных контрагентов: при отсутствии письменного одобрения со стороны законных представителей заключенной несовершеннолетним сделки она впоследствии по иску законных представителей может быть признана судом недействительной (ст. 175 ГК РФ).

Имущественную ответственность такой несовершеннолетний несет самостоятельно, а за причиненный вред «субсидиарную» ответственность несут его законные представители (в случае отсутствия у несовершеннолетнего доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда), если только не докажут, что вред возник не по их вине (ч. 3 ст. 26 ГК РФ, ч. 2 ст. 1074 ГК РФ, пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1¹ [9]).

Полную дееспособность и, таким образом, право самостоятельно осуществлять сделки и обязанность самому нести ответственность, в т.ч. за причиненный вред, может приобрести осуществляющий предпринимательскую деятельность или работающий по трудовому договору, контракту подросток, достигший 16 лет, с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя по решению органов опеки и попечительства либо при отсутствии такого согласия – по решению суда (ч. 1 ст. 27 ГК РФ), а также в случае вступления в брак (ч. 2 ст. 21 ГК РФ, ст. 13 СК РФ² [11]). При регистрации таких подростков в качестве ИП к заявлению следует приложить один из следующих документов: копию свидетельства о браке, копию решения суда, копию решения органов опеки и попечительства (п. «з» ч. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Что касается сферы налоговых правоотношений, то несовершеннолетние предприниматели в дальнейшем полностью автономны от воли родителей. НК РФ³ [6] не разделяет налогоплательщиков по возрастному признаку

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. – 2010. – 05 февраля.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16; – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5138.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 09.03.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824; – Российская газета. – 2022. – 11 марта.

– налоги должны платить все в зависимости от наличия доходов и имущества.

Однако в отношениях с налоговыми органами граждане, не обладающие дееспособностью, действуют через своих законных представителей (ч. 2 ст. 27 НК РФ), а возможность привлечения несовершеннолетних к ответственности за налоговые правонарушения наступает с 16-летнего возраста (ч. 2 ст. 107 НК РФ).

При этом для целей освобождения от налоговой ответственности за возможные правонарушения имеет значение возраст налогоплательщика, а не его представителя. Поэтому за неправильное декларирование и неуплату налога за лицо, не достигшее 16 лет, ни его родители, ни сам несовершеннолетний ответственности в виде штрафа не понесут. А вот уже налоговую недоимку и пени все же будут взыскивать в судебном порядке за счет имущества несовершеннолетнего. Однако, отмечают специалисты, на практике суды иногда придерживаются подхода о субсидиарном взыскании налогов с родителей, иных законных представителей – при отсутствии у несовершеннолетнего полной дееспособности, хотя четких правил в НК РФ на этот счет не содержится [8].

Также вызывает вопрос возможность ведения предпринимательской деятельности несовершеннолетними без статуса ИП – в качестве так называемых «самозанятых граждан». По данным ФНС России, на 2021 год, таковых было уже более 30 тысяч несовершеннолетних [3].

Следует отметить, что деятельность в качестве «самозанятых граждан» ближе к трудовой деятельности: так, «самозанятые» не могут нанимать работников, заниматься торговлей, иметь дело с подакцизной продукцией и т.д. (ч. ч. 6 и 7 ст. 2 Федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹ [16]).

Кроме того, в данном случае не требуется нотариально оформленного согласия законных представителей несовершеннолетнего, как при регистрации в качестве ИП, однако сохраняется необходимость письменного одобрения ими сделок несовершеннолетнего «самозанятого», что представляет определенные сложности.

Возникает опять же вопрос с налоговыми обязательствами: могут ли взыскиваться налоговые платежи с родителей (законных представителей) несовершеннолетнего?

В этой связи, полагаем, требуется внесение уточнений в ГК РФ и НК РФ на этот счет.

---

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7494; –2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5133.

Так, президентом Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» А.Е. Репиком на заседании наблюдательного совета АНО «Агентство стратегических инициатив», проведенного с участием Президента РФ в конце прошлого года, было предложено упростить необходимость дачи согласия родителей на осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними, в том числе определить одну нотариально удостоверенную доверенность, действующую на определенный период времени на однотипные сделки несовершеннолетних предпринимателей, со стороны законных представителей – вместо отдельного удостоверения каждой сделки [2].

Кроме того, на наш взгляд, существует необходимость урегулировать правовой статус несовершеннолетних предпринимателей в Федеральном законе от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ [14], т. к. следует учитывать, что в соответствии со ст. 2 данного Федерального закона, а также ч. 1 ст. 54 СК РФ до 18 лет лицо признается ребенком и, соответственно, нуждается в дополнительных гарантиях защиты со стороны государства, в т. ч. и в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (например, при проведении контрольно-надзорных мероприятий). Считаем возможным закрепление дополнительных гарантий в данной сфере в упомянутом Федеральном законе по аналогии с правозащитным механизмом, закрепленном применительно к несовершеннолетним, например, в КоАП РФ (ч. 4 ст. 25.1, ст. 25.3, ч. 4 ст. 25.6 ч. 2 ст. 25.11)² [5].

Библиографический список

1. ФНС: В России более 450 несовершеннолетних предпринимателей // Сетевое издание «Городской информационный канал m24.ru». URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/14032020/110135?Utm_source=CoryBuf (дата обращения: 09.03.2022).

2. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 04.06.2021 г. // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65746> (дата обращения: 09.03.2022).

3. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. – 992 с.

---

¹ Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3802; – 2021. – № 24 (часть I). – Ст. 4188.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.03.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1; – Российская газета. – 2022. – 09 марта.

4. Тарасова А.Е. Основные научные, организационные и практические проблемы защиты имущественных прав несовершеннолетних (по материалам круглого стола) / А.Е. Тарасова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 54 – 61.

5. Ключевская Н. ФНС России оценила возможность осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними / Н. Ключевская // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/news/1188150/> (дата обращения: 09.03.2022).

6. Попкова Ж. Уплата налогов родителями за детей (Определение КС РФ от 30 июня 2020 г. № 1467-О) / Ж. Попкова // Информационно-правовой портал «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/14/uplata_nalogov_roditelyami_za_detej_opredelenie_ks_rf_ot_30_iyunya_2020_g_n_1467-o (дата обращения: 09.03.2022).

7. Ключевская Н. Молодежное предпринимательство: проблемы и решения / Н. Ключевская // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/news/1468805/> (дата обращения: 09.03.2022).

8. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив. 16.12.2021 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67376> (дата обращения: 09.03.2022).

УДК 342.722

*В.А. Егунов, к.ю.н, доцент МГОУ
г. Мытищи, Россия*

Конституционное право граждан на предпринимательство

В статье проведён научный анализ одного из важнейших конституционных экономических прав граждан – права на предпринимательскую деятельность в различных организационно-правовых формах. На основе исследования норм Конституции РФ и с учётом внесённых поправок доказываётся комплексный правовой характер регулирования предпринимательских отношений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, право собственности, предпринимательское право, прибыль, государственный надзор.

Среди конституционных прав человека и гражданина право на предпринимательство занимает особое место. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года на всероссийском референдуме, на высшем уровне впервые закрепило право граждан на извлечение прибыли от своей деятельности. Советская эпоха с туеядством и спекуляцией уже окончательно и бесповоротно кануло в лету. Гражданин теперь имеет право не только на активный, но и на пассивный доход в рамках закона. При этом

на смену коллективным формам хозяйствования (колхозам и совхозам) пришли юридические лица, коммерческие корпоративные организации, которые не зависят от государства и выполняют перед ним лишь свою налоговую обязанность.

В результате перехода от командно-административной системы хозяйствования к рынку у граждан появилась возможность как самим заниматься предпринимательской деятельностью посредством индивидуального предпринимательства либо создания коммерческой организации, так и участвовать в предпринимательской деятельности самих корпораций путём приобретения акций публичных акционерных обществ. Следует подчеркнуть, что предпосылки предпринимательской деятельности существовали и в поздний советский период нашей истории. Как справедливо отмечает ряд исследователей, «...несмотря на то, что предпринимательская деятельность в советский период не поощрялась, данный вид экономической деятельности входит в число вечных ценностей, поскольку позволяет личности претворять в жизнь свой потенциал, допускает смысловое наполнение жизни через реализацию экономических интересов» [2, с. 17].

Таким образом, Конституция РФ и принятое в соответствии с ней законодательство легализовало предпринимательскую деятельность не просто как разрешённую деятельность, но как социально полезную и необходимую для каждого из нас. В этой связи на смену хозяйственному праву пришло предпринимательское право, ведущая комплексная отрасль российского права, регулирующая общественные отношения, возникающие в сфере организации и осуществления предпринимательской деятельности посредством диспозитивно-императивного метода правового регулирования. Иными словами, наряду с обширной системой дозволений и свободой выбора вида и формы предпринимательской деятельности, право установило и ряд обязываний для предпринимателей, в частности, обязанности уплачивать установленные законом налоги и сборы, быть зарегистрированным в специальном реестре, обязанность регистрации сделок с недвижимостью, получения лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, соблюдения действующего антимонопольного законодательства и иных императивных предписаний компетентных государственных органов. То есть регулирование предпринимательской деятельности приобрело комплексный, частно-публичный характер.

Несмотря на активное вмешательство государства в предпринимательство, достоинством перехода к рыночной экономике, несомненно, стало ликвидация государственного планирования экономики, так называемых пятилеток. Безусловно, в государственном планировании есть много положительных черт, оно дисциплинирует хозяйственную деятельность, промышленность и строительство, однако, в современных условиях хозяйствования эффективнее всё же частное планирование, развитие собственной

инициативы, независимость от политики государства. Во всём мире предпринимательство должно быть сферой деятельности, для которой чужды внешнеполитические отношения между государствами, иными словами, бизнес не должен страдать от политических предпочтений и инициатив. К сожалению, пока такого в мире не наблюдается, и даже развитые в экономическом аспекте страны вводят на политическом уровне различного рода барьеры и санкции, которые наносят серьёзный удар развитию предпринимательских отношений с так называемыми недружественными (в политическом плане, а не экономическом) государствами.

Для более детального уяснения значимости конституционного права граждан на предпринимательскую деятельность, обратимся непосредственно к самим нормам Основного Закона. Бесспорно, что главной статьёй, создавшей предпринимательское законодательство, является статья 34 Конституции РФ, которая закрепила право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности. Можно смело утверждать о том, что само государство выступает гарантом реализации такого права, поскольку в судебной системе нашего государства появилась целая система особых предпринимательских судов – арбитражных судов России, непосредственно занимающимися рассмотрением и разрешением споров, связанных с осуществлением именно предпринимательской деятельности. Кроме того, статья 30 Конституции РФ регламентирует право каждого на объединение, без которого немислимо создание юридических лиц и последующего появления закрытого перечня их организационно-правовых форм в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Наконец, не следует забывать и о статье 35 Конституции РФ, в соответствии с которой охраняется законом право частной собственности, без которой сложно представить развитие негосударственных коммерческих корпораций в целом и индивидуального предпринимательства в частности.

Таким образом, как отмечает В.В. Долинская, «...в Конституции РФ 1993 года закреплены экономические основы строя, экономические права и свободы человека и гражданина, государственное регулирование экономики, понятие «экономическая деятельность», провозглашена экономическая, политическая и социальная солидарность» [1, с. 107].

Между тем, конституционное право на предпринимательство предусмотрено не только второй главой Конституции РФ, но фактически проходит через все её главы. Так, в первой главе в статье 8 чётко указано, что в Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. По сути, указанная норма Основ конституционного строя создала экономическую платформу для становления и развития негосударственного предпринимательства в условиях рыночной экономики.

В третьей главе Конституции РФ закрепляются предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. В этом отношении для развития предпринимательской деятельности большое значение имеют нормы об установлении правовых основ единого рынка, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии, основ ценовой политики (исключительное ведение Российской Федерации); вопросы владения, пользования и распоряжения землёй, недрами, водными и другими природными ресурсами; установления общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (совместное ведение Российской Федерации и её субъектов).

Косвенное отношение к предпринимательской деятельности имеют также нормы Конституции РФ, касающиеся правового статуса высших органов государственной власти. В частности, Президент РФ подписывает и обнародует федеральные законы, издаёт указы и распоряжения, в том числе непосредственно касающиеся предпринимательской деятельности; Федеральное Собрание РФ принимает соответствующие законы, в том числе по вопросам федерального бюджета, федеральных налогов и сборов, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии; Правительство РФ руководит деятельностью государственных органов исполнительной власти, которые в пределах своей компетенции осуществляют государственный надзор за предпринимательской деятельностью (Федеральная антимонопольная служба РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство транспорта РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство энергетики РФ, Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и ряд других ведомств). Наконец, глава 7, посвященная судебной власти и прокуратуре, с учётом принятых на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года поправок к Конституции РФ, выделяет среди видов судебных производств арбитражное судопроизводство и включает в судебную систему арбитражные суды (статьи 118, 126), а также определяет прокуратуру как орган государственного надзора за соблюдением и исполнением законом, а также надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, включая исследуемое нами конституционное право на предпринимательскую деятельность. Среди вопросов местного значения также имеются вопросы, связанные с владением, использованием и распоряжением муниципальной собственностью, в том числе предоставления её на возмездной основе для нужд предпринимательства.

Таким образом, конституционное право граждан на предпринимательство гарантируется Конституцией РФ и всем принятым в соответствии с ней действующим федеральным и региональным законодательством. Кроме того, государство всячески оказывает финансовую поддержку малому и

среднему бизнесу, снижает налоговую нагрузку на индивидуальное предпринимательство, предоставляет возможность извлекать прибыль, как индивидуальным предпринимателям, так и самозанятым гражданам, зарегистрированным в установленном порядке в этом качестве.

Библиографический список

1. Долинская В.В. Развитие гражданского права и Конституции России: вопросы имущественных отношений, экономической деятельности и предпринимательства // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. – №2. – С. 107-127. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-2-dolinskaya

2. Якимова Е.М. Конституционно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в России в контексте исторического развития // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 4. – С. 11–19.

УДК 349.6(075.8)

*Г.И. Зайчук, к.ю.н., доцент БрГУ им. А.С. Пушкина
г. Брест, Беларусь*

Правовые вопросы ограничения, приостановления и прекращения хозяйственной и иной деятельности, и права специального природопользования

В научной литературе ведется спор, являются ли ограничение, приостановление и запрет на осуществление хозяйственной и иной деятельности и права специального природопользования причиняющие либо могущие причинить вред окружающей среды, или не являются юридической ответственностью, и если да, то к какому виду ответственности они относятся.

Ключевые слова: юридическая ответственность, ограничение, приостановление, прекращение хозяйственной деятельности и природопользования.

Чрезмерное негативное воздействие на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, нарушение установленного порядка природопользования причиняют либо могут причинить вред экологическим правам и интересам граждан и юридических лиц, природной среде и ее компонентам – природным объектам и ресурсам. Для предотвращения или минимизации такого вреда в экологическом и природоресурсном законодательстве установлены меры по ограничению, приостановлению и прекращению этих видов деятельности.

Следует отметить, что меры приостановления (запрета) осуществления хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду предусмотрены ст. 100 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее –

Закон ООС) и могут быть применены органом, осуществляющим государственный экологический контроль или по исковому заявлению общественных объединений либо граждан, т.е. в административном либо в судебном порядке. При этом, требования по ограничению указанной деятельности в рассматриваемой статье не предусмотрены, хотя содержатся в другом экологическом и природоресурсном законодательстве.

Меры в виде ограничения, приостановления и прекращения права природопользования отдельной унифицированной статьей, из-за отсутствия общерегулятивного природоресурсного закона не предусмотрены, они содержатся в отдельных нормативных актах применительно к определенному природному ресурсу: в Кодексе Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3 (ст. 60–68 прекращение права землепользования), Кодексе Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-3 (ст. 28, 39 приостановление и прекращение права пользования недрами), Водном кодексе Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-3 (ст. 34 ограничение и прекращение права водопользования), Лесном кодексе Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-3 (ст. 52 ограничение (приостановление) права лесопользования, ст. 53 прекращение права лесопользования, ст. 55 ограничение (приостановление) либо прекращение хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на леса или при осуществлении которой возникает опасность причинения вреда лесам в будущем), законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире» (ст. 19 ограничения и запреты в отношении объектов растительного мира, ст. 50 ограничение, приостановление права специального пользования объектами растительного мира), законе Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире» (ст. 16 ограничения и запреты на пользование объектами животного мира, ст. 39 прекращение права специального пользования объектами животного мира). Причем такие меры могут приниматься как органами, осуществляющими государственной экологический контроль, так и местными исполнительными органами.

Так Шахрай И.С. отмечает, что природоресурсное законодательство закрепляет основания и порядок приостановления, ограничения, прекращения права природопользования в случае совершения правонарушений, причем эти нормы значительно различаются в зависимости от вида используемого природного ресурса и указывает на важность согласованности таких мер на основании комплексного подхода к ним [1, с. 167].

В научной литературе ведется спор, являются ли ограничение, приостановление и запрет на осуществление хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду, а также ограничение, приостановление и прекращение права специального природопользования или не являются юридической ответственностью, и если являются, то к какому виду ответственности они относятся.

По этому поводу О.А. Зиновьева пишет: «...принудительное приостановление, ограничение и прекращение права специального природопользования, а также экологически вредной деятельности являются мерами воздействия, закрепленными в нормах природоресурсного и экологического права, за нарушения в области природопользования и охраны окружающей среды. Применение этих мер воздействия к лицу, совершившему правонарушение, есть ответственность, обязывающая правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия» [2, с. 23].

Авторы учебника по экологическому праву отмечают, что в качестве специальных мер, применяемых к нарушителям требований в области охраны окружающей среды действующее экологическое законодательство предусматривает приостановление или запрет хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду. И при этом подчеркивают, что данные меры могут применяться наряду с другими видами ответственности (уголовной, административной, гражданской) или в качестве самостоятельного способа воздействия на нарушителя [3, с. 250–256].

Боголюбов С.А. указывает: «В ст. 80 ФЗ об охране окружающей среды предусматривается возможность требований об ограничении, о приостановлении или прекращении деятельности юридических и физических лиц, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды. Это означает посягательство на право собственности, т.е. допущенное в ч.1 ст. 1 ГК обоснованное вмешательство закона, государства в частные дела, когда они приобретают общественное значение» [4, с. 382].

Следовательно, одни ученые считают применение указанных санкций специальной (эколого-правовой, природоресурсной) ответственностью, другие относят ее к разновидности административной ответственности, третьи – причисляют такие меры к гражданско-правовой ответственности.

В юридической литературе высказывается заслуживающее внимания мнение, согласно которого меры государственного принуждения (т.е. возложение обязанностей без согласия другой стороны) не ограничиваются юридической ответственностью, они могут применяться и в других случаях в виде мер предупредительного воздействия, мер пресечения противоправного поведения и мер защиты [5, с. 490].

Меры предупреждения применяются для предотвращения возможных экологических и природоресурсных правонарушений в будущем, например, согласно ст. 24 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» в границах ООПТ запрещается: разведка и разработка полезных ископаемых, сброс сточных вод, возведение промышленных, коммунальных и складских объектов и т.п. Меры пресечения используются для прекращения противоправных действий или для предупреждения их вредных последствий. К ним относятся,

например, приостановление деятельности субъекта хозяйствования, работающего с неисправными очистными сооружениями до устранения неисправности, либо введение запрета на осуществление этой деятельности если очистные сооружения ввести в эксплуатацию не удастся, либо приостановление или прекращение права специального природопользования. Меры защиты заключаются в том, что лицо принуждается к исполнению обязанности, которую оно должно было исполнить добровольно, но не исполнило, например, возместить вред, причиненный окружающей природной среде либо снести за свой счет самовольно возведенные на земельном участке постройки.

Все меры государственного принуждения направлены на обеспечение исполнения требований экологического и природоресурсного законодательства. При этом меры наказания применяются за совершенные правонарушения, а меры предупреждения и защиты заключаются в недопущении совершения правонарушений в будущем, т.е. являются профилактическими санкциями, направленными на предотвращение противоправных деяний.

Таким образом, меры предупреждения и меры защиты не относятся к юридической ответственности, т.к. не влекут для лица дополнительных неблагоприятных последствий, а направлены на предотвращение экологических и природоресурсных правонарушений в будущем, либо на принудительное исполнение существующей обязанности.

Меры пресечения применяются для прекращения противоправных действий, влекут для правонарушителя дополнительные неблагоприятные последствия в виде приостановления или прекращения осуществления хозяйственной и иной деятельности, либо права специального природопользования и поэтому являются видом специальной экологической и природоресурсной ответственности. При этом они могут использоваться как самостоятельно, так и наряду с другими видами юридической ответственности. Эти меры связаны с имущественными лишениями правонарушителя, поэтому должны применяться только в судебном порядке.

Таким образом для унификации рассматриваемых мер оправданно, дополнить ст. 100 Закона ООС понятием «ограничение», принять закон «О природопользовании» где закрепить общие для всех природных ресурсов требования по ограничению, приостановлению и прекращению права специального природопользования.

Представляется, для того, чтобы не множить существующие виды ответственности по отраслям права (гражданскую, административную, уголовную) оправданно приостановление и прекращение хозяйственной и иной деятельности, а также права специального природопользования отнести к основной и дополнительной административной ответственности в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, на осуществление которой требуется специальное разрешение (лицензия) и закрепить их в ст. 6.7 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь

от 6 января 2021 г. № 91-З. Эти меры могут применяться в порядке административного судопроизводства по заявлению государственных органов, осуществляющих экологический контроль, местных исполнительных органов, юридических лиц и граждан, либо посредством подачи иска последними, когда это связано не только с приостановлением и прекращением хозяйственной и иной деятельности или права специального природопользования, но и возмещением причиненного им вреда.

Библиографический список

1. Шахрай И.С. Приостановление, ограничение, прекращение права природопользования как меры государственного принуждения / И.С. Шахрай // Перспективные решения актуальных проблем государственного строительства и международного права: сб. науч. тр. под ред. Е.В. Семашко. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 162–174.

2. Зиновьева О.А. Приостановление, ограничение, прекращение природопользования и деятельности, осуществляемой с нарушениями законодательства об охране окружающей среды / О.А. Зиновьева // Экологическое право. – 2004. – № 3. – С. 21–23.

3. Балашенко С.А. Экологическое право: учебник / С.А. Балашенко, Т.И. Макарова, В.Е. Лизгаро. – Минск: Вышэйшая школа, 2016. – 383 с.

4. Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права учебник для магистров / С.А. Боголюбов. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 607 с.

5. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2002. – 832 с.

УДК 378

*Е.Н. Зинченко, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

О значении коммуникативного подхода в обучении студентов по направлению подготовки Юриспруденция

В статье рассматривается значение коммуникативного подхода в обучении студентов по направлению подготовки Юриспруденция. Автор проводит анализ научной литературы, определяя сущность, содержание и структуру коммуникативной компетентности с позиций характеристики профессиональной компетентности будущих юристов и её компонентов.

Ключевые слова: коммуникативный подход, коммуникативная компетентность, профессиональная компетентность.

Коммуникативная концепция права – это новый, постклассический подход, позволяющий дать более полное представление о праве, обо всех правовых институтах, так как вводит правовую догматику в контекст социальной коммуникации [1, с. 80]. Основная идея коммуникации заключается во взгляде на другого человека как на личность, способную к пониманию и взаимодействию [1, с. 79].

Цель статьи – раскрыть значение коммуникативного подхода в обучении студентов по направлению подготовки Юриспруденция. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: во-первых: дать характеристику коммуникативного подхода; во-вторых, определить сущность, содержание и структуру коммуникативной компетентности; в-третьих, дать характеристику профессиональной компетентности будущих юристов и выделить её компоненты, чтобы определить значение коммуникативной компетентности (компетенции).

Глобализация мировой экономики, интеграция и интернационализация различных сфер человеческой жизнедеятельности обуславливают новые требования к специалистам во всех областях. Расширение международных связей, деловые переговоры с иностранными партнерами, работа с документацией на иностранном языке, возможность стажировки за границей обуславливают необходимость использования возможностей иностранного языка в профессиональной подготовке будущих специалистов, что предполагает формирование иноязычной компетенции студентов, обучающихся в вузе [2, с. 410]. Это положение зафиксировано в федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»). Выпускник должен обладать способностью свободно пользоваться иностранным языком как средством делового общения (ОК-4) [3]. В качестве обязательной включена иноязычная дисциплина, целью которой является формирование и развитие коммуникативной компетенции будущего специалиста – участника профессионального общения на иностранном языке в научной, технической, производственной и образовательной сфере.

Анализ научной литературы показывает, что коммуникативный подход уже на протяжении ряда лет удерживает ведущие позиции как в области теории и методики обучения иностранным языкам в России и за её пределами [2; 7], так и в правовой сфере [1]. Обучающийся выступает как активный, творческий субъект учебной деятельности, управляемой педагогом; способствует развитию инициативности студентов, их способности к творческому поиску. Содержание занятий строится на обсуждении актуальных творческих проблем. Образование является основным каналом приобщения студента к ценностям культуры, образования и профессии. Благодаря своей ценностно-ориентирующей функции, образовательный процесс выводит

обучающихся в сферу мировоззренческого осмысления социальной и профессиональной реальности своих отношений с миром [4, с. 62]. Изучая иностранный язык, студенты достаточно быстро убеждаются в том, что помимо чисто лингвистических норм и правил (фонетика, грамматика, синтаксис) им приходится усваивать нормы и правила иноязычной культуры [5, с. 38].

Данный подход позволяет реализовать принцип индивидуализации, так как «овладение коммуникативной функцией иностранного языка предполагает учет индивидуальных особенностей, интересов обучаемых, их способностей, склонностей и пожеланий» [6, с. 82].

Коммуникативный подход – это подход, который направлен на формирование у обучаемых смыслового восприятия и понимания иностранного языка, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний. Коммуникативный подход как нельзя лучше мотивирован: его цель состоит в том, чтобы заинтересовать обучаемых в изучении иностранного языка посредством накопления и расширения их знаний и опыта [7, с. 64].

В процессе обучения иностранным языкам в учреждениях профессионального образования, в первую очередь, должны быть реализованы следующие цели:

- воспитание осознанного отношения к выбранной профессии и потребности в практическом использовании иностранного языка в будущей профессиональной деятельности;
- расширение общекультурного кругозора студентов, их эрудиции в различных областях знания, в том числе и профессионально значимых;
- развитие у студентов произвольного внимания, памяти, интересов в профессиональной области, а также языковых способностей и речевой культуры;
- подготовка студентов к участию в межкультурном и профессиональном общении в устной и письменной формах с учетом их интересов и профессиональных устремлений.

Также важной целью обучения иностранному языку в вузе является формирование коммуникативной компетентности студентов.

Коммуникативная компетентность юриста – внутренний, интегративный ресурс личности, обеспечивающий организацию профессионального взаимодействия с окружающими людьми через знание механизмов коммуникативного взаимодействия, понимание юристом характера его влияния на решение поставленных задач.

Структурные компоненты коммуникативной компетентности юриста: мотивационно-организационный компонент (умение организовать контакт, способность к межличностной коммуникации и дальнейшей поддержки установленного межличностного взаимодействия); этико-поведенческий компонент (сформированная профессиональная этика, наполненная нрав-

ственными качествами и требованиями, предъявляемыми к личности, связанных со спецификой профессиональной деятельности юриста); языково-дискурсивный (речевое поведение юриста), наполненная профессиональными понятиями и терминологией, включающая речевые обороты и конструкции, соответствующие принципам и нормам речевого этикета; эмоционально-рефлексивный (эмпатийно-рефлексивное развитие личности, процесс понимания индивидом того, как он воспринимается другим коммуникантом по общению). При эффективном формировании коммуникативной компетентности, студенты, будущие юристы, должны овладеть не только языковыми формами, но и пониманием того, как их использовать в реальной коммуникации [8, с. 11].

Современные требования к коммуникативной компетентности юриста являются одной из составляющих его профессиональной компетентности, сформированность которой обеспечит ему успешную социализацию, профессиональную адаптацию, профессиональную самореализацию на практике и стать конкурентноспособным на рынке юридических услуг [8, с. 5].

В работе Н.В. Судденковой формулируется содержание понятия профессиональная компетентность будущих юристов как «интегральная характеристика деловых и личностных качеств специалиста, отражающей уровень знаний, умений и опыт, достаточные для достижения цели данного рода деятельности. А также его нравственную позицию и отношение к профессиональной деятельности к себе как субъекту этой деятельности» [9, с. 10].

Профессиональная компетентность будущих юристов определяется развитием личностного потенциала человека, который включает систему психологических факторов, которые можно определить общим понятием психологической культуры. «Основными составляющими психологической культуры юриста являются психология личности и деятельности, познавательные процессы, эмоционально-волевая сфера и способности личности, характер и темперамент, проблемы типологии личности и её самосовершенствования, разнообразные системы мотивации, психология юридического труда и психологические характеристики отдельных юридических специальностей, навыки и приемы творческого использования полученных знаний в профессиональных ситуациях в процессе общения и в повседневной практической деятельности» [10, с. 198].

Э.Н. Нигматуллина профессиональную компетентность юриста рассматривает как «интегративную характеристику личности, представляющую собой совокупность взаимосвязанных специально-правовых, информационных, социально-коммуникативных, рефлексивных, управленческих компетенций и профессиональную креативность» [11, с. 12].

Основными компонентами профессиональной компетентности будущих юристов являются: мотивационный, когнитивный, операциональный.

Таблица 1

Компоненты профессиональной компетентности будущих юристов

Ком- поненты	Характеристика компонентов
Моти- вационный компонент	<ul style="list-style-type: none"> – предполагает осознание значимости профессии юриста; – характеризует готовность осуществлять юридическую деятельность на основе внутреннего побуждения и потребности к профессиональному росту и самосовершенствованию в юридической сфере; – формирует мотивы осуществления юридической деятельности
Когни- тивный ком- понент	<ul style="list-style-type: none"> – предполагает наличие правовых знаний; – формирует способность мыслить посредством юридических категорий и методов юридического познания; – формирует понимание специфики своей работы
Опера- циональный	<ul style="list-style-type: none"> – характеризует освоенные способы и опыт выполнения конкретных профессиональных действий в сфере юридической деятельности

Таким образом, проведенный обзор научной литературы позволяет сделать вывод, что необходимо включить в структуру компонентов профессиональной компетентности будущих юристов коммуникативную компетентность как компоненту. Поэтому структура профессиональной компетентности будущих юристов объединяет личностный и профессиональный аспекты через совокупность взаимосвязанных компетенций, обусловленных уровнем теоретической и практической подготовленности будущих юристов к осуществлению профессиональной деятельности: общие компетенции (информационные, управленческие, рефлексивные и др.) и профессиональные (специально-правовые, социально-коммуникативные компетенции и др.) [12, с. 77].

Подводя итоги рассмотрения темы работы мы приходим к выводу о том, что: во-первых, в современной психолого-педагогической литературе понятие профессиональная компетентность будущих юристов рассматривается в профессиональной подготовке в системе юридического образования; во-вторых, профессиональная компетентность будущих юристов объединяет личностный и профессиональный аспекты через совокупность взаимосвязанных компетенций, обусловленных уровнем теоретической и практической подготовленности будущих юристов к осуществлению профессиональной деятельности в сфере юриспруденции; в-третьих, коммуникативный подход позволяет выявить необходимость развития коммуникативной компетентности, как одного из компонентов профессиональной компетентности будущих юристов в составе профессиональных компетенций; в-четвертых, формирование коммуникативной компетентности направлено на

обеспечение успешной социализации и профессиональной самореализации будущих юристов.

Библиографический список

1. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и Российская теория права / М.В. Антонов, А.В. Поляков, И.Л. Честнов // Правоведение. – 2013. – №6 (311). – С. 78–95.

2. Багатеева А.О., Ахметзянова Г.Н., Валеева Н.Ш. Теоретическое обоснование формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов в техническом вузе – национальном исследовательском университете / А.О. Багатеева, Г.Н. Ахметзянова, Н.Ш. Валеева // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 8. – С. 410 – 412.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (Квалификация (Степень) «Магистр»). Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № 1763. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Base=LAW;n=116423;req=doc/>

4. Медведева С.А. Реализация аксиологического подхода в системе высшего образования / С.А. Медведева // Высшее образование сегодня. – 2013. – №11. – С. 61–63.

5. Медведева С.А. Изучение иностранных языков студентами аграрного вуза как один из способов формирования ценностей / С.А. Медведева // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 6 (58). – С. 37–42.

6. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова, – М.: Арти–Глассо, 2000. – 281 с.

7. Голуб Л.Н. Коммуникативный подход в обучении / Л.Н. Голуб // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. – 2017. – № 4 (62). – 64–67.

8. Гантемирова З.Э. Формирование коммуникативной компетентности юриста средствами эффективных форм и технологий взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук / З.Э. Гантемирова. – Махачкала, 2017. – 23 с.

9. Судденкова Н.В. Формирование профессиональной компетентности специалиста правовой сферы в ССУЗ: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н.В. Судденкова. – Казань: Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования, 2007. – 22 с.

10. Зельдович Б.З. Психология и педагогика в профессиональной деятельности юриста. – М., 2003. – С. 198.

11. Нигматуллина Э.Н. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности юриста по направлению подготовки «Международные отношения»: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Э.Н. Нигматуллина. – Йошкар–Ола: Башкирский государственный университет, 2014. – 27 с.

12. Егорова О.А., Зинченко Е.Н. Правовая компетентность студентов неюридических специальностей и профессиональная компетентность студентов – будущих юристов / О.А. Егорова, Е.Н. Зинченко // Вестник Южно–Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8 –№ 4. – С. 72–80.

УДК 342.25

А.В. Ильиных, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ, г. Челябинск, Россия

О некоторых проблемах территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы правового реформирования территориальной организации местного самоуправления в России. Проводится краткий правовой анализ территориальных основ местного самоуправления в рассматриваемом настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания законопроекта, регламентирующего организацию местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальное право, территориальная организация местного самоуправления, муниципальные образования.

Одной из целей муниципальной реформы, начатой в 2000-х годах, было приближение власти к населению. На большей части территории страны местное самоуправление на тот момент существовало в крупных территориальных единицах. Приближение к населению потребовало «понижения» территориального уровня до конкретных поселений, ведь именно поселения являются «местами компактного проживания людей», где жители объединены общими интересами и проблемами, где формируется свой единый хозяйственный организм. Городские, поселковые, сельские органы местного самоуправления были вынуждены принять на себя ключевые функции по непосредственному обеспечению жизнедеятельности людей на местах: жилищно-коммунальное хозяйство, транспортное обслуживание, благоустройство территории, автодорожное хозяйство и т.д. Причем решали эти насущные проблемы жителей, как правило, не «назначенцы сверху», а представители самого местного населения – избираемые депутаты, выборные главы муниципальных образований и формируемые ими местные администрации.

При этом, несколько и тем более десятки самостоятельных, разрозненных и существенно отличающихся друг от друга поселений не могли образовывать местного сообщества, объединенного едиными общими нуждами и интересами.

Районный уровень местного самоуправления появился в нынешней системе потому, что была признана, во всяком случае, на современном этапе развития страны, невозможность на поселенческом уровне решать все вопросы жизнедеятельности местного сообщества, было признано наличие некой группы вопросов межпоселенческого (межмуниципального) значения. И во многом это связано с существовавшей в прошлом системы хозяйствования, отличавшейся жестким централизмом в управлении и социально-экономической центрированностью вокруг крупных городов – районных центров, в результате чего малые города и сельские территории в ресурсном и инфраструктурном плане оказались наименее обеспеченными и наиболее зависимыми и неспособными пока к совершенно самостоятельной жизни.

Следовательно, двухуровневая система местного самоуправления была вызвана к жизни объективными обстоятельствами и сложившейся практикой.

В последние годы и, особенно, на современном этапе государственного развития очень активно обсуждается вопрос о реформировании практически всех аспектов организации местного самоуправления в нашей стране, в том числе очень существенные, даже можно сказать «коренные» изменения коснутся и сферы территориальной организации местного самоуправления России [1, с. 45–51; 2, с. 76–79; 3, с. 69–72; 4, с. 68–71].

В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания активно обсуждается проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – законопроект) подготовленный в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти и направлен на совершенствование организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Согласно законопроекту местное самоуправление будет осуществляться в трех видах муниципальных образований: городских округах, муниципальных округах и внутригородских территориях (внутригородских муниципальных образованиях) городов федерального значения. Сохраняются критерии разграничения на городские и муниципальные округа. Это действующие в настоящее время требования к доле населения, проживающего в городах, и площади территории городского округа, к общей плотности населения на территории муниципального образования.

В отношении нововведений, регулирующих территориальные основы организации местного самоуправления, следует отметить ряд очень важных дискуссионных моментов.

Одной из конституционных новелл Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» является закрепление нормы, исключающей обязательность поселенческой основы организации местного самоуправления в Российской Федерации. В прежней редакции Конституции Российской Федерации содержалась норма, предусматривающая, что местное самоуправление осуществляется в городских и сельских поселениях и на других территориях. В новой редакции часть 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации гласит, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. При этом уточняется, что территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций.

Таким образом, согласно указанной норме, виды муниципальных образований устанавливаются федеральным законом, но при этом их территории определяются с учетом исторических и иных местных традиций.

В этой связи следует отметить, что в соответствии с положениями Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, основными направлениями пространственного развития Российской Федерации являются, в частности, улучшения условий жизни жителей сельских населенных пунктов, в том числе путем обеспечения устойчивого сокращения доли непригодного для проживания жилищного фонда, повышения уровня благоустройства сельских населенных пунктов, обеспечения коммунальной инфраструктурой, в том числе центральным водоснабжением и водоотведением, газо-, энерго-снабжением, содействия развитию малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг (отраслей социальной сферы, сервисного обслуживания сельскохозяйственной техники и оборудования, информационно-консультационных услуг, услуг в области хранения и переработки местного сельскохозяйственного сырья и других услуг).

Представляется, что данную позицию следует учитывать в дальнейшем территориальном муниципальном строительстве, в том числе в части сохранения и развития поселенческого уровня.

При этом следует отметить, что отсутствие возможности организации предоставления населению городских и сельских поселений определенных жизненно важных услуг в настоящее время связано не только с неэффективной (в отдельных случаях) деятельностью органов местного самоуправления соответствующих поселений, но в большей степени с недостаточной финансовой базой бюджетов поселений, формирование которой зависит от

источников доходов, закрепляемых за поселениями на федеральном и региональном уровнях власти. Полагаем, что концентрация всех ресурсов бюджетов поселений в бюджете объединенного муниципального образования (городского или муниципального округа) еще не является достаточным условием для улучшения ситуации с обеспечением жизнедеятельности населения соответствующих территорий.

При обратной же ситуации (самодостаточности поселений) полагаем, что наряду с муниципальными, городскими округами необходимо сохранить статус муниципальных образований для городских и сельских поселений, имеющих перспективы социально-экономического развития (и имеющих риск утратить эти перспективы при лишении их статуса муниципального образования), в том числе при наличии сложившейся на их территориях социальной, транспортной и иной инфраструктуры, необходимой для самостоятельного решения органами местного самоуправления таких городских и сельских поселений вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, предусмотренных законопроектом.

Одновременно важным моментом является то, что если городские и сельские поселения по сути предназначены для организации предоставления населению основных жизненно важных услуг, то муниципальные районы – для решения тех вопросов местного значения, которые каждое из поселений не может решить самостоятельно, даже обладая значительным социально-экономическим потенциалом, или которые не могут решаться эффективно всеми поселениями сообща с точки зрения управленческого и экономического взаимодействия, что говорит об объективной необходимости сохранения в определенных случаях и муниципальных районов.

В этой связи в законопроекте возможно предусмотреть обязанность установления законом субъекта Российской Федерации критериев, в соответствии с которыми должен решаться вопрос о возможности сохранения на территории соответствующего субъекта Российской Федерации муниципальных образований в границах городских, сельских поселений и муниципальных районов. Например, к таким критериям в законе субъекта Российской Федерации возможно отнести превышение уровня расчетной бюджетной обеспеченности городских и сельских поселений в субъекте Российской Федерации или части таких поселений на одного жителя в два и более раза от среднероссийского уровня.

Таким образом представляется, что решение вопроса о сохранении или введении поселенческой или смешанной системы организации местного самоуправления в конкретном субъекте Российской Федерации должно осуществляться именно органами государственной власти субъектов Российской Федерации путем принятия соответствующего регионального закона. Такая возможность в настоящее время предусмотрена в Федеральном за-

коне № 131-ФЗ, согласно которому могут создаваться в соответствии с законами субъектов Российской Федерации городские и муниципальные округа, а также муниципальные районы и поселения.

В дополнение к этому, следует констатировать, что нормы части 6 статьи 12 законопроекта предусматривают, что объединение городских округов, объединение городского округа с муниципальным округом осуществляются с согласия населения, выраженного представительными органами каждого из объединяемых муниципальных образований. Вместе с тем в данной норме, по непонятным причинам, не предусмотрено такой формы преобразования муниципальных образований, как объединение муниципальных округов и форма выражения мнения населения на такое преобразование, поэтому положения части 6 статьи 12 законопроекта нуждаются в уточнении.

Подводя итог анализа планируемых преобразований в контексте правового регулирования территориальной организации местного самоуправления стоит констатировать, что проблемы, связанные с формированием новых принципов территориальной организации местного самоуправления, требуют дальнейшего изучения и законодательного урегулирования. Необходимо их постепенное решение на основе достижения общественного согласия между органами публичной власти всех уровней и населением. При этом основными принципами следует считать необходимость соблюдения баланса полномочий, финансовой устойчивости и улучшением качества обслуживания населения.

Библиографический список

1. Ильиных А.В. Реформирование институциональных и территориальных основ местного самоуправления: от законодательных предписаний к опыту регионов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). Право. Вып. 43. – С. 45–51.
2. Ильиных А.В., Охохонин Е.М., Шабуров А.С. Проблемные вопросы формирования основ социального государства на территории Российской Федерации // Социум и власть. – 2010. – № 2. – С. 76–79.
3. Ильиных А.В., Старостина И.А. Территориальное построение государства как фактор выбора избирательной системы (к постановке вопроса) // Социум и власть. – 2009. – № 1 (21). – С. 69–72.
4. Шугрина Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 68–71.

К вопросу об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности

В статье обращается внимание на то, что основанием привлечения к административной ответственности является совершение административного правонарушения. Анализируется состав административного правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, приводится классификация данных правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, классификация административных правонарушений.

Основанием применения административной ответственности является совершение административного правонарушения. Понятие административного правонарушения дано в ст.2.1 КоАП, в соответствии с которой, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие(бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП или законами субъектов РФ установлена административная ответственность¹. Составы административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности закреплены в главе 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций». Анализ данной главы позволяет выявить основные признаки административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности: основными субъектами данных правонарушений являются индивидуальные предприниматели, должностные лица, а также юридические лица; административная ответственность в данной сфере может быть установлена не только КоАП РФ, но и региональными законами об административных правонарушениях; рассмотрение дел данной категории отнесено к компетенции различных органов; наиболее распространенным видом административного наказания за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности является административный штраф; помимо штрафа также могут применяться: дисквалификация, конфискация орудия или предмета совершения административного правонарушения, административное приостановление деятельности, предупре-

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Российская газета – № 256. – 2001. – 31 декабря.

ждение. Родовым объектом административных правонарушений, включенных в главу 14 КоАП РФ выступают однородные общественные отношения в области предпринимательской деятельности. Следует отметить, что объективная сторона административных правонарушений в области предпринимательской деятельности преимущественно характеризуется действием. например, только путем действий может быть совершены правонарушения, предусмотренные ст. 14.1 КоАП РФ «Незаконная организация и проведение азартных игр», ст.14.11 «Незаконное получение кредита или займа», ст.14.12 «Фиктивное или преднамеренное банкротство», ст.14.7 «Обман потребителей» и ряд других . Часто в диспозиции статьи может быть перечислено несколько действий, характеризующих объективную сторону административного правонарушения. Так, например, в ст. 14.3 «Нарушение законодательства о рекламе» признаками объективной стороны являются: Нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламораспространителем законодательства о рекламе; нарушение порядка прерывания рекламной теле- или радиопрограммы, теле- или радиопередачи либо совмещения рекламы с телепрограммой, превышение допустимого законодательством о рекламе объема рекламы в теле- или радиопрограммах, а равно распространение рекламы в теле- или радиопрограммах в дни траура, объявленные в Российской Федерации; превышение допустимого законодательством о рекламе объема рекламы, распространяемой в периодических печатных изданиях; прерывание рекламой при кино- и видеообслуживании демонстрации фильма, а также совмещение рекламы с демонстрацией фильма, религиозной телепередачи, телепередачи продолжительностью менее чем пятнадцать минут, трансляцией агитационных материалов, распространяемых в телепрограммах и телепередачах в соответствии с законодательством о выборах и референдумах, способом «бегущей строки» или иным способом ее наложения на кадр демонстрируемого фильма либо телепрограммы или телепередачи; нарушение установленных законодательством о рекламе требований к рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг, в том числе методов лечения, а также биологически активных добавок; Распространение кредитной организацией рекламы услуг, связанных с предоставлением кредита или займа, пользованием им и погашением кредита или займа, содержащей хотя бы одно условие, влияющее на его стоимость, без указания всех остальных условий, определяющих полную стоимость кредита (займа) для заемщика и влияющих на нее. В этом случае, объективную сторону составляет любое из названных противоправных деяний.

Необходимо отметить, что объективную сторону правонарушения может составлять и противоправное бездействие. Например, путем бездействия может быть совершено правонарушение, предусмотренное ст.14.36 КоАП – Непредставление или несвоевременное представление документов о споре, связанном с созданием юридического лица, управлением им или

участием в нем, участникам (акционерам, членам, учредителям) юридического лица в случае, если представление таких документов предусмотрено законом.

В ряде случаев объективная сторона административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности может характеризоваться как действием, так и бездействием, например, ст.14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» признаком объективной стороны указывается сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере или месте нахождения или иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества либо сокрытие, уничтожение или фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица либо индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства юридического лица либо признаков неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или гражданина и не содержат уголовно наказуемых деяний (действие) , так и бездействие , в виде неисполнения арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководителем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Классифицировать административные правонарушения в области предпринимательской деятельности можно по различным основаниям. Назовем некоторые из них: по уровню нормативного правового акта, устанавливающего административную ответственность, административные правонарушения можно подразделить на общефедеральные, т.е. закрепленные нормами главы 14 КоАП РФ, и установленные субъектами Российской Федерации; по юридической конструкции состава административные правонарушения в области предпринимательства можно разграничить на правонарушения с формальным составом (в которых объективная сторона предусматривает наступление административной ответственности лишь за факт совершения противоправных действий независимо от наступления либо ненаступления неблагоприятных последствий) и правонарушения с материальным составом (в качестве обязательного условия для привлечения лица к административной ответственности выступает наличие неблагоприятных последствий в результате правонарушения); В зависимости от субъекта административной ответственности административные правонарушения можно подразделить на те, где субъектами выступают граждане, должностные лица, юридические лица в зависимости от субъекта, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях в данной сфере, их можно классифицировать на следующие группы: административ-

ные правонарушения, отнесенные к компетенции судов (арбитражных судов и мировых судей), административные правонарушения, которые рассматриваются судьями в случае, если орган или должностное лицо, к которому поступило дело об административном правонарушении, передают его на рассмотрение судье, административные правонарушения, рассмотрение которых отнесено к компетенции административных органов (органы внутренних дел (полиции), федеральный антимонопольный орган и его территориальные органы, органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере защиты прав потребителей и потребительского рынка и др.). По виду административного наказания за совершение административного правонарушения в области предпринимательской деятельности можно выделить: административные правонарушения, за совершение которых применяется только административный штраф; административные правонарушения, за совершение которых может быть назначено либо предупреждение, либо административный штраф; административные правонарушения, за совершение которых может быть применен либо штраф, либо дисквалификация; административные правонарушения, за которые может быть применен штраф с конфискацией орудия или предмета правонарушения; административные правонарушения, за совершение которых в качестве дополнительного наказания может быть назначена конфискация предмета или орудия правонарушения (при этом основное наказание – штраф или административное приостановление деятельности); административные правонарушения, за которые может быть назначено административное приостановление деятельности. Приведенная выше классификация не является исчерпывающей, административное законодательство в данной сфере меняется и дополняется, в связи с чем, вопрос о классификации правонарушений в области предпринимательской деятельности не теряет своей актуальности.

УДК 342

*А.Г. Кузьмин, д.ю.н., профессор кафедры конституционного
и административного права ЮУрГУ*

*Е.В. Титова, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой
конституционного и административного права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Проблема коллизий конституционных ценностей: вопросы доктрины и правоприменительной практики

Процесс уяснения содержания конституционных ценностей, их признания субъектами правовых отношений в указанном качестве и использование их аксиологического потенциала для выбора модели поведения неизбежно сопряжены с необходимостью разрешения коллизий между ними. Однако

юридическая доктрина и практика свидетельствуют о том, что, несмотря на достаточно интенсивное исследование проблематики конституционных ценностей, некоторыми авторами подвергается сомнению сама возможность существования таких коллизий. Кроме того, до настоящего времени не достигнуто консенсуса не только по вопросу о способах их преодоления, но и их сущности, без чего невозможно эффективное разрешение конституционных противоречий.

Так, Н.С. Бондарь отмечает, что понятие конституционной коллизии не является тождественным понятию ни правовой коллизии, ни коллизии в конституционном праве, что обусловлено различиями не только в количественном аспекте и объеме, но и качественной спецификой указанных феноменов. Качественное отличие конституционных коллизий, по мнению ученого, выражается в том, что они затрагивают конституционные права и свободы индивида. Тем самым создается возможность реальной угрозы (предпосылки) нарушений этих прав и свобод в процессе применения норм права, находящихся в противоречии друг с другом; с другой стороны, будучи применены в конкретном деле, положения, находящиеся в состоянии коллизионного дисбаланса, приводят к нарушению конституционных прав и свобод [1, с. 47].

И.А. Карасева предлагает оперировать термином «конкуренция конституционных ценностей», понимая под ним «столкновение конституционных ценностей, которое проявляется в рамках конкретного правоотношения и может быть разрешено рациональным путем при помощи правовых средств». При этом, по мнению исследователя, в зависимости от причин, лежащих в основе указанного феномена, возможно выделение мнимой и действительной конкуренции конституционных ценностей. Первая возникает при недобросовестном использовании права (злоупотребления правом) или наличии пробела в праве, в то время как вторая является результатом конфликта интересов добросовестно действующих субъектов правовых отношений. Критерием, позволяющим рассматривать конкуренцию как мнимую, в случае злоупотребления правом является использование конституционного права вопреки его ценностному содержанию. При этом воплощенная в нем ценность не реализуется, поскольку действия лиц, использующих соответствующее конституционное право, фактически направлены не столько на его осуществление, сколько на умаление конституционных прав иных лиц. Мнимая конкуренция конституционных ценностей, причиной которой является наличие пробела в праве, представляет собой ситуацию конфликта ценностей из-за отсутствия норм права, направленных на урегулирование соответствующих общественных отношений [2, с. 12–13].

М.В. Пресняков замечает, что логически коллизия между теми или иными конституционными нормами представляется в принципе невозможной, поскольку все конституционные ценности образуют единое аксиологи-

ческое пространство, будучи связаны отношениями взаимодополнения. Поэтому теоретически трудно, например, представить противоречие, существующее между правом на защиту семьи, материнства и детства и свободой предпринимательской деятельности. Между тем практика Конституционного Суда РФ, не раз разрешавшего сложную задачу нахождения баланса этих важнейших конституционных ценностей, свидетельствует об обратном [3, с. 32–39]. Фактически же, с точки зрения ученого, юридическая практика дает основание говорить о коллизионности не норм права, а субъективных прав участников общественных отношений, при «внешней непротиворечивости самих норм». С целью разрешения этой ситуации, замечает М.В. Пресняков, Конституционный Суд РФ часто использует «прием конвертации», сведения конституционных норм к конституционным ценностям [4, с. 15–17].

Указанный тезис, на наш взгляд, имеет важное методологическое значение для определения критерия конституционной правомерности модели поведения в конкретной юридической ситуации. Он позволяет утверждать, что при необходимости нормативного установления модели конституционного правомерного поведения – в случаях, когда она непосредственно и непротиворечивым образом не предопределена нормой права (пробел в законе, коллизия норм) – критерием правильности выбора является достижение конституционно обоснованного баланса тех ценностей, конкуренция которых предопределила возникновение указанной юридической ситуации. Этот же подход, как представляется, должен применяться и при оценке фактических действий в качестве конституционного правомерного либо, напротив, неправомерного поведения. Данный критерий (степень достижения баланса конституционных ценностей), с нашей точки зрения, наряду с мотивом поведения определяет качественное отличие конструкции конституционного правомерного поведения от его общетеоретической конструкции, согласно которой поведение признается правомерным при его формальном не противоречии норме закона.

Однако такой подход, несмотря на внешнюю логичность, сталкивается со значительными затруднениями при его реализации на практике, поскольку нахождение баланса ценностей представляет собой трудноразрешимую задачу в силу ряда причин. К ним, во-первых, относится невозможность предусмотреть в законе все потенциальные варианты правовых конфликтов, а, следовательно, и унифицировать соответствующий каждому из них перечень ценностей, коллизия которых затрудняет разрешение ситуации. Во-вторых, решение этой задачи находится в зависимости от представлений субъекта об иерархии ценностей, основанных на наличии у него конституционного правопонимания. Это, в частности, может быть обусловлено тем, что текущее законодательство и его толкования, направленные на конкретизацию конституционных положений, могут исказить их первоначаль-

ное значение. Кроме того, действие указанных положений находится в зависимости от динамики факторов политического, социального и идеологического характера [5, с. 349–350]. Во-третьих, конституционная аксиология до настоящего времени не выработала универсальный алгоритм поиска и обеспечения их баланса.

Как уже отмечалось выше, вопрос иерархии является одним из основных при исследовании проблематики конституционных ценностей, однако так и не получил своего окончательного разрешения. В частности, Н.Н. Алексеев утверждал, что каждая из реализованных ценностей «имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей», поскольку все они образуют четкую и непротиворечивую иерархию, выражающую идею справедливости. Фундаментальной основой такой идеи, по мнению ученого, «является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности... о постоянном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства». Исходя из такого понимания, Н.Н. Алексеевым были сформулированы основные принципы реализации ценностей в присущей им иерархии. Так, каждая из реализованных ценностей должна находиться в ценностном отношении к любой другой из них, обладая равным с ними правом на достойное существование и эволюцию в рамках общей системы ценностей; отношения реализованных ценностей определяет та мера достоинства, которое им индивидуально присуща; в случае нарушения равновесия между какими-либо ценностями каждая получает право на его установление [6, с. 119, 124].

Однако, соглашаясь с этим утверждением, следует исходить из того, что иерархия ценностей не представляет собой статичное и неизменяемое явление, и именно это обстоятельство определяет сложность выбора модели конституционного правомерного поведения. Так, А.И. Сидоренко замечает, что внешние вызовы, под которыми понимаются изменения в природной и социальной среде, объективно предопределяют появление новых ценностей, а также изменение их иерархии. Роль юридической науки и государственной деятельности в данном случае заключается лишь в легитимации, «согласовании» указанных ценностей, включении их в сферу правового регулирования. Тем не менее, ведущая роль в определении новых соотношений ценностей «принадлежит не юристам, если только ими не насаждается идеал, названный наконец-то познанным Правом» [7, с. 52–62].

На это обстоятельство указывает и Н.С. Бондарь, обращая внимание на то, что иерархия ценностей демократии, свободы, равенства, справедливости, неприкосновенности частной собственности, естественных прав человека в процессе развития конституционализма подвержены изменениям даже в большей степени, чем содержание указанных ценностей. При этом их соотношение становится более гибким: в частности, на смену «линей-

ным» и категоричным юридическим формулировкам – например, о безусловном примате прав личности в соотношении с правами социальных общностей – современные демократические конституции исходят из необходимости активного участия государства в поиске баланса между конкурирующими ценностями. Этот поиск должен осуществляться на основе конституционных принципов демократического правового государства, верховенства права, рыночной социально ориентированной экономики, а также с обязательным учетом конкретно-исторических, включая и национальные, особенностей развития общества и государства.

Сложность выбора модели поведения в условиях конкуренции конституционных ценностей во многом предопределена сменой исторических традиций и взглядов на приоритет интересов общества и личности. В частности, конституционное регулирование до 1993 г. исходило из примата социального интереса, тогда как подход, реализованный в действующей Конституции РФ, концептуально исходит из понимания человека, его прав и свобод как высшей ценности, что, казалось бы, радикальным образом должно изменить представления субъектов правовых отношений о допустимости тех или иных действий и границах конституционного правомерного поведения. Тем не менее, для решения этой проблемы необходимо исходить из понимания того, что личность представляет собой элемент социума, что предполагает поиск комбинированного подхода к закреплению прав человека как индивида и как общественного существа [8, с. 5].

Обращение к системе ценностей позволяет утверждать, что ни одна из них не является «защищенной» от конкуренции. Не является исключением даже категория жизни человека, признание права на которую представляет собой необходимое условие для возникновения всех иных субъективных прав, материальных и нематериальных благ, обладать которыми можно, только находясь в живых. В случае, когда нарушение указанного права возникает вследствие неправомерных действий, последствия нарушения в виде смерти индивида автоматически лишают смысла реализацию всех основанных на нем прав и свобод. Соответственно, жизнь занимает центральное место в иерархии всех конституционных ценностей, присущих существованию личности, поскольку нарушение права на жизнь не может быть ни возмещено, ни компенсировано его обладателю [9, с. 11].

Однако в ряде случаев – например, в ситуации неизлечимой прогрессирующей болезни, причиняющей человеку физические и нравственные страдания, указанное право начинает конкурировать с иными правами индивида, в частности, правом на достойную жизнь, обуславливая наличие в обществе различных подходов к допустимости эвтаназии как акта гуманизма, прекращающих страдания пациента. Фактически, по нашему мнению, каждый из этих подходов, выражая мнения его сторонников о допустимости разрешения рассматриваемой конституционной коллизии тем или иным

способом, свидетельствует о наличии полярных представлений о конституционном правомерном поведении в данной ситуации.

Так, по мнению С. Тасакова, реализация права на жизнь, осуществляясь лицом индивидуально и предполагая распоряжение жизнью по своему усмотрению, включает в себя и добровольное принятие решения о прекращении жизни. Возможность самостоятельного распоряжения своей жизнью, в том числе решение вопроса об ее прекращении, представляет собой один из аспектов права человека на жизнь, и именно по этой причине в УК РФ и других стран не предусмотрена уголовная ответственность за попытку самоубийства [10, с. 40].

Противоположную точку зрения высказывает И.Х. Бабаджанов, который полагает, что, сопоставляя право на жизнь и достойную смерть и принимая во внимание гипотезу о праве человека на распоряжение жизнью, следует прийти к выводу о необходимости сохранения правового запрета как активной, так и пассивной форм эвтаназии. С позиции ученого, идея допустимости эвтаназии не может быть оправдана с позиции естественного права на распоряжение жизнью, поскольку это приводит к разрушению моральных устоев общества, а жизнь человека утрачивает смысл и значение в качестве высшей ценности. «Ограниченные возможности современной медицины, – замечает И.Х. Бабаджанов, – не должны влиять на человеческое существование. Смерть от безысходности – это проблема общества, а не право выбора смерти конкретным членом общества» [11, с. 9].

Абстрагируясь от содержательной составляющей данной дискуссии, заметим, что существование противоположных подходов к решению рассматриваемой проблемы свидетельствует о невозможности разрешить ее исключительно при помощи возможностей медицины и права. В связи с этим в юридической доктрине высказывается обоснованный тезис о том, что привлечение внимания к проблеме эвтаназии определяется не медицинскими причинами, а преимущественно изменениями в системе нравственных и духовных ценностей, пониманием приоритетности прав человека. Кроме того, как уже отмечалось выше, сложность выбора модели поведения в конкретной ситуации, как и представления о его конституционной правомерности, определяются тем содержанием, которое субъект общественных отношений вкладывает в понятие той или иной конституционной ценности, о чем свидетельствуют труды известных российских ученых.

Так, П.И. Новгородцев в своем труде «О праве на достойное человеческое существование» обосновывал необходимость разделения понятий права на достойную человеческую жизнь и права индивида на достойное существование. Последнее, по мнению ученого, предполагает освобождение человека от негативного воздействия таких условий жизни, которые убивают его не только физически, но и нравственно. Однако в процессе определения достойного существования П.И. Новгородцев задавал себе вопрос, не является ли оно неуловимым по содержанию и противоречивым по

своей сущности, слишком широким для того, чтобы вместиться в рамки юридической регламентации и слишком субъективным, чтобы быть предметом общих определений? Указанная проблема, по мнению ученого, обусловлена тем, что понятие различных субъектов о достойной человеческой жизни открывает простор для бесконечных требований и предположений, соответствующих бесконечным идеалам их авторов. Соглашаясь с этим рассуждением, необходимо признать, что выбор модели поведения в условиях коллизии конституционных ценностей затрагивает не только юридические, но и нравственные аспекты социального регулирования, и, следовательно, данная проблема не может быть разрешена исключительно посредством позитивного права.

Таким образом, признание юридических норм, формирование убежденности в их эффективности в качестве социального регулятора, «легитимация» их субъектами правовых отношений определяется степенью соответствия их содержания и смыслового наполнения аксиологическим установкам этих субъектов. По нашему мнению, это утверждение справедливо и для понимания сущности отношений, возникающих при выборе модели поведения в ситуациях коллизии конституционных ценностей. В условиях коллизии перечисленных конституционных ценностей конституционное правомерное поведение не может быть обеспечено при отсутствии конституционного правопонимания, включающего представления о допустимости либо недопустимости тех или иных поступков, и конституционного мотива поведения, обуславливающего намерение субъекта действовать конституционно правомерным образом. На наш взгляд, выделение этих факторов свидетельствует о том, что эффективность практического разрешения коллизий конституционных ценностей определяется, прежде всего, феноменами идейно-духовного и психологического характера. В этой связи представляется неслучайным то внимание, которое уделяется юридической социологией исследованию стимулов поведения.

Библиографический список

1. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М., 2011. – С. 47.
2. Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: автореферат дис. ...канд. юрид. наук. / И.А. Карасева – М., 2014. – С. 12 – 13.
3. Пресняков М.В. Коллизии конституционных ценностей: проблемы конституционной герменевтики // Гражданин и право. – 2014. – № 8. – С. 32 – 39.
4. Пресняков М.В. Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 4. – С. 15 – 17.

5. Лафитский В. Конституционный строй США / В Лафитский. – М., Статут. 2011. – С. 349 – 350.

6. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб., 1999. – С. 119, 124.

7. Сидоренко А.И. Материалы Круглого стола «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4. – С. 52 – 62.

8. Чиркин В.Е. К 15-летию Конституции РФ // Гражданин и право. – 2008. – № 12. – С. 5.

9. Кротов А.В. Соотношение права на частную жизнь с правом на жизнь, свободу и личную неприкосновенность // Адвокат. – 2011. – № 1.

10. Тасаков С. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 40.

11. Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): автореферат дис. ...д-ра юрид. наук. / И.Х. Бабаджанов – Душанбе, 2014. – С. 9.

УДК 342

*А.А. Куковский, к.ю.н., доцент кафедры конституционного
и административного права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Конституционно-правовая защита национальных интересов и ценностей

В настоящей статье предпринята попытка обоснования генезиса и эволюции базовых человеческих ценностей, анализируются основные подходы к определению понятия «ценность». Рассматривая безопасность как базовую ценность для всего человечества, автор предлагает сравнительный анализ и синтез таких категорий как «интерес», «ценность», «национальная безопасность». Предлагается рассматривать национальную безопасность в качестве одинаково базисной ценности для триединства «личность-общество-государство». Формируется авторская позиция относительно подхода к определению понятия «национальный интерес» с точки зрения аксиологии права.

Ключевые слова: национальная безопасность, безопасность, государство, право, ценность, национальные интересы, национальные угрозы, национальные ценности, аксиология права.

Интересы и ценности – близкие и вместе с тем не тождественные фундаментальные понятия. Они выработаны в процессе эволюции общественной мысли, изменения государства, общества и личности, для обозначения

непосредственных причин социальных действий, в результате которых происходят изменения и преобразования в различных сферах жизни. Анализ данных категорий неотделим от исследования государства и права, реальных жизненных ситуаций, от анализа актуальных проблем, стоящих перед нашим обществом.

Понятие «ценность» используется в философии для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов [22, с. 23]. В различных подходах ценность рассматривается как атрибут материального или идеального предмета или как сам предмет (предмет обладает ценностью или является ценностью) [8, с. 17]; как любой значимый предмет или предмет особого рода; как социально-стереотипное или индивидуально-специфическое образование [12, с. 4].

Идеографический анализ позволяет определить понятие ценности как важность, значимость, пользу, полезность чего-либо [7, с. 43]. Система ценностей выполняет функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности человека, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям.

Представляется интересной точка зрения А.Н. Бабенко, рассматривающего ценность с правовой точки зрения, определяющего ее как «продукт естественноисторического процесса», как «предпосылку вхождения личности в сферу права» [1, с. 19].

В ценностях зафиксированы те критерии, социально признанные данным обществом и социальной группой, на основе которых разворачиваются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие институты и сами целенаправленные действия людей – как индивидуальные, так и коллективные [15, с. 56].

Система ценностей лежит в основе формирования интересов, как у индивида, так и у социальной общности любого масштаба. Именно в ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний, предпочтений, увлечений, убеждений и, конечно, интересов различных личностей и отдельных групп. Наиболее кардинальное воздействие на процесс формирования социальных интересов оказывают ценности, придавая им определенную форму, целеустремленность, направленность. Усвоение этих критериев составляет необходимую основу формирования интересов личности и поддержания нормативного порядка в обществе [14, с. 23].

Социальная система любого масштаба предполагает существование неких разделяемых всеми общих ценностей. Национальные ценности - это совокупность материальных и духовных ценностей страны, которым присущи вполне определенные мировоззренческие, исторические, культурологические, социально-экономические, географические и демографические

признаки. Каждая исторически конкретная общественная форма характеризуется специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции [20, с. 10].

Национальные ценности складывались в ходе исторического развития материальной и духовной культуры общества в соответствии с геополитическим положением страны. Это, прежде всего, фундаментальные нравственно-этические представления и нормы, концентрированно выражающие своеобразие, самобытность, особенности характера, обычаи, традиции и уклад жизни, наиболее важные потребности многонационального народа России. Образно говоря, они представляют собой сердцевину его духовной жизни, синтез лучших черт и качеств [9, с. 53].

В числе национальных ценностей России, определенных Конституцией РФ, находятся: утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия; равноправие и самоопределение народов; память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; суверенная государственность и незыблемость демократической основы; благополучие и процветание Отечества; ответственность за свою Родину перед прошлым, нынешним и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества [16, с. 2].

Как уже было отмечено, потребность в безопасности принадлежит к числу базисных [10, с. 5] мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности, как у любых других живых существ.

В. Магун и М. Руднев, используя данные Европейского социального исследования, определили, что для россиян безопасность оказалась важнее всех других ценностей, эта ценность включает в себя такие вещи, как избегание риска, готовность подчиняться правилам и распоряжениям, расчет на то, что тебя защитят, безопасность.

Безопасность, как основная ценность и право человека, впервые стала рассматриваться в рамках западного мира в революционный период его истории. Важнейшие правовые акты, знаменовавшие политическую победу третьего сословия – торгово-ремесленных слоев западного общества, прямо провозглашали безопасность одним из неотъемлемых естественных прав человека. В Билле о правах 1689 г., принятом в Англии [18, с. 34], в американской декларации независимости 1776 г. [19, с. 13], и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. прямо или косвенно безопасность рассматривалась в качестве естественного права человека, наряду со свободой, собственностью и сопротивлением угнетению.

Потребность в безопасности имеет объективный характер, поскольку все люди уязвимы, независимо от их физических данных, обладания богатством, властью, другими ресурсами. Она реализуется не только на индивидуальном, но и на коллективном (групповом), государственном и общественном уровнях.

Значение интересов общества, государства и личности являются целями обеспечения безопасности для их прогрессивного развития. П. Белов определяет национальную безопасность как системное свойство, характеризующее способность нации удовлетворять свои жизненно важные потребности и защищать свои исторически сложившиеся базовые ценности [17, с. 33].

Ш.З. Султанов отмечает, что национальная безопасность – это «собственно исторические, конкретные национальные интересы и ценности, единые для всего общества, – территориальные, геополитические и культурные; государственные интересы и ценности...» [11, с. 11].

Национальная безопасность является показателем состояния общества, среды его обитания, означающий способность данного общества выдерживать воздействие разрушительных факторов и адаптироваться к меняющимся условиям таким образом, чтобы сохранять высокое качество жизни.

Выделяя безопасность в качестве базовой ценности, «символа человеческой цивилизации с момента ее возникновения» [21, с. 23], необходимо отметить, что одним из направлений эффективного обеспечения национальной безопасности является согласование интересов личности, общества и государства.

Векторы интересов общества и государства не всегда и не во всем совпадают: общество, руководствуясь своими взглядами на проблему защиты и выражения своих интересов по мере их поступления, тогда как государство решает проблемы комплексно, ориентируясь на долгосрочный аспект, что может привести к возникновению определенных противоречий и даже, в случае их обострения, к конфронтации между обществом и государством, которая способствует ослаблению национальной безопасности [23, с. 13].

Понятие «национальный интерес» и его связь с понятием «национальной безопасности» требует современной научной интерпретации.

М.В. Ильин отмечает, что «национальный интерес есть интерес нации как двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества. Государственный интерес и интересы гражданского общества содержательно связаны с понятием национального интереса и в значительной мере определяют его смысловую структуру» [2, с. 21].

Согласно позиции Г. Моргентау, «национальный интерес» содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменяемый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной «национальный интерес» реализует в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств [5, с. 22].

Г.А. Голубева определяет национальные интересы как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и всего государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах жизнедеятельности общества. Национальные интересы в основе своей объективны, потому что они отражают стремления граждан государства к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества, его институтов, повышению уровня жизни населения; минимизации угроз личной и общественной безопасности граждан, системе ценностей и институтов, на которых основывается существование общества [6, с. 11].

Полагаем, что соотношение категорий «ценность-национальный интерес» в контексте конституционно-правовой защиты национальных интересов и ценностей необходимо рассматривать с позиции взаимодействия объектов безопасности: личности, общества и государства, сознательно наделяя государство, как субъект по обеспечению безопасности, правом определять конечный перечень национальных интересов, с учетом устоявшейся системы ценности, ценностных ориентиров общества, как совокупности личностей. При этом необходимо учитывать динамичность природы угроз, предъявляемых системе национальных ценностей и интересов, в связи с чем постоянно изменять инструментарий и методологию противодействия, в целях заблаговременного их обнаружения и нивелирования. Развитие личности, общества и государства тесно связано с выработкой единой системы ценностей и ценностных ориентиров, выработанных с течением времени, отражающих реальную сущность триединства «личность-общество-государство».

Библиографический список

1. Бабенко А.М. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ...д-ра юрид. наук / А.М. Бабенко. – М., 2002. – 395 с.
2. Возжеников А.В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России / А.В. Возжеников. – М., 2010. – С. 92.
3. Возжеников А.В., Прохожев А.А. Система жизненно важных интересов Российской Федерации: сущность, содержание, классификация, механизм согласования / А.В. Возжеников, А.А. Прохожев – М., 2012. – 230 с.
4. Гегель. Феноменология духа (Репринтное воспроизведение издания 1959 г. Вступ. статья К.А. Сергеева и Я.А. Слинина). – М.: Инфра-М, 2011. – 330 с.
5. Голубева Г.А., Дмитриев А.В. Социология / Г.А. Голубева, А.В. Дмитриев– М.: МАЭП, 2014. – С. 125.
6. Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI / М.Ю. Зеленков – М., 2002. – С. 101.
7. Идеографический словарь русского языка. – М.: Издательство ЭТС. / О.С. Баранов –М., 1995. – 150 с.

8. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов – [6-е изд.]. – М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2011. – 520 с.
9. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин – М.: Юрайт, 2013. – 608 с.
10. Козаченко А.В., Пономарев В.П., Ляшенко А.Н. Экономическая безопасность предприятия: сущность и механизм обеспечения / А.В. Козаченко, В.П. Пономарев, А.Н. Ляшенко – К.: Либра, 2003. – С. 7.
11. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности России / В.В. Мамонов – М. 2003. – С. 111.
12. Общая психология. Словарь / под. ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 550 с.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М., 1996 – С. 254.
14. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности / А.А. Прохожев. – М., 2010. – 300 с.
15. Прохожев А.А. Человек и общество: законы социального развития и безопасности / А.А. Прохожев. – М., 2011. – 150 с.
16. Прохожев А.А. Национальная безопасность: проблемы теории / А.А. Прохожев. – М.: РАГС, 1977. – С. 17.
17. Султанов Ш.З. Региональные конфликты и глобальная безопасность / Ш.З. Султанов. – М., 1990. – С. 25.
18. Соединенные Штаты, Америки: Конституция и законодательные акты. – М., 2014. – 100 с.
19. Федотов К.Г. История государства и права зарубежных стран / К.Г. Федотов. – Л., 1977. – 200 с.
20. Фененко Ю.В. Сущность и общая характеристика национальных ценностей, интересов и целей Российской Федерации. // Муниципальный мир. – 2009. – № 1-4.
21. Философский энциклопедический словарь / под ред. Курбатова М.П. – М., 2012. – С. 213.
22. Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2011. – 992 с.
23. Ihering, R. Der Geist des römischen Rechts. – Heidelberg, 1968. – P. 327

*И.П. Окулич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры конституционного
и муниципального права, УрГЮУ им. Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия*

*В.В. Мамаев, преподаватель кафедры конституционного
и административного права, Юридического института ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Основные закономерности и тенденции цифровизации парламента

В статье рассматриваются вопросы влияния цифровизации на осуществление парламентской деятельности, в первую очередь законотворческой деятельности и контрольных функций парламента, а также электронного голосования, использующегося на выборах при формировании парламента. Отмечается как позитивное влияние цифровизации, открывающее перспективы для установления демократии, расширения возможностей непосредственные форм ее реализации, участия граждан в принятии решений на всех уровнях власти, так и риски, связанные с «оцифровыванием» государства и государственной власти – киберпреступность, дегуманизация общества, социальная изоляция человека. Предлагаются пути решения.

Ключевые слова: государственная власть, публичная власть, парламент, законотворчество, парламентская деятельность, парламентские процедуры.

Современные исследователи, изучая проблематику цифровизации права и правоотношений, все чаще ведут речь о трансформации, казалось бы, таких незыблемых и традиционных категорий, как право, государство, общество. Отмечают сложное и многоаспектное воздействие цифровизации и новой общественно-политической парадигмы на ключевые категории в триаде «человек – общество-государство». При этом, становится все более очевидным, что цифровое государство может рассматриваться как очередной этап в развитии государственности [1, с. 3–11], а значит цифровой трансформации будет подвергнут механизм осуществления власти, отдельных публично-властных полномочий.

Предпримем попытку тезисно обозначить какими могут быть ориентиры для цифровизации такой деятельности как законодательная, законотворческая деятельность, а также выявить и обозначить основные закономерности цифровизации деятельности парламента и парламентских процедур.

В качестве первоначальной посылки согласимся с мнением тех авторов, которые полагают, что подобного рода трансформация законодательной деятельности должна быть ограничена его конституционно-правовой природой [2, с.72–80], что предполагает недопустимость внедрения таких технологических решений, которые бы сущностно изменили процесс разработки, обсуждения и принятия законов. Позволим себе продолжить эту мысль и распространить ее не только на законотворческую деятельность, но и иные виды деятельности, осуществляемой парламентом.

Цифровизация парламентской деятельности, парламентских процедур (не только законотворческих, но и иных, реализующих основные функции парламента – представительскую, контрольную и другие) находится в русле общих тенденций, отличительной особенностью которых является то, что технологические изменения, вкупе с экономическими, политическим и социальными изменениями, способствуют формированию новых форм отношений между государством, обществом и гражданами. Цифровизация государства, формирование цифрового общества в сфере осуществления государственной власти выражается в появлении новых демократических практик, в использовании инновационных инструментов в уже традиционных демократических институтах, и это во многом становится ответом на то, чтобы нивелировать негативные стороны традиционных форм демократии.

Этот вопрос актуален, поскольку меняется модель взаимодействия личности и государства и традиционные формы участия граждан в управлении государством (выборы и референдум) зачастую начинают носить имитационный, ритуальный, церемониальный характер [3, с. 55]. Причем это происходит на фоне того, что их реальный потенциал не исчерпан, однако расхождение между общественным запросом и возможностями государства его обеспечить становятся критичными. Согласимся, что залогом успеха здесь во многом становится потенциал самого общества как императив функционирования государственных институтов, обеспечения их эффективности на основе открытости и подконтрольности, политической конкуренции, верховенства закона [4, с. 36–40]. Это дает системе высокий уровень легитимности.

На указанные закономерности обращали внимание те авторы, которые исследовали такой тренд как сетевое государство [5, с. 63] – государство, в котором на иных основах выстраивается и функционирование права и которое характеризуется: «разделением суверенитета и ответственности между государствами на разных уровнях правления»; гибкостью государственного управления, в том числе и правового регулирования; разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства [6, с. 95]. В литературе отмечается, что происходят изменения как в

механизме обеспечения, так и в механизме удержания власти, власть становится индирективной [7, с. 238].

Использование цифровых инноваций и новых цифровых решений может способствовать расширению возможностей участия граждан в решении публичных дел на любом уровне власти, но, в первую очередь, на уровне местного самоуправления, делая деятельность органов местного самоуправления прозрачной и гласной.

Один из наиболее успешных и удачных опытов «проникновения» цифровизации в государственную власть, цифровизации парламентов – разработка электронного парламента, как уникального программного решения для поддержки управления парламентскими сессиями. Как правило, объем таких решений ограничивается законодательными и контрольными функциями парламента и основными требованиями выступают – легко настраиваемое решение с использованием модульной конструкции, открытых стандартов и независимых от платформы компонентов с открытым исходным кодом. При этом специалисты, анализируя особенности деятельности парламента, ведут речь о процедурных пределах цифровизации законодательного процесса, выявляя три типа процедурных предела: исключая возможность изменения каких-либо стадий, допускающие изменение стадий с сохранением их сути и предполагающие возможность введения новых стадий [2, с. 72–80].

Вторым опытом, заслуживающим внимания, является проведение избирательных процессов в электронной форме, интерес к которой повысился в период пандемии Covid-19, хотя подобные разработки велись и раньше. Основными требованиями и условиями такого голосования становятся обеспечение безопасности и конфиденциальности при удаленном голосовании, а также поддержание взаимного доверия между государством и гражданином.

Государства используют различные системы голосования на основе блокчейна, как правило, такая система представляет собой частную и централизованную цепочку блоков, реализованную в моделируемой среде. Система реализует иерархический процесс голосования, при котором, например, избиратель может отдать голоса на двух уровнях: один за группу, а второй за отдельных членов внутри группы.

Отметим, что на первый взгляд, такая технология не является цифровизацией парламента в чистом виде, поскольку речь идет только еще о формировании парламента. Однако, на наш взгляд, эти практики также необходимо учитывать, поскольку свободные, открытые, прозрачные периодические выборы является неотъемлемым условием нормальной работы парламента, условием его легитимности и законности деятельности.

Выборы в парламенты являются важной областью применения цифровых технологий. Они являются прямым выражением демократии и необ-

ходимы для свободного и плюралистического общества. Поэтому цифровизация должна быть плодотворной в этой области, а онлайн-голосование должно использоваться для современной избирательной технологии.

Для специалистов, отстаивающих концепцию «цифровой демократии», очевидно, что ее реализация открывает новые перспективы для установления подлинной демократии, где расширяются непосредственные формы ее реализации, участие граждан в принятии решений на всех уровнях власти.

В целом полагаем, исследовательским потенциалом обладает проблематика появления новых идей в понимании демократии, а также их преломление в законодательной деятельности парламента. Цель таких исследований – понять, насколько традиционные формы деятельности парламента и их восприятие обществом соответствует реалиям нынешнего времени. Более масштабная цель – выявить эффекты влияния цифровизации на демократию, на демократические институты и процессы. Учитывая при этом и риски, которые несет такое «оцифровывание» государства – киберпреступность, дегуманизация общества, изоляция человека.

Так, например, немалые риски заложены в ситуации, когда частным компаниям предоставляют возможность разрабатывать и эксплуатировать критически важную цифровую инфраструктуру, как это произошло в Дании, когда в 2014 году министр по налогам и сборам сообщил национальному парламента, что налоговые органы утратили понимание и контроль над более чем 200 системами, используемыми в этой области администрирования.

В итоге только частные поставщики этих систем обладали знаниями, необходимыми для описания и изменения функций и принятия цифровых решений. И, по мнению министра, в определенной степени право принятия решений было неофициально передано частным поставщикам. Это было связано с аутсорсингом разработки и сопровождения используемых технологий.

Летом 2017 года датский омбудсмен в деле, касающемся одного из основных компонентов датской цифровой инфраструктуры (национального NemID) заявил, что для того, чтобы частные компании разрабатывали и эксплуатировали такую критическую цифровую инфраструктуру, требуется явное согласие демократически легитимного парламента, даже при том, что процедура государственных закупок была проведена юридически корректно [8, с. 136–146].

Кроме того, признавая беспрецедентные возможности цифровизации, стоит все е задавать вопрос – а действительно ли она способна поменять природу и сущность государства и государственной власти, природу и характер отношений между «управляющими» и «управляемыми» (Л. Дюги).

Считаем, что дальнейшие исследования обозначенной проблематики должны включать сравнительно-правовую компоненту, которая позволит

обобщать опыт государственного строительства в парламентской сфере, который может стать ориентиром для инициатив по цифровизации парламентов в других странах. Кроме того, концептуальным должно стать понимание, что цифровизация не должна ставить под угрозу такие принципы деятельности парламента как гласность, демократизм, представительский характер.

Библиографический список

1. Ромашов Р.А. Цифровое государство (digitalstate) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? / Р. А. Ромашов // История государства и права. – 2017. – № 4. – С. 3–11.

2. Процедурные пределы цифровизации законодательного процесса / С.С. Зенин, Д.Л. Кутейников, И.М. Япрынцеv, О.А. Ижаев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т.19. – № 3. – С. 72–80. – DOI 10.14529/law190311. – EDN QTFUMI.

3. Конева Н.С. Трансформация модели взаимодействия гражданского общества и власти в условиях цифрового государства / Н. С. Конева // Проблемы права. – 2019. – № 5(74). – С. 36–40.

4. Колесников В.А. Государственная власть и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России / В.А. Колесников // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т.7. – № 1А. – С. 20–30.

5. Кастельс М. Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 63.

6. Хмелевская С.А., Ермаков Д.Н. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 95.

7. Право цифровой среды: Монография / под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – С. 238.

8. Motzfeldt H., Naesborg-Andersen A. Developing Administrative Law into Handling the Challenges of Digital Government in Denmark // The Electronic Journal of e-Government. – 2018. – 16(2). – P. 136–146.

Пуританизм и традиции американского конституционализма

Аннотация: Историко-политический разрез позволяет глубже рассмотреть генезис и формирование правовых традиций. Основанием зарождения институций права зачастую являются как конфессиональные, так и этнокультурные паттерны общества. Ретроспективный анализ позволяет спрогнозировать степень адаптивности и вектор дальнейшей эволюции права. В статье рассмотрен процесс и причины формирования традиций конституционализма среди пуритан, а также особенности правосознания, которые способствовали утверждению Конституционных ценностей в США.

Ключевые слова: пуританизм, право, мэйфлауэрское соглашение, обычай, пуритане, конституционализм, живая конституция, республиканизм, массачусетский свод законов, билль о правах.

Система взглядов различных социальных групп, может формировать условия и контуры правовой реальности. Интеграция культурного кода в правовое пространство происходит в первую очередь по причине многомерности самого права. К тому же многомерность как признак экстраполирует на всю сущность права, а не только на подходы правопонимания. Это означает что право может учреждаться через разные социальные измерения, к примеру, духовные, экономические, политические и другие сферы общественной жизни. Более детально, мы рассмотрим этот процесс на примере Пуритан.

В середине XVI века в Англии пуританами называли участников движения Пуританизма (*purus, pure* — чистый, истинный), как правило это были люди из числа протестантов (последователей кальвинизма), которые активно отстаивали идеи очищения английской церкви от наследия католицизма [1, с. 36]. В данном случае, «истинность», указывает на факт того, что они верили в свою Богоизбранность и подчёркивали свою уникальность среди других христиан. А уникальность заключалось в том, что они довели свой образ жизни до ярко выраженного аскетизма. Пуритане призирали роскошь, высшим благом считали труд и следование долгу, священное писание рассматривали как основной источник законов, которому необходимо неукоснительно следовать. Именно таким образом, пуритане видели символ веры и спасение от грехов.

Пожалуй, следует остановиться на том, кому пуритане делегировали власть. Это самый сложный вопрос, ведь они отвергали привычный церковный истеблишмент, и были всем сердцем верны лишь Писанию. У них были свои идеи относительно «Небесного Иерусалима» на земле, со временем это не могло не привести к конфронтации с Английской короной. Пуританам был близок дух реформаторства, они требовали радикальных изменений английской церкви. Основные требования были такие: каждый член общины должен иметь доступ к управлению общими делами, никакая церковь не должна подчиняться вышестоящему институту, не должно существовать авторитета в вопросах вероисповедания [1, с. 38]. Характер таких требований, не особо нравился короне, ведь церковь всегда была полезным инструментом в вопросах управления государством. К примеру, король Англии, правящий с 1603 по 1625 г.г. Джеймс I, имел свои взгляды на этот счёт, он рассматривал епископа как опору для короля и в том числе верил в Божественное право королей. Что касается пуритан их он предостерег и дал совет подчиниться, в противном случае обещал вытеснить их из страны [2, с. 20]. Впрочем, на пуритан эти угрозы не подействовали и градус с годами лишь накалялся. В скором времени их объявили вне закона.

В поисках свободы пуритане сначала бежали в Голландию в 1608 году, но и там среда не соответствовала их чаяниям. Так, они решили окончательно покинуть старый континент и переселиться в Америку. В 1620 году галеон «Мэйфлауэр» с колонистами на борту, причалил к берегам Новой Англии в Северной Америке.

В то же время, на новой земле, пуритане подписали, пожалуй, один из самых важных документов – «Мэйфлаурское соглашение». Этот документ в первую очередь отражал их реформаторские идеи, сформированные еще в Англии. А именно альтернативный взгляд, на мощную централизованную иерархичную власть европейского государства, в виде религиозных общин образуемых на договорной основе [3, с. 103]. Таким образом данный документ декларировал основные принципы, которые в дальнейшем получат своё развитие и станут фундаментом для правового и политического развития Нового Света. Также Мэйфлаурское соглашение станет отправной точкой и сформирует обычай у Американского общества, использовать письменный документ как авторитетный источник при закреплении принципов и процедур.

Алексис де Токвиль подчёркивал, что Пуританизм был как религиозным, так и политическим течением. Поэтому Английское правительство совсем не отчаивалось по поводу того, что остатки пуритан из среднего класса убывали к Новому свету, тем самым избавляя Англию от лишних хлопот по борьбе с ними. Иной раз убытие пуритан в колонии больше поощрялось. Таким образом, Английские колонисты в Америке по сравнению с другими могли в полной мере наслаждаться новыми свободами [4, с. 48]. Так, они

заручились возможностью учреждать свои законы, свою администрацию и т.д.

Свобода для пуритан была неотъемлемым правом, так как согласно их доктрине, лишь через независимость и индивидуальность, человек может созерцать Бога. Другими словами, путь к познанию Бога у каждого будет индивидуальный. Исходя из идей свобод, равенства, децентрализации власти, а также условий отдаленности от Английской монархии, пуританам практически удалось в своих колониях возвысить принцип республиканизма [5, с. 18].

Именно пуритане, несмотря на их углубленную самобытность, смогли посадить первые зёрна Американского конституционализма. Учитывая объективные условия их свобод и высокую степень правосознания, в 1641 году в их колонии Массачусетского залива в Новой Англии, был принят «Массачусетский Свод законов о свободах» (The Massachusetts Body of Liberties). Данный документ формально закреплял основные гарантии свобод, равенства, прав собственности, принципов судопроизводства и т.д. Также некоторые отдельные положения Массачусетского свода законов коррелирует с Биллем о правах США [6, с. 4]. В свою очередь Билль о правах является органичной частью живой Конституции США и, в общем и целом, является незыблемым ориентиром Американского конституционализма.

Конечно же, мы не можем приписывать все лавры эпохального триумфа Американского конституционализма одним лишь пуританам по вполне ясным причинам. Становление конституционной среды это в первую очередь вопрос огромного массива детерминант. Однако, у нас есть все основания полагать, в виду вышеперечисленных аргументов безусловно, пуритане внесли в свою лепту в эфир Конституционных традиций США.

Библиографический список

1. Покровский Н.Е. Ранняя Американская Философия Пуританизм: учебное пособие / Н.Е. Покровский. – М: Изд-во Высш. Шк., 1989. – 246 с.
2. Erroll Hulse. The Story of the Puritans. Evangelical Press, 2000 – P. 31
3. Сонин В.В. Мифологические основания федеративной традиции. // Журнал Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2014 – №1-2. – С. 85–95
4. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
5. Питин А.В. Пуританизм и формирование идеологических предпосылок войны за независимость в США. // Журнал Вестник Челябинского государственного университета. – 2008 – №14. – С. 17–21
6. Constitutional Rights Foundation. – URL: <https://www.crf-usa.org/images/pdf/gates/puritans-of-mass.pdf>

*З.Р. Танаева, д.п.н., доцент кафедры конституционного
и административного права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

О некоторых особенностях государственного управления сферой организации отдыха и оздоровления детей

В статье раскрываются некоторые особенности государственного управления сферой организации отдыха и оздоровления детей и проблемы квалификации административного правонарушения, предусмотренного ст.14.65 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), полномочия органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере организации отдыха детей.

Ключевые слова: права детей, безопасность, организация отдыха детей, реестр организаций, административная ответственность.

В настоящее время в России существует острая проблема организации детского отдыха и оздоровления детей. В соответствии с Федеральным законом №124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» данный процесс включает в себя целый комплекс мероприятий, связанных с реализацией «санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемиологических требований и требований обеспечения безопасности жизни и здоровья детей». Органы государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своих полномочий осуществляют меры по обеспечению прав детей на отдых и оздоровление, по регулированию деятельности юридических лиц, оказывающих услуги по организации отдыха детей, и контроля их деятельности.

К сожалению, на практике очень часто выявляются случаи нарушения правил организации отдыха и оздоровления детей. Так, по данным Генеральной прокуратурой Российской Федерации в ходе прокурорского надзора организации летнего отдыха детей в 2020 году было выявлено множество нарушений, связанных с несоблюдением санитарно-эпидемиологических требований, несоответствием требованиям антитеррористической защищенности, нарушений при организации питания детей и содержании помещений и т.д. Кроме того, по результатам проверок, например, только «в Приморском крае из регионального реестра исключены сведения о 80 организациях, которые не имели документов, подтверждающих безопасность оказания услуг, в Ростовской области – о 120 организациях». Нарушения выявлены и в деятельности органов региональной власти. В большинстве случаев не актуализировалось содержание реестра организаций отдыха де-

тей и их оздоровления, что повлекло продажу путевок в лагеря, не соответствующие санитарным требованиям [3]. Негативные последствия, которые могут наступить при нарушении законодательства об организации отдыха детей, касаются в первую очередь, жизни и здоровья детей. Данные обстоятельства актуализируют проблему исследования.

Правовую основу государственного регулирования деятельности организаций, оказывающих услуги по организации отдыха и оздоровления детей, составляют Федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ от 06.10.2013 г.), ведомственные нормативные акты, в частности Приказ Минпросвещения России «Об утверждении общих принципов формирования и ведения реестров организаций отдыха детей и их оздоровления, а также типового реестра организаций отдыха детей и их оздоровления» (№ 570 от 21.10.2019 г.), нормативные акты государственных органов управления субъектов, в частности, Приказ Министерства образования и науки Челябинской области «Об утверждении порядка формирования и ведения реестра организаций отдыха детей и их оздоровления, осуществляющих деятельность на территории Челябинской области» (№ 01/779 от 17.03.2020 г.) и другие.

В период с 2019 по 2021 гг. на законодательном уровне были закреплены основные положения регионального государственного контроля (надзора) за достоверностью, актуальностью и полнотой сведений об организациях отдыха детей и их оздоровления, а также процедура ведения реестра организаций отдыха детей и их оздоровления. Таким образом, региональным органам власти предоставили основные полномочия по организации и обеспечению отдыха и оздоровления детей, включая контрольные функции.

Следует заметить, что в науке существуют разные точки зрения на управленческие аспекты в сфере организации отдыха детей. Так, по мнению Е.В. Оргиной, для «эффективной социальной политики в сфере детского отдыха необходимо создание единого государственного реестра объектов, а не разрозненных реестров в каждом регионе» [4, с. 9], при этом «совершенствование системы управления детским оздоровительным туризмом должно осуществляться на основе государственно-частного партнерства» [4, с. 23]. А.А. Юров предлагает «создать специальный орган, контролирующий проведение оздоровления и отдыха детей за счет государственных средств, а также осуществляющий качественный анализ состояния детского оздоровления, мониторинг детских оздоровительных учреждений независимо от форм собственности» [5, с. 26]. На наш взгляд, в условиях усиления процессов регионализации передача полномочий по организации и обеспечению отдыха детей региональным властям приобретает большую актуальность.

Целью регионального государственного контроля является предупреждение, выявление и пресечение нарушений организациями отдыха детей требований, установленных законодательством Российской Федерации в сфере организации отдыха и оздоровления детей. Государственный контроль осуществляется в отношении как юридических лиц так и индивидуальных предпринимателей. В соответствии с Законом индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги по организации отдыха и оздоровления детей, приравниваются к организациям, следовательно, подлежат включению в реестр в соответствии с общими принципами формирования и ведения реестра.

В рамках нашего исследования рассмотрим некоторые особенности и проблемы, связанные с применением правовых норм по привлечению к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в сфере организации отдыха и оздоровления детей. По ст. 14.65 КоАП РФ предусмотрена ответственность за предоставление организацией отдыха детей и их оздоровления или индивидуальным предпринимателем, не включенными в реестр организаций отдыха детей и их оздоровления, услуг по обеспечению отдыха и оздоровления детей. Целью ее является контроль за деятельностью организаций отдыха детей и их оздоровления с целью обеспечения безопасности пребывания детей в оздоровительных учреждениях, а также установление административной ответственности с целью пресечения незаконной деятельности в данной сфере и повышению ответственности руководителей за качество оказываемых услуг.

Следует обратить особое внимание на ч. 2 данной статьи, в которой предусмотрено положение о том, что «за административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несет административную ответственность как юридическое лицо». По общему правилу, индивидуальные предприниматели несут административную ответственность как должностные лица (ст. 2.4 КоАП), если иное не предусмотрено законом. В нашем случае КоАП уравнивает индивидуального предпринимателя и юридическое лицо. Возникает справедливый вопрос, насколько это оправданно в данном конкретном случае. Правовая позиция Верховного суда РФ такова: учитывая имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности индивидуального предпринимателя к нему применяются правила части 3.3 статьи 4.1 КоАП о снижении штрафа до суммы не менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц, то есть в нашем случае 250 тысяч рублей. Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, в санкции ч. 1 статьи следует выделить индивидуального предпринимателя в качестве отдельного субъекта как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с указанным выше размером административного штрафа, а ч. 2 статьи исключить.

В примечании данной статьи говорится, что положения настоящей статьи не распространяются на организации и индивидуальных предпринимателей, которые исключены из реестра организаций отдыха детей и их оздоровления, при условии, что такие организации и индивидуальные предприниматели завершают исполнение принятых на себя обязательств по обеспечению отдыха и оздоровления детей и при этом отсутствует угроза причинения вреда жизни и здоровью детей. В условиях жестких требований государства к совершенствованию механизма защиты прав детей освобождение от ответственности при выявленном нарушении законодательства в сфере организации отдыха и оздоровления детей тоже вызывает недоумение. Кроме того, на законодательном уровне не раскрыто понятие «угрозы причинения вреда жизни и здоровью», в связи с чем может быть дана субъективная оценка деянию.

Нуждается в подробном правовом регулировании процедура получения разрешения на оказание услуг по организации отдыха и оздоровления детей. На наш взгляд, такое регулирование возможно через лицензирование указанного вида деятельности. Многие теоретики и практики высказываются против лицензирования. Так, например, А.А. Юров считает, что «совершенствование государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей на данном этапе следует осуществлять не в направлении введения лицензирования такой деятельности» [5, с. 27], так как «получение любой лицензии требует определенных, зачастую значительных денежных затрат» [5, с. 24]. Позволим себе не согласиться с автором, так как в соответствии с ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (№ 99-ФЗ от 04.05.2011 г.) лицензирование отдельных видов деятельности осуществляется «в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности», если «регулирование не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием». В связи с тем, что в результате нарушений норм и требований безопасности может быть причинен вред здоровью детей, и таких примеров, к сожалению, немало, на наш взгляд, необходимо утвердить процедуру лицензирования оказания услуги по организации отдыха и оздоровления детей.

Таким образом, эффективность управления процессом обеспечения безопасности детей в организациях отдыха и оздоровления определяется единством функционирования системы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и зависит от совершенства правового механизма управления на всех его этапах.

Библиографический список

1. Вифлеемский А.Б. Совершенствование государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей. // Педагогическое образование в России. – 2017. – №5. – С. 22–28.

2. Зоричева Н.М. Детский отдых как приоритетный вид социальной политики государства. // Российский экономический журнал: электронный научный журнал. – 2013. – №1. – С. 22–28. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/publications>.

3. О состоянии законности в сфере организации отдыха и оздоровления детей: Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 11 ноября 2020 года №21/1-09-2020.

4. Оргина Е.В. Формирование системы управления детским оздоровительным туризмом в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е.В. Оргина. – Сочи, 2012. – 27 с.

5. Юров А.А. Совершенствование государственных механизмов развития системы детского оздоровления на материалах Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.А. Юров. – Кисловодск, 2011. – 28 с.

СЕКЦИЯ «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»

УДК 343.8

*Д.Г. Запрутин, к.п.н., доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Предотвращение отмыывания (легализации) денежных средств, добытых преступным путем в сфере предпринимательства

В статье рассматривается проблема легализации денежных средств и другого имущества, полученных преступным путем, в выявлении особенностей российского и международного взаимодействия.

Ключевые слова: легализация, отмыывание, коррупция, доходы, капитал.

Все большую актуальность приобретают вопросы пресечения попыток легализации (отмыывания) преступно полученных денежных средств. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем - одно из преступлений, совершаемых в сфере экономики, которые породили коррупцию, стяжательство как средство накопления первичного капитала. Процесс разгосударствления и приватизации в состоянии недостаточного правового регулирования в переходный период к рыночной экономике создал условия для незаконного накопления капитала в руках физических либо юридических лиц, получившего название «теневого» капитала, обращение которого стали называть «теневой» экономикой.

Противодействие легализации (отмыывания) доходов, полученных преступным путем, регулируется в Российской Федерации Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ. Данные преступления представляют значительную общественную опасность, так как полученные преступным путем материальные блага нарушают общепризнанные нормы экономической деятельности, принципы рыночной экономики, являются условием развития организованной преступности и в результате формируют угрозу экономической безопасности страны [6, с. 17].

Взаимосвязь легализации (отмыывания) преступных доходов с другими видами преступлений позволяет отметить, что небезосновательным является утверждение о том, что связь легализации (отмыывания) с коррупционными преступлениями в последние годы стала неразрывной, повышается их взаимопроникновение и взаимообусловленность [7, с. 27]. Так, за период с 2017 по 2021 гг. за коррупцию, способствующую отмыыванию денежных

средств и иного имущества, осуждено свыше 4000 правоохранителей, более 400 депутатов, около 3000 должностных лиц. Благодаря профессиональной деятельности правоохранительных органов России, в 2018-2021 гг. отозваны лицензии у 192 страховых организаций, банками принято 690 тыс. решений об отказе в финансовых операциях, что позволило предотвратить отмывание средств в объеме 200 млрд руб. [2].

Нормы российского законодательства в сфере противодействия легализации (отмывания) преступных доходов коррелируют с международными источниками права: Венской конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», Сорока рекомендаций ФАТФ – группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF), Палермской конвенции против транснациональной преступности (ст. 6), Мексиканской конвенции против коррупции (ст. 23), Варшавской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности, финансирования терроризма [4].

В Российской Федерации в качестве субъектов профилактики преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, выступают органы внутренних дел (ОВД) России при взаимодействии с учреждениями исполнительных центров в системе Министерства юстиции РФ, Центральным Банком, Росфинмониторингом, специализированными подразделениями МВД РФ, в т. ч. БЭП. Под предупреждением преступлений аппаратами по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП) понимается вид деятельности служб, подразделений, сотрудников, осуществляемый по предотвращению, пресечению преступлений и правонарушений, по выявлению обстоятельств, способствующих совершению деяний, принятию эффективных мер к устранению, к воздействию на лиц с противоправным поведением с целью недопущения противоправных деяний, по влиянию на виктимность и определенную латентность подобных преступлений.

Как показывает практика, большая часть профилактической работы в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, связана с проведением первичных проверочных мероприятий, финансовых расследований по запросам правоохранительных органов. В «антиотмывочную» систему, помимо Росфинмониторинга, входят субъекты первичного финансового мониторинга: кредитные организации, микрофинансовые организации, ломбарды, риэлторы, адвокаты, управляющие компании инвестиционных фондов, профессиональные участники рынка ценных бумаг, общества взаимного страхования, организации федеральной почтовой связи, негосударственные пенсионные фонды, операторы связи, страховые организации и др.), суды, правоохранительные и надзорные органы [5, с. 55], иные лица, институты гражданского общества.

К мерам, предпринимаемым ОВД России для предупреждения и борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, относится контроль за участием платежных и банковских платежных агентов (субагентов) в схемах теневого обналичивания денежных средств, передаваемых через платежные терминалы гражданами в качестве оплаты услуг и товаров в нарушение положений, предусмотренных Федеральным законом «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами». В приговоре Аркадакского районного суда Саратовской области № 6-2-2/2018 1-6/2018 от 7 февраля 2018 г. по делу № 6-2-6/2018 отмечено: в нарушении законодательства, наличные денежные средства передавались третьим лицам – заказчикам наличности, которые «оплачивали» их, перечисляя безналичные денежные средства на счета платежных и банковских платежных агентов (субагентов), в т. ч. путем осуществления транзитных операций с участием организаций, имеющих низкую налоговую нагрузку и иные признаки фиктивной деятельности [1].

В выявлении схем отмывания преступных доходов российские субъекты профилактики преступности осуществляют международное сотрудничество в рамках: ООН; ШОС; Международной организации уголовной полиции (Интерпол); Всемирной таможенной организации; Евроюста; Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО); Европейского агентства по борьбе с мошенничеством; Международного уголовного суда; Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными преступлениями (СНГ); Международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня подобной преступности в мире (Трансперенси Интернешнл – Transparency International), Positive Technologies – лидера европейского рынка систем анализа защищенности от преступных посягательств; Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) [3].

Система противодействия подобным преступлениям, таким образом, – совокупность субъектов профилактики, комплекс мер профилактики, мер по координации подобной деятельности и мер по мониторингу.

Представляется, что правовую категорию «противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» необходимо изложить в редакции: взаимодействие уполномоченных субъектов профилактики, физических и юридических лиц, институтов гражданского общества по реализации мер профилактики, координации и мониторингу, направленных на противодействие легализации (отмыванию), на обнаружение и устранение причин и условий преступления, на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование преступления (борьба с легализацией отмыванием); на минимизацию и устранение последствий преступления.

В целях предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, необходимо разрабатывать и реализовывать общесоциальные и специально-криминологические меры, направленные на предупреждение экономической преступности. В частности, к таким мерам относятся, во-первых, снижение риска ведения предпринимательской деятельности за счет защиты права собственности, а также установление конкурентоспособного поля государственного и частного сектора экономики, позволяющего уменьшить административные барьеры и вести активную пропаганду борьбы с коррупционной деятельностью органов власти. Во-вторых, изменение социальных норм и правил поведения в обществе, а также характера взаимоотношений между государством и обществом, позволяющего сформировать партнерские, лояльные отношения физических и юридических лиц при участии последних в сфере экономической деятельности.

Библиографический список

1. Приговор Аркадакского районного суда Саратовской области № 6-2-2/2018 1-6/2018 от 7 февраля 2018 г. по делу № 6-2-6/2018. – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 11.03.2022).

2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2018 год (по вступившим в законную силу приговорам) Судебного Департамента Верховного Суда РФ // Официальный сайт ЕМИСС (Государственная статистика). – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41> (дата обращения: 10.03.2022).

3. Алиев В.М. Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем: дис. ... докт. юрид. наук. / В.М. Алиев – М., 2011. – 450 с.

4. Арефьев А.Ю. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений в положениях нормативных правовых актов МВД России. – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 11.03.2022).

5. Берг Н.А., Хуртина П.Р. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Молодой ученый. – 2018. – № 37. – С. 54–56.

6. Бурма А.А. Механизм управления противодействием легализации доходов, полученных преступным путем, в кредитных организациях // Электронный научный журнал «ГосРег». 2017. № 2. – URL: <http://gosreg.amchs.ru/> (дата обращения: 11.03.2022).

7. Карпов А.С. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, как инструмент борьбы с коррупцией и терроризмом. Создание соответствующей нормативно-правовой базы // Правовая инициатива. – 2013. – № 4. – С. 27.

О значении оперативно-розыскной деятельности в правовом механизме противодействия экономической преступности¹

Оперативно-розыскная деятельность является важным средством противодействия экономической преступности. Однако, сфера ее применения в силу изменения модели государственно-правового механизма сократилась. Необходимо, усилить правозащитный потенциал оперативно-розыскной деятельности в ситуации, когда потерпевшими от предпринимательских преступлений являются граждане и некоммерческие организации.

Ключевые слова: экономическая преступность, оперативно-розыскная деятельность, потерпевший, граждане, некоммерческие организации

Общепризнано, что оперативно-розыскная деятельность является важнейшей составляющей частью правового механизма противодействия преступности. Благодаря оперативно-розыскной деятельности выявляются и раскрываются наиболее скрытые и тяжкие преступления, совершаемые в различных сферах общественных отношений.

Велика роль и значение оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой, в том числе, сотрудниками аппарата ЭБиПК МВД России, по обеспечению экономической безопасности. Основные направления этой деятельности определены федеральным законодательством и подзаконными нормативно-правовыми актами. Под оперативным прикрытием находятся главным образом те экономические отношения, субъектами которых являются государство, а также государственные корпорации, компании, предприятия или муниципальные унитарные предприятия, коммерческие организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования. Тем самым обеспечивается защита публичных интересов.

Что касается правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности, то уголовно-правовое вмешательство в них со стороны государства допускается в рамках частно-публичного обвинения, то есть только по заявлению одного из субъектов в связи с совершением против него преступления, указанного в части 3 статьи 20 УПК РФ.

Из этого вытекает, что вмешательство по своей инициативе органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в отношении субъектов предпринимательской деятельности недопустимо.

---

¹ Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент А.О. Машовец

Это подчеркивается в совместном нормативно-правовом акте, нацеленном на усиление прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность по выявлению и раскрытию преступлений в сфере предпринимательской деятельности – Указании Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» (далее – Указание). Так, в пункте 1.1 данного Указания отмечается недопустимость вмешательства со стороны органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в гражданско-правовые отношения хозяйствующих субъектов. В пунктах 3.1-3.7 Указания уполномоченным прокурорам предписывается обеспечивать соблюдение законных прав предпринимателей, в отношении которых проводятся как негласные, так и гласные мероприятия, в связи проверкой их причастности к совершению преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В этом же Указании (пункт 2.4) внимание прокуроров и других правоохранителей, акцентируется на «случаях, вызывающих большой общественной резонанс, сопряженных с нарушением прав и законных интересов широкого круга лиц». Полагаем, это случаи, когда потерпевшими от предпринимательских преступлений являются граждане, а также некоммерческие организации, то есть не хозяйствующие субъекты предпринимательской деятельности.

Вопрос о допустимости и пределах вмешательства правоохранительных органов в правовые отношения между предпринимателями и потребителями товаров и услуг, то есть населением, является сложным и дискуссионным. Правоохранительные органы по смыслу части 3 статьи 20 УПК РФ не должны в них вмешиваться, если потерпевший не заявит об этом. В уголовно-процессуальной литературе именно эта точка зрения получила наибольшее распространение [1, с. 92]. Из чего вытекает, что оперативно-розыскной деятельностью не охватывается данная сфера отношений, инициативно оперативным путем преступления предпринимателей против отдельных представителей населения выявлению и раскрытию не подлежат. Это дает основание некоторым ученым даже утверждать, что население оказалась беззащитным перед бизнес-преступностью [3, с. 178–179] и что существующий механизм уголовно-правовой защиты от экономических преступлений ориентирован на защиту интересов государства и крупного бизнеса [2, с. 36–37].

Со стороны представителей предпринимательского сообщества и их защитников исходят предложения о запрете на проведение оперативно-ро-

зыскной деятельности в сфере предпринимательской деятельности до возбуждения уголовного дела¹. Иными словами, предлагается полный запрет на оперативно-розыскную деятельность как средство выявления и раскрытия экономических преступлений. Показательными в этом плане являются постоянные изменения порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, смысл которых состоит в том, чтобы по возможности полностью исключить оперативно-розыскную деятельность из сферы противодействия налоговым преступлениям.

Мы придерживаемся той точки зрения, что оперативно-розыскная деятельность должна использоваться в сфере экономической деятельности для защиты прав и свобод человека и гражданина, что вытекает из статей 2, 17 Конституции России. Поэтому преступная деятельность предпринимателей, ставящая под угрозу безопасность населения, должна выявляться и пресекаться оперативно-розыскными мерами с целью дальнейшего привлечения этого субъекта к уголовной ответственности. Что же касается правоотношений между хозяйствующими субъектами, то их перевод в уголовно-правовую плоскость должен осуществляться по воле частного лица – потерпевшего. Мы разделяем мнение о распространении на эту категорию дел механизма частного обвинения [3, с. 180]. Оперативно-розыскная деятельность в отношении предпринимателей, действительно, неуместна. За исключением случаев, когда прокурор разрешит публично-правовое вмешательство в виде оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Александров А.С., Александрова И.А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 80–93.

2. Александров А.С., Александрова И.С. О Некоторых проблемах уголовной политики противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности / Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 2018. – С. 31–38.

3. Власова С.В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.

---

¹ См.: Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347) / Приложение № 14. [http:// stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf](http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf)

*О.В. Мелентьева, старший преподаватель
кафедры юриспруденции БГТИ (филиала) ОГУ
г. Бузулук, Россия*

О нормативно-правовом обеспечении предпринимательской деятельности в Российской Федерации

Представленная статья подробно раскрывает нормативно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации, автором анализируются источники по отраслям права, относительно их применения к предпринимательской регуляции нормативно-правовыми предпринимательства, так же автором выявляются основные проблемы отраслевого нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности и предлагаются некоторые пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, гражданское законодательство, административное законодательство, нормативно-правовой акт, бизнес, субъект малого предпринимательства.

Осуществив анализ действующего законодательства по вопросам регулирования коммерческой деятельности в России, хотелось бы отметить, что в государстве имеется прочный нормативный базис для регламентации отношений, связанных с коммерческой деятельностью. Между тем общей теории предпринимательского права на сегодняшний день не создано, а Конституция РФ восприняла в этой сфере интегративный подход, который не способствует утверждению общих начал для правового регулирования предпринимательской деятельности. В связи с этим, на мой взгляд, в настоящее время необходима выработка общей теории (концепции), позволяющей выделить и согласовать неизменные для отраслевого законодательства понятия предпринимательского права.

Конституция РФ составляет базис регулирования предпринимательства. Деятельность субъектов малого бизнеса должна соответствовать нормам Конституции Российской Федерации, в которой закреплены фундаментальные положения, непосредственно касающиеся предпринимательской деятельности, что осуществляется различными хозяйствующими субъектами. Немаловажное значение для государственной поддержки малого бизнеса имеют федеральные конституционные законы, которые примыкают к Конституции Российской Федерации и закрепляют правовые основы функционирования государства и общества. Федеральные законы Российской Федерации можно разделить условно на кодифицированные и некодифицированные (специальные). В связи с чем, для более основательного и подроб-

ного регулирования предпринимательской деятельности в России был принят Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон о развитии предпринимательства).

В п. 1.1 ст. 4 Закона о развитии предпринимательства определены критерии, позволяющие отнести тех или иных субъектов хозяйствования к субъектам предпринимательской деятельности. Условно критерии можно разделить на основные и добавочные. Например, важным основным критерием является среднесписочная численность сотрудников (до 100 чел. для малых предприятий; от 101 до 250 чел. для средних предприятий), суммированный доход за предшествующий календарный год.

К добавочным критериям относится общий процент членства в уставном фонде прочих субъектов хозяйствования, среди которых благотворительные фонды, общественные организации или муниципальные учреждения. В рамках действующего законодательства, на местном, региональном и федеральном уровне существуют самые разные формы поддержки субъектов предпринимательской деятельности.

При этом нельзя не учитывать тот факт, что законодатель устанавливает для субъектов предпринимательской деятельности и определенные ограничения, которые недопустимо игнорировать и не соблюдать на практике.

Следует отметить, что нарушение субъектом предпринимательства норм действующего законодательства способно повлечь для него наступление юридической ответственности. Например, за осуществление незаконного предпринимательства наступает уголовная ответственность, санкции закреплены в Уголовном кодексе РФ. В области регулирования и государственной поддержки предпринимательской деятельности следует упомянуть нормы гражданского законодательства. Так, значимые аспекты предпринимательства раскрываются в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Кроме того, в ГК РФ нашли закрепление различные виды договорных конструкций, которые применяются на практике субъектами предпринимательства.

Статья 65.1 ГК РФ приводит основную классификацию юридических лиц и определяет понятия корпораций и унитарных предприятий, согласно содержания указанной нормы, определяется, что в корпорациях учредители (участники) формируют высший орган юридического лица и становятся их участниками, в унитарном предприятии учредители (участники) таким правом не наделяются. Чаще всего, субъектами предпринимательской деятельности, нуждающимися в государственной поддержке, являются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Тем не менее, действующее законодательство не запрещает для общественно полезных целей заниматься предпринимательской деятельностью и некоммерческим организациям

Значение административного законодательства состоит в том, что оно регламентирует отношения, связанные с государственной регистрацией предпринимательской деятельности, а также устанавливает санкции за нарушение действующего законодательства и порядок привлечения к ответственности лиц, совершивших правонарушения в сфере предпринимательской деятельности. Налоговое законодательство устанавливает порядок налогообложения субъектов предпринимательской деятельности.

В настоящее время большинство государственных институтов не отрицают важность и значимость поддержки предпринимательской деятельности, которая напрямую предопределяет развитие национальной экономики. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что государство в достаточной степени озабочено проблемами предпринимательства, тогда как необходим комплексный подход, продуманная и взвешенная политика, эффективные и целенаправленные меры, системно-структурный подход. Также существует проблема крайне сложного, громоздкого налогового обложения предпринимателей, вследствие чего многие из них не могут развиваться и полноценно функционировать.

Основное противоречие состоит в том, что, во-первых, каждый налогоплательщик налогов хочет, чтобы заработанные им финансовые средства принадлежали только ему и были использованы для удовлетворения личных потребностей, во-вторых, в то же время – сохранить общность и реализовать общие потребности всего населения невозможно без отчисления каждым гражданином некой суммы денег. Именно уплата налогов населением позволяет в дальнейшем каждому человеку «покупать» у государства услуги для удовлетворения совокупности общественных потребностей, которые начали активнее развиваться с появлением и укреплением имущественных отношений (защита государства от врагов, частная собственность, борьба с преступностью, социальная помощь нуждающимся гражданам).

В наше нестабильное время жизнь общества в области экономики перетерпевает различные изменения, на которые так же оказывают влияние и внешние политические факторы и внутренние проблемы общества, которые напрямую оказывают влияние на поступление всех видов налогов в соответствующие бюджеты. Полагаю, что налоговая система нашей страны должна быть соразмерной и четкой в области взаимоотношений между налогоплательщиками и государством, а также, ставки по налогам необходимо поставить в прямую зависимость от прибыли экономических субъектов. Текущая налоговая политика государства нуждается в модернизации, ввиду того, что при ее практическом применении возникают множество проблем, которые нуждаются в грамотном решении. Так, в Российской Федерации сложилась достаточно усложнённая налоговая система, поскольку, вместе с местными налогами, насчитывается более 600 нормативно-правовых актов, регулирующих порядок исчисления и уплаты различных налогов

и сборов, при реализации на практике возникает много противоречий в толковании норм налогового законодательства.

Действующее налоговое законодательство очень часто перетерпевляет различные изменения и поправки, которые в общем только заставляет субъектов предпринимательской деятельности «подстраиваться» под нововведения, что далеко не у всех получается, и в связи с этим экономика страны не может расти стабильно, даже наоборот, может наблюдаться уменьшение темпов её роста. Данная проблема усложняется ещё и тем, что государство продолжает и дальше вносить поправки и менять старые, что лишней раз подтверждает нестабильность налоговой системы страны. И что самое интересное – незнание налогового законодательства повышает налоговый риск для налогоплательщиков, что может побуждать их искать обходные пути, то есть процветание «теневой экономики», и, следовательно, от этого страдает само государство, так как недополучает доходов в государственный бюджет. В условиях недавних изменений, коснувшихся налогового законодательства, вышеприведенные проблемы налоговой системы страны указывают на то, что для предпринимателей существует не так много действенных налоговых льгот. Также негативно субъекты предпринимательства относятся к увеличению размера НДС, в связи с чем участились случаи их сознательного уклонения от уплаты налогов, использования на практике «двойных» схем [1].

Помимо прочего, одной из больших проблем в налоговом законодательстве для субъектов предпринимательской деятельности является нерациональное распределение федеральных налогов и сборов внутри налоговой системы страны, относительно их поступления в тот или иной бюджет бюджетной системы России, примером может служить то, что платежи по крупным налогам и сборам поступают в федеральный бюджет, в то время как налоги по которым имеются проблемы по их уплате уплачиваются в региональный бюджет, ярким примером может служить имущественный налог, ввиду того, что имеется ряд проблем по его уплате со стороны налогоплательщиков, налог относится к категории тяжело собираемых.

Хотелось бы отметить, что современная налоговая система Российской Федерации выстраивается по образу и подобию западных налоговых систем что не всегда является приемлемой к Российской экономике. Ввиду резких темпов инфляции, понижением доходов большинства хозяйствующих субъектов, особенно в сфере продаж и услуг малого и среднего предпринимательства, практически перестает существовать средний класс налогоплательщиков, львиная доля налогов ложится на производственную сферу, что так же мешает нормальному развитию и функционированию экономики. Отсутствие рационального распределения применения налоговых санкций между законопослушными налогоплательщиками и уклоняющимися от налогов субъектами налоговых отношений. Сложность при применении нормативно-правовых актов в сфере налогового законодательства, а

также таможенного законодательства сильно усложняет работу хозяйствующих субъектов. Календарный график уплаты налогов и сборов по большинству видов обязательных налогов и сборов приводит к «вымыванию» собственных оборотных средств предприятий, особенно в сфере малого и среднего предпринимательства. Можно сделать вывод, что современный налоговый режим не совсем благоприятен для субъектов малого и среднего предпринимательства и тормозит наращивание оборотов в сфере производства, продаж и услуг.

Соответственно, основная проблема заключается именно в неэффективности применения налогового законодательства. Внезапно возникающие изменения и дополнения к налоговому законодательству Российской Федерации не позволяют некоторым налогоплательщикам вовремя адаптироваться к ним, что как правило ведет к применению санкций, что не всегда благоприятно сказывается на работе отдельных хозяйствующих субъектов, а также на эффективности экономики в целом, что особенно ярко проявляется в регионах России.

Хотелось бы, чтобы государство учитывало специфику российского бизнеса в области работы налоговой системы. Относительно ситуации в которой находятся многие бизнес субъекты в настоящий момент хотелось бы, чтобы налоговая система была выстроена по эластичным ставкам, носила индивидуальный лояльный характер, была доступной и справедливой. Хотя в настоящий момент налоговая система Российской Федерации имеет много недочетов, однако на уровне государства разрабатываются пути решения многих проблем, касающихся предпринимательской сферы, которые при их практической реализации приведут как к эффективной работе хозяйствующих субъектов на рынке, так и к увеличению темпов в области экономики внутри страны.

Библиографический список

1. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 26.

УДК 343.9

*Е.В. Никитин, к.ю.н., доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Антикоррупционная политика организации в сфере предпринимательской деятельности

В статье рассматриваются проблемы противодействия коррупции в предпринимательской сфере. В ней акцентировано внимание на следующих

аспектах и проблемах феномена коррупции в предпринимательской деятельности: общественная опасность коррупции в сфере предпринимательской деятельности, коррупционные риски в коммерческой организации, меры по противодействию коррупции в бизнес-структурах, антикоррупционная политика организации, занимающейся предпринимательской деятельностью.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика организации, коррупционные риски, противодействие коррупции.

Коррупция в России явление распространенное и общественно-опасное. Необходимость противодействия коррупции коммерческих организаций обусловлена рядом причин. Прежде всего, это те негативные последствия и ущерб, к которым может привести коррупция в сфере предпринимательской деятельности.

Во-первых, негативным фактором является принятие коррупции субъектами предпринимательской деятельности в качестве одной из допустимых поведенческих норм и формы поведения в профессиональной деятельности.

Во-вторых, коррупция ухудшает инвестиционную привлекательность Российской Федерации. Иностраный бизнес не желает вкладывать деньги туда, где правила ведения предпринимательской деятельности «корректируются» коррупционной составляющей, а также на свободном рынке «работают» фирмы, аффилированные с государственными чиновниками. Как отмечает В.А. Суханов уровень коррупции в государстве является пусть не самым главным, но одним из важнейших факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность страны. Инвестиционная привлекательность государства напрямую зависит от уровня коррумпированности государства. Коррупция ведет к снижению уровня экономической свободы и стимулов у одной из самых активных частей населения – предпринимателей. Коррупция в высших эшелонах власти становится для инвесторов своеобразным дополнительным налогом, зачастую весьма обременительным для иностранного капитала. В результате падает интерес к инвестированию со стороны международных компаний, и государство с высокой коррупцией оказывается отрезанным от основных мировых финансовых потоков [4, с. 127].

В-третьих, коррупция вызывает проблемы психологического свойства, поскольку граждане не желают заниматься ведением бизнеса из-за уверенности в том, что честно работать им не дадут и им придется нести коррупционные издержки. Как отмечают Т.Л. Лукьянчикова и И.А. Шалаев коррупция до сих пор является одной из важнейших проблем при осуществлении предпринимательской деятельности в России, большинство людей не готовы открывать бизнес, поскольку уверены, что проверяющие органы коррумпированы. Коррупция как негативный фактор оказывает воздействие

на экономику, увеличивая криминальный и теневой сектор, а также искажает представление о социальной справедливости среди граждан [3, с. 39].

В-четвертых, ухудшается экономическая безопасность обычных граждан из-за того, что предприниматель включает свои коррупционные издержки в цену товара или услуги. В итоге их оплачивает конечный потребитель этих товаров и услуг из-за чего увеличиваются расходы, падает качество жизни обычных граждан.

В-пятых, из-за коррупции нарушаются конкурентные механизмы рынка, поскольку часто преимущество на рынке получает не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества из-за коррумпированных связей с государственными структурами, осуществляющими контрольно-надзорные функции или распределение госзакупок.

Однако, фактов привлечения к ответственности за коррупцию значительно меньше, чем реально совершаемых коррупционных преступлений. Ни один из способов измерения коррупции не способен подтвердить ее конкретный уровень в отдельном учреждении, секторе или государстве в целом. В большинстве случаев можно с уверенностью говорить скорее о вероятности или возможности коррупционных рисков, нежели чем об установленных фактах.

Коррупционный риск — это заложенные в системе управления коммерческой организации или оказания предпринимательских услуг потенциальные возможности для совершения действий, направленных на неправомерное извлечение материальной выгоды.

Основные коррупционные риски в сфере предпринимательства, следующие:

непрозрачное формирование и распределение бюджета предприятия, организации, юридического лица;

неэффективное использование финансовых ресурсов;

непрозрачная процедура закупки товаров работ и услуг и выбора контрагентов предпринимательской деятельности;

непрозрачная процедура найма и продвижения сотрудников по службе на вышестоящие должности;

нарушения установленного порядка труда, предусмотренного трудовым законодательством;

фальсификация документов и «двойная бухгалтерия» для сокрытия коррупционной деятельности и уклонения от налогообложения.

По различным сферам и секторам экономики коррупционные риски и преступления коррупционной направленности могут иметь свою специфику. Так, О.А. Фрейдман отмечает, что в сфере оказания транспортно-логистических услуг коррупционные преступления являются достаточно распространенными при организации транспортировки грузов. Чаще всего интерес связан с получением следующих выгод: – сокращение времени принятия таможенной декларации; – сокращение времени нахождения товара на

складах временного хранения, снижение оплаты складских услуг; – подбор «выгодного» кода ТН ВЭД под минимальный процент налога [5, с. 672].

В соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» на организации (в том числе и коммерческие), возлагаются обязанности по разработке и принятию мер по предупреждению коррупции, которые могут включать:

- 1) определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;
- 2) сотрудничество организации с правоохранительными органами;
- 3) разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;
- 4) принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- 5) предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- б) недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов.

В целях формирования единого подхода к обеспечению работы по профилактике и противодействию коррупции в организациях независимо от их форм собственности, организационно-правовых форм, отраслевой принадлежности и иных обстоятельств разработаны Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции от 12 ноября 2013. Эти методические рекомендации разработаны во исполнение в соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», диспозицию которой мы приводили выше.

Для обеспечения работы по противодействию коррупции в каждой организации должен разрабатываться и утверждаться локальный нормативный акт, обязательный для всех работников – антикоррупционная политика организации.

Антикоррупционная политика коммерческой организации представляет собой комплекс взаимосвязанных принципов, процедур и конкретных мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений и координацию деятельности работников коммерческой организации по выполнению антикоррупционного законодательства.

В Антикоррупционной политике определяются:

- должностные лица организации, ответственные за реализацию антикоррупционной политики и их обязанности;
- обязанности работников и организации, связанные с предупреждением и противодействием коррупции;
- реализуемые организацией антикоррупционные мероприятия;
- порядок внедрения стандартов поведения работников;
- порядок выявления и урегулирования конфликта интересов;
- порядок проведения оценки коррупционных рисков;

- порядок организации обучения работников по вопросам профилактики и противодействия коррупции;
- система внутреннего контроля;
- организация и направления сотрудничества с правоохранительными органами.

Отдельным важным направлением противодействия коррупции в сфере предпринимательства должно стать взаимодействие субъектов предпринимательской деятельности с правоохранительными органами. Как отмечается в научных исследованиях, уровень доверия представителей малого и среднего бизнеса к деятельности подразделений ЭБиПК МВД России должен обуславливать, прежде всего, приверженность организации высоким стандартам ведения бизнеса. Повышение информированности своих сотрудников об антикоррупционной политике государства, о существующих подходах к выстраиванию законопослушной политики с подразделениями ЭБиПК МВД России и формирование культуры нулевой терпимости к коррупции как в обществе в целом, так и в отдельных секторах экономики или для отдельных хозяйствующих субъектов (для субъектов малого и среднего предпринимательства) [1, с. 784]. При этом необходимые детализированные процедуры применения отдельных антикоррупционных инструментов (методика оценки коррупционных рисков, порядок регулирования конфликта интересов, стандарты и кодексы поведения и т.д.) могут быть включены в антикоррупционную политику организации в качестве приложений либо быть утверждены в форме отдельных локальных нормативных актов.

Направления антикоррупционной политики должны дополняться и корректироваться с учетом постоянного мониторинга по разным срезам – отраслевому, региональному, функциональному, так, например, на уровне организации важно оценивать влияние механизма мотивации и стимулирование трудовой деятельности персонала на возникновения коррупционного поведения работников [2, с. 46].

Таким образом, коррупция достаточно распространенное, латентное, негативное, социальное явление в нашем обществе, в том числе в сфере предпринимательства. Предпринимательская деятельность подвержена высоким коррупционным рискам, т.е. потенциальным возможностям вступления в коррупционные отношения. Приоритет противодействия коррупции в бизнес-сфере должен быть отдан мерам по предупреждению коррупционных проявлений. Организации (независимо от формы собственности и целей деятельности), в том числе и коммерческие, должны вести антикоррупционную политику и выработать соответствующие локальные акты в данной сфере.

Библиографический список

1. Глухова А.А., Шпилев Д.А. Взаимодействие бизнеса с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (мнение малых предпринимателей Нижегородского региона) // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – Т. 15. – № 4. – С. 765–787.
2. Мюллер Е.В., Гагаринская Г.П. Формирование антикоррупционной мотивационной политики организаций // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. – 2012. – № 4 (6). – С. 46–55.
3. Лукьянчикова Т.Л., Шалаев И.А. Коррупция как угроза экономической безопасности предпринимательских бизнес-структур // Экономическая среда. – 2021. – №1 (35). – С. 36–40.
4. Суханов В.А. Влияние фактора коррупции на инвестиционную привлекательность стран юго-восточной Азии для российского бизнеса // Международная аналитика. – 2016. – № 2 (16). – С. 127–131.
5. Фрейдман О.А. Коррупционная составляющая сферы оказания транспортно-логистических услуг: причинно-следственный комплекс // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 5. – С. 669–677.

УДК 343.791

*О.В. Овчинникова, к.ю.н., доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Уголовно-правовые меры обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации

В качестве уголовно-правовой меры обеспечения экономической безопасности автор рассматривает гуманизацию уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, вносит предложения по совершенствованию условий освобождения от уголовной ответственности и применения наказания в виде штрафа.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, освобождение от уголовной ответственности, штраф, гуманизация уголовной ответственности

В статье рассматриваются вопросы совершенствования системы уголовно-правовых мер обеспечения экономической безопасности в РФ. Автор полагает, что одной из наиболее эффективной мерой является гуманизация уголовной ответственности за преступления

В современной ситуации присутствуют как внутренние, так и внешние угрозы экономической безопасности государства. При этом основной внутренней угрозой, которая делает государство уязвимым перед внешним воздействием, являются преступления в сфере экономической деятельности. Так, в 2021 году выявлено 117,7 тыс. экономических преступлений, материальный ущерб по которым составил 641,9 млрд рублей [4].

Одним из эффективных способов минимализации вреда, причиненного преступлениями в сфере экономической деятельности является законодательная регламентация положительных посткриминальных деяний в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. И.А. Александрова, создавая концепцию экономической безопасности и противодействию коррупции, рассматривает вопрос о необходимости «формирования медиационной, компромиссно-договорной модели правового механизма освобождения от уголовной ответственности лица (физического, юридического) при установлении факта совершения им преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности»

[1, с. 27]. В действующем законодательстве уже имеются соответствующие примеры. Так, в 2009 году введены специальные основания освобождения от уголовной ответственности по ст. ст. 198, 199 УК РФ. Уголовное дело подлежит прекращению в случае полной уплаты суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ.

Однако данная концепция подвергается критике в научном сообществе. Так, Н.Ю. Скрипченко полагает, что законодатель, желая пополнить бюджет, пренебрегает принципом вины и личной ответственности, поскольку возмещение ущерба бюджетной системе может производиться как собственными средствами виновного, так и средствами организации [11, с. 569]. И.Н. Соловьев, поддерживая отрицательное мнение, указал: «в существовавшем виде процедура прекращения уголовных дел по налоговым преступлениям в связи с деятельным раскаянием лиц, их совершивших, фактически приобретала характер сделки между следователями и правонарушителями, создавала условия для коррупции, сводила на нет принцип неотвратимости наказания за совершенные преступления» [12, с. 10].

Тем не менее, Ю.И. Бытко указывает, что применение данного основания освобождения от уголовной ответственности ведёт к пополнению бюджета за счёт финансовых средств незаконопослушных предпринимателей, а также к реализации принципа экономии уголовно-правовой репрессии [2, с. 121]. Н.Г. Иванов положительно оценивает штрафную систему условий освобождения лица от ответственности, указав, что она характеризуется карательным и профилактическим эффектом и несёт в себе экономическую выгоду [3, с. 122]. М.В. Талан полагает, что рассматриваемые основания освобождения от уголовной ответственности обеспечивают достиже-

ние цели общепредупредительного воздействия уголовно-правовых мер [13, с. 24].

Представляется, что более гуманный подход позволит продолжить экономическую деятельность большинству предпринимателей, привлеченных к ответственности. Это поддержит развитие реального сектора экономики и сохранит рабочие места, станет фактором обеспечения социальной стабильности. Тем не менее, полное освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление в сфере экономической деятельности, не всегда является целесообразным. Альтернативным способом сохранения активности предпринимателя в экономических отношениях является назначение наказаний, не связанных с лишением свободы. Наиболее эффективным из них является штраф. Штраф является одним из наиболее распространенных и применяемых наказаний. Для преступлений в сфере экономической деятельности это действительно одна из лучших мер уголовного наказания. Он пополняет государственную казну, на его исполнение не требуются затраты [10, с. 146]. По данным Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, представленных в докладе Президенту Российской Федерации в 2019 году, 67,6 % экспертов поддерживают замену наказания в виде лишения свободы за экономические преступления штрафами [9].

Однако в действующем уголовном законодательстве размеры штрафов установлены с нарушением критерия соразмерности наказания. Так, по ч. 1 ст. 174 УК РФ размер штрафа может быть назначен до ста двадцати тысяч рублей, что с учётом максимально закреплённого размера в части 2 статьи 46 УК РФ – до пяти миллионов рублей, представляет собой 2,4%. В частях вторых тех же статей (174 и 174.1) деяния совершаются в крупном размере (свыше полутора миллионов рублей), которые могут наказываться штрафом в размере до двухсот тысяч рублей, то есть максимальный размер штрафа в 7,5 раза меньше причиненного ущерба. Аналогичные несоответствия имеются в санкциях большинства статей рассматриваемой главы.

В результате в судебной практике появляются приговоры, не обеспечивающие справедливость наказания. Например, 7 апреля 2017 года Авиастроительным районным судом города Казани был вынесен приговор, согласно которому Ч., являясь директором зарегистрированного предприятия ООО «ТерраПлюс», незаконно из корыстных побуждений, с целью извлечения прибыли в особо крупном размере, заведомо зная, что ООО «ТерраПлюс» не имеет специального государственного разрешения (лицензии) на пользование недрами, осуществлял предпринимательскую деятельность без лицензии в виде пользования недрами путем добычи общераспространенных полезных ископаемых. В результате преступных действий Ч. извлек доход от незаконного пользования участками недр указанной деятельности на общую сумму 10 233 039 рублей 94 копейки, что представляет собой особо крупный размер. Подсудимый был признан виновным в совершении

преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 171 УК РФ и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 200 000 (двести тысяч) рублей в доход государства [7], что составило менее 2% от извлеченного дохода.

Мнения ученых складываются следующим образом: Ф.Ф. Мамедова считает справедливым в санкциях норм гл. 22 УК РФ, предусматривающих наказание за экономические преступления, где действия виновного связаны с преступным обогащением, устанавливать размер штрафа путём соотношения с размером дохода, добытого преступным путем [5, с. 91]. Т.В. Непомнящая указала на то, что размеры штрафа за совершение преступлений в сфере экономической деятельности явно занижены, а штраф как вид наказания, имеющий чисто экономическое содержание, должен делать совершение преступлений в сфере экономической деятельности невыгодным [6, с. 152]. Противоположной точки зрения придерживается В.И. Радченко, который подчеркивает, что наказания в виде штрафов должны носить умеренный, не разоряющий предприятие и предпринимателя характер [8, с. 55].

Полагаем, что справедливым будет установление размеров штрафов, в кратном соотношении причинённому ущербу. К примеру, санкция по части 2 статьи 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» должна выглядеть следующим образом: «наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, или в размере от двукратной до пятикратной суммы дохода, добытого преступным путем, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового».

Считаем целесообразным внести аналогичные корректировки в санкции всех статей главы 22 УК РФ.

Библиографический список

1. Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. ... докт. юрид. наук / И.А. Александрова. – Новгород, 2015. – 59 с.
2. Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика / Ю.И. Бытко. – М.: СТАТУТ, 2019. – 211 с.
3. Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях: учебник / Н.Г. Иванов. – М.: Норма, 2019. – 176 с.
4. Краткая характеристика состояния преступности за январь-декабрь 2021 года // URL:<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 14.03.22)

5. Мамедова Ф.Ф. Штраф в санкциях норм главы 22 УК РФ: вопросы совершенствования уголовного законодательства. // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 12. – С. 91–95.

6. Непомнящая Т.В. Проблемы построения санкций за преступление в сфере экономической деятельности. // Вестник Омского университета. – 2011. – № 2. – С. 152 – 156.

7. Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани Республики Татарстан от 07 апреля 2017 г. по делу № 1-102/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/255003.html> (дата обращения 10.04.2021).

8. Радченко В.И. Влияние уголовно-правовой политики на развитие экономики. // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2. – С. 55–61.

9. Реестр системных проблем Российского бизнеса 2019 г. // URL: https://бизнесзащитник.рф/wpcontent/uploads/2019/04/Reestr_sistemny_problem_19.04.20191-2.pdf (дата обращения 21.02.2022).

10. Скворцов О.В. Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономики. // Ученые записки Крымского Федерального университета. – 2017. – № 3. – С. 146–157.

11. Скрипченко Н.Ю. Преодоление экономического кризиса уголовно-правовыми средствами. // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Росс. конгресса уголовного права. – 2018. – № 11. – 752 с.

12. Соловьев И.Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / И.Н. Соловьев. – М., 2005. – 46 с.

13. Талан М.В. Социальный компромисс в противодействии экономическим преступлениям. // Наука. – 2011. – № 4. – С. 24 – 30.

УДК 342.9

*Т.П. Пестова, к.ю.н., доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Основания и условия замены административного штрафа на предупреждение субъектам малого и среднего предпринимательства

В статье анализируются нормы законодательства РФ, устанавливающие основания и условия замены административного штрафа на предупреждение субъектам малого и среднего предпринимательства. Приводятся доктринальные положения и примеры судебной практики, позволяющие интерпретировать данные нормы.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, замена административного штрафа на предупреждение

Субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) играют важную как экономическую, так и социальную роль в развитии экономики любого современного государства. «От уровня развития малого бизнеса зависят многие показатели, такие как уровень конкуренции, внедрение новых технологий, эффективность производства и т. д.» [2, с. 16].

«Субъекты МСП – это хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями, установленными Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства» (п.1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации») (далее – Закон № 209-ФЗ).

В условиях нестабильности в международно-экономической сфере субъекты МСП нуждаются в мерах государственной поддержки. Одной из таких мер господдержки является обязанность субъекта административной юрисдикции, рассматривающего дело об административном правонарушении, заменить административный штраф (т.е. денежное взыскание) на предупреждение (т.е. официальное порицание, которое выносится в письменной форме) субъектам МСП.

Замена административного штрафа на предупреждение позволяет:

- 1) обеспечить дифференциацию условий административной ответственности субъектов малого и среднего бизнеса;
- 2) предотвратить чрезмерное, несоотносимое с достигнутым уровнем социально-экономического развития Российской Федерации административное принуждение;
- 3) сделать акцент на профилактике административных правонарушений, совершаемых субъектами МСП [5].

Условия для замены административного штрафа на предупреждение определены ст. 4.1.1 КоАП РФ, а именно:

1) административное правонарушение совершено субъектом МСП. При этом, если в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (<https://ofd.nalog.ru/>) отсутствуют сведения об организации или предпринимателе или они были включены в реестр, но после совершения административного правонарушения, то судья (орган, должностное лицо) могут не заменить административный штраф на предупреждение [1];

2) административное правонарушение выявлено в результате государственного или муниципального контроля. Легальное определение понятия «государственный или муниципальный контроль» закреплено нормой ч. 1

ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Но, «Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) содержит изъятия относительно порядка организации и проведения контрольно-надзорных процедур, проводимых в соответствии с иными нормативными правовыми актами, исходя из предмета ведения различных органов государственного контроля». В итоге, подход к пониманию сущности государственного контроля (надзора) у субъектов административной юрисдикции различен, следовательно и практика замены административного штрафа на предупреждение неоднозначна. «Так, одни суды идут по пути, что проверка в отношении субъекта МСП должна быть проведена в соответствии с положениями Закона № 294-ФЗ, и только по итогам такой проверки административное правонарушение является выявленным в ходе осуществления государственного контроля (надзора) или муниципального надзора» [6].

Другие суды относят к государственному и муниципальному контролю: все виды проверок, предусмотренные Законом № 294-ФЗ; прокурорские проверки; полицейские проверки; административные расследования [1];

3) назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях,

4) административное правонарушение не указано в ч. 2 ст. 4.1.1 КоАП РФ;

5) наличие обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ, а именно:

а) административное правонарушение совершено впервые, при этом, речь идет об основополагающем условии для применения указанной нормы КоАП РФ, то есть преференция, предусмотренная ст. 4.1.1 КоАП РФ, является исключительной. При рассмотрении вопроса о возможности замены административного штрафа на предупреждение должны учитываться совершенные ранее иные административные правонарушения, в том числе не являющиеся однородными по отношению к рассматриваемому правонарушению. При этом условий, в соответствии с которыми оценка возможности применения предупреждения по последующему правонарушению зависит от наличия (вступления в силу) постановления о привлечении к административной ответственности по предшествующему правонарушению на момент совершения последующего правонарушения, ст. 3.4 и 4.1.1 КоАП РФ не предусматривают [3];

б) отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного

мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государств, в результате совершения субъектом МСП административного правонарушения;

в) административное правонарушение, совершенное субъектом МСП, не создало угрозу чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, а также не повлекло имущественного ущерба.

В завершение следует отметить, что с учетом взаимосвязанных положений ч. 3 ст. 3.4 и ч. 1 ст. 4.1.1 КоАП РФ возможность замены наказания в виде административного штрафа предупреждением допускается при наличии совокупности всех обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ [4].

Библиографический список

1. Замена административного штрафа предупреждением: обзор судебной практики, подготовленный специалистами АО «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022)

2. Нурмухаметов А.В. Значение малого и среднего бизнеса в экономике страны / А.В. Нурмухаметов // Актуальные вопросы экономических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 16–19. – URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/95/5778/> (дата обращения: 12.03.2022).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022)

4. Постановление Верховного Суда РФ от 29.04.2021 г. № 59-АД21-4-К9. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022)

5. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022).

6. Сельхова О.Е. Отдельные вопросы замены административного штрафа на предупреждение субъектам малого и среднего предпринимательства // Мировой судья. – 2019. – № 8. – С. 31–35.

М.Ю. Степушов, начальник отделения 11 ОЭБиПК УМВД России по г. Нижнему Новгороду, адъюнкт кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России г. Нижний Новгород, Россия

Использование в уголовных делах о незаконной банковской деятельности доказательств, сформированных из результатов оперативно-розыскной деятельности¹

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью, имеет решающее значение для установления основания уголовной ответственности. Практический опыт подтверждает верность учения о самостоятельном доказательственном значении результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, доказывание, уголовный процесс, незаконная банковская деятельность.

Противодействие преступлениям, совершаемым в финансово-кредитной сфере, является одним из приоритетных направлений деятельности подразделений ЭБиПК МВД России.

Среди этих преступлений выделяются преступления против законной банковской деятельности, предусмотренные статьей 172 УК РФ. Эти преступления, как правило, совершаются в сочетании с другими преступлениями, а именно: преступлениями, предусмотренными ст. ст. 171, 172¹, 173¹, 173², 174¹, 187 УК РФ. Кроме того, незаконная банковская деятельность, совершаемая в соучастии нескольких лиц, подпадает под действие ст. 210 УК РФ. Выявление, раскрытие этих преступлений, изобличение лиц их совершающих, составляет важнейшую часть оперативно-розыскной деятельности, направленной на обеспечение экономической безопасности.

С нашей точки зрения, именно результаты оперативно-розыскной деятельности составляют основу доказательственной базы по уголовным делам данной категории. Более того, только оперативным путем могут выявляться лица, осуществляющие незаконную банковскую деятельность.

Так, например, уголовное дело № 11801220089000210 было возбуждено СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, п. «а, б» ч. 2 ст. 172, ч. 2

---

¹ Научный руководитель: к.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Власова С.В.

ст. 174¹ УК РФ в отношении 17 фигурантов. Поводом для возбуждения этого уголовного дела был рапорт оперуполномоченного о выявленных признаках указанных преступлений в действиях ряда лиц.

Задокументированные результаты негласных оперативно-розыскных мероприятий всегда выступают основой для формирования ключевых доказательств обвинения. Гласные оперативно-розыскные мероприятия проводятся в рамках оперативно-розыскного сопровождения предварительного следствия. Наиболее эффективными средствами выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, являются наблюдение, прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и другие негласные оперативно-розыскные мероприятия. Оперативный эксперимент, проверочная закупка нашими сотрудниками при выявлении этих преступлений не проводятся. То же самое можно сказать и о гласных оперативно-розыскных мероприятиях: до возбуждения уголовного дела они оперуполномоченными не проводятся. Проведение их осуществляется в рамках поручений следователя в стадии возбуждения уголовного дела.

В науке имеются различные подходы к объяснению того, как происходит включение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальное доказывание. Есть точка зрения, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности непосредственно используются в доказывании, и следственная их проверка носит формальный характер [1, с. 32–35; 2, с. 24]. Полностью с ней согласиться нельзя, хотя она лучше, чем официальная доктрина, воплощенная в статье 89 УПК РФ, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности могут приобрести доказательственное значение, только после проверки уголовно-процессуальными средствами [3, с. 38–42].

Мы склонны разделить позицию, которая объясняет использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности в свете понятия «формирование уголовно-процессуальных доказательств» [4, с. 26–27].

Как убеждает наш собственный опыт взаимодействия с органами предварительного следствия доказательства формируются именно в ходе этого взаимодействия. Еще на этапе реализации результатов оперативно-розыскной деятельности путем регистрации в качестве повода рапорта оперуполномоченного происходит согласование этого решения с представителями следственного органа и определения плана будущих совместных действий в рамках стадии возбуждения уголовного дела. Такое взаимодействие с моим личным участием имело место, например, при возбуждении уголовного дела № 11701220089000250 следователем СЧ ГСУ ГУ МВД по Нижегородской области по признакам преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ.

Обмен информацией, представление материалов оперативно-розыскной деятельности имеют место быть между оперуполномоченными и следователем, как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования.

На наш взгляд, формирование доказательства из результатов оперативно-розыскной деятельности начинается с момента представления их органу предварительного расследования после рассекречивания по решению начальника органа дознания, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности, и завершается составлением протокола следственного действия, проводимого для их проверки и составлением постановления о приобщении к делу предмета, документа в качестве вещественного доказательства. На вопрос о том является ли данный, то есть следственный уровень формирования уголовно-процессуального доказательства на основе результатов оперативно-розыскной деятельности, достаточным, чтобы использовать данное доказательство в суде для установления объективной истины, мы склонны дать положительный ответ.

Опять же, как подсказывает наш личный опыт участия в доказывании по данной категории уголовных дел, в суде не происходит ничего существенно нового со сформированными органом предварительного следствия доказательствами, содержащими результаты оперативно-розыскной деятельности. Эти доказательства или принимаются судом или, что бывает значительно реже, отвергаются им как недопустимые. Последнее происходит по инициативе стороны защиты и, как правило, причиной исключения таких доказательств обвинения происходит из-за ошибок органа предварительного следствия, допущенных в ходе легализации результатов оперативно-розыскных мероприятий. Хотя нападкам со стороны защиты подвергаются и сами оперативно-розыскные мероприятия: основание их проведения, документы, которыми оформляются ход и результаты их проведения. Поэтому на практике получило распространение представление дел оперативного учета, других засекреченных материалов, подтверждающих обоснованность проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также допросы как оперуполномоченных проводивших их, так и других сотрудников органа дознания, уполномоченного на проведение оперативно-розыскной деятельности.

Подводя итоги, можно сказать, что результаты оперативно-розыскной деятельности имеют решающее значение для уголовно-процессуального противодействия такому виду экономических преступлений, как преступления, связанные с незаконной банковской деятельностью.

Что касается существа вопроса об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, то мы полагаем, что официальная доктрина, закрепленная в статье 89 УПК РФ, устарела и требует пересмотра в свете практики. Мы полагаем, что статью 89 УПК РФ следует сформулировать в следующем виде: «Результаты оперативно-розыскной де-

тельности могут использоваться в процессе доказывания, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Библиографический список

1. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. – 2012. – № 4. – С. 32–35.
2. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 23–26.
3. Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2007. – № 6. – С. 38–42.
4. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С.А. Шейфер. – М., 2013. – 192 с.

УДК 343.9

*С.Т. Фаткулин, к.ю.н., доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Проблемы предупреждения и пресечения полицией административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности и пути их решения

В статье рассматриваются актуальные проблемы предупреждения и пресечения полицией административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности и на основе анализа судебной практики предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: административное правонарушение, контрольная закупка, оперативно-розыскные мероприятия, предпринимательская деятельность.

На сегодняшний день в деятельности по предупреждению и пресечению административных правонарушений в области предпринимательской деятельности можно проследить наличие некоторых проблем. Рассмотрим данные проблемные вопросы и попытаемся установить возможные пути их решения.

Согласно статье 171 УК РФ (часть 1), за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации уголовная ответственность наступает лишь в случае, если данной деятельностью был причинён крупный

ущерб (более 2 млн 250 тыс. руб.) гражданам, организациям или государству либо если данная деятельность сопряжена с извлечением дохода в крупном размере (более 2 млн 250 тыс. руб.).

Соответственно, если предприниматель, осуществляющий свою деятельность незаконно, причинит своей деятельностью ущерб менее 2 млн 250 тыс. рублей либо извлечет доход в размере менее 2 млн 250 тыс. рублей (например, 2 млн рублей), то за данное деяние для него наступит лишь административная ответственность по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ (максимальный размер административного штрафа на сегодняшний день – 2000 руб.). Таким образом, наблюдается очевидная несоразмерность ущерба, причиненного таким административным правонарушением, и размером наказания, предусмотренного за данное деяние. В связи с чем, идея увеличить размер административного штрафа, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, и поставить его размер в зависимость от извлеченного предпринимателем дохода кажется обоснованной.

Вторая проблема связана с недостаточно четкой регламентацией способов выявления и пресечения административных правонарушений в области предпринимательской деятельности, а также с неоднообразным подходом к этому вопросу в судебной практике.

Выявление и пресечение полицией правонарушений в области предпринимательской деятельности, предусмотренных главой 14 КоАП РФ, без проведения проверочных мероприятий (например, по закупке товаров и услуг) весьма затруднительно. При этом данные проверочные мероприятия не должны носить характер оперативно-розыскных, так как ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, а не административных правонарушений.

Вышесказанное подтверждает судебная практика. Второй арбитражный апелляционный суд, который в своем постановлении указал, что «оперативно-розыскные мероприятия не проводятся в целях выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений» [1].

Однако имеет место и противоположная судебная практика, когда суды допускают использование результатов ОРД в качестве доказательств по делу об административном правонарушении [2]. А иногда суды полагают, что проверочные мероприятия по закупке продукции в целях выявления предпринимательских административных правонарушений вовсе не носят оперативно-розыскной характер, а потому являются допустимыми [3].

Анализ судебных решений и законодательных положений позволил выявить три сложившихся в судебной практике подхода к тому, каким путем выявляются, предупреждаются и пресекаются административные правонарушения в области предпринимательской деятельности:

– в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (нормативной основой выступает ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);

– в ходе осуществления оперативно-профилактических мероприятий (нормативной основой выступает Инструкция по организации проведения ОВД РФ комплексных оперативно-профилактических операций и оперативно-профилактических мероприятий, утвержденная Приказом МВД РФ от 13 августа 2002 г. № 772);

– в ходе проведения контрольной закупки в соответствии со статьей 16.1ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В связи с этим, предлагается, во-первых, с законодательной точки зрения – закрепить понятие процессуального действия «контрольная закупка» в КоАП РФ, а во-вторых, с организационной точки зрения – организовывать совместные семинары, круглые столы представителей ведомств, которые либо задействованы в проведении контрольных закупок, либо уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности (сотрудников ОВД, представителей Роспотребнадзора, прокуратуры, судей и др.). В ходе проведения данных семинаров и круглых столов предлагается обсуждать указанную проблему и формировать единообразный подход к выявлению и пресечению правонарушений, совершаемых в предпринимательской среде.

Статью 26.2 КоАП РФ дополнить частью 5, которую предлагается изложить в следующей редакции: «В качестве доказательств по делам об административных правонарушениях не допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, за исключением случаев, когда целью проведения оперативно-розыскного мероприятия являлось выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, однако в ходе проведения такого оперативно-розыскного мероприятия был обнаружен факт совершения административного правонарушения». Такой формат редакции, с одной стороны, соответствует положениям статьи 2 ФЗ «Об ОРД», которая предусматривает осуществление ОРД в целях выявления и пресечения только преступлений, с другой стороны, допускает ситуацию, когда оперативно-розыскное мероприятие не противоречило задачам ОРД, но внезапно привело к обнаружению административного правонарушения, что не было изначально предусмотрено при организации оперативно-розыскного мероприятия.

Также предлагается ввести в КоАП РФ статью 28.1.2 («Контрольная закупка»), которая регулировала бы порядок проведения контрольной закупки. Данную статью предлагается изложить в нижеследующей редакции.

1. Должностные лица, уполномоченные в соответствии со статьей 28.3 Настоящего кодекса составлять протоколы об административных правонарушениях, вправе проводить контрольную закупку товаров (работ, услуг) в

целях выявления и пресечения административных правонарушений в случае, если имеются достаточные основания полагать, что лицо совершает административное правонарушение.

2. Контрольная закупка представляет собой мероприятие, в ходе которого должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществляются действия по созданию ситуации для совершения сделки в целях проверки соблюдения физическими лицами, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями законодательства об административных правонарушениях, в частности, обязательных требований при продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг. При проведении контрольной закупки запрещается провокация, то есть активное побуждение проверяемого лица к заключению сделки, а также физическое либо психическое принуждение.

3. Контрольная закупка проводится без предварительного уведомления проверяемого лица.

4. Контрольная закупка проводится в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи.

5. По результатам проведения контрольной закупки в течение 3 часов после завершения контрольной закупки составляется акт контрольной закупки, который должен содержать дату, время и место его составления, должность, фамилию и инициалы лица, составившего акт, сведения о проверяемом лице, фамилии, имени, отчества, адреса места жительства свидетелей, если имеются свидетели, фамилии, имени, отчества, адреса места жительства понятых либо сведения о применении видеозаписи, место и время проведения контрольной закупки, сведения, послужившие основанием для проведения контрольной закупки, сведения о товарах (работах, услугах), приобретенных в ходе контрольной закупки, способах их приобретения и оплаты, сведения о характере выявленных нарушений. Акт контрольной закупки подписывается должностным лицом, его составившим, проверяемым лицом, а также свидетелями и понятыми, если таковые имеются. При отказе проверяемого лица от подписи акта контрольной закупки об этом делается соответствующая запись в акте контрольной закупки. Копия акта контрольной закупки вручается проверяемому лицу.

6. По результатам проведения контрольной закупки может быть составлен протокол об административном правонарушении либо принято решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования.

7. Проведение контрольной закупки в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц осуществляется в соответствии с федеральным законом. Порядок проведения контрольной закупки в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц устанавливается Правительством Российской Федерации. Предложенное законодательное нововведение позволит сформировать единый подход к проведению

контрольных закупок. Следующая проблема, возникающая в сфере предупреждения правонарушений в области предпринимательской деятельности, связана с неосведомленностью предпринимателей об административной ответственности и составах административных правонарушений в области предпринимательской деятельности. Поэтому предлагается составить памятку для предпринимателей, которая выдавалась бы им после прохождения процедуры государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Таким образом, для решения вышеуказанных проблем необходимо сочетание законодательных и организационных методов, которые мы предложили в данной статье.

Библиографический список

1. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 03 октября 2012г. по делу № А82-3764/2012 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/680212263> (дата обращения 15.02.2022).

2. Постановление Верховного Суда Республики Татарстан №4А-2211/20184А-415/2019 от 20 марта 2019г. по делу № 4А-2211/2018 // Портал «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/N7AAS> (дата обращения 17.02.2022).

3. Решение Богородицкого районного суда №12-22/2014 от 25 июня 2014г. // Портал «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/N7AFm> (дата обращения 17.02.2022).

УДК 342.9

*А.А. Шмидт, к.ю.н., доцент, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Особенности контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований законодательства об оружии в деятельности юридических лиц, осуществляющих хранение и торговлю оружием и патронами, на основе оценочных листов

В статье констатируется поэтапное развитие законодательства, регламентирующего государственный контроль (надзор), направленного на снижение административной нагрузки на субъектов предпринимательства. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования разъяснительной работы контрольно-надзорными органами обязательных требований. В контексте развития программ профилактики нарушений обязательных тре-

бований приводятся комментарии к отдельным контрольным вопросам оценочных листов для лицензируемых Росгвардией видов деятельности. Приводится перечень документов необходимых для заполнения оценочных листов, при оценке соответствия зданий и помещений для хранения и торговли оружием и патронами.

Ключевые слова: оружие, лицензирование, контроль, надзор, обязательные требования.

Безопасность предпринимательства выступает комплексной категорией, характеризующей состояние защищенности субъектов предпринимательской деятельности, и обеспечиваемая комплексом правовых, административно-правовых, организационных и других мер, содействующих минимизации угроз и рисков. Последние 10 лет государство последовательно проводит политику по снижению административной нагрузки на предпринимательскую среду: реализован риск-ориентированный подход в осуществлении контрольно-надзорной деятельности [1]; принято законодательство о защите прав юридических лиц, обязательных требованиях и государственном контроле; разработаны административные регламенты предоставления государственных услуг и проведения контрольных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства; начинает реализовываться проактивный режим государственных услуг для работников предприятий и организаций; утверждаются формы оценочных листов; разрабатываются программы профилактики нарушений обязательных требований [3] и другие меры в рамках регуляторной гильотины и уже второго моратория на проведение плановых проверок предпринимателей [2].

В различных сферах предпринимательства реализация указанных мер неоднородна в силу особенностей сфер осуществления предпринимательской деятельности. Так, например, из сферы правового регулирования указанных законов в той или иной мере выведены предпринимательская деятельность по торговле оружием и боеприпасами, а также частная детективная и охранная деятельность. Такое исключение представляется вполне обоснованным в связи с повышенными рисками при осуществлении указанных видов деятельности, в том числе повышенных рисков причинения вреда жизни, здоровью граждан, степени общественной опасности нарушений в указанных сферах.

В тоже время потенциал снижения административной нагрузки в рассматриваемых сферах как представляется не исчерпан. Значимым шагом в этом направлении стало внедрение в рассматриваемой сфере оценочных листов, в соответствии с которыми проводится оценка соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям в области частной детективной или частной охранной деятельности, а также соискателя лицензии или лицензиата лицензионным требованиям при осуществлении деятельности по

хранению и торговле гражданским и служебным оружием и основными частями огнестрельного оружия, патронами к гражданскому и служебному оружию и составными частями патронов.

Опыт административно-юрисдикционной деятельности в рассматриваемой сфере показывает, что выявляемые нарушения носят неумышленный характер, а конкретными причинами и условиями становятся незнание либо непонимание обязательных требований, предъявляемых к данному виду деятельности, невозможность доказать соответствие предъявляемым требованиям. С учетом изложенного представляется важным в рамках программ профилактики последовательно проводить разъяснительную и инструкторско-методическую работу с подконтрольными субъектами предпринимательской деятельности. В этом отношении представляется важным и необходимым привести некоторые комментарии к вышеуказанному приказу Росгвардии от 25.02.2022 № 48, утвердившего формы оценочных листов для лицензируемых Росгвардией видов деятельности.

Содержание большинства лицензионных требований очевидны и их подтверждение не вызывает вопросов (гражданство, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, достижение возраста и т.д.). В тоже время требует пояснений подтверждение следующих обязательных требований, включенных в список контрольных вопросов: имеются ли принадлежащие соискателю лицензии или лицензиату на праве собственности или ином законном основании помещения, здания, сооружения, необходимые для выполнения заявленных работ (оказания услуг) по хранению гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия и (или) патронов к гражданскому и служебному оружию и составных частей патронов, отвечающие требованиям к приему, учету, хранению, обеспечению условий сохранности оружия и (или) патронов и исключению доступа посторонних лиц к оружию и (или) патронам, установленным Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»? (п. 1 приложения №3), а также торговые помещения, здания, сооружения? (п. 4 приложения №3).

При определении соответствия помещений, зданий и сооружений для хранения и торговли оружием и боеприпасами должны учитываться сведения, содержащиеся в технической документации на объект недвижимости (техническом плане, техническом паспорте), оформленных в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности. К числу основных нормативных документов, определяющих состав и содержание технической документации, относится Свод правил №255.1325800.2016 «Здания и сооружения. Правила эксплуатации. Основные положения». В соответствии с п.

18 указанного свода правил к эксплуатационной документации длительного хранения относятся:

- 1) техническая документация здания (сооружения), в том числе:
  - генеральный и ситуационный планы,
  - акты приемки в эксплуатацию здания (сооружения) и прилагаемая к ним исполнительная документация,
  - паспорт на здание (сооружение) и участок (оформляют в соответствии с ГОСТ 31937),
  - заключения по этапам общего мониторинга технического состояния (оформляют в соответствии с ГОСТ 31937);
- 2) информация об ограничениях функционирования здания (сооружения);
- 3) эксплуатационный паспорт;
- 4) энергетический паспорт;
- 5) санитарный паспорт, удостоверяющий, что в здании (сооружении) проводится согласованный с учреждениями госсанэпидслужбы необходимый объем дезинсекционных и дератизационных мероприятий;
- 6) паспорт безопасности (в предусмотренных законодательством случаях);
- 7) паспорта систем инженерно-технического обеспечения, системы общего мониторинга технического состояния несущих строительных конструкций;
- 8) журнал эксплуатации здания (сооружения).

Из числа приведенной эксплуатационной документации документами, подтверждающими пригодность и соответствие зданий, сооружений и помещений для хранения и торговли оружием и патронами, в первую очередь являются:

1) акты приемки в эксплуатацию здания (сооружения) и прилагаемая к ним исполнительная документация – определяют специальные эксплуатационные требования к зданию (сооружению) различного функционального назначения исходя из принятых объемно-планировочных и конструктивных решений и функционального назначения технологических процессов, для которых предназначено здание (сооружение), определяемых с учетом Правил оборота оружия.

2) паспорт на здание (сооружение) – документ, выдаваемый Бюро технической инвентаризации и являющийся частью технической документации на объект недвижимости, содержащий сведения о состоянии основных конструкций и назначение помещений здания (сооружения).

3) эксплуатационный паспорт – документ, содержащий основные сведения о здании (сооружении) и информацию о проведении ремонтов и/или реконструкции здания (сооружения) и других изменениях, возникших при эксплуатации, в том числе при оборудовании (строительстве) помещений,

предполагаемых для использования в качестве специализированных комнат хранения и торговых залов.

Надлежащее ведение и хранение указанной эксплуатационной документации должно обеспечить безопасность осуществления предпринимательской деятельности по хранению и торговле оружием и патронами и способствовать минимизации рисков штрафных санкций в результате контрольно-надзорной деятельности уполномоченных органов.

Библиографический список

1. Тарасов А.М. Нормативно-правовое обеспечение применения риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (58). – С. 36–40.

2. Шмидт А.А. Осуществление федерального государственного надзора за соблюдением требований законодательства об оружии в деятельности юридических лиц, осуществляющих частную охранную деятельность с использованием служебного оружия, на основании контрольных вопросов, как средство снижения коррупциогенности законодательства об оружии / А.А. Шмидт, Э.Л. Лещина // История, теория, практика российского права: сборник научных работ. / гл. редактор С.Н. Токарева. – Курск, 2020. – С. 235–244.

3. Программа профилактики нарушений обязательных требований, соблюдение которых оценивается Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в установленных сферах на 2022 год [Электронный ресурс]: утверждено Росгвардией 20.12.2021. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2022).

СЕКЦИЯ «ЦЕННОСТЬ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ»

УДК 349.3

*Н.В. Валюшко-Орса, к.ю.н., доцент БГУ
А.Е. Орса, к.ю.н., доцент БГЭУ
г. Минск, Беларусь*

К вопросу о совершенствовании порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности

В статье рассматриваются вопросы определения средней заработной платы работника при исчислении пособия по временной нетрудоспособности. Делается вывод о необходимости учета заработка у всех нанимателей, полученного в течение расчетного периода, предшествующего наступлению болезни.

Ключевые слова: социальная защита, пособие, заработная плата, временная нетрудоспособность.

Построение в Республике Беларусь унитарного демократического социального правового государства [1, ст. 1] неминуемо влечет проникновение юриспруденции во все сферы общественной жизни. Особенно это существенно в тех случаях, когда соответствующие отношения в определенной степени затрагивают многих субъектов. Областью жизнедеятельности общества, где в значительной мере проявляется этот фактор, является социальная защита населения, в рамках которой человеку, жизнь и здоровье которого являются высшей ценностью, гарантированы со стороны государства определенные гарантии – предоставление и оплата трудового отпуска; выплата пенсий; оплата пособий по временной нетрудоспособности и др.

При этом, оплата временной нетрудоспособности представляет повышенный интерес, поскольку болезнь, во-первых, сама по себе предполагает осуществление дополнительных затрат (например, приобретение дорогостоящих лекарств) и, во-вторых, всегда носит незапланированный, а нередко и чрезвычайный характер. Нивелировать же возникшую проблему за счет ранее сделанных накоплений может далеко не каждый человек. В этой связи первостепенное значение приобретает размер пособия по временной нетрудоспособности.

В общей сложности величина этого пособия зависит от срока болезни, заработной платы, а также от того, в рамках какого периода уплачивались взносы на социальное страхование.

Так, согласно подпункту 2.2. Положения о порядке обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности и по беременности и родам, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июня 2013 г. № 569 [2] (далее – Положение), право на пособия имеют лица, работающие или осуществляющие иной вид деятельности, на которых распространяется государственное социальное страхование и за них, а также ими самими в предусмотренных законодательством о государственном социальном страховании случаях уплачиваются обязательные страховые взносы в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь на социальное страхование.

Следует отметить, что размер среднедневного заработка для исчисления пособий по временной нетрудоспособности работникам определяется за 6 календарных месяцев, предшествующих месяцу, в котором возникло право на пособия (далее – расчетный период). При этом, учитывается заработок за период работы у плательщика, назначающего пособие [2, ч. 1 п. 21].

Если же число календарных дней расчетного периода составляет менее 30 календарных дней, пособие исчисляется исходя из тарифной ставки или должностного оклада (без надбавок и повышений) работника, установленной на день возникновения права на пособия [2, п. 23].

Исключение из данного правила сделано лишь на случаи переподчения, реорганизации, смены собственника имущества плательщика и перевода работника к другому плательщику в расчетном периоде или в месяце возникновения права на пособие. В этой ситуации размер среднедневного заработка для исчисления пособия по временной нетрудоспособности определяется с учетом заработка у других нанимателей в рамках расчетного периода [2, ч. 2 п. 21].

Таким образом, работники, сменившие работу (за исключением увольнения в порядке перевода) и не проработавшие до болезни 6 месяцев, оказываются в ситуации, когда их заработок (а значит, и величина предшествующих отчислений в фонд социальной защиты населения (далее – ФСЗН) индифферентны к размеру пособия по временной нетрудоспособности. Особенно ощутимо эта диспропорция может проявиться в условиях наступления временной нетрудоспособности в течение первого месяца работы у нового нанимателя.

Тем самым, на наш взгляд, нарушается один из основополагающих принципов права социального обеспечения – дифференциация уровня обеспечения в зависимости от трудового вклада [4, с. 619], поскольку, пособия хоть и назначаются плательщиком, но выплачиваются не за счет его средств, а в счет начисленных обязательных взносов в ФСЗН [2, п. 30]. Иными словами, работник, осуществляя свою трудовую деятельность у различных нанимателей в течение полугода до болезни (а это в современных реалиях многообразия форм собственности и развития предпринимательства пред-

ставляется вполне естественным), содействовал перечислению в ФСЗН отчислений из своего заработка, а фактически – в определенном размере «оплатил» свой потенциальный листок нетрудоспособности.

В этой связи, представляется юридически целесообразным и экономически оправданным внесение изменений в пункт 21 Положения, предусматривающее закрепление в ней нормы о том, что, при определении среднедневного заработка для исчисления пособий по временной нетрудоспособности, подлежит учету заработок работника у всех нанимателей, полученный в течение расчетного периода, предшествующего наступлению временной нетрудоспособности, вне зависимости от оснований увольнения.

Появление данной новеллы в законодательстве Республики Беларусь позволит не только соблюсти один из наиболее значимых общеправовых принципов справедливости и равноправия [3, с. 223–224] в этой сфере, но и будет способствовать более полной защите прав и охраняемых законом интересов граждан в нашей стране.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Положение о порядке обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности и по беременности и родам, утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июня 2013 г., № 569 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 735 с.

4. Трудовое право: учебник / В.И. Семенов, Г.А. Василевич, Г.Б. Шишко и др.; под ред. В.И. Семенова. – Мн.: Амалфея, 2006. – 784 с.

УДК 349.2

*Н.В. Демидов, к.ю.н., доцент НИ ТГУ, доцент ТУСУР
г. Томск, Россия*

Соотношение трудового права и экономики: история и современность

Анализируется соотношение трудового права и экономики с точки зрения двух аспектов: взаимного сдерживания и стимулирования и с позиций взаимной обусловленности. Характеризуется историческое проявление закономерностей дестимулирующего воздействия трудового права на экономику и первичный характер экономики для юридических форм привлечения к труду.

Ключевые слова: трудовое право, экономика, история трудового законодательства, советское трудовое право, фабричное право

Трудовое право России всегда выступало важнейшим фактором национального хозяйства наряду с налоговым, административным и гражданским правом. Будучи средством регламентации использования трудовых ресурсов страны, отрасль устанавливает пределы эксплуатации работника, формы и правила его привлечения к труду, меры ответственности за нарушение этих правил.

Связь трудового права и экономики может быть оценена в двух измерениях: во-первых, с точки зрения показателей взаимного сдерживания и стимулирования, поддержки и противодействия, то есть по диалектическим свойствам единства и борьбы, а, во-вторых, с позиций причинно-следственных связей, или, иначе, взаимной обусловленности, первичности и вторичности. При этом оба параметра весьма наглядно предстают в контексте исторической динамики и сопоставления с современностью.

Взаимное воздействие трудового права и экономики характеризуется ярко выраженной диалектичностью в своих единстве и противоречивости. В нем обнаруживается сочетание негативного (сдерживающего) влияния отрасли права на хозяйство, и одновременно придание ему упорядоченных форм производственных и распределительных отношений. Развитие этой системы «сдержек и стимулирования» прослеживается, в частности, в дореволюционном и советском периоде истории отрасли. Так, в эпоху фабричного законодательства первые нормы о наемном подчиненном труде не напрасно встречали отпор предпринимателей и, отчасти, законодателя. Несложный анализ приводил к очевидному выводу: установление юридических правил в почти нерегулируемой сфере отношений значительно снизит рентабельность производств, повлечет удорожание товаров, снизит конкурентоспособность России на мировом рынке. Возникал конфликт «чистой» экономики и фабричного законодательства, который постепенно разрешался в пользу второго. В этом нашла проявление еще одна закономерность: помимо фактора экономики трудовое право на любом этапе истории пребывало под сильным влиянием социально-защитных и политических мотивов. Еще более выраженным тормозящее влияние законодательства о труде стало в эпоху СССР. Под воздействием идейных установок обеспечения интересов трудящихся советское государство приняло решение максимально способствовать таким «антиэкономическим» факторам, как высокая защищенность социально уязвимых категорий (пенсионеры, инвалиды, матери-одиночки, несовершеннолетние), ограничение хозяйской власти работодателя, закрепление прав и гарантий прав работников. Была сделана ставка на неравновесную модель социально-трудовых отношений с прева-лированием интересов работника. Подобная конструкция могла возникнуть

только путем самоограничения государства как монопольного работодателя, переноса ресурсов из производства в социальное обеспечение. Снижая меру эффективности народного хозяйства, власти делали ставку на гармонизацию социальных отношений. Отчасти именно эта забота о работнике, порой превышающая меру должного, вызвала кризисные явления в истории СССР, – нерациональное распределение рабочей силы, борьба с безработицей путем создания непроизводительных рабочих мест, стойкое падение дисциплины труда в 1960-80е годы. Несомненно, что снижение нагрузки на бюджет по образцу Китая той же эпохи и перекачка ресурсов из социальной поддержки трудящихся в промышленность вызвали бы рост производства, дали бы инвестиции в обновление технологического парка, тяжелую промышленность и сельское хозяйство. Однако СССР не принял такого решения, проводя последовательную и вполне гуманистическую политику по защите трудовых прав работников.

Этот же баланс между потребностями роста производительных сил и поддержания социального мира определяет и современное положение дел. Отечественный законодатель по-прежнему ведет поиск оптимальной модели: с одной стороны, закрепляет приоритет трудового договора над гражданским¹, с другой – выбрасывает на рынок труда массу лиц предпенсионного возраста, в одно и то же время пытается лимитировать для работника период компенсации отпускных² и ужесточает санкции за нарушение прав работника.

Если трудовое право оказывает во многом тормозящее воздействие на рост экономики, то с позиции причинно-следственного соотношения экономика имеет первичный характер для принципиальной организации трудовых отношений. Именно актуальный уклад хозяйства (рыночный или распределительный) мотивирует законодателя к закреплению форм привлечения к труду и правил поведения, обеспечивающих функционирование экономики. В этом ключе трудовое законодательство имеет обслуживающую природу. Так, в исторических условиях Российской империи фабричное законодательство закрепляло сообразную экономике конструкцию: свободный найм, некоторые гарантии для работника при трудоустройстве, получении жалования, увольнении и в процессе труда. При этом по сути наниматель диктовал условия, а работник мог согласиться на них, либо отказаться от вступления в трудовые отношения, государство во многом отстранялось от действительного вмешательства в отношения по труду. Такая модель отвечала капиталистическому укладу на стадии перехода от аграрного этапа к

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 10.06.2019 г. по делу № 45-КГ19-3 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2018 № 308-ЭС18-4704 по делу № А53-2579/2017; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.01.2018 по делу № А53-2579/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

индустриальному с сопутствующими явлениями слабого надзорного аппарата, низкой юридической техники, неразвитого правосознания. Хозяйственный строй определял и содержание советского трудового права. В СССР с первых лет получили закрепление административистский трудовой договор, детально урегулированный законодательством, а также элементы принуждения к труду, распределительная система вознаграждения за труд, смягчение ответственности работника, нормы о препятствовании совместительству, внедрение моральных стимулов к труду. Все эти элементы прямо следовали из особенностей национального хозяйства, носящего централизованный плановый характер и связанного с дефицитом рабочих рук и нехваткой финансовых ресурсов.

Таким образом, и при рыночном, и при административистском строе хозяйствования обнаруживаются две базовые закономерности. Трудовое право выступает сдерживающей силой, ограничивающей проявления чистого экономизма в целях социальной защиты работающего населения. В рыночной экономике нормы о труде устанавливают пределы реализации интересов работодателя, в нерыночной – государства. В то же время принципы хозяйственного уклада предопределяют содержание трудового права в части форм привлечения к труду, задавая модель свободы трудового договора или административного распределения трудовых ресурсов.

УДК 340.11 + 349.2 + 16

*О.А. Егорова, старший преподаватель кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Рациональные начала познания права. Единство и различие принципов трудового права и принципов логики в юридическом познании: философский и правовой аспекты

В статье рассматривается значение принципов трудового права с позиций философии и методологии юридического познания, науки трудового права, а также исследуется роль принципов логики в научно-философском и правовом познании в целом и в сфере трудового права. Автор выявляет общность и различие принципов трудового права и основных законов логики как рациональных начал познания, исходя как из концепций классической античной философии, так и опираясь на современные правовые концепции.

Ключевые слова: рациональные начала в познании; юридическое познание; принципы трудового права; принципы (основные законы) логики.

Вопрос о рациональных началах (принципах) в познании является актуальным как в сфере научно-философских исследований, так и в сфере научно-правовых изысканий. В философском аспекте этот вопрос значим в гносеологии (теории познания, эпистемологии) и логике [5; 23; 26; 10; 12], в правовом аспекте – в философии права [1] в свете осмысления связи разума и права, предназначения права, структуры правовой материи; при выявлении специфики видов правовых исследований и обсуждении проблемы системного строения методологии права [2; 14; 27; 11; 12], в осмыслении проблемных вопросов познания в различных отраслях права [12], например, о принципах правового регулирования в сфере трудового права [7; 17; 25; 28]. В связи с этим *цель работы*: выяснить единство и различие принципов трудового права и принципов логики как рациональных начал познания права в философском и правовом аспектах. Научно-теоретическую и методологическую базу научной работы составляют, с одной стороны, совокупность научно-философских трудов, связанных с вопросами рационального познания и его принципов, значения логики и ее основных законов в научно-философском и правовом познании, с другой стороны – ряд научно-правовых работ как в сфере философии и методологии юридического познания, так и в сфере трудового права. Также опорными для работы стали положения современной гносеологии [18; 29] о междисциплинарном и коммуникативном подходах в познании, которые акцентируют возможности уравнивать прагматизацию науки, обосновывают значимость интеграции когнитивных и культурно-исторических сторон в рациональном познании на основе концепта «достоинство знания», подчеркивают значение общения ученых.

1. Единство и различие принципов логики и принципов трудового права: философский аспект.

Рассматривая *философский аспект* темы работы, необходимо заострить внимание на том, что впервые вопрос о принципах как рациональных началах (основаниях) бытия и познания был поставлен в истории мысли европейской цивилизации в античности, как одной из основ современности [22], где он получил всестороннее теоретическое осмысление в философии Сократа, Платона, Аристотеля, выступающей в виде духовного наследия, которое имеет непреходящее значение. Характеризуя роль принципов как рациональных начал в познании, известный исследователь античности А.Ф. Лосев [19] отмечал, что поиск сущностных принципов, заложенных в центре познания и бытия, ведущих к единству сознания и бытия в отличие от анархизма и нигилизма в познании и практике, стал значимой чертой классического понимания духовного уровня развития. Опираясь на работы М.К. Мамардашвили, А.А. Гусейнова, А.С. Ахманова, В.Н. Поруса, В.С. Степина и др. [21; 23; 19; 6; 30], посвященные научно-философской проблематике в античности, важно отметить, что установка на исследование прин-

ципов как внеопытных, «объективных истинных оснований бытия и познания, постигаемых разумом как универсальной духовной способностью человека» [30, с. 803], стала одной из характерных особенностей рационального познания со времен античности, позволив выдвинуть и осмыслить фундаментальные принципы теоретического, рационально-организованного и обоснованного познания, ставшие общими чертами научной рациональности – принципы объективации и понятности (интеллигибельности), единства истины и блага, разумного обоснования.

Обращаясь к рассмотрению принципов в качестве рациональных оснований (начал) познания в античной философии важно подчеркнуть, что уже в учении Сократа были установлены два принципа как требования в поиске и обсуждении сущности предмета познания исходить из установления понятий, связанных с формой, а также выявлять и преодолевать противоречия в мышлении, рассуждениях и понимании терминов. В философии Платона была выявлена конструктивная роль идей как рациональных начал (оснований) познания, условий организации сознания и бытия человека и общества. В теории познания Аристотелем были осмыслены два уровня начал (оснований) рационального познания – всеобщие начала познания как принципы всей науки и начала (принципы) отдельных, конкретных наук. К всеобщим началам (основаниям) познания относятся философские принципы, которые есть внеопытные, «недоказуемые начала науки как таковой», высшие истины, постигаемые разумом диалектическим путем в процессе диалогического обсуждения, а начала конкретных наук (аксиомы, постулаты, принципы) – это положения, которые «принимаются как таковые без доказательств, как нечто непосредственно очевидное и наглядное» [21, с. 242]. Среди начал познания, основанных на разуме, законы логики признаются как принципы правильного доказательного мышления, применимого ко всем наукам, «являются фундаментальными принципами бытия и мышления» [30, с. 807].

Основываясь на концепциях Платона и Аристотеля, возможно установить единство и различие философских принципов как начал рационального познания и принципов (начал) отдельных наук. *Единство* состоит в понимании, что это *идеи разума*, конструктивные условия познания, организации сознания и бытия человека и общества. *Различие* заключается в том, что они относятся к различным уровням в порядке (форме, структуре) организации научно-философского познания и бытия. *Таким образом*, философский аспект рассмотрения темы работы позволяет сделать вывод, что уже в античной философии сформировался рациональный подход в познании, который дает возможность исследовать в качестве рациональных начал (оснований) познания, бытия и деятельности принципы всеобщего философского значения и принципы отдельных наук. В связи с этим основные законы логики

как рациональные начала познания относятся к уровню философских принципов, а принципы трудового права – к принципам конкретно-научного вида познания.

Стремясь выявить общность (единство) принципов логики и трудового права, возможно также обратиться к смыслу понятия «принципы» в античной философии на основе работ А.Ф. Лосева [19], М.К. Мамардашвили [21; 23; 12] и др. В зависимости от цели данного исследования можно выделить следующие значения термина «принцип» в философии Платона и Аристотеля: «начало, исходный пункт движения», «наиболее целесообразная отправная точка», «внешняя причина возникновения, изменения и движения вещи», «начало исследования», «исходные основания рассуждения». В «Метафизике» Аристотеля «начала суть первое, откуда то или иное есть, или возникает, или познается», также «усмотрение, определенный ход дела», «предпосылки, лежащие в основе познания предмета» [3, с. 145]. Значит, в античности устанавливается смысл термина «принципы» как основания, начала, условия, причины понимания и исследования материального и нематериального мира, выраженные в понятиях. Важно подчеркнуть такую особенность, что принцип разума как общее понятие имеет не просто абстрактно-отвлеченный характер, но является *порождающей основой*, позволяет сформулировать проблему и стать базой, опорой, стержнем ее решения, законом, программой и правилом возникновения для соответствующего множества предметов, их регулирующей структурой, смысловым зарядом. Специфика философских принципов как предельных оснований мышления и бытия человека, проявляется в том, что они становятся первыми элементами теоретических процедур в научном познании.

Таким образом, философский аспект рассмотрения темы дает возможность установить единство и различие принципов логики и принципов трудового права. Единство обнаруживается посредством выявления их идеальной природы (сущности), благодаря которой эти принципы выступают как значимые элементы научно-философского познания, условия организации сознания и бытия человека и общества, выполняют конструктивную роль в качестве основополагающих идей, начал рационального познания, выражаются в абстрактных понятиях, способствуют постановке проблем и разработке базиса для их осмысления, обсуждения и решения. Различие между принципами логики и принципами трудового права выявляется посредством отнесения к разным уровням в структуре организации научно-философского познания и бытия (философский и конкретно-научный уровень).

2. Единство и различие принципов трудового права и принципов логики: правовой аспект.

1) Обращение к правовому аспекту рассмотрения темы работы показывает, что в свете философии права рациональные начала в познании возможно исследовать с позиций высших ценностей и идеалов цивилизации, задач и предназначения права. С.С. Алексеев в работе «Восхождение к

праву», рассматривая право как явление разума и «объективированное бытие Разума», выделяет две его задачи: «реализация и обеспечения свободы человека и реализация глобальной для человечества задачи исключения из жизни людей произвола, насилия» [1, с. 433, 451]. Также ученый выделяет пять признаков, характеризующих правовые идеи и принципы как рациональные начала в познании права. По характеру появления и выражения это «идеологические положения, категории правосознания, известные духовные, интеллектуальные начала, которые выражают постулаты какой-то философской, политической или правовой доктрины, выработаны наукой или поняты как идеи» правоведами-практиками, отработаны в ходе законодательных работ в виде краткой нормативной формулы-принципа и введены в текст закона, например, конституционное положение о разделении властей и др. [1, с. 216–217]. По способу закрепления в праве рациональные начала закреплены в текстах законов в виде норм-принципов, выступают в виде «принципов отрасли», начал отрасли-законодательства, «или даже особенностей метода регулирования» [1, с. 216–217], например, принцип свободы труда. По своей сущности правовые идеи и принципы представляют собой «центральное звено, стержень юридической организации (внутренней формы) правового материала, его структуры, юридических конструкций, правовых форм, процедур», «изюминки» того или иного структурного подразделения права» [1, с. 217]. Характеризуя место и роль правовых идей в юридической сфере, С.С. Алексеев подчеркивает их неотъемлемый характер от правовой материи в качестве органических элементов позитивного права (законов, судебных решений и т.д.), опосредованных практическим правовым опытом, жизнью. Сила правовых идей как рациональных начал права заключается в том, что они «выражают своеобразие самой правовой материи, ее специфическую логику», выражают глубокое историческое предназначение права, его «органическую настроенность на идеалы и ценности высокого общечеловеческого порядка», несут в себе «потенциал Разума в его высшем значении» [1, с. 433, 435].

2) С позиций методологии права общность принципов трудового права и принципов логики выявляется с точки зрения видов юридического познания, так как они значимы и в теоретическом и в практическом познании, а различие возможно выявить на основе научно-правовых концепций структуры уровней методологии права С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, В.М. Сырых и др. [2; 4; 27].

Проведенные исследования [11;12] показали, что в структуре методологии права выделяются философский, общенаучный, частнонаучный уровни юридического познания. Уровень философской *методологии* значим для всех наук и на всех стадиях научного познания, позволяет формулировать общие методологические установки и общее направление для научного исследования, включает всеобщие принципы, методы и категории научного познания (принципы диалектики, принцип историзма, основные

законы логики и др.). *Уровень общенаучной методологии* включает принципы, формы и методы познания, используемые во всех науках, сфера применения которых ограничивается решением конкретных познавательных задач (анализ, синтез, абстрагирование, системно-структурный подход и др.). *Частнонаучный уровень методологии* применяется в процессе познания специфики отдельного объекта правовой науки. Исходя из структуры уровней методологии права, различие принципов трудового права и принципов логики в юридическом познании состоит в том, что основные законы логики относятся к философскому уровню познания права, принципы трудового права – к частнонаучному уровню.

3) Проведенный анализ ряда работ ученых-правоведов *в сфере трудового права* С.Ю. Головиной, Ю.А. Кучиной, В.М. Лебедева, Е.Р. Воронковой, В.Г. Мельникова, М.С. Сагандыкова, А.В. Хлебникова и др. [7; 8; 17; 25; 28] показал, что, *во-первых*, ученые указывают на значимость изучения принципов наряду с другими элементами и категориями в системе трудового права, что способствует «выявлению связей между элементами и системой отрасли в целом, определению ее роли в нормотворческой и правоприменительной практике» [17, с. 133]. *Во-вторых*, правоведы дают характеристику принципов трудового права как рациональных начал: «это исходные положения, руководящие идеи, определяющие его содержание, выражающие его сущность и социальное предназначение, определяют идеологию отрасли, ее социальную направленность» [8, с. 21–22]. *В-третьих*, выделяя регулятивное значение принципов трудового права, юристы отмечают, что они не устанавливают конкретных правил поведения, но «формулируют фундаментальные требования, которые учитываются при построении системы трудового права» [8, с. 22]. *В-четвертых*, ученые проводят классификацию принципов трудового права, выделяя общеправовые принципы (законности, гуманизма и др.), межотраслевые принципы (свобода труда, свобода договора и др.), отраслевые принципы (запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда, равенство прав и возможностей работников и др.), внутриотраслевые (принципы социального партнерства и др.), а также есть общепризнанные принципы международного права. Следует заметить, что осмысление принципов трудового права возможно и в правовом и в философском аспектах, например, принцип свободы труда рассматривается у С.Ю. Головиной, М.С. Сагандыкова [7; 23] и др., в философии М. Мамардашвили [20; 22].

4) Изучение научно-философской и правовой литературы [11; 12; 13; 14; 24; 28] также дает основание утверждать, что в правовых науках в целом и в трудовом праве могут рассматриваться принципы логики как рациональные начала юридического познания: *логические законы тождества, непротиворечия, исключенного третьего; достаточного основания*. Чтобы раскрыть тему работы, возможно провести различие между принципами логики

и принципами трудового права, характеризуя их функции (роль) в юридическом познании. Проведенный анализ научно-философских работ [5; 11; 12; 27; 29] позволяет выделить две основных функции принципов логики в юридическом познании: теоретико-познавательную (методологическую) и коммуникативную. Первая функция заключается в том, что логические принципы выражают всеобщие требования к рассуждениям, мыслительным операциям в юридическом познании в постижении истины рациональными средствами. Вторую функцию возможно трактовать на основе концепта «достоинство знания» [29], предполагающего интеграцию культурно-исторических и когнитивных измерений научного знания, в связи с чем законы логики, разработанные Аристотелем как общезначимые принципы выражения познания, ориентированы не только на практическую социальную полезность знания, но активизируют его культурную и экзистенциальную значимость для общения людей. Опираясь на работы В.Ф. Асмуса [4; 5], А.С. Ахманова [6], Н.И. Кондакова [16], Ю.В. Ивлева [13], В.И. Кириллова и А.А. Старченко [15], Н.В. Михалкина [24], А.В. Хлебникова [28] и др. возможно конкретизировать значение принципов логики в правовом познании в целом и в сфере трудового права. *Закон тождества* как принцип познания предполагает определенность и однозначность всякой мысли или понятия о предмете в сфере права, точность в правовых исследованиях, рассуждениях и выводах, исключает всякую неясность. Знание и применение логического закона *непротиворечия* развивает познавательные способности выявлять и устранять противоречия в научном и практическом правовом познании, правовых рассуждениях и документах. Регулятивность логического закона *исключенного третьего* проявляется в праве в связи с выбором одного из двух противоречащих высказываний как искомой истины. *Логический закон достаточного основания* направлен на обоснованность и доказательность правового познания. Рассматривая «роль принципов логики в разработке, принятии и применении норм трудового права», А.В. Хлебников отмечает, что потенциал междисциплинарных исследований позволяет «уяснить сущность процессов нормотворчества, толкования, правоприменения с точки зрения использования субъектами трудового права законов формальной логики» [28, с. 5, 8].

Характеризуя специфику функций принципов трудового права, как рациональных начал права, в работах С.Ю. Головиной возможно выделить конструктивно-организующую, методологическую и регулятивную роль принципов трудового права. *Конструктивно-организующая роль* выражается в обеспечении единства отрасли и взаимосвязи ее правовых норм, в том, что они «служат ориентиром при интерпретации правовых норм и позволяют преодолевать некоторые дефекты трудового законодательства, в частности, пробелы и противоречия»; *методологическая роль* проявляется в том, что принципы трудового права служат основой «развития механизма правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними

отношений» [7 с. 24], *регулятивная роль* связана с формулированием фундаментальных требований, которые учитываются при построении системы трудового права.

Таким образом, проведенное исследование показало, что рассмотрение темы рациональных начал (принципов) в познании имеет значимость в философских и правовых изысканиях, а также позволяет заключить, что как в философском, так и в правовом аспектах исследования прослеживается единство и различие принципов трудового права и принципов логики как рациональных начал (оснований) в юридическом познании.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву / С.С Алексеев. – Собр. соч. в 10 т. – М.: Статут, 2010. – Т. 6. – 556 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права / С.С Алексеев. – Собр. соч. В 10 т. – М.: Статут, 2010. – Т. 3. – 781 с.
3. Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1 / Ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975 (1976). – 549 с.
4. Асмус В.Ф. Логика / В.Ф. Асмус. – М.: Либроком, 2014. – 392 с.
5. Асмус В.Ф. Философские задачи логики / Валентин Фердинандович Асмус / В.Ф. Асмус / под ред. В.А. Жучкова, В.И. Блауберг. – М.: РОС-СПЭН, 2010. – С. 361–385.
6. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля / А. С. Ахманов. – М.: УРСС, 2002. – 312 с.
7. Головина С.Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России // Российский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 132–145.
8. Головина С.Ю. Трудовое право России / С.Ю. Головина, Ю.А. Кучина. – М.: Юрайт, 2017. – 313 с.
9. Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 4–17.
10. Егорова О.А. Роль логики в исследовании оснований рационального познания в классической античной философии // Вестник ЧелГУ. Филос. науки. 2018. – № 9 (вып.49). – С. 123–131.
11. Егорова О.А. Принципы юридического познания: исторический и логический аспекты // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия Право. 2019.– № 3. – С. 47–67.
12. Егорова О.А. Принципы рационального познания: значение законов логики в современном научно-философском и юридическом познании. // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XXIX Междунар. научно-практич. конференции (7 апреля 2021 г.). – СПб. Т. 3., 2021. – С. 152–164.
13. Ивлев Ю.В. Логика для юристов / Ю. В. Ивлев. – М., Проспект, 2012. – 272 с.

14. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, метод, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.
15. Кириллов В.И. Логика / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – М.: Проспект, 2017. – 240 с.
16. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 719 с.
17. Лебедев В.М. Современное трудовое право (Опыт трудового компаративизма.) Кн.1. / В.М. Лебедев, Е.Р. Воронкова, В.Г. Мельников. – М., Изд. 2007. – 301 с.
18. Лекторский В.А. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола») / В.А. Лекторский, Н.С. Автономова, Д.И. Дубровский, Ж.К. Загидуллин и др. // Вопросы философии. 2018.– № 10. – С. 31 – 66.
19. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд. АСТ», 2000. – 832 с.
20. Мамардашвили М.К. Возможный человек / М.К. Мамардашвили. – М., РИПОЛ КЛАССИК / Панглосс, 2019. – 495 с.
21. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.
22. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили. – СПб., Азбука Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
23. Мамардашвили М.К. Философия и наука М.К. Мамардашвили. – СПб., 2000. – 400 с.
24. Михалкин Н. В. Логика и аргументация для юристов / Н.В. Михалкин. – М.: Юрайт, 2016. – 365 с.
25. Сагандыков М.С. Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в процессе реализации конституционных принципов в сфере труда // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия Право. – 2016. – № 2. – С. 109–114.
26. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М., Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.
27. Сырых В.М. Теория и методология юридической науки / В.М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 464 с.
28. Хлебников А.В. Логика трудового права: автореферат дис. ...канд. юрид. наук / А.В. Хлебников. – Екатеринбург, 2010. – 27 с.
29. Щедрина Т.Г. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии / Т.Г. Щедрина, Б.И. Пружинин // Вопросы философии. 2020. – № 1. – С. 18–27.
30. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. член-корр. РАН И. Т. Касавина и др. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

*Ю.В. Иванчина, д.ю.н., доцент, профессор кафедры
трудового права УрГЮУ им. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия*

Социальная ценность трудового права в современных условиях

В статье обосновывается тезис о социальной ценности трудового права, которая обусловлена лежащей в его основе триадой социальных ценностей, имеющих ключевое значение для развития общества и экономики. Первый элемент – право – институт цивилизации, которое обеспечивает не только «самосохранение» общества и его развитие, но и безопасность человека в обществе, гарантированность основополагающих прав и свобод. В качестве второго элемента обозначен труд – основа развития общества и фундамент любой цивилизации. Третий элемент – социально значимые потребности, удовлетворение которых невозможно без вступления в общественные отношения, урегулированные нормами права.

Ключевые слова: трудовое право, социально значимые потребности, труд, право, социальная ценность

Происходящие в настоящее время изменения в обществе и экономике, связанные как с форсированной цифровизацией, так и с распространением новой коронавирусной инфекции, затронули правовую систему, которая не могла не отреагировать на эти изменения. В связи с этим подвергаются переосмыслению многие понятия, категории и их содержание.

Решающее значение будет иметь ответ на вопрос о социальной ценности трудового права для современного общества. Именно «категория социальной ценности позволяет осветить явление более широко, с новых сторон, охарактеризовать его не только как неизбежность, но и как социальное благо, способное принести пользу, положительный результат, выигрыш в общественной жизни («оживить» предметы и явления)» [1, с. 6].

Обозначенный вопрос приобретает в настоящее время особое значение в силу того, что многие социальные ценности подвергаются серьезным испытаниям. Это обусловлено как разрушением традиционной системы ценностей, заимствованием несвойственных нашему обществу ценностей, так и формированием новых, в условиях рыночных отношений. Следует учитывать, что ценности играют в жизни общества и человека важную роль, являются средством консолидации общества, всех его членов, важным фактором стабильности и позитивного развития, условием его жизнеспособности. [2, с. 84]

Представляется, что трудовое право – это одно из важнейших цивилизационных достижений, обладающих социальной ценностью, что обусловлено элементами, лежащими в его основе.

Базовым элементом выступает право как институт цивилизации, который стал тем механизмом претворения в жизнь требований, которые способствовали «самосохранению» общества и его развитию. Любому обществу необходимы регулятивные механизмы, обеспечивающие его стабильность и способность к саморазвитию. Право выступает как «высокоэффективный и целесообразный социальный регулятор» [2, с. 85]. Именно благодаря праву как социальному регулятору обеспечивается не только нормальное функционирование всего общественного организма, но и безопасность человека в обществе, а также гарантированность основополагающих прав и свобод.

Кроме того, социальная ценность права выражается в его необходимости, полезности и направленности лишь на достижение положительного результата, что способствует выделению права в качестве особого объекта действительности, а также свойств права, возникающих в результате его взаимодействия с общественными потребностями и интересами и служащих удовлетворению последних [2, с. 85].

В качестве второго, не менее значимого элемента, обуславливающего социальную ценность трудового права, выступает труд. «История человечества, воплощенная в истории древних и современных цивилизаций, – это история человеческого труда, поскольку ни одно другое существо в мире, кроме человека, не способно к сознательной деятельности по созданию искусственных условий для своей жизни» [8, с. 17]. Именно труд является основой материально-технических и духовных достижений человечества в ходе цивилизационного процесса.

Тема исследования труда проходит через всю историю общественной мысли. Еще Платон отмечал, что работники, неся на себе всю тяжесть материального труда, обеспечивают таким образом материальные условия существования всего общества [9, с. 10]. Труд однозначно признается материальной основой развития общества и фундаментом любой цивилизации. Труд – это необходимое условие человеческой жизни. Более того, труд – это качество, имманентно присущее любому человеку.

Большое значение категории труда придавали экономисты, особенно с точки зрения его влияния на развитие экономики. В частности, А. Смит, основоположник теории разделения труда, в работе «Исследование о богатстве народов» указывает на то, что труд производит богатство в каждой стране. [10, с. 13]

Однако не любой труд становится предметом правового регулирования, а лишь тот, потребность в регулировании которого является социально значимой для общества. Как верно отмечает Е.Б. Хохлов, поскольку труд

представляет собой имманентное качество человека и человеческого общества, то ясно, что в той мере, в какой это явление проявило себя в социальной среде, оно подвергалось социальному воздействию, включая, разумеется, и правовое регулирование [11, с. 6–7].

Это подтверждает тезис о том, что труд во всех его проявлениях представляет социальную ценность для общества, наравне с правом, которым регулируется его применение.

В роли третьего элемента, обуславливающего социальную ценность трудового права, выступают социально значимые потребности. Еще Г. Гегель отмечал: «Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей» [3, с. 73]. Применительно к праву Г.В. Мальцев писал, что, как ни парадоксально, весь огромный нормативный мир начинается с простого факта – удовлетворения телесной или душевной потребности [7, с. 247].

«Понятие потребности – одна из фундаментальных категорий общественной науки. Ни одна область современного общественного знания не обходится без этого понятия. Экономические науки, социология, демография, теория управления – все они апеллируют к потребностям человека, причем каждая из отраслей знания усматривает в этой категории свой собственный аспект» [4, с. 6, 10].

Потребности имеют «не менее важное значение и для юридической науки, – писал Д.А. Керимов, – ибо только при наличии объективной общности в системе потребностей индивидов ... может возникнуть, существовать и действовать право, как специфическое средство, способствующее удовлетворению их жизненно необходимых потребностей» [6, с. 118]. Однако следует отметить, что не всякие потребности общества становятся основой его правовой деятельности. Удовлетворению посредством норм права в первую очередь подлежат социально значимые потребности. В качестве таковых должны признаваться лишь те, которые являются необходимыми для существования человека, социальных групп и общества в целом и удовлетворение которых самостоятельно невозможно.

Социально значимые потребности – это набор отдельных устойчивых (типичных) потребностей, требуемых для восполнения недостатка жизненных условий, благ, необходимых для сохранения и развития человека, социальных групп и общества в целом, удовлетворение которых невозможно без вступления в общественные отношения и закрепления их в нормах права. Набор потребностей, в зависимости от отрасли права, посредством норм которой они будут удовлетворяться, будет разным.

Как известно, предмет трудового права составляют трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения, содержание которых составляют социально значимые потребности его субъектов. Сущность данных

потребностей заключается в том, что «работник выменивает деньги на рабочую силу, наниматель – эту последнюю на деньги; обоим им то, что они получают, нужнее того, что они имеют» [5, с. 54].

Сказанное подтверждает тезис о том, что трудовое право как самостоятельная отрасль права обладает социальной ценностью и сохраняет ее даже на фоне трансформационных процессов, происходящих в обществе и экономике в настоящее время. Это обусловлено триадой социальных ценностей, лежащих в ее основе (труд, право, потребности), которые позволили обществу перейти от варварства к цивилизации.

Вместе с тем, главной составляющей в этой триаде являются социально значимые потребности, удовлетворение которых для подавляющего большинства трудоспособного населения возможно только посредством вступления в трудовые отношения. Более того, трудовое право России будет сохранять свою социальную ценность, пока будет в полной мере соответствовать современным объективным социально значимым потребностям работников и работодателей, согласовывая их между собой.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев; предисловие С.А. Степанова; вступительная статья А.П. Семитко. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – LXXX, 223 с.
2. Березовская Е.В. К вопросу о социальной ценности права в гражданском обществе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2013. – № 3 [66]. – С. 84 – 89.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель; пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
4. Здравомыслов А.Г. Жизненные потребности трудящихся и их удовлетворение в условиях развитого социализма / А.Г. Здравомыслов. – М.: Знание, 1977. – 64 с.
5. Иеринг Р. Цель в праве: в 2 томах: Первый том / Р. Иеринг, под ред.: В.Р. Лицкой [пер.]; пер.: Н.Ф. Дерюжский, Н.В. Муравьев. – СПб.: Издание Н. В. Муравьева, 1881. – 425 с.
6. Керимов Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
7. Мальцев Г.В. Социальные основы права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
8. Марцева Л.М. Труд в контексте российской цивилизации. Социально-философский аспект: монография / Омский гос. ун-т путей сообщения. – Омск: Типография ОмГУПСа, 2002. – 311 с.
9. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. ст. Е.Н. Трубецкого. Коммент. В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Академический проспект. 2015. – 398 с.

10. Смит А. Исследование о богатстве народов / сокр. пер. М.П. Щепкиной и А.А. Кауфмана. 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: М.Н. Прокопович, 1908. – 228 с.

11. Хохлов Е.Б. История труда и трудовое право: в 3 т. Т. I. История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем / Е.Б. Хохлов; под ред. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2013. – 1022 с.

УДК 349.3

*Е.А. Истомина, д.ю.н., доцент УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия*

Защита от социальных рисков: о необходимости комплексного подхода

Статья посвящена обоснованию комплексного подхода к защите от социальных рисков. Такая защита, по мнению автора, в настоящее время не сводится к компенсации их негативных последствий в системе социального обеспечения, а должна включать также их предупреждение и преодоление. На примере социальной защиты инвалидов во Франции показана также необходимость активной позиции индивида по отношению к установлению и реализации указанной защиты.

Ключевые слова: право социального обеспечения, социальный риск, предупреждение, преодоление и компенсация социальных рисков.

Стабильное течение жизни и предсказуемость будущего – категории, не свойственные современному обществу. Глубокие изменения, не всегда позитивные, заставляют по-новому осмысливать складывающиеся общественные отношения и степень правового влияния на них. Даже представления о неопределенности, о рисках получают дальнейшее развитие в трудах ученых. Так, О.Н. Яницкий в одной из последних своих работ предложил понятие критического состояния, указав: «Опасность» – общий термин, обозначающий вероятность возникновения некоторой проблемы. «Риск» есть некоторое перманентное состояние современного общества... Наконец, понятие «КС» обозначает возникновение конкретной критической ситуации локального, национального или глобального масштабов» [5, с. 18–19].

Сегодня риск-ориентированный подход становится основным способом выстраивания деятельности и планирования будущего. Если отталкиваться от официального значения этого термина, то именно понимание

риска, его оценка становятся основой проведения тех или иных мероприятий¹.

В праве социального обеспечения также обосновывается необходимость выработки собственного подхода, основанного на концепции управления социальными рисками [4, с. 64]. Ведь социальные риски – категория, разработанная в этой отрасли права – непосредственно влияют на здоровье, благополучие, иногда – жизнь человека и требуют особого внимания со стороны государства и общества. Защита от этих рисков уже более века является одним из основных направлений проводимой большинством государств политики. Сегодня, когда жизнедеятельность общества, функционирование экономики, развитие технологий не только приводят к учащению реализации социальных рисков, признанных государством и обществом, но и способствуют появлению новых групп рисков, объективно трудных для самостоятельного преодоления гражданами, вопрос защиты от этого вида рисков приобретает особую актуальность.

При этом, учитывая динамику социального риска, включающую внешнее обстоятельство, которое способствует возникновению непосредственной причины риска и его негативных последствий, можно утверждать, что такая защита не всегда должна и не всегда может сводиться только к компенсации последнего этапа средствами права социального обеспечения, хотя это и не снижает ее значимости. Находясь в динамике развития риска, факторы и причины являются внешними по отношению к тому этапу, который входит в сферу действия права социального обеспечения. Если не допустить их наступления, не возникнет потребности в реализации права на пенсию, пособие, льготу и т. д. Защита от названных этапов осуществляется с использованием инструментария различных отраслей права.

Так, предупреждение может быть направлено на факторы и на причины рисков. Типичный пример – предупреждение социальных рисков, фактором которых является воздействие на организм работника вредных или опасных показателей производственной среды. К примеру, Трудовой кодекс РФ² относит к обязанностям работодателя в области охраны обеспечения работников средствами защиты, обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, а к обязанностям работников – соблюдать установленные требования в этой сфере, проходить необходимое обучение и проверку знаний. Должное отношение сторон трудового отношения к указанным обязанностям, безусловно, будет способствовать достижению основной цели –

---

¹ Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч.1). – Ст. 6249.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

сохранению жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, в том числе – недопущению реализации социальных рисков нездоровья.

Преодоление как самостоятельный способ воздействия на социальные риски предполагает активные действия индивида, в отношении которого риск реализовался. Такова логика, к примеру, законодательства о содействии занятости населения, в рамках которого приоритетными мерами защиты от безработицы признаются поиск подходящей работы, получение государственных услуг по профессиональной подготовке, переподготовке, повышению квалификации, содействию в переселении безработных граждан в другую местность, участие в общественных работах¹. Пособие по безработице выступает как мера временной поддержки, которая, как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ, должна «предоставить безработному гражданину временный источник средств к существованию на разумный период, необходимый для поиска подходящей работы»².

Одним из примеров комплексного характера защиты от социальных рисков можно назвать социальную защиту инвалидов, цель которой определяется как создание условий для преодоления, замещения (компенсации) ограничений их жизнедеятельности, направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества³.

Это подчеркивается и в отраслевой науке. О необходимости такой защиты граждан от социального риска инвалидности, о трансформации права на социальное обеспечение в право на социальную защиту пишет Р. Н. Жаворонков. Он, в частности, указывает на то, что социальная защита инвалидов должна определяться как комплекс мер, разработанный с тем, чтобы гарантировать им базовый уровень доходов и доступ к основным социальным услугам. Конечная цель этого – социальная интеграция граждан и их активное участие в жизни общества. Эффективной ученый называет защиту, которая ориентирована на конкретные потребности инвалидов на протяжении всего жизненного цикла: детство, юность, трудовой возраст, старость. [3, с. 194–196]

При этом сама защита будет действенной при условии, что сам индивид осознает потребность в ней и обращается с соответствующим заявлением к государству. Осознание реализации социального риска, наступления

---

¹ Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1915.

² См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1625-О-О «Об отказе в принятии жалобы гражданина Глухова Ивана Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 33 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» // Приводится по СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563

его негативных последствий, на мой взгляд, является самостоятельным этапом в динамике риска. Без такого осознания социальный риск чаще всего останется абстрактной конструкцией. Активное же положение граждан как субъектов правоотношений по защите от социальных рисков, в частности, правоотношений по социальному обеспечению, давно признано наукой права социального обеспечения [1, с. 76].

Защита инвалида от социального риска формализуется вовне в индивидуальной программе реабилитации или абилитации по результатам медико-социальной экспертизы. Данный документ, как известно, носит для инвалида рекомендательный характер, он вправе отказаться от того или иного вида, формы и объема реабилитационных мероприятий, а также от реализации программы в целом. Однако речь идет об отказе от мер защиты на этапе реализации программы, в момент ее составления никак не учитывается мнение самого инвалида. Кроме того, при заполнении заключения об исполнении индивидуальной программы реабилитации или абилитации результаты ее исполнения и причины неисполнения на практике с инвалидом не обсуждаются. [3, с. 117]

С позиции необходимости комплексного подхода к защите от социального риска такое положение не вполне оправдано. Опыт правового регулирования в этой сфере показывает, что необходимо активное участие инвалида в разработке стратегии его жизни. Здесь представляется возможным изучение зарубежных практик. Несмотря на ситуацию в обществе, нестабильность экономических, политических отношений сравнительное правоведение как самостоятельное направление научных исследований не утрачивает своего значения. Полагаю справедливым тезис о том, что «территориальная сфера объекта, подлежащего сравнению, ограничивается не границами конкретных государств, а реальным функционированием правового объекта на юридической карте мира» [2, с. 10].

Так, согласно статье L. 114 Кодекса социальных действий и семьи Французской Республики¹ (далее – Кодекс) инвалидностью считается любое ограничение деятельности или ограничение участия в жизни общества, от которого непосредственно, в своем окружении страдает индивид из-за существенного, длительного или окончательного изменения одной или нескольких функций его организма – физических, сенсорных, психических, когнитивных, из-за множественной инвалидности, иных инвалидизирующих проблем со здоровьем. Кодекс подчеркивает, что инвалиду должна быть гарантирована вся полнота прав со стороны государства и общества.

Защита инвалида осуществляется на основании индивидуального плана компенсации инвалидности. Потребности в указанной компенсации

---

¹ Code de l'action sociale et des familles. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000041721247/ (дата обращения: 04.03.2022).

определяются многопрофильной командой специалистов персонализировано, в зависимости от нарушений здоровья индивида. Обозначенный документ формируется также с учетом так называемого «жизненного плана», подготовленного самим лицом, имеющим ограничения жизнедеятельности. В соответствии со статьей R 146-28 Кодекса такой план отражает видение жизни, стремления и ожидания самого инвалида. По мнению специалистов в этой сфере, план должен содержать основные персональные данные гражданина, однако основную его часть должно составлять описание видения индивидом его перспектив (в случае, если речь идет о ребенке-инвалиде, не способном выразить свое мнение, этот вопрос может быть решен его родителями с привлечением компетентных экспертов) в области образования, карьеры, участия в общественной жизни, досуга, передвижений и т.д. Каждый человек вправе выбрать и описать те направления, которые его больше интересуют. Чем четче и точнее будет составлен план жизни, тем проще уполномоченному субъекту составить индивидуальный план компенсации, который действительно поможет оказать поддержку и улучшить качество жизни человека¹.

Безусловно, автоматическая перцепция зарубежного опыта в российское законодательство не всегда возможна. Однако полагаю, что принципиальный подход к защите от социальных рисков, основанный на активном участии лица в разработке стратегии такой защиты, целесообразен, она касается в первую очередь самого человека. Исходя из этого, учет мнения инвалида при составлении индивидуальной программы реабилитации или абилитации может способствовать более эффективной ее реализации, а, следовательно, повышению уровня защиты от социального риска.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы права социального обеспечения: учебник для вузов / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 631 с.
2. Егоров А.В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.В. Егоров. – М., 2019. – 44 с.
3. Жаворонков Р.Н. Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты): монография / Р.Н. Жаворонков. – М.: Изд. «У Никитских ворот», 2020. – 248 с.
4. Истомина Е.А., Федорова, М.Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: монография / Е.А. Истомина, М.Ю. Федорова. – Екатеринбург: Изд. УИУ РАНХиГС, 2018. – 240 с.

---

¹ Les aides et les droits. Autisme et projet de vie MDPH: informations et conseils. URL: <https://www.autismeinfoservice.fr/informer/aides-droits/projet-vie> (дата обращения: 04.03.2022).

5. Яницкий О.Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 1. – С. 14–29.

УДК 349.3

*Ю.Б. Корсаненкова, д.ю.н., доцент МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Принципы права социального обеспечения: научная оценка их содержания

В статье анализируется содержание основных отраслевых принципов права социального обеспечения. Уделяется внимание особенностям и проблемам реализации принципов отрасли в нормах современного социально-обеспечительного законодательства.

Ключевые слова: принципы права социального обеспечения, всеобщность и всесторонность социального обеспечения, дифференциация правового регулирования отношений по социальному обеспечению, многообразие видов социального обеспечения.

Принципы права социального обеспечения объективно обусловлены характером социально-обеспечительных отношений, на которые воздействует система права, и зависят от социально-экономических условий жизни общества, политики государства. Именно поэтому принципы права имеют динамический характер – с изменением общественных отношений происходят изменения и в системе принципов – наполнение их новым содержанием, замена одних другими. Обратимся к некоторым особенностям и проблемам реализации отраслевых принципов права социального обеспечения на данном этапе развития российского общества и законодательства.

Принцип *всеобщности социального обеспечения* является выражением общеправового принципа равенства всех перед законом и судом. Данный принцип означает запрещение дискриминации при получении каждым человеком (не только гражданином Российской Федерации) в случае наступления социально значимых обстоятельств тех или иных видов социального обеспечения независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений и других оснований. В силу своего содержания данный принцип должен распространяться на иностранных граждан и лиц без гражданства, что подтверждается Конвенцией МОТ от 28 июня 1962 г. № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения», не ратифицированной Россией. Нормы Конвенции предусматривают равноправие указан-

ных лиц в области социального обеспечения (в том числе, при предоставлении пособий по болезни и по беременности и родам; семейных пособий) независимо от срока проживания на территории государства, по законодательству которого возникло право на тот или иной вид пособия (ст. 4). Однако о реализации не в полной мере рассматриваемого принципа свидетельствуют следующие нормы Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» № 81-ФЗ от 19 мая 1995 г. и некоторых иных законов о мерах социальной поддержки семей с детьми. Так, право временно проживающих иностранцев и лиц без гражданства на детские пособия зависит от факта их обязательного социального страхования в связи с временной нетрудоспособностью и материнством. Право на материнский (семейный) капитал и некоторые выплаты семьям с детьми (например, ежемесячные выплаты на детей до трех лет согласно Федеральному закону «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» № 418-ФЗ от 28 декабря 2017 г.) предоставляются исключительно гражданам РФ при условии, что ребенок также является гражданином РФ.

Принцип *всесторонности социального обеспечения* тесно взаимосвязан с принципом *дифференциации правового регулирования отношений по социальному обеспечению*. В соответствии с последним система социального обеспечения не является уравнительной и первоначально дифференцирована в зависимости от организационно-правовых форм предоставления социального обеспечения (обязательного социального страхования и социального обеспечения за счет государственных бюджетных средств), в рамках каждой из которых условия и размеры социального обеспечения определенного вида вторично дифференцируются в зависимости от различных факторов, как объективного характера, так и субъективного характера, установленных законодательством и имеющих социально значимый характер.

Многие социально значимые основания дифференциации видов социального обеспечения являются теми юридическими фактами (наступившими социальными рисками), приводящими к возникновению у лица право на тот или иной вид социального обеспечения. Перечень таких юридических фактов достаточно широк и охватывает все стороны жизни человека, закрепляется в законодательстве о социальном обеспечении и соответствует перечню социальных рисков согласно общепризнанным нормам международного права (Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» 1952 г.). К ним, в частности, относятся согласно Федеральному закону «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» № 255-ФЗ от 29 декабря 2006 г. беременность и роды, уход за ребенком в первые полтора года его жизни, которые сами по себе не могут породить и привести в действие правоотношения по обязательному социальному страхованию в связи с выплатой страховых пособий. Они становятся юридическими фактами только

тогда, когда к ним присоединяется другой юридический факт из сферы трудового права – предоставление отпуска по уходу за ребенком (или отпуска по беременности и родам для выплаты одноименного пособия). Косвенно этот тезис об использовании специального отпуска как наступление социально значимого события, порождающего субъективное право работника на страховое пособие, подтверждает, в частности норма ст. 256 ТК РФ, регламентирующая правила предоставления по заявлению лица отпуска по уходу за ребенком и содержащая отсылку к нормам Закона № 255 по поводу сроков и размеров выплаты соответствующего пособия.

В перечень страховых случаев в Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 г. (абз. 2 ст. 8) не включен еще один – наличие специального (профессионального) страхового стажа определенной продолжительности. Данный юридический факт является ключевым юридическим фактом для досрочного пенсионного обеспечения и несомненно влечет утрату заработка в результате наступления риска утраты здоровья до достижения общеустановленного пенсионного возраста вследствие осуществления длительной трудовой деятельности в неблагоприятных условиях труда [1, с. 126–127].

Следует учесть, что помимо традиционных – наступление старости, инвалидности, потеря кормильца, болезнь, безработица, рождение ребенка, смерть члена семьи, несчастный случай на производстве или профессиональное заболевание, необходимость получения медицинской помощи и лечения), российский законодатель устанавливает дополнительные социально значимые основания для предоставления социального обеспечения – малообеспеченность семьи или одиноко проживающего гражданина (государственная социальная помощь); признание семьи неполной (ежемесячные пособия на детей от 8 до 17 лет единственному родителю); признание лица беженцем или вынужденным переселенцем равно как и признание лица, пострадавшим в борьбе с терроризмом или имеющим поствакцинальные осложнения (соответствующие виды бюджетных пособий).

Следует отметить, что принцип всесторонности социального обеспечения должен гарантировать государственную защиту граждан от социальных рисков на протяжении всего жизненного цикла человека с учетом их полного перечня. Устойчивость и одновременно гибкость системы социального обеспечения, ее адаптация к появлению новых социальных рисков (в том числе связанных с эпидемиями мирового масштаба, чрезвычайными ситуациями, военными конфликтами) – показатель эффективности правового регулирования данной сферы.

Принцип многообразия видов социального обеспечения вытекает из принципов всеобщности и всесторонности социального обеспечения и проявляется в предоставлении гражданам социального обеспечения как в де-

нежной, так и в натуральной форме. К особым видам социального обеспечения можно отнести дополнительные денежные выплаты в рамках мер социальной поддержки в результате реформирования системы льгот согласно Закону от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ. Также отличным от иных видов социального обеспечения как в денежной, так и в натуральной форме, является предоставление материнского (семейного) капитала (далее – МК). Комплексный институт МК предполагает взаимосвязь права социального обеспечения с нормами гражданского права по ряду аспектов, в частности, при направлении денежных средств МК на улучшение жилищных условий. На практике отмечается ряд проблем, связанных с вероятностью возникновения множества ситуаций по возврату полученных по сделке денежных средств наличными. Так, в случае признания сделки, совершенной на средства МК, недействительной, наступают правовые последствия, связанные с возвратом полученных по сделке денежных средств. В связи с этим необходимо с особой тщательностью проводить проверку юридической чистоты сделки, направленной на приобретение жилого помещения. При отсутствии соответствующих норм в законодательстве о социальном обеспечении возврат средств МК в подобных ситуациях обеспечивается применением норм гражданского права с учетом специфики МК как вида социального обеспечения. Вместе с тем потенциал гражданско-правовых норм в регулировании указанных отношений ограничен, что порождает необходимость закрепления в Законе № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г., регулирующем МК, оснований, порядка и правовых последствий возврата средств МК в бюджет ПФР после того, как лицом было реализовано право распоряжения ими, а также условий и порядка повторной реализации указанного права (в том числе в зависимости от того, действовало ли лицо добросовестно при первоначальном распоряжении средствами МК) [2, с. 54–71]. Последнее наводит на мысль о необходимости применения *принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом со стороны получателя социального обеспечения* при реализации права.

Система принципов права социального обеспечения также может быть дополнена принципом *соизмеримости условий и размеров социального обеспечения с социальными стандартами*. Данный принцип проявляется в нормах законодательства, которое устанавливает размеры страховых и государственных пенсий с учетом социальной доплаты к ним до величины прожиточного минимума (ПМ) региона, а также в нормах законодательства о государственной социальной помощи. С МРОТ соизмеряются минимальные величины некоторых страховых пособий. Например, пособие по временной нетрудоспособности при страховом стаже работника менее шести месяцев выплачивается в размере МРОТ за месяц. Исходя из МРОТ исчисляются страховые пособия по беременности и родам, а также ежемесячное по уходу за ребенком до полутора лет при отсутствии в течение двух лет до наступления страхового случая у работника заработка или в случае, если он

был ниже МРОТ. Данный принцип прослеживается и в нормах законодательства о бюджетных пособиях на детей, установленных в течение 2018–2021 гг. (ежемесячные выплаты на детей (до 3-х лет); ежемесячные денежные выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет; ежемесячное пособие на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет). При определении права на данные пособия учитывается среднедушевой доход семьи, не превышающий величину ПМ в субъекте РФ (или величину, кратную ПМ), а их размер соотносится с ПМ в регионе.

Библиографический список

1. Право социального обеспечения: учебник / В.П. Галаганов, Л.А. Галаева, М.И. Кучма, А.П. Шарова. / под общ. ред. Л.А. Галаевой. – Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2018. – 325 с.

2. Курченко О.С. Возврат средств материнского (семейного) капитала в бюджет Пенсионного фонда России: основания, порядок, правовые последствия // Lex russica. – 2018. – № 7. – С. 54–71.

УДК 331.1, 331.5

*Е.В. Кудрявцева, директор Университетского колледжа
ФГАОУ ВО РГППУ
г. Екатеринбург, Россия*

Кадровая политика государства в подготовке рабочих кадров

Проанализированы современные тенденции реформирования системы среднего профессионального образования, обусловленные кадровой политикой государства. Проведен анализ взаимодействия работодателей и образовательных организаций в процессе выработки подходов к стандартизации системы среднего профессионального образования. Рассматривается инновационная модель, позволяющая обеспечить баланс публичных и частных интересов в реализации государственной кадровой политики с учетом современных потребностей.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, рынок труда, рынок образовательных услуг, подготовка кадров.

Политика – явление, порождаемое обществом и формирующееся в ходе его эволюции. В традиционном смысле, политика представляет собой «область сложного и обширного взаимодействия между различными социальными группами, слоями, партиями, нациями, народами, государственными и общественными структурами, институтами; между властью и населением, гражданами и их объединениями» [1, с. 34]. Вместе с тем под «по-

литикой в первую очередь понимается одна из сфер человеческой деятельности, в которой государство в лице органов государственной власти и их должностных лиц, а также общественные институты реализуют свои цели и интересы» [2].

В современных условиях особое значение имеет государственная политика, определяющая приоритетные направления деятельности как для органов государственной власти, так и органов исполнительной власти, соответствующая законам и социальным обычаям. Анализ действующего законодательства позволяет выявить приоритетные направления государственной политики, в основе которых лежит реализация интересов граждан с учетом социально-экономической и политической ситуации. Одним из таких приоритетных направлений выступает кадровая политика.

Например, одним из нормативных правовых актов в этой сфере является Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации»¹, согласно которому государственная политика в области содействия занятости населения направлена на развитие трудовых ресурсов, на объединение усилий участников рынка труда и согласованность их действий при реализации мероприятий по содействию занятости населения. Одним из направлений выступает координация деятельности в области занятости населения с деятельностью по другим направлениям экономической и социальной политики, включая сферу образования. Государство проводит данную политику в целях реализации прав граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость.

Кадровая политика имеет важное значение в системе управления любым государством, так как оказывает непосредственное влияние на его социально-экономическое развитие. Эффективная реализация государственной кадровой политики – один из элементов, обеспечивающих национальную безопасность государства. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² отмечается необходимость повышения качества и доступности образования, которые ускорят структурную перестройку российской экономики, поскольку состояние системы образования превращается в один из индикаторов конкурентоспособности России. Более того, одним из основных факторов, определяющих положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, должно стать высокое качество человеческого потенциала. В связи с этим одной из долгосрочных тенденций развития, которая соответствовала бы национальным интересам на современном этапе является развитие человеческого потенциала, что неразрывно связано с повышением уровня образования населения. Для этого

---

¹ О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1915.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

необходимо решение такой задачи, как предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования в соответствии с потребностями рынка труда, а также устранение диспропорции на рынке труда, дефицита инженерных и рабочих кадров.

Не вызывает сомнения тот факт, что формирование кадрового потенциала страны, способного обеспечить развитие российской экономики – фактор национальной безопасности. Трудовые отношения затрагивают все сферы жизнедеятельности общества, поэтому реализация кадровой политики – это сложный и многоаспектный процесс, обеспечивающий занятость трудоспособного населения, рациональное использование трудовых ресурсов.

Таким образом, можно утверждать, что цель государственной кадровой политики заключается в формировании и развитии интеллектуального и профессионального ресурса страны, который способен обеспечить всестороннее социально-экономическое и политическое развитие Российской Федерации. Сущность государственной кадровой политики может представляться как совокупность действий по подготовке, развитию, привлечению, расстановке и рациональному использованию кадрового потенциала страны.

Формирование конкурентоспособной экономики напрямую связано с проблемой подготовки квалифицированных кадров, поэтому взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг имеет ряд особенностей и занимает особое положение в государственной политике.

На сегодняшний день несогласованность деятельности профессиональных образовательных организаций с запросами и вызовами рынка труда привела к диспропорции между его потребностями и выпускниками – молодыми специалистами. Совершенствование механизмов взаимодействия между работодателем и образовательной организацией может позитивно и существенно повлиять на качество подготовки выпускников и их последующую востребованность. Взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг будет эффективным в том случае, если будет осуществляться на основе обоюдных интересов субъектов.

Развитие сферы образования, её реформирование в соответствии с вызовами времени и требованиями реального сектора экономики позволит гарантировать не только соблюдение права гражданина на образование, но и успешное развитие экономики, обеспечить социальное благополучие граждан. Государственная политика в сфере образования представляет собой объект правового регулирования не только в связи с реализацией конституционного права на образование, но и права на труд.

Поскольку государственная кадровая политика включает в себя вопросы развития кадрового потенциала, а подготовка кадров, их распределение по территории государства, трудоустройство, повышение квалифика-

ции, актуализация знаний, навыков и умений тесно связана с государственной политикой в сфере образования, можно делать вывод о системном и структурированном отношении. В свою очередь государственная политика в сфере образования регулирует профессиональное образование, направленное на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объёма, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности. Полученное образование даёт право трудоустройства по указанной в документе об образовании специальности, профессии, и выполнения соответствующих трудовых функций. Иными словами, государственная политика в области образования регулируется и нормами законодательства об образовании¹, и нормами ТК РФ², например, ст.195.1. ТК РФ, где закреплено понятие квалификации работника, профессионального стандарта. Поэтому можно утверждать, что государственная политика в сфере образования является элементом государственной кадровой политики.

Несбалансированность элементов кадровой политики приводит к разрывам между требованиями одного субъекта, возможностью и результатами другого. Так, на сегодняшний день существует количественный и качественный разрыв между спросом работодателя и уровнем подготовки молодого специалиста, зачастую с низкой мотивированностью работы по полученной специальности (профессии).

Дополнительным фактором, усугубляющим разрыв между рынком труда и рынком образования, является срок обучения. К примеру, по ряду программ среднего профессионального образования люди обучаются 4 года. Такая система затратна для бюджета, а с точки зрения возможностей образовательных технологий она устарела. Только скоординированная деятельность вышеназванных субъектов – рынка труда и рынка образования обеспечит результат в подготовке кадрового потенциала, необходимого государству.

Баланс интересов работодателя и образовательной организации при участии организатора образовательных отношений в лице государственных органов позволяют отрегулировать образовавшиеся разрывы. Важным аспектом государственной кадровой политики становится практическая подготовка, развитие компетенций, умение работать с современными технологи-

---

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

ями при одновременном сокращении сроков обучения за счёт интенсификации обучения до двух лет при получении рабочей профессии, и трех более технологичной.

Представляется, что в системе образовании наблюдается положительный сдвиг – определённый возврат к системе профессиональных училищ, где обучающиеся получали рабочие профессии в короткие сроки. Так, проект Постановления Правительства РФ от 19.08.2021 года «О проведении эксперимента по реализации образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет»¹, который опубликован для общественного обсуждения, даёт основания для оптимистичного прогноза по формированию трудового потенциала страны из молодых квалифицированных кадров. В нем предлагается три основных направления: интеграция образовательных организаций среднего профессионального образования с предприятиями в виде образовательно-производственных кластеров², внедрение образовательных программ с оптимизированными сроками обучения «Профессионалитет» и внедрение государственной системы подготовки педагогических кадров для системы среднего профессионального образования.

Проектом предусматриваются механизмы, обеспечивающие гибкое моделирование системы подготовки квалифицированных кадров, с учётом потребностей экономики. Для обеспечения более тесного взаимодействия работодателя и образовательной организации предлагается создание федеральной цифровой платформы по конструированию экспериментальных образовательных программ с учётом лучших образовательных практик, применяемых предприятиями-работодателями. Однако, условия реализации и планируемые результаты освоения таких программ не могут быть ниже установленных федеральными государственными образовательными стандартами СПО. Приём обучающихся на программу «Профессионалитет»

---

¹ О проведении эксперимента по реализации образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет» с применением автоматизированных методов конструирования указанных образовательных программ: Проект Постановления Правительства РФ № 01/01/12-21/00123373 от 11 декабря 2021 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL.: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123373> (дата обращения 24.03.2022).

² О мерах по развитию образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования и организаций, действующих в реальном секторе экономики в рамках федерального проекта «Профессионалитет»: Проект Постановления РФ № 01/01/10-21/00121863 от 25 октября 2021 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL.: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=121863> (дата обращения 24.03.2022).

планируется осуществлять на конкурсной основе¹. Государственная кадровая политика, таким образом, сфокусирована на максимальном приближении системы подготовки кадров к запросам работодателя и экономики в различных регионах страны, оптимизации бюджетных расходов за счёт передачи части финансовой ответственности за обучающихся на конкретные отрасли и производства, где существует дефицит в рабочих кадрах.

Таким образом, возможность подготовки рабочих кадров с учётом корпоративных особенностей будущего работодателя без снижения качества подготовки должна повысить перспективу трудоустройства выпускников средних профессиональных организаций, в связи с тем, что обучающиеся получают не абстрактную перспективу, а определённую должность конкретного работодателя.

Дискуссионным остаётся вопрос готовности образовательных организаций к построению и налаживанию взаимодействия с индустрией, способности оперативно адаптировать образовательные программы и технологии к высоким запросам работодателей из промышленного сектора и предприятий малого и среднего бизнеса к активному участию в указанной программе на основе государственно-частного партнёрства.

Библиографический список

1. Правовая политика России: теория и практика: монография / [Афанасьев С.Ф. и др.]; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Проспект, 2006. – 748 с.

2. Сахаров Н.А. Политика / Н.А. Сахаров // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] URL.: https://bigenc.ru/world_history/text/3154284 (дата обращения 24.03.2022).

УДК 349.22+347.113

*В.А. Мосин, к.ю.н., старший преподаватель кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Недействительность трудового договора

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможности признания недействительным трудового договора. На основе анализа судебной практики и краткого обзора правового регулирования в европейских странах

---

¹ Проект «Профессионалитет» создаст гибкую модель системы подготовки кадров в СПО // Федеральный портал Российское образование [Электронный ресурс] URL.: <https://edu.ru/news/glavnye-novosti/proekt-professionalitet-sozdast-gibkuuyu-model-sist/> (дата обращения 24.03.2022).

обосновывается тезис о необходимости применения к трудовым отношениям гражданско-правового института недействительности сделок.

Ключевые слова: трудовой договор, недействительность сделки, трудовое право зарубежных стран

Вопрос о возможности признания недействительным трудового договора в настоящее время не имеет однозначного ответа. Приходится констатировать, что в отечественном трудовом праве не сложилось полноценного института недействительности как непосредственно трудовых договоров, так и иных договоров, заключаемых в рамках трудовых правоотношений. На наш взгляд, во многом эта ситуация объясняется отсутствием необходимых нормативных предпосылок, то есть данный вопрос остается практически не урегулированным на законодательном уровне.

ТК РФ содержит всего две статьи, где упоминается понятие недействительности применительно к условиям договоров, заключаемых в рамках трудовых отношений. Это статья 50 ТК РФ, предусматривающая, что условия коллективного договора, соглашения, ухудшающие положение работников, недействительны и не подлежат применению, а так же статья 206 ТК РФ, которая называется «недействительность условий ученического договора» и содержит указание на то, что условия ученического договора, противоречащие ТК РФ, коллективному договору, соглашениям, являются недействительными и не применяются. ТК РФ прямо понятие «недействительность» не раскрывает, но, проводя аналогию с ГК РФ, можно предположить, что в указанных статьях речь идет о ничтожных условиях договора, которые являются недействительными независимо от оспаривания их в судебном порядке.

В этом же контексте необходимо отметить статьи 8 и 9 ТК РФ, предусматривающие, что не подлежат применению положения локальных нормативных актов и условия коллективных трудовых договоров, ухудшающие положения работников. Но в тексте данных статей понятие «недействительность» прямо не используется.

Случаи прекращения трудового договора вследствие нарушения установленных правил его заключения, которые предусмотрены ст. 84 ТК РФ, не рассматриваются ТК РФ как основания недействительности. Однако не является очевидным ответ, например, на вопрос почему нельзя использовать понятие недействительности в случае заключения трудового договора в нарушение приговора суда или в других случаях, указанных в этой статье?

Учитывая приведенное правовое регулирование, складывается и соответствующая судебная практика. В рассматриваемых в судах общей юрисдикции делах является превалирующей позиция о том, что понятие недействительности трудового договора не существует как таковое, а общие положения гражданского законодательства о недействительности сделок к

трудовым отношениям не применяются. Данная позиция была сформирована в определениях Верховного суда РФ¹ и нашла широкое применение в судах нижестоящих инстанций². В обоснование такого подхода положены следующие доводы:

– нормами трудового законодательства возможность признания трудового договора (как в целом, так и в части) недействительным не предусмотрена в силу специфики предмета и метода регулирования трудовых отношений;

– трудовой договор не является сделкой, в том смысле, который этому понятию придается статьей 153 ГК РФ;

– при трудоустройстве возникают трудовые, а не гражданские права и обязанности;

– к отношениям по трудовому договору невозможно применить последствия недействительности гражданско-правовых сделок (ст. 167 ГК РФ) и вернуть стороны в первоначальное положение, существовавшее до заключения трудового договора, с возложением на каждую сторону обязанности возратить друг другу все полученное по договору.

Однако, представляется, что указанные доводы недостаточно мотивированы, поскольку они по существу не отвечают на такие вопросы как:

– Почему возможно признание недействительными условий коллективного договора, ученического договора, но в то же время невозможно признание недействительными условий трудового договора?

– Почему невозможно применение положений ГК РФ о сделках, если в ст. 153 ГК РФ дается достаточно «широкое» определение сделки – это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей?

– Почему невозможно применение реституции, когда она допускается, например, по договорам возмездного оказания услуг и подряда с тем условием, что в случае невозможности возратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) необходимо возместить его стоимость (п. 2 ст. 167 ГК РФ)?

---

¹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2008 № 5-В08-84 // СПС «Гарант»; Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.12.2009 № 48-В09-13 // СПС «Гарант»; Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.12.2012 № 5-КГ12-61 // СПС «Гарант».

² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2022 по делу № 88-818/2022, 2-1157/2021 // СПС «Гарант»; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2020 по делу № 88-7832/2020 // СПС «Гарант»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2020 по делу № 88-23978/2020 // СПС «Гарант».

Учитывая наличие целого ряда теоретических вопросов, будет неверно подходить к проблеме недействительности трудового договора просто с позиции того, что «трудовое право ничего гражданско-правового не признает». Необходимо проникнуться смыслом правовых конструкций, лежащих в основе трудового и гражданско-правового договора, выявить их различные и общие черты. В частности, можно отметить, что основополагающие принципы гражданского права (равенство, автономия воли, имущественная самостоятельность, свобода заключения договора) во многом свойственны трудовому договору.

Представляется, что во многом возникновение указанных противоречий коренится в соотношении гражданского и трудового права. Так, в российской юриспруденции ведется давняя дискуссия между сторонниками, указывающими на поглощение трудового права гражданским, с одной стороны, и сторонниками полной отраслевой самостоятельности трудового права, с другой стороны. Стоит признать, что позиция последних превалирует, что во многом объясняется более чем столетней историей развития трудового права в России и наличием отдельного кодифицированного акта, регулирующего трудовые правоотношения.

Не умаляя значение трудового права как самостоятельной отрасли в отечественной системе, надо отметить, что в праве зарубежных стран этот вопрос имеет менее однозначное решение. Так, для Германии характерно, что при отсутствии Трудового кодекса в области трудового права продолжают действовать нормы Германского гражданского уложения 1896 года. Хотя никто из германских юристов не отрицает специфических черт трудового права, отсутствие кодифицированного акта усиливает позиции сторонников, рассматривающих трудовое право в неразрывной связи с общим гражданским правом [3, с. 59–62]. Во Франции при наличии Трудового кодекса Франции (Code du travail) 2007 года в круг источников трудового права включается Гражданский кодекс Франции (Code civil). В Швейцарии и Нидерландах действуют единые кодифицированные акты, регулирующие вопросы частного права, включающего в себя, в том числе гражданское, корпоративное, трудовое право. Так, в титуле 10 Швейцарского обязательственного закона (das Obligationenrecht) содержатся общие положения о трудовом договоре. В Гражданском кодексе Нидерландов (Burgerlijk) вопросы трудового права закреплены в разделах 7.10 «Трудовой договор» и 7.11 «Коллективный трудовой договор».

Приведенный краткий обзор иностранных систем права сам по себе не позволяет имплементировать в российское право зарубежные конструкции, однако показывает, что регулирование трудового договора через гражданско-правовые начала – это нормальная практика. Если вернуться к проблемам российской правовой системы также можно сделать вывод, что трудовое право нуждается в гражданско-правовом институте недействительно-

сти сделок. Эта необходимость явно проявляется в судебной практике, которая несмотря на вышеобозначенную позицию ВС РФ, допускает признание недействительными трудовых договоров или их отдельных условий.

Первоочередно здесь необходимо отметить правовой подход ВАС РФ, изложенный в пункте 10 постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» от 16.05.2014 № 28, где допускается оспаривание трудового договора как сделки, совершенной с нарушением порядка одобрения крупных сделок или «сделок с заинтересованностью»¹. Эти разъяснения играют ведущую роль в корпоративных спорах.

Второй большой блок судебных споров – это дела о несостоятельности (банкротстве). Нормативной предпосылкой для оспаривания трудовых договоров является п. 3 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», который допускает оспаривание действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих, в том числе в соответствии трудовым законодательством. В частности, по основаниям, предусмотренными пунктами 1 и 2 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» допускается признание трудового договора недействительным, если был причинен вред имущественным правам кредиторов². Надо также отметить, что трудовые договоры оспариваются не только по специальным основаниям, предусмотренным указанным Федеральным законом, но и по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ – как мнимая сделка (п. 1 ст. 172 ГК РФ)³, как сделка, совершенная со злоупотреблением правом (статьи 10, 168 ГК РФ)⁴.

Из приведенной судебной практики можно подметить, по меньшей мере, три особенности. Во-первых, преимущественно указанная практика формируется в корпоративных спорах и делах о несостоятельности (банкротстве), а суды общей юрисдикции делают выводы о недействительности договоров, принимая во внимание преюдициальное значение судебных актов арбитражных судов. Во-вторых, признание трудовых договоров недействительным в указанных случаях выступает средством защиты интересов работодателя, а не работника. В-третьих, трудовые договоры признаются

---

¹ Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» от 16.05.2014 № 28 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

² Определение ВАС РФ от 21.03.2014 № ВАС-10413/13 // СПС «Гарант»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.01.2019 № Ф07-17916/18 по делу № А56-92853/2016 // СПС «Гарант».

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Архангельского областного суда от 18.07.2019 по делу № 33-4038/2019 // <http://oblsud.arh.sudrf.ru>.

⁴ Определение ВС РФ от 29.05.2017 по делу № 306-ЭС15-17256(3), А55-27633/2014 // СПС «Консультант плюс»; Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26.06.2020 по делу № 33-22924/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

недействительными как по основаниям оспоримости, так и по основаниям ничтожности.

Надо также отметить судебную практику, когда суды, отказывая в применении положений о недействительности к трудовым договорам, указывают, на необходимость оценивать оспариваемое стороной условие трудового договора с точки зрения соблюдения норм трудового законодательства, законных интересов организации и ее работников. В этом же контексте указывается, что необходимо давать оценку действиям работника с точки зрения злоупотребления правом как общеправового запрета, который распространяется в том числе на трудовые отношения¹. Встречается также практика, когда суд признает отдельные условия трудового договора не соответствующими действующему законодательству, указывая на это в резолютивной части решения².

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институт недействительности трудовых договоров необходим трудовому праву. Поскольку соответствующий институт уже существует в гражданском праве, а судебная практика допускает его применение к трудовым отношениям, полагаем, что разумно будет прямо предусмотреть в ТК РФ возможность применение норм ГК РФ о недействительности сделок. В научной литературе уже звучат подобные выводы [1], в том числе с указанием на необходимость применения к трудовым отношениям в порядке межотраслевой аналогии норм гражданского права [2, с. 42–49]. В то же время, в целях учета специфики трудовых отношений будет разумно предусмотреть в ТК РФ особенности последствий недействительности трудового договора. Например, в определенных случаях можно сохранить за работником право на сохранение минимального размера оплаты труда или иных подобных гарантий, вытекающих, из необходимости обеспечения равной оплаты за труд равной ценности, запрета на дискриминацию и т.п. Безусловно этот вопрос подлежит более детальному рассмотрению, но признание самой необходимости применения норм о недействительности сделок будет являться первым шагом на пути к развитию этого института в трудовом праве.

Библиографический список

1. Катвицкая М. Трудовой договор – признать недействительным нельзя, но хочется... // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2009. – № 12.
2. Князева Н.А. Признание трудового договора недействительным как

---

¹ Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 08.04.2019 № 81-КГ18-27 // СПС «Гарант».

² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 по делу № 88-3326/2020 // СПС «Гарант».

способ защиты трудовых прав работников // Законодательство. – 2017. – №2. – С. 42–49.

3. Лысенко О.Л. Специфика регулирования трудовых отношений и система трудового права в Германии: история и современность // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 59–62.

УДК 349.3

*В.Г. Ойкин, доцент ИвГУ, заместитель управляющего
ОПФР по Ивановской области
г. Иваново, Россия*

Правые новеллы в пенсионном обеспечении в условиях модернизации социальной сферы

Статья посвящена тенденциям централизации, унификации и стандартизации на базе цифровых технологий в сфере социального обеспечения. Высказано предположение об эволюции на этой основе пенсионного обеспечения в направлении снижения жестко страховых принципов организации и расширения распределительных тенденций

Ключевые слова: Пенсионное обеспечение, модернизация социального обеспечения

Пенсионное обеспечение является самым значительным расходным социальным обязательством государства. При этом основная его часть, приходящаяся на обязательное пенсионное страхование, обособлена от государственного бюджета, хотя и тесно с ним взаимодействует, в первую очередь, за счет трансфертов, направляемых на покрытие обязательств нестрахового характера, которые согласно действующему законодательству финансируются государственным страховщиком – Пенсионный фонд Российской Федерации.

С момента образования ПФР в 1990 году постоянно менялся его функционал. Созданный для государственного управления финансами пенсионного обеспечения в качестве самостоятельного кредитно-финансового учреждения, осуществляющего свою деятельность применительно к банковскому законодательству, и подотчетный парламенту¹, Фонд обеспечивал: целевой сбор и аккумуляцию страховых взносов, а также финансирование соответствующих расходов; проводил работу по взысканию с работода-

---

¹ О Временном положении о Пенсионном фонде РСФСР и Порядке уплаты страховых взносов предприятиями, организациями и гражданами в Пенсионный фонд РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 30.01.1991 № 556-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 6. – Ст. 82.

телей и граждан, виновных в причинении вреда здоровью работников и других граждан, сумм государственных пенсий по инвалидности вследствие трудового увечья, профессионального заболевания или по случаю потери кормильца; осуществлял контроль с участием налоговых органов за своевременным и полным поступлением страховых взносов, а также контроль за правильным и рациональным расходованием его средств¹. Фонд, таким образом, обладая фискальными функциями, контролировал финансовый поток пенсионного обеспечения и выстраивал на этой основе учет индивидуальных страховых пенсионных прав граждан.

В 2000-е годы ПФР были переданы полномочия по назначению и выплате государственных пенсий путем заключения соглашений между Фондом и региональными органами исполнительной власти. Так, в Ивановской области подобное соглашение было заключено 13.12.2000². С одной стороны, тогда существенно изменился функционал ПФР (он из специального финансово-кредитного учреждения превратился в организацию, комплексно занимающуюся пенсионным страхованием – от сбора страховых взносов до назначения и выплаты трудовых (страховых) пенсий), с другой стороны, продолжился курс на централизацию социального обеспечения, выведя из ведения субъектов федерации вопросы пенсионного обслуживания большинства граждан. Впоследствии администрирование страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование перешло к Федеральной налоговой службе³.

Параллельно шел процесс наделения государственного страховщика в системе обязательного пенсионного страхования, кем, по существу, является ПФР, функциями, не относящимися не только к пенсионному страхованию, он и к пенсионному обеспечению. В настоящее время в самопрезентациях ПФР позиционирует себя «ключевым социальным институтом страны и крупнейшей федеральной системой оказания государственных услуг в области социального обеспечения»⁴. Таким образом, происходило

---

¹ Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России): Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 2122-1 (в ред. от 05.08.2000) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 5. – Ст. 180; Собрание Законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3341.

² Соглашение о передаче Отделению Пенсионного фонда Российской Федерации по Ивановской области полномочий по назначению и выплате государственных пенсий (утв. Администрацией Ивановской обл. «1-118-859, ПФ РФ № 092-0037-С 13.12.2000) // Собрание законодательства Ивановской области. – 2002. – № 6 (192).

³ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование: Федеральный закон от 03.07.2016 № 243-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) // Собрание Законодательства РФ. – 2016. – № 27 (Часть I). – Ст. 4176; Собрание Законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 20.

⁴ Сайт ПФР // URL: <https://pfr.gov.ru/about/about/> (дата обращения: 15.02.2022).

постепенное превращение его в многофункциональное учреждение социальной направленности, в котором доля «пенсионных» финансов в бюджете ПФР уменьшается. В 2020 году в структуре расходов Отделения Фонда по Ивановской области пенсионное обеспечение составило 84,2%, на социальное обеспечение по остальным основаниям 15,8%. Данный процесс можно признать объективным, соответствующим направлению развития социальной сферы – созданию комплексной системы социального обеспечения.

В 2021 году продолжен курс на модернизацию социальной сферы, относящейся к ведению Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Распоряжением Правительства была утверждена Концепция цифровой и функциональной трансформации этой сферы на период до 2025 года¹.

Авторы Концепции особо отмечают масштаб сферы государственной социальной поддержки в стране, указывая, что общая численность пенсионеров, состоящих на учете в территориальных органах ПФР и получающих пенсии, составляет более 43,4 млн. человек, более 75 млн. человек получают иную социальную поддержку от государства. Подчеркивается, что в РФ действует 387 видов различных мер социальной поддержки федерального (44 вида мер), регионального и муниципального уровней (343 вида мер). При этом доля «пенсионных» затрат в 2020 году составляла 68% от затрат по иным социальным выплатам (8,1 трлн. рублей против 11,9 трлн. руб.) или чуть более 40% от всех выплат социально-обеспечительного характера.

Налицо последовательно проводимая политика, направленная на концентрацию финансовых ресурсов социального обеспечения в одних руках и унификацию оснований социальных выплат. В рамках этого подхода поставлена задача и в отношении государственного страховщика в системе обязательного пенсионного страхования – передача ему полномочий по многим социальным выплатам как основа для финансирования этих выплат в будущем в рамках Социального Казначейства.

В сфере пенсионного обеспечения прослеживается тенденция на проактивность. Так, например, законодательно закреплены правовые основания и порядок установления в беззаявительном порядке пенсий, назначаемых по предложению органов службы занятости, а также страховых и социальных пенсий по инвалидности². Примечательно, что при этом нормативно устанавливается презумпция согласия гражданина на назначение ему пенсии и

---

¹ Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р (ред. от 07.06.2021) // Собрание Законодательства РФ. – 2021. – № 10. – Ст. 1634; Собрание Законодательства РФ. – 2021. – № 24 (Часть II). – Ст. 4540.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.2021 №153-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. – 2021. – № 22. – Ст. 3688.

изменение ее размера в сторону увеличения. В целом проактивность – одна из актуальных задач последнего времени в области социального обеспечения. Помимо процедурного характера, на наш взгляд, она имеет большее значение для определения сущности происходящих изменений в социальной сфере. Исключение из формального юридического состава прямого волеизъявления получателя социальной поддержки может сигнализировать о начале перехода к новой парадигме организации социального обеспечения и шире – социальной защиты.

Широкая информационная база о доходах населения страны (а также юридических фактах – основаниях социальной поддержки) позволит государству упреждающе (без обращения гражданина) регулировать их за счет перераспределительных механизмов – чем, по сути, и является социальное обеспечение. Надо отметить, что это не согласуется с современным пониманием социального (в том числе, пенсионного) страхования, в котором роль правоустанавливающего факта продолжает играть волеизъявление застрахованного лица. К числу презумпций, ранее установленных законодательством (нетрудоспособность при достижении установленного возраста, факт иждивения детей умерших родителей, не достигших совершеннолетия и др.) добавляется презумпция согласия на получение от государства социальной поддержки.

Всё это в совокупности является подготовкой для реализации социального обеспечения в режиме социального казначейства, что, по мнению авторов Концепции, позволит предоставлять меры социальной поддержки на основании выявления жизненных обстоятельств у граждан. По существу, жизненные ситуации, являющиеся основанием для социальной поддержки, представляют собой сложный юридический состав, главным элементом которого считается комплексный социальный риск, которому подвергся гражданин. В настоящее время, в системе ЕГИССО¹ сформированы условия для проактивного определения трёх жизненных ситуаций, в связи с которыми гражданин может претендовать на проактивную поддержку от государства: рождение ребенка, наступление пенсионного возраста и установление инвалидности. Таким образом, основания пенсионного обеспечения включаются в состав единого реестра социально-обеспечительных оснований выплат, финансируемых из различных источников, что может свидетельствовать о дальнейшем снижении автономии пенсионной системы.

Значительную роль в описываемых преобразованиях играет Пенсионный фонд Российской Федерации. Новым этапом в его развитии (в рамках

---

¹ Единая государственная система социального обеспечения создана в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2015 № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» // Собрание Законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 8.

обсуждаемой Концепции) является передача ему с 2022 года полномочий по назначению ряда социальных выплат регионального и муниципального уровня¹. Логическим продолжением этой тенденции можно считать обсуждаемый проект федерального закона Министерства труда и социальной защиты РФ об объединении ПФР и ФСС². Безусловно, централизация и унификация организационных процессов не предполагают обязательного финансового слияния. Однако, на фоне значительной доли нестраховых расходов в структуре бюджета ПФР и ФСС это можно предположить.

Представляется, что пенсионное обеспечение в условиях заявленной модернизации социальной сферы, являясь центральным элементом этой системы, также будет эволюционировать в направлении снижения жестко страховых принципов и расширения распределительных тенденций.

УДК 349.2

*И.О. Опанасюк, м.ю.н., ст. преподаватель учреждения образования
Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»
г. Минск, Белоруссия*

Значение социально-психологического климата в трудовом коллективе для поддержания трудовой дисциплины работников

В статье рассматривается проблема, связанная с ростом текучести кадров и ролью нанимателя в управлении людьми, регуляции разворачивающихся между ними отношений, использования стимулирующих, воспитательных и психотерапевтических воздействий для формирования благоприятного социально-психологического климата.

Ключевые слова: трудовое право, социально-психологический климат, стиль руководства, трудовая дисциплина, роль нанимателя.

В общей психологии наметились четыре основных подхода к пониманию природы социально-психологического климата (далее – СПК). Представители первого подхода (Л.П. Буева, Е.С. Кузьмин, Н.Н. Обозов, К.К. Платонов, А.К. Уледов) под социально-психологическим климатом пони-

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.2011 № 409-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) // Собрание Законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7351; Собрание Законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 19.

² О государственном внебюджетном фонде «Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/05/01-22/00124505) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.01.2022).

мают отражение в сознании людей комплекса явлений, связанных с их взаимоотношениями, условиями труда, методами его стимулирования. Сторонники второго подхода (А.А. Русалинова, А.Н. Лутошкин) рассматривают СПК как настроение группы людей. Авторы третьего подхода (В.М. Шепель, В.А. Покровский, Б.Д. Парыгин) анализируют СПК через стиль взаимоотношений людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом. Представители четвертого подхода (В.В. Косолапов, А.Н. Щербань, Л.Н. Коган) определяют СПК в терминах социальной и психологической совместимости членов группы, их морального единства, сплоченности, наличия общих мнений, обычаев и традиций [2, с. 45–46].

При изучении климата в трудовом коллективе Э. Мейо выделяет два его уровня. Первый уровень – постоянный. На этом уровне СПК понимается как устойчивое, достаточно стабильное состояние, которое, однажды сформировавшись, способно долгое время не разрушаться и сохранять свою сущность, несмотря на те трудности, с которыми сталкивается организация. Второй уровень – меняющийся. Это каждодневный настрой сотрудников в процессе работы, их психологическое настроение, изменение которого влияет на работоспособность личности в течение рабочего дня [7].

На формирование определенного СПК влияние оказывают различные факторы. В.В. Шпалинский подразделяет климатообразующие факторы на внешние и внутренние. Внешние факторы порождаются событиями, происходящими за пределами организации. К ним относят проблемы в семьях, социальные проблемы региона, катастрофы и т.п., поэтому находятся за пределами прямого контроля руководителя. К внутренним факторам относятся: 1) отлаженность трудового процесса, где речь идет о субъективно оцениваемых организационно-управленческих, экономических и материально-технических условиях, в которых трудится человек; 2) личные качества работников, которые должны быть изучены нанимателем путем проведения собеседования, анкетирования, запроса характеристики с последнего места работы; 3) социальная (групповая) культура, непосредственно связанная с корпоративной этикой, которая, будучи фактором группового сознания, утверждает определенные межличностные отношения в коллективе в качестве общей ценности. На наш взгляд правила корпоративной этики следует закрепить на локальном уровне и ознакамливать с ними работников при приеме на работу, вменив это в обязанность нанимателя; 4) психологическая совместимость, которая означает способность людей к взаимодействию в связи с их социальными и психофизиологическими качествами; 5) соотношение мужчин и женщин в коллективе, которое иногда также оказывает влияние на климат; 6) размеры первичного коллектива. Оптимальными психологи считают средние коллективы от 10 до 20 человек. Большие первичные коллективы (более 25 человек) склонны распадаться на отдельные группировки, в меньших затрудняется нахождение психологически совместимых лиц по причине ограниченности выбора; 7) возрастная структура

коллектива. Опытom установлено, что для большей стабильности коллектива желательно комплектовать его разными по возрасту работниками; 8) физическая удаленность работающих членов коллектива. Человек, работающий рядом, чаще воспринимается как лучший друг, чем тот, кто работает дальше; 9) сплоченность коллектива, которая означает единство поведения его членов, основанное на общности интересов, ценностных ориентаций, норм, целей и действий по их достижению; 10) коллективное мнение и настроение; 11) традиции, которые проявляются через комплекс групповых и межличностных действий и направлены на удовлетворение коллективных и индивидуальных потребностей [6, с. 51–54].

Одним из основных внутренних факторов, по нашему мнению, является стиль руководства, который непосредственно влияет на настроение, поведение людей, на их взаимоотношения. Степень удовлетворенности стилем и его мотивационные последствия формируют отношение к работе.

Как отмечает А.М. Умаров, роль руководителя в создании оптимального СПК является решающей. Так, демократический стиль развивает общительность и доверительность взаимоотношений, дружественность. Демократические условия делают нетерпимыми случаи проявления недисциплинированности, так как именно дисциплина обеспечивает эффективность информационных связей, превращает решение задачи в акт коллективной деятельности, обеспечивает необходимый режим работы, взаимодействие людей.

Авторитарный стиль обычно порождает враждебность, покорность и заискивание, зависть и недоверие. Однако он может быть позитивным, когда, принимая решение, руководитель учитывает интересы служащих, объясняет им свой выбор, делает свои действия понятными и обоснованными.

Попустительский (либеральный) стиль имеет своим следствием низкую продуктивность и качество работы, неудовлетворенность совместной деятельностью и ведет к формированию неблагоприятного СПК. Попустительский стиль, может быть, приемлем лишь в некоторых творческих коллективах [5, с. 22–23].

Если руководитель предъявляет завышенные требования, прилюдно критикует сотрудников, часто наказывает и редко поощряет, не ценит их вклад в совместную деятельность, угрожает, пытается запугать увольнением, лишением премии и т.д., ведет себя в соответствии с лозунгом «начальник всегда прав», не прислушивается к мнению подчиненных, невнимателен к их нуждам и интересам, то он формирует нездоровую рабочую атмосферу. Отсутствие взаимного уважения и доверия заставляет людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга, сокращается частота контактов, возникают коммуникативные барьеры, конфликты, появляется желание покинуть организацию и, как следствие, происходит снижение производительности и качества продукции [3, с. 48].

Так как одним из факторов, влияющих на СПК, является психологическая совместимость, на наш взгляд, руководителю организации следует обратить внимание на адаптацию нового работника еще на стадии предварительного испытания при приеме на работу. Поэтому, представляется целесообразным закрепить на локальном уровне и включить в квалификационные требования работника, закрепленные в должностной инструкции обязанности быть уравновешенным и сдержанным, уважать интересы других работников. Разработать правила корпоративной этики и утвердить руководителем, с которыми следует ознакомить вновь принимаемого работника при приеме на работу. Учитывать эмоционально-психологическое поведение работника и отражать его в аттестационной характеристике при проведении очередной аттестации на подтверждение или получение его соответствующей квалификации.

Механизмом сплочения коллектива также выступает сработанность. При этом согласованность действий каждого из участников трудового процесса характеризуется его индивидуальными качествами. Узнать личные качества каждого из сотрудников представляется возможным из его характеристики с предыдущего места работы или в процессе анкетирования на стадии трудоустройства. Так, согласно ч. 3 ст. 26 Трудового кодекса Республики Беларусь наниматели вправе при приеме на работу работника запрашивать характеристику с предыдущих мест его работы, которая выдается в течение пяти календарных дней со дня получения соответствующего запроса [4].

Е.Л. Драчева отмечает, что немаловажным механизмом сплочения коллектива выступает дисциплина. Она является важным средством и в то же время обязательным условием развития производственного коллектива. Ее отсутствие не только снимает возможность оптимального взаимодействия, но и делает проблематичным само существование коллектива. Поэтому, дисциплина – это такая форма связи между людьми, которая обуславливает создание доверительной, доброжелательной, комфортной обстановки в коллективе. Методы формирования и поддержания дисциплины в решающей степени определяются стилем руководства коллективом. Руководители должны стремиться создавать и поддерживать в коллективе твердую, сознательную дисциплину, которая устанавливается не наказаниями, не заменой подчиненных, не грубостью, а справедливой требовательностью, умением побуждать людей к деятельности, воспитанием, справедливостью, личным имиджем руководителя [1, с. 69]. Для налаживания дисциплины, повышения производительности труда и создания благоприятного СПК руководителю необходимо знать межличностные отношения в коллективе. Один из методов исследования межличностных отношений, доступных каждому руководителю, – углубленное изучение различных социальных фактов, а также конкретных поступков и действий людей, входящих в со-

став данного коллектива, что позволит руководителю изучить межличностные отношения подчиненных. Руководителю необходимо учитывать интересы и запросы каждого работника, его характерные особенности, эмоционально-психологическое поведение, чтобы в дальнейшем учесть их при проведении аттестации и тем самым наилучшим образом адаптировать его в коллективе, побудить лучше и производительнее трудиться [1, с. 148].

Таким образом, выявив факторы, влияющие на психологический климат, руководитель должен применять эффективные механизмы сплочения коллектива, уметь устанавливать и применять психологическую совместимость в группе, правильно выбирать и использовать стиль руководства с целью налаживания и укрепления трудовой дисциплины.

Библиографический список

1. Драчева Е.Л. Менеджмент: учебник / Е.Л. Драчева, Л.И. Юликов. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Изд-во Академия, 2012. – 304 с.
2. Зборовский Г.Е. Социология управления: учеб. пособие / Е.Г. Зборовский, Н.Б. Костина. – Москва: Изд-во Гардарики, 2004. – 592 с.
3. Игнатьева А.В. Исследование систем управления: учеб. пособие для вузов / А.В. Игнатьева, М.М. Максимцов. – Москва: Изд-во ЮНИТИ – ДАНА, 2012. – 167 с.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г., вступившими в силу 28 января 2020 г. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 288 с.
5. Умаров А.М. Руководитель; размышление о стиле управления: учеб. пособие / А.М. Умаров. – 2- изд., доп. – Москва: Полит. Издат., 1987. – 54 с.
6. Шпалинский В.В. Психология менеджмента: учеб. пособие / В.В. Шпалинский. 2-е изд. – Москва: Изд-во УРАО, 2012. – 183 с.
7. Экономика фирмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-meoy-i-kontseptsiya-chelovecheskikh-otnosheniy/>. Дата доступа: 05.03.2022.

*Е.М. Офман, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Ценность права и ценности трудового права: размышления с позиции дефекта механизма осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей работниками и работодателями

Эффективное осуществление субъективных прав и исполнения обязанностей субъектами трудового отношения является залогом претворения в жизнь тех ценностей трудового права, которые заложены в нем законодателем, – оптимальное согласование интересов работников, работодателей и государства (ст. 1 Трудового кодекса РФ). Однако дефекты указанного механизма могут способствовать трансформации ценностей трудового права, создавать основу для злоупотреблений со стороны субъектов трудового правоотношения.

Ключевые слова: справедливость, свобода труда, механизм осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей, работник, работодатель.

Проблема ценности права вообще и трудового права в частности не остается без внимания ученых, которые вновь и вновь задаются ответом на данный вопрос. Под ценностью права понимаются: «закрепление демократических ценностей; ограждение от демона всемогущей государственной власти» [2, с. 39]; справедливость [1, с. 56; 4, с. 221]; «компромисс интересов отдельных людей и социальных групп» [3, с. 66]. «Современными ценностями» трудового права называются нормативно закрепленные нравственно-правовые идеи справедливости, свободы труда и гуманизма [4, с. 220].

«В трудовом праве справедливость будет торжествовать только тогда, когда работник и работодатель будут обладать равными правами по заключению, изменению и прекращению трудового договора, являющегося выражением их свободной воли, будут решать широкий спектр вопросов трудового права по соглашению друг с другом при гарантированном государством минимуме условий труда работника» [4, с. 222].

Но эта идея столь нереальна, сколь недостижима. В трудовых отношениях самостоятельность сторон в принятии тех или иных (справедливых для кого?) решений, в регламентации своего поведения практически всегда будет нивелирована, поскольку работодатель является более сильной стороной правоотношения; более того, отстранение государства от регулирова-

ния отношений в данной сфере будет способствовать ущемлению прав работников; гарантированность трудовых прав на минимальном уровне – основа для процветания работодательской власти. В качестве примеров этому можно привести и ч. 2 ст. 312.6 Трудового кодекса РФ, устанавливающую обязанность работодателя выплачивать дистанционному работнику компенсацию за использование последним при выполнении работы принадлежащего ему или арендованного им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и т.д., а также обязанность работодателя возместить расходы, связанные с их использованием; и ч. 5 ст. 157, определяющую, что время неисполнения творческими работниками своих трудовых обязанностей в течение определенного времени (например, отсутствие выступлений; незанятость в репетиционном процессе) простым не является, и гарантирующую оплату данного времени таким работникам. В обоих случаях порядок и размер выплат должны быть определены коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором (или дополнительным соглашением к нему).

Допуская возможность коллективно-договорного, локального и индивидуального регулирования вопросов оплаты труда, законодатель не определил какого-то минимально допустимого размера такой оплаты. Тем самым сторонам коллективного и трудового договора, а также непосредственно работодателю была предоставлена, по сути, неограниченная свобода в установлении соответствующего регулирования, притом что работодатель является не только полномочным субъектом локального нормотворчества, но и фактически более сильной стороной в переговорном процессе по заключению, изменению как коллективных, так и трудовых договоров¹. Указанный подход привел к тому, что у работодателя появилась неограниченная законом возможность умышленного бездействия (непринятие положений об установлении размера компенсаций и иных выплат работникам²) и умышленных действий, направленных если не на ущемление прав работников, то на получение необоснованных преимуществ перед ними

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06 октября 2021 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.А. Мининой» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 42. – Ст. 7200.

² Отказывая в удовлетворении требований работника о возмещении расходов за использование для выполнения работы дистанционно личного имущества истца (работника), а также возмещать расходы, связанные с их использованием, суд руководствовался положениями ст. 188 Трудового кодекса РФ, указав на то, что истцом (работником) не представлено письменного соглашения либо иных доказательств, подтверждающих согласие ответчика (работодателя) на компенсацию понесенных спорных расходов». Суд кассационной инстанции критически отнесся к данным выводам судов первой и апелляционной инстанций, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06 июля 2021 № 88-9616/2021. // СПС «КонсультантПлюс».

(установление выплат в минимальном размере в нарушение общей идеи, заложенной законодателем). Механизм осуществления прав работников в этом случае зависит исключительно от добросовестного исполнения работодателем своих обязанностей; отсутствие в законе специальных гарантий оплаты труда и создает базу для злоупотреблений работодателями имеющимися у них возможностями в данной сфере. Полагаю, что свобода усмотрения работодателя в одностороннем порядке установления или неустановления размеров компенсаций, иных выплат, причитающихся работникам, определения размера оплаты труда в отдельные (специальные) периоды трудовой деятельности работников должна быть ограничена фиксацией на уровне федерального закона (Трудового кодекса РФ, в частности) минимального размера указанных выплат, а также определением порядка и сроков их начисления.

Свобода воли работника при заключении трудового договора ограничена (отказ от какого-либо условия будет свидетельствовать об отказе от его заключения); и наоборот, работодатель, обладая правом дирекции, зачастую лишен права на расторжение трудового договора с отдельными категориями работников не только в связи с совершением ими дисциплинарного проступка, достаточного для расторжения трудового договора, но и по объективным основаниям, не связанным с инициативой работодателя (имеются в виду основания разрыва трудовой связи, именуемые законодателем как «прекращение трудового договора»). Более того, суды в корне меняют правила взаимодействия между сторонами трудового правоотношения, слишком широко трактуя те или иные понятия. Ярким примером данного тезиса является решение Верховного Суда РФ, в котором гарантии, зафиксированные в ст. 261 Трудового кодекса РФ, были распространены на случай прекращения трудового договора с работником-совместителем, одинокой матерью, имеющей ребенка до 14 лет, сокрывшей данную информацию при разрыве трудовой связи по специальному основанию, предусмотренному ст. 288 Трудового кодекса РФ (в связи с принятием на работу другого работника, для которого данная работа будет считаться основной). Суд в своем решении, оценивая правомерность прекращения трудового договора, так и оценивает данную ситуацию: «Поскольку прием на работу работника, для которого выполняемая совместителем работа является основной, осуществляется по инициативе работодателя и именно это обстоятельство является основанием для прекращения трудовых отношений с работником, работающим по совместительству на основании трудового договора, заключенного на неопределенный срок, то по своей правовой сути расторжение трудового договора с работником, работающим по совместительству, на основании ст. 288 Трудового кодекса РФ, является расторжением трудового договора по инициативе работодателя и к этим отношениям подлежат применению нормы Трудового кодекса РФ о гарантиях работникам при увольнении по

инициативе работодателя»¹. Далее. Суд определил, что отсутствие у работницы информации от работодателя о результатах рассмотрения ее заявления о приеме на работу (трудовой договор по основному месту работы был прекращен по инициативе работницы) может свидетельствовать о проявлении в отношении ее дискриминации при трудоустройстве как на основное место работы и, соответственно, о нарушении ее конституционного права на труд.

В анализируемом конкретном случае дефект механизма осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей проявился, с одной стороны, в пороке механизма правовой регламентации трудовых отношений (пробел и логическая незавершенность трудово-правовой конструкции), с другой стороны – в выборе работником изначально порочного способа реализации права на информирование работодателя о своем особом статусе.

Теория трудового права и судебное правоприменение не должны противоречить друг другу. Наверное, именно теория должна быть вектором развития трудового законодательства, и не судебное правоприменение. Сегодня прослеживается иная тенденция, и до тех пор, пока ситуация не изменится, дефекты механизма осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей будут способствовать трансформации ценностей трудового права, создавать основу для злоупотреблений со стороны субъектов трудового правоотношения.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
2. Алексеев С.С. Право – одно из самых выдающихся достижений человеческой цивилизации // Закон. – 2009. – № 7. – С. 38–39.
3. Лившиц Р.З. Теория права: учебник / Р.З. Лившиц. – М.: Изд-во БЕК, 2001. – 224 с.
4. Томашевский К.Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 220–228.

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2021 г. № 33-КГ20-7-К3. // СПС «КонсультантПлюс».

*Е.А. Протченко, ст. преподаватель кафедры теории государства
и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Особый статус одинокой матери: теория и практика

В статье анализируются проблемы правового регулирования труда одиноких матерей, связанные с определением их особого статуса. Приводятся примеры судебной практики, где вопрос об отнесении лиц к одиноким матерям, решается с учетом всех обстоятельств их особого статуса. Для решения проблем предлагаются некоторые изменения законодательства.

Ключевые слова: одинокая мать, трудовое законодательство, труд женщин.

Вопрос о достижении качественного баланса интересов работника и работодателя в российском трудовом праве на протяжении длительного периода времени не теряет своей актуальности. Как представляется, невозможно достигнуть баланса в этой сфере при отсутствии однозначного понимания правовой природы этого института, терминологий и ряда других аспектов. Результатом недостаточной научной разработанности является несовершенство законодательства, что влечет ошибки в правоприменительной практике.

Довольно часто работниками являются люди, обремененные семейными обязанностями, а это одинокие родители и другие лица, занимающиеся воспитанием детей.

В российском законодательстве труд женщин и лиц с семейными обязанностями регулирует глава 41 ТК РФ, где прописаны основные положения «уязвимой категории» работников, предоставляемые гарантии и льготы. Среди них следующие: неполный рабочий день (неделя); право на отказ от ночных работ, работ сверхурочно, в выходные и нерабочие праздничные дни, а также от командировок; дополнительные оплачиваемые выходные в месяц, если в семье ребенок-инвалид; запрет на увольнение по сокращению штата или инициативе работодателя. Помимо этого, работающему одинокому родителю, имеющему трех и более детей в возрасте до 12 лет, ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется по его желанию в удобное для него время (ст. 262.2 ТК РФ).

Законодатель для предоставления льгот обращается к терминам «одинокая мать» (ст. 261 ТК РФ), «одинокие родители» (ст. 341.2 ТК РФ), но не дает четкого определения этих понятий. Анализ ряда статей ТК РФ говорит о наличии правовых проблем при применении норм, и сводится к неопреде-

ленности этих понятий и приводит к затруднению их использования работодателем. Перед работодателем встает непростая задача: как определить, кто из сотрудников действительно относится к особому статусу, а кто нет. Встречаются случаи, когда женщина скрывает от работодателя, что относится к защищенной категории, а после увольнения пытается получить компенсацию и восстановиться через суд.

На законодательном уровне впервые определение «одиноким матерью» дал Верховный суд РФ в обзоре законодательства и судебной практики РФ за первый квартал 2010 года: одиноким матерью признается женщина, родившая ребенка вне брака, в том случае, если нет совместного заявления родителей ребенка об установлении отцовства, а в графе «отец» в свидетельстве о рождении стоит прочерк, либо сведения записаны со слов матери («Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16.06.2010)). Далее Верховный Суд в своем Постановлении от 28.01.2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» дал некоторые разъяснения по определению понятий особого статуса данных работников: «К одиноким матерям относится женщина, которая является единственным лицом, осуществляющим обязанности по воспитанию своих детей, т.е. без отца. Статус одиноким матерью работница приобретает в случаях смерти отца ребенка, лишения или ограничения его родительских прав, признания недееспособным, по состоянию здоровья не может содержать и не принимает участия в воспитании, признания безвестно отсутствующим, отбывающим наказание в виде лишения свободы, уклоняющимся от воспитания детей, в других случаях». Юридическое определение одиноким матерью применяется только в области трудового права, оно не позволяет женщине получать социальные пособия. Ключевым моментом для использования льгот в отрасли трудового права для матерей является то, что она одна воспитывает, обучает, кормит своих детей. Для использования таких привилегий ей не нужно даже иметь удостоверение. Ранее суды толковали понятие «одинокая мать» преимущественно дискриминационно, сужая его до женщин, «родивших и воспитывающих ребенка (детей) вне брака, если отцовство ребенка не установлено надлежащим образом».

Часто на практике работодатель, к одиноким матерям не относит женщин, состоявших в разводе, но впоследствии заключивших брак и при сокращении штата сотрудников не учитывает положения ч. 4 ст. 261 ТК РФ. Однако суды считают, что работница может являться одиноким матерью, даже находясь замужем [2, с. 33]. Суд решил, что, если мать является единственным лицом, принимавшая участие в воспитании ребенка, то она сохраняет статус одиноким и при вступлении в новый брак, и не должна лишаться различных гарантий. Муж ее материально не содержит, ребенка не усынов-

лял, по адресу проживания истицы не прописан. Рассматривая дело (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.07.2018 по делу № 33-13981/2018) суд восстановил работницу на работе. Другое решение суда о восстановлении на работе женщины, как не выдержавшей испытание, которая являлась вдовой, имевшей на иждивении малолетнего ребенка. Суд пришел к выводу, что данная гражданка является одинокой матерью, исходя из представленных ею документов: свидетельства о рождении малолетнего, где отцом являлся умерший супруг; свидетельства о заключении брака, где истице присвоена фамилия мужа; свидетельства о смерти супруга истицы. Потому расторжение трудового договора без учета ст. 261 ТК РФ не правомерно (Решение Советского районного суда г. Владикавказа от 12.07.2018 г. по делу № 2-1110/2018).

Многие женщины просят признать в качестве критерия, подтверждающего статус одинокой матери, факт задолженности отца по алиментам. Но есть довольно много судебных дел, при рассмотрении которых суд говорит о том, что даже при наличии такой задолженности женщина не приобретает статус одинокой матери [1, с. 45]. Суды приводят разные аргументы и не признают женщину одинокой: задолженность по алиментам не свидетельствует об уклонении отца ребенка от исполнения своих родительских обязанностей (Апелляционное определение Тверского областного суда от 27.09.2016 по делу № 33-4128/2016); задолженность по уплате алиментов имеется, но доказательств обращения женщины в службу судебных приставов нет (Апелляционное определение Московского областного суда от 29.08.2016 по делу № 33-22594/2016); алименты не платятся около года, и имеется исполнительный документ о взыскании алиментов (Решение Куйбышевского районного суда города Самары от 11.04.2016 по делу № 2-812/2016). Встречаются другие решения, когда суд считает значимым событием, если накопились большие суммы долгов по алиментам и признал статус одинокой матери (Решение Ногайского районного суда Республики Дагестан от 12.12.2014 по делу № 2-352/2014; Решение Уссурийского районного суда Приморского края от 26.12.2014 по делу № 2-8349/2014).

Итак, для оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и разрешения вопросов увольнения работников с семейными обязанностями по результатам испытания предлагается:

- закрепить понятие одинокой матери, лиц с семейными обязанностями,
- более четко прописать какие сведения работодатель имеет право требовать от работников, чтобы предоставление гарантий не вызывало сомнений.
- предусмотреть перечень необходимых документов для подтверждения особого статуса уязвимых категорий в локальных актах организации.

Библиографический список

1. Волхонская Н. Завышенные требования «матери-одиночки»: шантаж или реальность? // Практическая бухгалтерия. – 2019. – № 3. – С. 44–49.
2. Протченко Е.А. Некоторые проблемы правового регулирования труда одиноких матерей, лиц с семейными обязанностями // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 31–35.

УДК 349.2

*Е.С. Рейхерт, старший преподаватель кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Применение профессиональных стандартов в отношении педагогических работников высших образовательных учреждений

В статье аргументируется отсутствие обязательности применения профессионального стандарта для педагогов системы высшего образования, в том числе и для государственных учреждений. Прежний профессиональный стандарт утратил свою силу, так как ограничивал работу педагогов, не имеющих научной степени. Новый профстандарт пока не разработан.

Ключевые слова: педагогический работник, профессиональный стандарт, высшее образовательное учреждение, квалификация.

Педагогические работники обладают особым правовым статусом. В том числе особенность этого статуса проявляется в определенных ограничениях и требованиях. Так, действующее трудовое законодательство содержит требования к квалификации граждан, планирующих занять должности педагогических работников. Трудовой кодекс РФ содержит отсылочную норму в ст.331, определяющей требования к квалификации педагогических работников: к педагогической деятельности допускаются лица, имеющие образовательный ценз, который определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации в сфере образования. К такому законодательству относится Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании).

Педагогические работники в силу ч.1 ст. 46 Закона об образовании должны иметь среднее профессиональное или высшее образование, отвечающее квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональных стандартах.

Речь идет о разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденного приказом Минздравсоцразвития Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 761н (далее – ЕКС).

В отношении преподавателей высших профессиональных образовательных организаций применялся профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденный Приказом Минтруда России № 608н от 8 сентября 2015 года. Указанный приказ применялся с 1 января 2017 года. Однако, с 13 июня 2020 года профессиональный стандарт признан утратившим силу на основании Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 декабря 2019 г. № 832н «О признании утратившим силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 г. № 608н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»».

По мнению члена комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирины Рукавишниковой, отмененный профстандарт негативно повлиял на традиционную схему формирования учебной нагрузки педагогов. Так, ассистенты, преподаватели и старшие преподаватели не могли вести полноценные занятия по программам бакалавриата и дополнительным профессиональным программам, в то время как специалитет и магистратура им были полностью недоступны [2].

В настоящее время профессиональный стандарт для педагога профессионального образования пока отсутствует. В ближайшее время ожидается принятие нескольких профессиональных стандартов для педагогов среднего, высшего и дополнительного профессионального образования.

Применяя профессиональные стандарты в отношении педагогических работников, следует учитывать ряд моментов. Во-первых, профессиональный стандарт не является для педагогов обязательным для применения, так как Закон об образовании предполагает использование работодателем отдельно как положений квалификационного справочника, так и положений профессионального стандарта, а также их совместное применение. Выбор остается за образовательным учреждением.

Во-вторых, статус образовательного учреждения не играет роли. Ряд авторов утверждают, что профессиональные стандарты обязательны для педагогов государственных и муниципальных образовательных учреждений [1]. В качестве аргумента указывают, как правило, две причины:

1) положения ч. 8, 9 ст.143 и ч.5 ст. 144 ТК РФ, согласно которым система оплаты труда (в том числе тарифные системы оплаты труда) работни-

ков государственных и муниципальных учреждений устанавливаются с учетом ЕКС или профессиональных стандартов. То есть требования, предусмотренные квалификационными справочниками или профстандартами, являются для работников государственных и муниципальных учреждений обязательными, так как лежат в основе оплаты их труда. Однако, указанная точка зрения опровергается судебной практикой. Как указал в своем Определении от 8 июня 2011 года № 32-Г11-19 Верховный суд РФ, сравнительный правовой анализ норм ст.57 и ст.144 ТК РФ позволяет сделать вывод о том, что названные нормы законодательства (в части слов «с учетом единого тарифно – квалификационного справочника работ и профессий» – абзац 6 ст. 144 ТК РФ и абзац 9 ст. 143 ТК РФ) предусматривают лишь учет указанного справочника при установлении систем оплаты труда, а не обязательность соответствия нормативных правовых актов, устанавливающих систему оплаты труда, этим справочникам.

2) положения Постановления Правительства РФ № 584¹ от 27 июня 2016 года, которые интерпретируют как установление обязательности применения профстандартов в государственных и муниципальных учреждениях.

По мнению автора статьи, указанное Постановление не устанавливает безусловной обязательности применения профстандартов. Данный нормативный правовой акт лишь определяет особенности реализации положений статьи 195.3 ТК РФ определенными субъектами, в том числе государственными и муниципальными учреждениями. Эти особенности заключаются в наличии переходного периода до 2020 года и обязательного составления планов по организации применения профессиональных стандартов с учетом мнений представительных органов работников.

Библиографический список

1. Иванова Н. Профстандарты и квалификационные требования для педагогических работников [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Госучетник. 2019. 5 августа. URL: [https:// gosuchetnik. ru/kadry/ profstandarty -i-kvalifikatsionnye-trebovaniya-dlya-pedagogicheskikh-rabotnikov](https://gosuchetnik.ru/kadry/profstandarty-i-kvalifikatsionnye-trebovaniya-dlya-pedagogicheskikh-rabotnikov) (дата обращения 25.04.2022).

---

¹ Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности: Постановление Правительства РФ от 27.06.2016 № 584 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (часть III). – Ст. 4484.

2. Ни доцента больше: профстандарт для преподавателей вузов отменят [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. 2019. 23 декабря. URL:[https:// minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=23192](https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=23192) (дата обращения 25.04. 2022).

УДК 349.2

*Сагандыков М.С., к.ю.н., доцент, зав. кафедрой теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы

Российское государство уделяет большое внимание развитию информационных технологий, их внедрению в различные сферы общественной жизни, в систему государственного управления. При этом трудовое законодательство слабо адаптируется к технологическим переменам. Рассмотрены некоторые проблемы внедрения электронного документооборота в трудовые отношения и его связь с защитой трудовых прав работников.

Ключевые слова: электронное кадровое делопроизводство, электронный документооборот, цифровая экономика, государственно-правовая политика в сфере труда

Последние несколько лет в нашей стране наблюдается повышенный интерес государства к развитию экономики, основанной на принципах электронного взаимодействия хозяйствующих субъектов, применения новейших информационных технологий в производственной, коммерческой деятельности и в организации управления бизнесом и иной деятельностью. Таковую экономику принято называть цифровой.

Однако, анализ программных государственных документов позволяет сделать вывод, что трансформация трудовых отношений не является приоритетом в деле цифровизации экономики.

Примечательно, что в национальном проекте «Нормативное регулирование цифровой экономики» также ни слова не сказано о необходимости изменения трудового законодательства в целях его адаптации к использованию новых информационно-коммуникационных технологий во взаимоотношениях между субъектами права, в том числе, работниками и работодателями.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы упоминает слово «труд» только в контексте увеличения его производительности, то есть в экономической, а не в социальной плоскости.

По большому счету, единственное упоминание о проблеме, в определенной мере предполагающей трудо-правовое решение, – это формулировка одной из задач применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы: «стимулирование российских организаций в целях обеспечения работникам условий для дистанционной занятости» (подпункт «г» п. 40).

Возможно, развитие трудового законодательства в цифровой плоскости так и оставалось бы в колее дистанционной занятости, если бы не пресловутый КОВИД-19. Для отрасли трудового права, как оказалось, COVID-19 стал источником многих идей, прежде всего в области развития применения информационных технологий в трудовых отношениях.

В ноябре 2021 года внесены существенные дополнения в Трудовой кодекс в части электронного документооборота. Если давать главную оценку – то это смелое и продуманное решение законодателя, которое дает новый виток развития правового регулирования трудовых отношений.

Попробуем обратить внимание на некоторые нововведения.

Во-первых, считаем, что сам термин, который лег в основу нововведений не совсем удачный. Авторы монографии под редакцией Юрия Петровича Орловского в 2018 году, отметили, что процесс создания документов относится уже к более широкому понятию, а именно к понятию «делопроизводство», которое включает в себя понятие «документооборот», поскольку представляет собой деятельность, обеспечивающую документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов [2]. Возможно, это не главная проблема, но понятийный аппарат всегда имеет значение.

Теперь о нескольких моментах, на которые хотелось бы обратить внимание по существу законодательных новелл.

Во-первых, это необходимость получения согласия работника на переход к электронному взаимодействию с работодателем. Напомню, что в соответствии с новым законом работники, имеющие трудовой стаж до 31 декабря 2021 года, по существу, вправе отказаться от электронного взаимодействия с работодателем.

Согласие на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота не требуется от лиц, которые приняты (принимаются) на работу после 31 декабря 2021 года и у которых по состоянию на 31 декабря 2021 года отсутствует трудовой стаж.

Другими словами, получается, что работодатель должен будет вести две параллельные системы кадрового делопроизводства – электронную и традиционную, бумажную.

Подобная проблема существует с трудовыми книжками. Представляется, ведение двойного учета трудовой деятельности для тех работников, кто выразил желание оставить бумажные трудовые книжки вряд ли оправданно. Вполне можно было сделать некий более длительный переходный период, и например, с 1 января 2023 года полностью отменить бумажные трудовые книжки. Возможно, стоит внести норму, согласно которой при трудоустройстве к новому работодателю бумажная трудовая книжка прекращает свое действие, а сведения о трудовой деятельности оформляются только в электронном виде. Это особенно актуально для вновь создаваемых организаций или для начинающих свою деятельность индивидуальных предпринимателей, которые создали систему электронного кадрового делопроизводства, и для них дублирование крайне неприятно.

Но вопрос с электронным документооборотом сложнее. Дело в том, в процессе ведения трудовой книжки работник участия, по существу, не принимает. Ему как и раньше ничего делать не приходится и все оформляет работодатель.

Но в электронном документообороте работник принимает непосредственное участие – создает, получает, подписывает документы. Это требует навыков работы с информационными системами.

Думается, поэтому законодатель не решился разрешить работодателям жестко перейти на электронный документооборот без согласия работников.

Но так продолжаться постоянно не должно. Необходимо обозначить четкие сроки, по окончании которых работодатель вправе будет своим решением, пусть и с учетом мнения профсоюза, создать систему электронного кадрового делопроизводства без необходимости ее дублирования традиционной бумажной системой.

Более того, целесообразно предусмотреть общий срок и для трудовых книжек, и для электронного делопроизводства, после которого традиционный способ взаимодействия мог бы быть исключен. Пусть это будет через два-три года, но цели должны быть обозначены.

Попробуем определить цели введения электронного документооборота:

1. Избавить работодателя от необходимости вести бумажную документацию;
2. Развивать возможности дистанционной занятости;
3. Сделать прозрачными трудовые отношения с точки зрения соблюдения трудового законодательства, государственного и иного контроля за соблюдением работодателем трудового законодательства.

Для всего этого необходим приближенный к 100 процентам переход на электронное взаимодействие работника и работодателя.

По вновь принятым изменениям электронный документооборот для подавляющего большинства работников будет с их согласия, кроме того, он усложняется необходимостью иметь усиленную электронную подпись.

К.Л. Томашевский отмечал, что многие работодатели не могут использовать предусмотренный законом механизм электронного взаимодействия с работником по техническим и финансовым причинам [2, с. 407–408].

Если работодатель будет использовать собственную информационную систему, то вряд ли что-то изменится, потому как для большинства случаев работник должен будет взаимодействовать с работодателем с использованием как минимум усиленной неквалифицированной цифровой подписи, что существенно усложнит развитие этой формы работы.

Но закон разрешает при взаимодействии с работодателем посредством сервиса «Работа в России» работнику иметь простую электронную подпись, полученную для работы на портале «Госуслуги». Сейчас этим кого-то из граждан удивить сложно, особенно после необходимости получения QR-кода с информацией о вакцинации, да и самому работодателю достаточно будет иметь усиленную неквалифицированную цифровую подпись, что дешевле и проще.

В связи с этим взаимодействие работников и работодателей посредством сервиса «Работа в России» имеет будущее, а вот использование собственных информационных систем – вряд ли.

Кроме того, считаем, что использование единой системы для взаимодействия работников и работодателей сделает более простым и выполнение контрольно-надзорной функции. Представьте, что специально созданная нейросеть сможет непрерывно выявлять в документах, хранящихся в электронной форме (а эта обязанность есть у работодателей), грубые нарушения трудового законодательства.

Об этом, в частности, говорил председатель федерации профсоюзов Свердловской области Андрей Леонидович Ветлужских в рамках открытия научной конференции «За права трудящихся», проходившей в декабре 2021 года в Уральском государственном юридическом университете им.

В.Ф. Яковлева.

Другое дело, что мы пока не знаем принципов взаимодействия информационных систем работодателя и системы «Работа в России». Это ложно быть пояснено Постановлением Правительства и вступит в силу только с 1 сентября 2022 года. Скорее всего, работодатель должен будет передавать сведения и электронные документы, хранящиеся в собственной информационной системе в систему «Работа в России». Таким образом сейчас происходит взаимодействие информационных систем вузов и портала «Поступи в вуз онлайн», работающий на платформе госуслуг. Планируется, что весь прием в вузы в ближайшее время будет осуществляться только через этот портал. Скорее всего, то же самое произойдет и с электронным кадровым документооборотом.

Смеем предположить, что вовлечение всех работодателей в механизм электронного взаимодействия с работниками может стать еще одним шагом к увеличению открытости трудовых отношений, выводу их из тени.

Сейчас очевидно желание государства более централизовать регулирование трудовых отношений, сделать их более «послушными», мы видим много примеров этому.

Мы уже увидели успешный опыт применения цифровых технологий в налогообложении, что позволило существенно увеличить собираемость налогов. Возможно, такого же эффекта можно достигнуть, обязав работодателей регистрироваться в качестве таковых на портале «Работа в России» и оформлять трудовые отношения только посредством данного сервиса.

Библиографический список

1. Белицкая И.Я., Кузнецов Д.Л., Орловский Ю.П., Черняева Д.В. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецовой. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. // СПС «Консультант плюс».

2. Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 2. – С. 398–413.

УДК 349.22

*У.М. Станкова, к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Нормы трудового права в обеспечении режима коммерческой тайны: проблемы реализации

В статье проводится анализ законодательства и судебной практики по вопросам защиты коммерческой тайны в трудовых правоотношениях. Делается вывод о невозможности взыскания убытков с работника, разгласившего коммерческую тайну, без изменения Трудового кодекса РФ.

Ключевые слова: коммерческая тайна, работник, гриф конфиденциальности, убытки, коммерческая тайна.

Несмотря на наличие в действующем законодательстве комплекса норм, направленных на защиту коммерческой тайны в трудовых правоотношениях, ее правовое регулирование остается неэффективным.

Одной из причин, влекущих признание увольнения незаконным, остается непринятие работодателем всего комплекса мер, направленных на уста-

новление режима тайны. Суды расценивают отсутствие грифа «коммерческая тайна» как свидетельство того, что режим коммерческой тайны, не был нарушен¹. Однако существует и другая позиция. Суд признал законным увольнение, указав, что отсутствие грифа на разглашенных истцом документах не лишало их статуса конфиденциальной информации, так как они предусмотрены Перечнем информации, в отношении которой установлен режим конфиденциальности².

Законодатель прямо предусматривает необходимость принятия всех мер, направленных на установление режима коммерческой тайны³. Исходя из этого, суд в рассматриваемой ситуации не принял во внимание требования законодательства. С одной стороны, само по себе отсутствие грифа на материальных носителях информации не лишает ее признаков коммерческой тайны, при принятии всех других мер. И подобная позиция – в интересах работодателя. С другой стороны, законодатель данное обстоятельство не учитывает, определяя обязательный перечень мер без возможности исключения каких-либо мероприятий. Гриф конфиденциальности выполняет превентивную функцию предупреждая о необходимости соблюдать режим коммерческой тайны в отношении информации. Такая превентивная мера вполне соответствует духу трудового законодательства, предусматривающего в большинстве ситуаций предварительное информирование (ознакомление) работника. Нанесение грифа свидетельствует об отношении работодателя к своим секретам, о желании их защитить. Намерения работодателя – обладателя информации обозначены в качестве ключевых и в позиции Конституционного Суда РФ: отправка гражданином на свой (личный) адрес электронной почты не принадлежащей ему информации создает условия для ее дальнейшего неконтролируемого распространения. Фактически, совершив такие действия, гражданин получает возможность разрешать или ограничивать доступ к отправленной им информации.... Правовые последствия такой ситуации различаются в зависимости от степени разумности и осмотрительности самого обладателя информации. Если, предоставляя доступ к информации, он безразлично относился к ее дальнейшей правовой судьбе, в том числе не принимал мер к предотвращению ее выхода из-под своего контроля, то нет оснований рассматривать саму по себе отправки гражданином информации с адреса электронной почты на свой (личный) адрес электронной почты в качестве обстоятельства, меняющего правоотношения по поводу этой информации. Если же обладателем информации меры

---

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 сентября 2019 г. № 33-19819/2019// СПС «Консультант плюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мари-Эл от 23 мая 2019 г. по делу № 33-889/2019// СПС «Консультант плюс».

³ Федеральный закон РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3283.

принимались, включая прямой запрет на ее отправку на личный адрес электронной почты допускаемого к ней лица (о чем это лицо было поставлено в известность), т.е. действовал разумно и осмотрительно, то отправка гражданином информации на свой (личный) адрес электронной почты, как явно совершенная вопреки предпринятым обладателем информации разумным мерам, может рассматриваться в качестве нарушения его прав и законных интересов именно этим действием, безотносительно к тому, имело ли место разглашение (распространение) данной информации третьему лицу (третьим лицам)¹. Этой же позиции придерживаются и другие суды в своих решениях. Например, доводы жалобы о том, что отправка конфиденциальной информации посредством мессенджера Viber по мнению суда не является ее разглашением поскольку конфиденциальная информация была передана в распоряжение как минимум одного лица - международной компании Viber Media, что исключает возможность контроля за ее использованием и создает возможность ее свободного использования неограниченным кругом лиц².

Во многих случаях, работники именно используют информацию, полученную у работодателя для организации собственного дела без факта ее разглашения. Законодательство о коммерческой тайне (ст. 11 Закона) запрещает работникам, в том числе бывшим, неправомерно использовать полученную от работодателя конфиденциальную информацию в личных целях. Однако в случаях неправомерного использования информации уволить работника за такое деяние нельзя. То же самое касается привлечения работника к полной материальной ответственности: только за разглашение информации, а не ее неправомерное использование. Несмотря на наличие правовых оснований для взыскания с работника ущерба, причиненного разглашением (п. 7 ст. 243 ТК РФ), привлечение работника к материальной ответственности остается наиболее проблематичным. Более того, Закон «О коммерческой тайне» накладывает на работника обязанность возместить убытки. В то время как трудовое законодательство предусматривает возможность возмещения убытков только руководителем организации (ст. 277 ТК РФ). В остальных случаях с работников может быть взыскан только прямой действительный ущерб. Следовательно, данная норма Закона «О коммерческой тайне» противоречит трудовому законодательству.

Судебная практика демонстрирует попытки работодателей взыскать с работников как ущерб, так и убытки, причиненные разглашением информации. Наиболее часто встречаются случаи, когда работник, используя клиентскую базу прежнего работодателя, организует на ее основе собственное

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке Конституционности п. 5 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова// Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 45. – Ст. 6735.

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мари-Эл от 23 мая 2019 г. по делу № 33-889/2019// СПС «Консультант плюс».

дело. Факт осуществления такой же деятельности как и деятельности организации, в которой работал работник, и продажа продукции контрагентам бывшего работодателя не свидетельствует о том, что действия ответчика противоправны и ими причинён прямой действительной ущерб¹.

Сложность доказывания размера ущерба привела обладателей коммерческих секретов к установлению штрафных неустоек в соглашениях о неразглашении коммерческой тайны как в период трудовой деятельности работника, так и после прекращения трудовых отношений², так как не влечет права работодателя на ее взыскание с работника, при отсутствии условий, привлечения работника к материальной ответственности³.

Достаточно спорными с позиций теории трудового права является и норма п. 4 ст. 11 Закона «О коммерческой тайне», предусматривающей взыскание убытков с бывших работников, разгласивших полученную от работодателя информацию в пределах предусмотренного договором срока обеспечения ее конфиденциальности. Так, работник, после увольнения предложил свои услуги клиенту бывшей компании-работодателя по техническому обслуживанию и ремонту холодильного оборудования на более выгодных условиях, чем работодатель на 20% ниже. Суд признал правомерным требование работодателя о выплате ему бывшим работником упущенной выгоды в размере 588 016 руб., так как после увольнения ответчик совершил действия, являющиеся недобросовестной конкуренцией, что выразилось в незаконном использовании им в своей деятельности информации, составляющей коммерческую тайну⁴.

Очевидно, что в данной ситуации трансформации трудовых отношений в гражданско-правовые не происходит. По своей природе их можно отнести к отношениям, вытекающим из трудовых правоотношений. Поэтому в силу части четвертой ст. 5 ТК РФ (в случае противоречия ТК РФ и иного ФЗ действует ТК РФ) при отсутствии соответствующих правил о возможности взыскания убытков с бывших работников в ТК РФ нормы Закона «О коммерческой тайне» являются противоречащими ТК РФ. Как справедливо отмечает М.С. Сагандыков, обозначенное право будет нарушать основной принцип материальной ответственности, составляющий ее сердцевину: возмещение только прямого действительного ущерба [1, с. 38]. Похожая пози-

---

¹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 19 ноября 2019 г. № 2-431/2019, 33-13592/2019// СПС «Консультант плюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 23 марта 2015 г. по делу № 33-4126/2015// СПС «Консультант плюс».

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 сентября 2019 г. № 33-19819/2019// СПС «Консультант плюс».

⁴ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 6 августа 2019 г. № 33-5328/2019 и Определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г. № 88-5107/2020 // СПС «Консультант плюс».

ция отражена и в судебных актах: рассматривая вопрос о взыскании с бывшего работника неустойки за разглашение информации после прекращения трудовых правоотношений, суд отказал в удовлетворении заявленных требований, так как спорные правоотношения возникли в результате трудовых правоотношений. Истец является бывшим работником, поэтому необходимо руководствоваться положениями Трудового кодекса Российской Федерации¹.

Таким образом, правовой механизм обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну в трудовых правоотношениях, не является совершенным и требует своей доработки. Применение всего комплекса мер, предусмотренных законодательством для установления режима коммерческой тайны, является свидетельством желания работодателя защитить свою коммерческую информацию. Нормы Закона «О коммерческой тайне» не могут действовать в отрыве от норм Трудового кодекса РФ, особенно в части ответственности и должны быть приведены в соответствие с трудовым законодательством. Иначе взыскание с работника убытков по нормам гражданского законодательства невозможно.

Библиографический список

1. Сагандыков М.С. Реализация конституционного права на защиту информации в трудовых отношениях // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. – 2019. – № 2. – С. 36–41.

УДК 349.2

*Э.М. Филиппова, доцент кафедры теории государства
и права, трудового права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

К вопросу о проблемах реализации отраслевых принципов права социального обеспечения

В статье рассматривается проблема реализации отраслевых принципов права социального обеспечения в основных институтах отрасли ПСО, в частности пенсионного обеспечения и доказательства трудового стажа.

Ключевые слова: принципы права, отраслевые принципы социального обеспечения, трудовой стаж, пенсионное обеспечение.

В условиях цифровой трансформации законодательства о социальном обеспечении, особо актуальным становится вопрос о реализации принципа всеобщности социального обеспечения. Вопрос о понятии принципов права

---

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 сентября 2019 г. № 33-19819/2019// СПС «Консультант плюс».

социального обеспечения является дискуссионным. Это объясняется разнообразием взглядов, как на само понятие «принципы права», так и на принципы отрасли права социального обеспечения. Так в общей теории права под правовыми принципами понимались основные начала и руководящие идеи, которые выражали сущность, главные свойства и общую направленность развития правовых норм в пределах всей системы прав [2, с. 23]. Другие ученые считают, что принципы права, это сами нормы права, закрепляющие стержневые положения регулирования конкретной сферы общественных отношений [4, с. 51]. Мы же солидарны с позицией ученых, которые утверждают, что принципы права можно определить как закрепленные в законодательстве, отражающие закономерности общественно-политической жизни идейно-руководящие положения, определяющие общую направленность, характер и содержание правового регулирования общественных отношений [5, с. 22].

Кроме того, дискуссионность вопросов объясняется многообразием и сложностью общественным отношений, регулируемых правом социального обеспечения, отсутствием законодательного закрепления данных принципов.

Основой регулирования социально-обеспечительных отношений выступают принципы права социального обеспечения. Л.Н. Анисимов, К.Н. Гусов под принципами права социального обеспечения понимают руководящие начала, определяющие внутреннее единство данной отрасли права и основные направления ее дальнейшего развития [3, с. 36]. Думается, что сформулированная дефиниция освещает одну составляющую понятия принципов права социального обеспечения, а именно, направленность развития данной отрасли права. Однако правовой принцип выражает и сущность, и свойства ключевых правовых категорий той или иной отрасли права (чтобы отразить специфику конкретной отрасли права).

Отраслевая специфика выделена В. П. Галагановым. Профессор отразил некоторые особенности отрасли социального обеспечения в дефиниции принципов социального обеспечения. Это закрепленные в действующем законодательстве основополагающие начала (идеи), выражающие сущность норм права социального обеспечения и главные направления социальной политики государства в области правового регулирования отношений, связанных с материальным обеспечением «еще», «временно», «уже» нетрудоспособных граждан и иных категорий граждан, определяемых в нормативном порядке [1, с. 70]. Таким образом, автор выделил такие особенности права социального обеспечения, как, особый субъект и материальный характер отношений в области социального обеспечения.

С учетом выше приведенного анализа представляется, что под принципами права социального обеспечения следует понимать законодательно закрепленные руководящие начала, выражающие деятельность государства

в вопросах социального обеспечения в отношении социально уязвимых слоев населения.

Среди отраслевых принципов социального обеспечения принцип всеобщности является основным, устанавливающим само право на социальное обеспечение. Хотя, в последнее десятилетие этот принцип утрачивает свою былую значимость, на первые позиции входит принцип адресности социального обеспечения. Большинство мер социальной поддержки, сегодня, становится доступно конкретному нуждающемуся в социальном обеспечении. Если проанализировать социальную политику в период пандемии «Covid 19», то становится очевидным, что меры социальной поддержки оказываются конкретному субъекту, который признан нуждающимся. Что же касается принципа всеобщности социального обеспечения, то несмотря на то, что он утрачивает лидирующие позиции, все же остается достаточно актуальным и проблемным в реализации.

Принцип всеобщности социального обеспечения устанавливает гарантийные обязательства в предоставлении социального обеспечения всем лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, которая признана государством, как социально значимая.

В научной сфере бытует мнение о полной реализации принципа всеобщности в пенсионных правоотношениях. Хотелось бы оспорить данное утверждение. Сложилась внушительная судебная практика по вопросам подсчета и доказательства медицинского стажа, определяющего право выхода на пенсию досрочно, независимо от возраста. Рассматриваемая сфера отношений регулируется большим количеством нормативных правовых актов, действующих в сфере право социального обеспечения и трудового права.

Рассматривая вопрос медицинского стажа, необходимо ответить на вопрос, почему в страховой стаж засчитывается деятельность по оказанию лечебной помощи?

Деятельность в особых условиях труда, с повышенными психоэмоциональными нагрузками, с риском для своей жизни и жизни и здоровья окружающих, является особой деятельностью, которая учитывается в специальной части трудового стажа, порождающей право на льготное установление мер социальной поддержки. Деятельность по оказанию лечебной помощи отвечает названным условиям. Таким образом, специальный страховой стаж включает в себя деятельность по оказанию лечебной (медицинской) помощи. Виды деятельности, наименование должности установлены Постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со

статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Данное постановление, кроме лечебной деятельности устанавливает дополнительно термин «иной», при этом понимание иной деятельности не регламентируется. В правоприменительной практике пенсионный фонд России вообще игнорирует понятие «иной» засчитывает в специальный стаж только лечебную деятельность. Так, например, врач, осуществляющий лечебно-методическую деятельность, не имеет возможности выхода на пенсию досрочно.

Следующим условием, позволяющим включить в специальный страховой стаж по оказанию лечебной деятельности, является наименование организации, где осуществлялась такая деятельность. Практика показывает наличие серьезных проблем и в этом вопросе. Так, название организации зачастую не отражено в основном Постановлении, приходится использовать акты о тождественности наименования организаций, и таких актов большое количество.

Еще одной проблемой реализации отраслевого принципа всеобщности в пенсионном обеспечении медицинских работников является отсутствие специального страхового стажа у персонала, работающего в частных медицинских центрах. Возникают вопросы, почему, за что устанавливается льгота в пенсионном обеспечении, за риск, за интенсивность, за сложность? Врач, осуществляющий лечебную деятельность в рамках основного места работы, на условиях полного рабочего времени, выполняя необходимый норматив в часах, но работающий в частной клинике не имеет права выхода на пенсию независимо от возраста, так как основное Постановление не содержит частные лечебные центры в качестве организаций, где осуществляется лечебная деятельность.

Кроме того, достаточно спорным в правоприменительной практике в вопросах предоставления социального обеспечения, является принцип справедливости. Продолжая тему пенсионного обеспечения сотрудников лечебных учреждений, следует обратить внимание на повышающие коэффициенты за работу в условиях операционной, морга, скорой помощи. Казалось бы, на основании анализируемого выше Постановления врач, выполняющий операции, имеет права на повышающий коэффициент 1.5, но нет. Так, лечебная деятельность (в том числе и в условиях операционной) в клиниках и больницах высших медицинских образовательных учреждений засчитывается на общих основаниях. Возникает очередной вопрос, за что устанавливается повышающий коэффициент? Врач, оперирующий оказывает лечебную деятельность, несет риск за жизнь пациента, испытывает морально-психологическую нагрузку, выполняет деятельность в рамках, установленных нормативным правовым актом часов, но одновременно и обучающий студентов не имеет права на повышающий коэффициент, применяемый для подсчета специального страхового стажа.

Библиографический список

1. Галаганов В.П. Право социального обеспечения / В.П. Галаганов. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 416 с.
2. Марченко М.Н. Общая теория государства и права. Академический курс. Т.2. Теория права / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 620 с.
3. Право социального обеспечения России / под ред. К.Н. Гусова. – М.: Проспект, 2004. – 488с.
4. Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования / М.Ю. Федорова. – Омск.: Омский госуниверситет, 2003. – 382 с.
5. Шафикова Г.Х. Конституционные принципы регулирования труда в Российской Федерации / Г.Х. Шафикова, М.С. Сагандыков. – Челябинск: Книга, 2004. – 184 с.

**СЕКЦИЯ «ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ
ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ»**

УДК 343.13

*А.С. Александров, д.ю.н., профессор, профессор кафедры
уголовного процесса Нижегородской академии МВД России*

*И.А. Александрова, д.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород, Россия*

**Особенности уголовного судопроизводства
в отношении лиц, занимающихся предпринимательской
и иной экономической деятельностью**

«...нужно избавить людей от угрозы уголовного
преследования за экономические преступления».

Путин В.В. 5 марта 2022 г.

Изменения в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах, внесенные для защиты интересов предпринимателей, образовали уникальный межотраслевой правовой институт. Его соответствие статье 19 Конституции России сомнительна. Сомнения имеются и относительно его способности оказать положительное влияние на экономику в современных условиях.

Ключевые слова: предприниматели, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, экономика, межотраслевой институт.

В результате целенаправленно проводимой правовой политики в России было фактически создано особое уголовное судопроизводство в отношении лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью. Уголовно-процессуальное экономическое право – это, можно сказать, факт современной правовой реальности.

Многие коллеги выступают за то, чтобы нормативно закрепить данный факт в виде отдельной главы уголовно-процессуального кодекса [3, с. 170–174; 2, с. 20]. Это означало бы фактическое, а в перспективе почему бы и не официальное признание предпринимателей лицами, обладающими специальным правовым статусом. А далее речь может идти и о включении их в перечень лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования, который предусмотрен статьей 447 УПК РФ.

Мы против такого развития нашего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которое выводит его из ряда нормальных правовых систем, основанных на универсальном принципе равенства всех перед законом и судом.

Несмотря на то, что в УПК РФ этот принцип не закреплен, статья 19 Конституции распространяется и на сферу уголовно-процессуальных отношений. Формальное равенство перед законом – это основа правового регулирования в буржуазном демократическом правовом государстве. Тем оно и отличается от феодального или рабовладельческого.

Мы принципиально против любых привилегий для чиновников и других представителей элиты в такой деликатной правовой сфере как применение уголовно-правовых средств. Никогда ранее в российском законодательстве новейшего времени (то есть со времени Судебной реформы 1864 года) не было такого рода привилегий для богатого сословия: оно и так всегда имело и имеет больше возможностей для защиты своих интересов при соблюдении формального равенства, закрепленного в праве. Современный российский законодатель нарушил эту правовую преемственность, не прерывавшуюся даже в советский период (по крайней мере, формально).

Создание в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах системы изъятий из общего порядка привлечения к уголовной ответственности в интересах определенной социальной группы (бизнесменов), оправдывалось необходимостью создания благоприятных условий для развития бизнеса. Таким образом, отступление от принципа правового регулирования делалось из благих намерений. Но как известно благими намерениями дорога в ад вымощена: сословное общество, где законодательно закреплено неравенство разных групп населения.

Свою позицию по данному принципиальному вопросу мы неоднократно излагали в своих работах и публичных выступлениях [1]. Поэтому нет нужды повторяться. Мы стояли и будем стоять на той позиции, что создание особого порядка уголовного судопроизводства в отношении лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью, является ошибкой. Это неверное направление правового развития.

Теперь сказать надо о другом – о новом обстоятельстве, радикально изменившем весь политико-правовой ландшафт, в том числе и главным образом в сфере экономики.

После событий в Украине, начавшихся в феврале 2022 года, следует ожидать тяжелых последствий для российской экономики. Есть все основания полагать, что западный инвестор полностью уйдет из нее, будет закрыт доступ российских предпринимателей к новым технологиям, которые создаются на Западе. Уже сейчас обрушились все международные рейтинги России в виду большой вероятности дестабилизации в экономике и финансовом секторе из-за санкций. Так, Международное рейтинговое агентство Fitch

Ratings понизило долгосрочный рейтинг дефолта России в иностранной валюте до уровня В после ВВВ [4]. Аналогичное решение приняло Международное рейтинговое агентство Moody's [5]. Нам грозит выдавливание из глобальной экономики под воздействием коллективного Запада во главе с США, которые являются создателями и лидерами мировой экономической системы.

Получается, что усилия властей по созданию благоприятных условий для развития предпринимательства, в том числе и посредством изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, поставлены под угрозу.

Благоприятный инвестиционный климат, экосреда взаимодействия государства и бизнеса, прочие ценности, ради которых были принесены в жертву принципы равенства перед законом и судом, справедливости, и даже принцип приоритета прав и свобод каждого простого человека (а не только предпринимателя или чиновника), станут на ближайшие годы недостижимым.

А вот поправки, внесенные в УПК и УК, внесенные в интересах предпринимателей, останутся. И нет никакой политической силы, способной повернуть вспять уже пройденный путь, то есть отменить их. Более того, есть все основания полагать что прежний курс «либерализации уголовного законодательства» продолжится.

Так, 5 марта 2022 года президент России В.В. Путин заявил, что «в тех условиях, в которых мы сейчас находимся, выходом может быть только одно – максимальная экономическая свобода для людей, которые занимаются бизнесом» [6]. Эта свобода заключается в либерализации уголовного законодательства, в «избавлении людей от угрозы уголовного преследования за экономические преступления» [6].

Такой принципиальный ответ властей на создающуюся тяжелую ситуацию в сфере экономики. Возможны ли дальнейшие шаги по дифференциации существующей – следственной уголовно-процессуальной формы в данном направлении? Полагаем, что возможны. Хотя в последнее время тема о защите предпринимателей от неправомерного уголовного преследования вроде бы сошла на нет. Признаком этого является то, что совсем ушел в тень бывший властитель дум в этой области – омбудсмен по правам предпринимателей Б. Титов. Но ничего другого кроме совершенствования существующего правового механизма в политико-правовой повестке нет.

Есть повод предположить, судя по риторике официальных лиц, что тему о защите предпринимателей от неправомерного давления сотрудников органов внутренних дел и других правоохранителей будут сочетать с темами о социальной ответственности бизнеса, консолидации народа перед внешней угрозой. Возможно, что в новом социально-экономическом контексте акцент сделают на защите интересов отечественного бизнеса, мелкого или среднего, причем с оговорками о его единстве со всем народом.

В настоящее же время идет экстренная разработка законодательных мер, призванных поддержать бизнес и население в очередной кризисной ситуации.

Показательно то, что опять решается вопрос об особом порядке возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях: только по материалам, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах. В этой связи в Федеральном законодательном собрании экстренно обсудили Проект № 80928–8 Федерального закона РФ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (об уточнении порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации) и приняли Федеральный закон РФ от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Это мы уже проходили несколько лет назад. Как известно опыт был негативным: отмена части первой.1 статьи 140 УПК, предусматривавшей особый повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Теперь снова делается аналогичная попытка под предлогом того, что ФНС стала эффективнее работать, используя цифровые технологии.

Опять взялись за многострадальную статью 76.1 УК РФ. Законопроектом № 80714-8 «О внесении изменения в статью 76-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» предлагается продление срока действия нормы по освобождению от уголовной ответственности по делам о преступлениях экономической направленности. Забыли, правда, о статье 28.1 УПК РФ. Но, очевидно, и ее поправят в скором будущем – уже в шестой раз, отработывая механизм легального откупа от уголовной ответственности.

В общем несмотря на то, что прежде принимаемые меры результатов особых не принесли, ничего нового в связи с радикально изменившейся ситуацией в арсенале законодателя нет.

Мало, кто осмеливается поставить вопрос о создании действительно действенных гарантий свобод и прав человека и предпринимателя в виде независимого суда, состязательного судопроизводства и прочих институтов правового государства. Мы остаемся среди таковых (сторонников демократии и свободы), так как заслужили иметь право на свое мнение, последовательно отстаиваемое независимо от влияний политической конъюнктуры на протяжении нашей профессиональной карьеры.

Возможно, власти решили навсегда отказаться от каких-либо серьезных перемен в правовой системе противодействия преступности, в том числе экономической. Между тем, как с нашей точки зрения, только доведение до логического конца судебной реформы, что означает ликвидацию следственной формы досудебного производства и переход к обвинительной

уголовно-процессуальной системе, станет предпосылкой для создания правовой основы защиты от экономической преступности, как бизнеса и государства, так и населения.

Библиографический список

1. Александров А.С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики: монография / А.С. Александров, И.А. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 608 с.

2. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Попова. – Волгоград, 2019. – 278 с.

3. Сычев П.Г. Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 170–174.

4. Fitch понизило долгосрочный рейтинг России до В с ВВВ // [Электронный ресурс] [https:// www.kommersant.ru/doc/5239644](https://www.kommersant.ru/doc/5239644) (дата обращения: 03.03.2022).

5. Moody's понизило рейтинги России до «В3» с «Ваа3» // [Электронный ресурс] [https:// tass. ru/ ekonomika/ 13943093? utm_ source = google. com&utm_ medium =organic&utm _campaign =google. com&utm _referrer = google.com](https://tass.ru/ekonomika/13943093?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com) (дата обращения: 03.03.2022).

6. Встреча с представительницами лётного состава российских авиакомпаний // [Электронный ресурс] [http:// kremlin. ru/ events / president/ news/ 67913](http://kremlin.ru/events/president/news/67913) (дата обращения: 05.03.2022).

УДК 343.10

*М.Т. Аширбекова, д.ю.н, профессор, профессор
кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики ВИУ РАНХ и ГС
г. Волгоград, Россия*

О предпосылках обособления регламентации досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям

В статье отмечается экономическая значимость оптимизации порядка производства по уголовным делам по «предпринимательским» преступлениям, поскольку в ходе такого производства не исключается возникновение рисков для нормальной хозяйственно-экономической деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: специальные субъекты, индивидуальный предприниматель, член органа управления коммерческой организации, уголовное преследование, риск.

К 20-летию принятия УПК РФ стало очевидным, что реформа уголовного судопроизводства все еще продолжается, а одним из ее направлений предстает модификация норм УПК РФ в целях воплощения уголовной политики по либерализации порядка уголовного преследования лиц, считающихся (в большей мере в процессуальном смысле) специальными субъектами так называемых «предпринимательских» преступлений. Примером очередной модификации норм УПК РФ в указанном направлении может служить внесенный в начале марта 2022 г. в Государственную Думу РФ законопроект «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в части определения повода для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям в виде материалов, поступающих в органы предварительного расследования из налоговых органов в соответствии с законодательством о налогах и сборах. Иначе говоря, инициатива по преследованию предпринимателей за преступления, предусмотренные ст. ст. 198-199.2 УК РФ, должна исходить от налогового органа. Цель введения этого повода понятна: исключить факты необоснованного возбуждения уголовного дела органами предварительного расследования и тем самым снизить их давление на бизнес. Надо отметить, что такой повод уже предусматривался в ч. 1.1 ст.140 УПК РФ, но был упразднен Федеральным законом РФ от 22.10.2014 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Так или иначе, предлагаемая новелла свидетельствует о стойком внимании законодателя к вопросам регулирования производства по «предпринимательским» преступлениям. Конечно, уголовно-процессуальный закон не оперирует понятием «предпринимательские» преступления, да и не все лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование за такие преступления – предприниматели, как владельцы того или иного бизнеса. Стоит отметить, что круг таких субъектов был вначале определен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», а затем последовательно отражен нормами ч. 3 ст. 20, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ с указанием, во-первых, что к ним относятся индивидуальный предприниматель, член органа управления коммерческой организации, а во-вторых, что предусмотренные в приведенных нормах преференции для таких лиц (соответственно, частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела и запрет избрания заключения под стражу) действуют в случае, если вменены им преступления совер-

шены в связи с реализацией ими своих хозяйственно-экономических функций в процессе предпринимательской или иной экономической деятельности. Надо заметить, что приведенный круг субъектов получил конкретизацию и в уголовном законе, в частности, в примечании № 1 к ст. 210 УК РФ в редакции Федерального закона РФ от 01.04.2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», где как специальные субъекты указаны учредители, участники, руководители, члены органов управления и работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководители, работники ее структурного подразделения. Преференции же для перечисленных субъектов заключаются в том, что они не могут подвергаться уголовному преследованию за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) «только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений». Иначе говоря, в уголовном законе законодатель предупреждает правоприменителей, обращая внимание на отмеченное обстоятельство. Данное предупреждение появилось в 2020 году, то есть после закрепления в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ запрета на избрание заключения под стражу как меры пресечения к преследуемым представителям бизнес-сообщества. До этого момента на практике деяния, предусмотренные ст. 210 УК РФ, вменялись названным представителям бизнес-сообщества для преодоления запрета на применение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, поскольку в последней не содержалось отсылки на ст. 210 УК РФ в силу своеобразия диспозиции названной статьи уголовного закона.

Наряду с отмеченными нормативными положениями можно утверждать, что в УПК РФ накопилось достаточное количество норм, корректирующих порядок досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям. При этом законодатель выделяет отдельные из этих преступлений, например, для очередного предупреждения правоприменителей в плане того, что не должно пониматься как повод к возбуждению уголовного дела (ч. 3 ст. 140 УПК РФ), для уточнения оснований и порядка прекращения уголовного преследования (ст. 28.1 УПК РФ), причем с вовлечением нового процессуального субъекта – Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей для случаев, указанных в ч. 3.1 и ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ, для недопущения препятствий в пред-

принимательской деятельности из-за изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий (ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ) и др.

Что подвигло законодателя к выделению этих преференций (целой системы уголовно-процессуальных гарантий) в интересах субъектов, представляющих бизнес-сообщество? Видимо понимание значимости развития экономики в стране и потребности обережения представителей бизнес-сообщества от не всегда уместных мер процессуального принуждения, способных негативно отразиться на их хозяйственно-экономической деятельности. Но надо отметить, что представители бизнес-сообщества сами «забили тревогу», привлекая внимание к сложившейся практике уголовного преследования предпринимателей, в результате которой часто происходило крушение предприятий со всеми вытекающими от этого последствиями для социально-экономического состояния в стране. О ситуациях подобного рода Уполномоченный по правам предпринимателей ежегодно докладывает Президенту РФ. Например, в 2021 году отмечалось, что «угроза уголовного преследования нередко используется для решения споров, возникающих в рамках исполнения государственных и муниципальных контрактов, а также связанных с ненадлежащим исполнением кредитных обязательств», допускается «привлечение к ответственности предпринимателей, добросовестно полагающих свои действия правомерными» в ситуациях, для оценки которых правовые основания недостаточно конкретизированы в законе либо неоднозначны и др. Словом, доминирует мнение о том, что «бизнес не считает себя защищенным от необоснованного преследования» [2].

Изложенное свидетельствует о том, что «ведение предпринимательской деятельности неизбежно означает попадание в группу риска быть безосновательно привлеченным к уголовной ответственности и утратить свою собственность и личную свободу...» [1, с. 11–12]. Иными словами, помимо предпринимательского риска, понятного для этой деятельности, деловые люди, создающие предприятия и рабочие места, пополняющие государственный бюджет налоговыми поступлениями, обременены также риском незаконного и необоснованного уголовного преследования; если же последнее предстает вполне законным и обоснованным, то названные субъекты подвергаются риску неоправданных мер процессуального принуждения, в том числе заключению под стражу, аресту корпоративного имущества, изъятию документации, словом, мерам, способным привести к приостановлению или прекращению их хозяйственно-экономической деятельности. Полагаем, что исключение таких рисков лежит в публично-правовой, а не в частно-правовой сфере, хотя речь идет о негосударственных хозяйствующих субъектах. Это объясняется необходимостью нормализации экономического развития и инвестиционного климата страны посредством определения правил уголовного преследования субъектов «предпринимательских»

преступлений, исключаящих неоправданное ограничение предпринимательских свобод.

Так или иначе, предпосылки для введения особого режима досудебного производства по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности в связи с вменением им преступлений, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, есть. Они заключаются в признании значимости предпринимательских свобод, необходимости снижения их хозяйственно-экономических рисков, связанных с уголовным преследованием, и с учетом этого в потребности нормализации экономического климата в стране.

Но нужно ли при таких предпосылках обособление в УПК РФ (в виде отдельной главы) регламентации досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям? Полагаем, что да. Как известно, критериями дифференциации уголовно-процессуального производства, уже воспринятыми законодателем, является, во-первых, особенности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, что выразилось в выделении глав 50, 51, 52 УПК РФ, а во-вторых, отдельные составы преступления, учитываемые для обособления в УПК РФ порядка производства по уголовным делам, например, для частного обвинения. Обособление же регламентации досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям возможно одновременно по двум названным критериям, поскольку законодатель пошел по пути выделения круга субъектов по признаку их включенности в предпринимательскую деятельность, а также круга преступлений, условно называемых «предпринимательскими», часть из которых прямо указывается в тех или иных нормах уголовно-процессуального закона (в ч. 3 ст. 20, ст. 28.1, ст. 81.1, в ч. 1.1 ст. 108, ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ). Во всяком случае, обособление регламентации досудебного производства по «предпринимательским» преступлениям будет свидетельствовать об определенной специализации и, соответственно, об особом внимании к этой категории уголовных дел, но не столько из-за личных интересов специальных субъектов, сколько в силу значимости экономических последствий их незаконного и необоснованного уголовного преследования за хозяйственно-экономические преступления.

Библиографический список

1. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.
2. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Доклад Президенту РФ-2021. Приложение к докладу Президенту РФ: Уголовное преследование предпринимателей // [Электронный ресурс] http://doklad.Ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html (дата обращения: 16.02.2022).

*Н.Е. Борохова, к.ю.н., доцент, доцент
кафедры уголовного процесса, криминалистики
и судебной экспертизы ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Некоторые вопросы защиты прав предпринимателей в уголовном процессе

В статье сделано обобщение проблемных вопросов защиты прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве. Автор предлагает механизм реализации изменений в УПК РФ, предусматривающий участие представителей бизнес-сообщества при рассмотрении судами уголовных дел экономической направленности.

Ключевые слова: уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, меры пресечения, залог, суд присяжных

Проблемы российского бизнеса на основе анализа правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства ежегодно представляются Президенту РФ в докладе уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. В 2021 году, если судить по докладу Бориса Титова, основных проблем, с которыми столкнулись российские бизнесмены, было несколько.

Одной из наиболее значимых названо неправомерное возбуждение уголовных дел в тех случаях, когда уголовное преследование становится средством разрешения конфликтной ситуации с конкурентами по бизнесу или же представителями правоохранительных или иных органов власти. Грань между гражданско-правовыми и уголовно-правовыми отношениями становится столь непрочной, что обычный хозяйственный спор становится во многих случаях фактурой для уголовного преследования.

В сфере досудебного производства определенную настороженность вызывает почти повсеместное преодоление правоохранительными органами запрета на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении предпринимателей, подозреваемых в совершении экономических преступлений (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). Как правило, неопределенность в вопросе отнесения той или иной деятельности к разряду предпринимательской создает возможность избирательного правоприменения. При этом иные меры пресечения, тот же залог, который мог бы стать действенной альтернативой, как заключению под стражу, так и домашнему аресту, применяются редко.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Титов Б. обращает внимание на невозможность осуществления полноценной защиты указанной категории лиц. Предлагается в УПК закрепить

права омбудсменов, сделав их равными правам защитника в уголовном процессе.

Преодолеть необъективность и обвинительный уклон суда предлагается, в том числе, посредством закрепления в УПК возможности ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей подсудимыми, обвиняемыми в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3, 4, 6, 7 ст. 159 УК РФ, ч. 3-4 ст. 159.1-159.6, ч. 3-4 ст. 160 и ч. 2 ст. 201 УК РФ, если эти деяния совершены категориями лиц, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а также иных предусмотренных данной нормой составов преступлений, отнесенных к категории тяжких.

В докладе Титова Б. не содержится предложений по реализации подобного нововведения, но, думается, можно предложить два варианта.

Первый вариант должен предполагать возможность формирования коллегии присяжных из лиц, обладающих специальными познаниями в сфере предпринимательства: представителями бизнеса, юристами, экономистами и пр. Известно, что УПК и действующий Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» вообще не содержит каких-либо требований к образовательному уровню присяжных. В этом смысле, вряд ли большинство из тех, кто является «судьями факта», смогут в полной мере разобраться в специфике экономических вопросов и разрешить дело по существу не интуитивно, а осознанно. Вне всяких сомнений, предпринимательская деятельность и обычаи делового оборота выходят за пределы жизненного опыта присяжных: категорий добра и зла, житейской справедливости, которыми они обычно руководствуются при вынесении вердикта. В этом смысле, предлагаемый вариант проблематичен в реальном применении, поскольку существующая в практике судов проблема - сформировать в разумные сроки коллегию присяжных, станет еще более трудно разрешимой.

Второй возможный вариант – это создание принципиально нового для уголовного процесса правового института, который возможно было бы заимствовать из арбитражного производства. Там, как известно, существует возможность рассмотрения дела судом с участием арбитражных заседателей, которые наделены полномочиями по разрешению не только вопросов факта, но и права. Компетентность их в решении правовых вопросов объясняется требованиями, которые предполагают у заседателей наличие специального образования: экономического, юридического, финансового. Думается, что подобный вариант был бы вполне реализуемым в уголовном процессе, и мог бы удовлетворить запросы представителей бизнес-сообщества. Конечно, в этом случае речь уже не идет о суде присяжных, поскольку данная форма производства представляет собой расширенную, за счет представителей общественности, коллегию суда.

Предлагаемые изменения законодательно осуществимы, но все-таки не могут не вызвать вполне обоснованной критики. Разумеется, создание благоприятных условий для ведения бизнеса в России – это несомненное благо, стимулирующее экономическое развитие страны. Однако можно согласиться с мнением А.С. Александрова о порочности самой идеи отгородить предпринимателей от «плохого» уголовного закона и уголовного процесса, «плохих» правоохранителей, а необходимости совершенствовать право для всех людей, а «не создавать привилегированный слой и частное уголовное право» [1, с. 24; 2, с. 32; 3, с. 10]. Думается, что защита личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, представляющая собой назначение уголовного судопроизводства, является общеправовым принципом справедливости и должна быть гарантирована любому, вне зависимости от рода занятий. Чрезмерное усердие в создании привилегий представителям бизнеса вызовет упрек в культивировании неравенства правовых возможностей для разных категорий лиц.

Проблемные вопросы, обозначенные в докладе Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, являются актуальными и для представителей других профессий: врачей, учителей, представителей технических специальностей и прочих. Таким образом, верховенство закона и независимость суда являются главными гарантиями защиты прав личности, при наличии которых, создавать искусственные привилегии, необходимости не будет.

Библиографический список

1. Александров А.С. Пишем отдельный УК для предпринимателей? // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 4. – С. 22–30.
2. Головкин Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. – 2015. – № 8. – С. 32.
3. Сухаренко А. Зачем корове пастух? // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 31. – С. 10.

УДК 343.13

*Н.Ю. Волосова, д.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой уголовного права ОГУ
г. Оренбург, Россия*

Представитель юридического лица в уголовном процессе: проблемные вопросы участия

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы участия представителя потерпевшего юридического лица в уголовном судопроизводстве.

Высказана необходимость более четкого регулирования его участия в процессе производства по уголовному делу, пересмотра перечня лиц, которые могут быть представителями юридического лица.

Ключевые слова: банкротство, уголовное судопроизводство, представитель потерпевшего, юридическое лицо

Участие юридического лица потерпевшего в уголовном судопроизводстве обеспечивается посредством участия представителя.

Представительство играет существенную роль и имеет большое значение в защите прав и законных интересов любого участника уголовного судопроизводства, в том числе и юридического лица потерпевшего от преступления. С.В. Юношев справедливо отмечал в своем исследовании, что «значение представительства заключается в том, что оно объективно способствует осуществлению общих задач уголовного судопроизводства» [4, с. 66]. Оно также является важной гарантией обеспечения законных интересов юридического лица потерпевшего в уголовном процессе.

В соответствии со ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) представлять его интересы.

Данные положения законодательства позволяют констатировать: интересы потерпевшего юридического лица могут представлять только адвокаты, а если юридическое лицо признано гражданским истцом, то это могут сделать и иные лица. Круг иных лиц законодатель предлагает определять в соответствии с предписаниями ГК РФ.

Однако возникающие правоотношения юридического лица столь разнообразны, что они могут регулироваться не только гражданским законодательством, но и иными законодательными актами. В частности, законодательством о несостоятельности.

Как быть если юридическое лицо, являющееся потерпевшим, находится в стадии банкротства. Банкротство является сложной правовой процедурой, основанной на передаче полномочий по управлению организацией, ее активами арбитражному или конкурсному управляющему. Именно он в правоотношениях с государственными, надзорными и иными органами и организациями, физическими и юридическими лицами представляет интересы организации-банкрота.

Положения действующего законодательства весьма двусмысленны, т. к. порождают юридическую неопределенность в статусе лиц представителей юридического лица в уголовном судопроизводстве. Такая неопределенность порождена предписаниями законодателя, который ограничивает возможность в представлении интересов юридического лица потерпевшего исключительно адвокатами.

Как неоднократно отмечали в своих решениях арбитражные суды РФ арбитражные управляющие должны доказать необходимость привлечения тех или иных специалистов, включая адвокатов и юристов, к осуществлению определенных видов деятельности в процессе процедуры банкротства. В частности, в одном из решений арбитражного суда было указано, что конкурсный управляющий не представил доказательств необходимости и целесообразности привлечения им специалистов на указанный им период (с 10 марта по 31 декабря 2017 года) и не доказал соразмерность стоимости их услуг объему запланированных на этот период мероприятий [3]. Такое решение судов обосновывается тем, что необходимо будет нести определенные финансовые расходы из средств юридического лица, находящегося в стадии банкротства, и ложащегося определенным бременем как на само лицо, так и на его кредиторов.

Вполне правомерный вопрос: кто же тогда может представлять интересы юридического лица, находящегося в стадии банкротства в уголовном судопроизводстве? – остается без ответа. Исходя из предписаний действующего законодательства при их буквальном толковании – никто. Юридическое лицо даже не сможет представить гражданский иск и заявить ходатайство для того, чтобы его признали гражданским истцом и оно получило возможность участвовать в уголовном судопроизводстве через представителя в соответствии с положениями ГК РФ.

Еще в 2018 г. этот вопрос в своем исследовании поднимала Баловнева В.И. Ею было справедливо отмечено, что от этого (от участия представителя) во многом зависит не только возможность, но и эффективность обеспечения защиты прав и интересов юридического лица в уголовном судопроизводстве; полноценное участие его в уголовно-процессуальных отношениях; реализация права заявлять ходатайства; участвовать в процессе доказывания; предъявлять гражданский иск; поддерживать заявленные требования и т.п. [1, с. 14].

Юридическое лицо на вряд ли сможет эффективно защищать свои интересы, если законодатель ограничил его в выборе лиц, представляющих его интересы.

Понимая эту проблему на практике следователи и дознаватели расширяют применения положений действующего законодательства, допуская к участию в уголовном судопроизводстве и иных лиц, что расходится с буквой закона, но соответствует его духу – всесторонней защите прав участников уголовного судопроизводства, и это в настоящий момент обеспечивает эффективность такого подхода правоприменителя. Представленный подход входит в единый механизм обеспечивающий эффективную уголовно-процессуальную деятельность, как единую систему процессуальных средств и способов их применения, которые в совокупности обеспечивают эффективную деятельность участников уголовного судопроизводства либо устраняют препятствия ее достижения [2, с. 68].

Но здесь возникает и другая проблема. Даже если предположить, что в соответствии с ГК РФ представителями могут быть в том числе и руководители юридического лица, в процессе процедуры банкротства руководитель юридического лица отсутствует. Статус арбитражного управляющего не соответствует статусу такого руководителя и его участие в правоотношениях гражданским законодательством регулируется только отчасти. Основным законом, который определяет и регулирует возникающие отношения в процессе процедуры банкротства и определяет статус арбитражного управляющего, является Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности(банкротстве)» и вынесенное на основании этого закона решение о назначении арбитражного управляющего. Однако ни уголовно-процессуальное законодательство, ни законодательство о банкротстве не устанавливают возможность участия арбитражного управляющего в уголовно-процессуальных отношениях.

Нечеткое законодательное регулирование участия представителя потерпевшего юридического лица в уголовном судопроизводстве не просто создает препятствия (хотя и устранимые) в его участии в уголовном судопроизводстве, но и отчасти мешает решению задач, стоящих перед ним в уголовном процессе.

Для устранения данных недостатков законодательного регулирования было бы целесообразным изменить редакцию ч. 1 ст. 45 УПК РФ:

«Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями потерпевшего и гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации или иным законодательством Российской Федерации представлять его интересы».

Библиографический список

1. Баловнева В.И. О представителе юридического лица в уголовном процессе / В.И. Баловнева // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова; отв. секретарь И.В. Чаднова. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2018. – Ч. 75. – С. 13–21.

2. Даровских О.И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: монография / О.И. Даровских. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 240 с.

3. Постановление от 28 марта 2018 г. по делу № А26-6533/2014 Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // [Электронный ресурс] <https://sudact.ru/arbitral/doc/EIUWPsVRCvNW/> (дата обращения: 27.02.2022).

4. Юношев С.В. Адвокат – представитель потерпевшего в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Юношев. – Самара, 2000. – 220 с.

*Ю.В. Дражевская, преподаватель кафедры уголовного
процесса СГЮА
г. Саратов, Россия*

Некоторые особенности участия представителя юридического лица при производстве осмотра места происшествия

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы участия представителя юридического лица при производстве осмотра места происшествия на его территории. При этом автором определяется круг лиц, могущих выступать в данном качестве, а также предлагается процедура обеспечения участия представителя юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, представитель юридического лица, осмотр места происшествия, следственное действие, адвокат, руководитель юридического лица.

Активное развитие рыночных отношений, увеличение числа юридических лиц способствовало их вовлечению в различные правоотношения, в том числе в уголовно-процессуальные. Так, по состоянию на 1 февраля 2022 года зарегистрировано 133 387 312 юридических лиц, что на 4,4 % больше, чем количество юридических лиц, зарегистрированных в 2021 году [1]. При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет юридическим лицам не только занимать процессуальное положение отдельных участников уголовного процесса: потерпевший, гражданских истец, гражданский ответчик, но и вовлекаться в уголовный процесс в иных формах: залогодатель, субъект возмещения вреда и т.д. Одной из иных форм вовлечения юридического лица в уголовное судопроизводство является проведение следственных действий на его территории. Учитывая наличие существенных особенностей участия юридических лиц при проведении различных следственных действий, мы остановимся на исследовании особенностей участия юридического лица при производстве осмотра места происшествия, как основного следственного действия, производимого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Так, исходя из положений ч. 6 ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), осмотр помещения организации производится в присутствии представителя администрации соответствующей организации, а в случае невозможности обеспечить его участие в осмотре, об этом делается запись в протоколе. При этом законодатель четко не регламентирует, кого именно можно понимать под представителем администрации соответствующей организации, а также не закрепляет порядок обеспечения его участия в осмотре места происшествия. Представляется,

это может привести к нарушению прав и законных интересов юридического лица, поскольку осмотр места происшествия, как и любое другое следственное действие, производимое на территории юридического лица, может существенно дестабилизировать его деятельность.

Для того, чтобы попытаться разрешить вышеуказанные проблемы, мы остановимся на используемой в ст. 177 УПК РФ формулировке «представитель администрации организации». Указанное словосочетание не встречается в иных законах, в том числе, регламентирующих отдельные виды юридических лиц. При этом, администрация переводится с латинского «*administratio*», как управление, руководство. Поскольку представитель защищает не интересы администрации юридического лица, под которой подразумевается ее руководство, а интересы самого юридического лица, то есть является не представителем администрации юридического лица, а представителем юридического лица, использование в УПК РФ формулировки «представитель администрации организации» выглядит не вполне удачным. Вместо него, полагаем необходимым использовать понятие «представитель юридического лица». При этом, представителем юридического лица при проведении следственных действий в его помещении, полагаем, могут быть те же лица, что и при защите его интересов в качестве участников уголовного судопроизводства: руководитель юридического лица, уполномоченный на представительство учредительными документами, члены коллегиального органа юридического лица, уполномоченные на представительство коллегиальным органом юридического лица в форме протокола или постановления, адвокат при предъявлении ордера адвоката и удостоверения, иные лица по доверенности [2, с. 200–206]. То есть после проверки наличия полномочия на представление интересов юридического лица, представляется, указанные лица должны быть допущены к участию при производстве осмотра места происшествия.

Далее, исходя из положений ст. 177 УПК РФ должностные лица, производящие осмотр места происшествия на территории юридического лица, могут не привлекать представителя юридического лица лишь в ситуациях, когда его участие невозможно обеспечить. Тем не менее саму процедуру привлечения представителя юридического лица для участия в данном следственном действии законодатель не закрепляет. В этой связи складывается неоднозначная ситуация. С одной стороны, лишь участвуя при проведении следственного действия, представитель юридического лица может защитить его права и законные интересы: давать пояснения, делать заявления в ходе его проведения, подавать замечания на протокол следственного действия в случае несогласия с ним. С другой стороны, учитывая срочный характер производства осмотра места происшествия, предполагающего изъятие предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела, было бы не вполне обоснованно устанавливать обязательное участие представителя

юридического лица. Такой порядок мог бы создать возможность для злоупотреблений со стороны руководства юридического лица, которое, используя отсутствие представителя и невозможность осуществления следственных действий без его участия, могло бы принять меры к уничтожению или сокрытию предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

В этой ситуации, видится необходимым учитывать специфику юридического лица. Поскольку юридическое лицо может функционировать лишь благодаря действиям конкретных физических лиц, по месту нахождения организации присутствуют его работники. На практике нередко к участию в осмотре места происшествия по месту нахождения юридического лица привлекают его работников, которые не полномочны представлять интересы юридического лица в уголовном процессе [3]. Обусловлено это тем, что функция представителя юридического лица и работника юридического лица, привлеченного к участию в следственном действии, отличается. Так некоторые ученые, исследовавшие вопросы представительства юридического лица, пишут о том, что деятельность адвоката по защите прав лиц, в помещении которых проводится обыск – защита их прав и законных интересов во исполнение принятой на себя обязанности по реализации в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке прав в целях недопустимости незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод лица, в помещении которого производится обыск [4, с. 14–15]. Представляется, данная позиция применима для всех лиц, могущих выступать в качестве представителей юридических лиц, в том числе, при производстве осмотра места происшествия на его территории. То есть, функция представителя юридического лица при производстве на его территории осмотра места происшествия, заключается в защите его прав и законных интересов. При этом в отличие от представителя юридического лица, работник организации не обладает полномочиями по представлению юридического лица в уголовном процессе и не наделен обязанностью по защите его прав и законных интересов. Его функция при производстве следственного действия ограничивается восприятием хода его проведения. Однако выполнение данной функции имеет, на наш взгляд, существенное значение, поскольку позволит сдерживать должностных лиц от нарушений закона. При этом, участвуя в ходе проведения следственного действия он сможет подавать замечания, заявления на протокол в случае его несоответствия, что в последующем позволит защитить права и законные интересы юридического лица при обжаловании действий должностных лиц представителем юридического лица. В связи с изложенным, полагаем, что к участию в проведении осмотра места происшествия по месту нахождения юридического лица должен привлекаться его работник, если он присутствует на месте на момент прибытия должностных лиц, а представитель юридического лица отсутствует. Однако в этой ситуации сложным также является вопрос обеспечения возможности

явки представителя юридического лица на место производства осмотра места происшествия. Возможно, было бы правильно обеспечить присутствующим на месте работникам юридического лица возможность известить руководство, учредителей юридического лица о производстве следственного действия, чтобы те в свою очередь обеспечили участие представителя юридического лица. Однако на практике имеют место случаи, когда при производстве осмотра места происшествия в помещении юридического лица, его работникам запрещали пользоваться средствами связи [5]. В некоторых ситуациях такой подход может быть оправдан, например, когда параллельно с проведением осмотра места происшествия в помещении юридического лица планируется проведение следственных действий по месту жительства руководителя, учредителя или иных лиц, имеющих отношение к юридическому лицу. В этом случае, оповещение руководства, учредителей юридического лица может способствовать сокрытию следов преступления, уничтожению доказательств. Аналогичная ситуация возможна и в случае, когда параллельно с осмотром места происшествия в помещении юридического лица, планируется задержание его руководителя, учредителей. Тем менее каждая ситуация индивидуальна и лицо, производящее следственное действие, полагаем, должно принимать меры к обеспечению явки представителя юридического лица настолько, насколько это возможно без ущерба для расследования уголовного дела.

В связи с этим полагаю, что при отсутствии по месту нахождения юридического лица его представителя на момент прибытия должностных лиц, намеренных провести осмотр места происшествия, присутствующим на месте работникам юридического лица должна быть обеспечена возможность оповестить руководителя, учредителей, участников юридического лица о необходимости обеспечения для участия в следственном действии представителя юридического лица, если это возможно без ущерба для расследования. Факт уведомления или не уведомления руководителя, учредителей, участников юридического лица о необходимости обеспечить представителя юридического лица, полагаем, необходимо отражать в протоколе следственного действия. Предложенный порядок, представляется, позволит защитить права и законные интересы юридических лиц при производстве осмотра места происшествия на его территории.

Библиографический список

1. Статистические данные о работе по государственной регистрации юридических лиц на 01.02.2022 // [Электронный ресурс] Официальный сайт Федеральной налоговой службы. https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11892431/ (дата обращения: 02.03.2022).

2. Комова Ю.В. Особенности допуска представителя юридического лица для участия в уголовном деле на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1. – С. 200–206.

3. Уголовное дело № 1-169/2015 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

4. Арабули Д.Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России: автореф. ... дис. докт. юрид. наук / Д.Т. Арабули. – Челябинск, 2010.

5. Уголовное дело № 1-243/2019 // Архив Волжского районного суда г. Саратова.

УДК 343.152.9

*Н.В. Драничникова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности ЧелГУ
г. Челябинск, Россия*

Экономическая целесообразность процессуальных издержек по уголовным делам о незаконном предпринимательстве

В статье исследованы формы проявления процессуальной экономии в регламентации процессуальных издержек и их экономической целесообразности по уголовным делам о незаконном предпринимательстве. Сделан вывод, что стоимостные характеристики напрямую связаны с оптимизацией затрат, что свидетельствует об эффективности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: процессуальные издержки, процессуальная экономия, рациональность, возмещение, взыскание.

Для необходимого выполнения возложенных государством функций на правоохранительные и судебные органы требуются финансовые средства. Учитывая это, государство должно обеспечивать надлежащий уровень защиты прав и свобод личности. Комплексный показатель, с помощью которого производится оценка возможности граждан защищать свои права в суде является доступность правосудия, которая связана со стоимостью уголовного процесса. Закон стоимости – один из экономических законов, действующих в уголовном процессе. Существование преступности обусловлено необходимостью возникновения социальных затрат, которые не могут быть рассчитаны подобно математической формуле, они основаны на издержках – последствиях преступления, среди которых выделяются средства федерального бюджета, пополняемые за счет налоговых отчислений, на оплату услуги, имеющую свою стоимость. Меры процессуальной экономии

способствуют уменьшению процессуальных издержек путем взыскания их с виновного.

Доступность правосудия зависит от расходов как процессуальных издержек участников уголовного судопроизводства. Суд в данном случае является органом, обеспечивающим порядок рассмотрения уголовного дела и принятие по нему решения. Это процесс длительный, который зависит от политики государства и экономических возможностей, связанных с безвозмездным оказанием услуг. Учитывая, что правила об издержках устанавливаются уголовно-процессуальными нормами, то основной целью правового регулирования является компенсация государству понесенных затрат, то есть полное возмещение необходимых и оправданных расходов. В отношениях, регулируемых уголовным процессом, применим экономический закон спроса и предложения» [5, с. 122]. Деятельность должностных лиц является оказанием государственных услуг. Услуги – это «виды деятельности, работ, в процессе выполнения которых создается специально заказанный индивидуальный материально-вещественный продукт или изменяется качество уже имеющегося, созданного продукта. Это адресно ориентированные блага, предоставляемые обычно не в виде вещей, а в форме деятельности» [6, с. 393]. Назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) соответствует указанному определению услуг.

Противоправные деяния в сфере экономики чаще связаны с развитием предпринимательства. Приходится прибегать к судебной экспертизе в расследовании незаконного предпринимательства. Заключение эксперта является одним из доказательств, подтверждающих или опровергающих вину лица в совершении преступления. Необходимы специальные знания в области бухгалтерии, кредитования, экономики, финансов, налогообложения, аналитики и других областей с целью получения профессиональной оценки степени соответствия объекта заданным характеристикам, полученным при расследовании дела. Учитывая специфическую сферу деятельности, эксперт должен владеть знаниями по подделке документов, признаки нелегального дохода, способы уклонения от налогов и обязательных сборов и др.

При назначении судебных экспертиз по делам о незаконном предпринимательстве должен заключаться договор с соответствующим экспертным учреждением на оплату проводимого исследования и выплату вознаграждения. В связи с этим возникают правоотношения между лицом, обращающимся к эксперту (Заказчиком исследования) и экспертом (Исполнителем исследования) «договором о проведении экспертного исследования» [3, с. 124]. С.Б. Россинский считает данную практику неверной, так как договорный характер правоотношений должен иметь быть там, где стороны обладают равными правами, например, при проведении частных исследований. В публично-правовых отношениях должно быть постановление (определение) о назначении экспертизы, которое и будет основанием оплаты [7, с. 75], то есть возмещение процессуальных издержек.

Законодательство определяет исчерпывающий перечень должностных лиц, наделенных правом выносить постановления о признании и выплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета. Ни участковые уполномоченные, ни оперуполномоченные УМВД России такими полномочиями не наделены. В связи с этим постановления о назначении экспертиз, вынесенных лицами, не уполномоченными расследовать уголовные дела, не могут служить основанием к возмещению процессуальных издержек, так как по сути они таковыми не являются, и соответственно вопросы об оплате заключений решать не могут. Однако в судебной практике можно выделить единичный случай, когда услуги по производству экспертных исследований выполнены на основании постановления о назначении экспертизы (экспертизы назначены на основании сообщения о преступлении, зарегистрированного в КУСП). Однако принимая результаты оказанных услуг, оплата не была произведена.

Учитывая то, что услуги по производству экспертных исследований были выполнены, а оплата не была произведена, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что расходы на проведение экспертиз на стадии проверки уполномоченным должностным лицом сообщения о совершении преступления являются процессуальными издержками в понимании, придаваемом УПК РФ [8].

Данный подход основывается на том, что только так можно компенсировать затраты на участие экспертов, специалистов в уголовном судопроизводстве. Данные затраты являются значительными и среди них выделяются следующие: 1) затраты на судебные экспертизы, проводившиеся по материалам доследственной проверки; 2) затраты на выплату вознаграждений и возмещение расходов экспертам, специалистам, выполняющим свои обязанности в уголовном процессе при принятии и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении и др.

Если отсутствуют основания, которые закреплены в п. 5 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», то такое заключение является недопустимым доказательством. Так, согласно Апелляционному определению от 22.06.2016 г. № 22-3137/2016 заключение судебно-бухгалтерской экспертизы было признано недопустимым доказательством в виду того, что ее проведение следователь поручил коммерческой организации, что «противоречит требованиям закона, а также разъяснениям высшей судебной инстанции» [4, с. 7]. Однако вывод о том, что данное решение противоречит требованиям закона, является несостоятельным: правоприменитель не нарушает требования ст. 195 УПК РФ, так как в ней порядок выбора судебно-экспертного учреждения или судебного эксперта не определен [2, с. 136].

Затраты на производство экспертизы в государственных учреждениях и на оплату труда экспертов, специалистов относятся к расходам государства и не могут быть взысканы с виновного, так как выплачивается заработная плата за содействие правосудию.

Тем не менее, учитывая, что данные расходы, понесенные в связи с проведением экспертизы и оплатой труда эксперта, являются следствием совершенного преступления, поэтому их целесообразно включить в состав процессуальных издержек. Аналогичного мнения придерживаются П.В. Гридюшко, Н.А. Суховенко [1, с. 40]. Признавая целесообразным возмещение указанным лицам расходов на выполнение экспертных исследований, подлежащих включению в процессуальные издержки, следую расширить перечень субъектов, что обеспечит большему вовлечению негосударственных судебных экспертов, специалистов в оборот на рынке соответствующих услуг.

На снижение стоимости уголовного судопроизводства оказывает влияние, например, сокращение процессуальных издержек, принятие мер по своевременному оправданию невиновных на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что способствует соблюдению принципа процессуальной экономии. Процессуальные издержки с лиц, совершивших преступления, по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке, не взыскиваются.

Может ли суд уменьшить заявленную сумму процессуальных издержек? Несмотря на то, что законодательно остается неурегулированным вопрос снижения судом процессуальных издержек до разумных пределов.

В действующем законодательстве имеются и иные пробелы, касающиеся процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, противоречивая и разнообразная практика имеется по обозначенным в статье проблемам. Распределение процессуальных издержек по уголовным делам о незаконном предпринимательстве требует дальнейшего научного осмысления, разработок в связи с особой значимостью на практике. В свою очередь стоимостные характеристики напрямую связаны с оптимизацией затрат на уголовное судопроизводство, что свидетельствует о востребованности малоизученного института процессуальных издержек, так как экономическое обоснование затрат связано с эффективностью уголовного судопроизводства. Существующая реальность диктует понимание экономических законов для наибольшей эффективности уголовного судопроизводства: с одной стороны, это уголовно-процессуальные услуги, оказываемые должностными лицами (дознатель, следователь, прокурор, судья) от имени государства, с другой – потребители этих услуг в лице граждан и юридических лиц (организаций, учреждений).

Библиографический список

1. Гридюшко П.В. Правовая регламентация возмещения расходов, вызванных выполнением экспертами, специалистами своих обязанностей в уголовном процессе, требует своего совершенствования / П.В. Гридюшко, Н.А. Суховенко // Юстыця Беларусі. – 2015. – № 9. – С. 38–42.
2. Гордиенко Н.А. О некоторых вопросах производства судебных экспертиз негосударственными судебно-экспертными учреждениями и негосударственными судебными экспертами / Н.А. Гордиенко // Проблемы юридической науки в исследованиях студентов магистров: сборник научных статей. – Ростов-н/Д., 2018. – С. 135–138.
3. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дис ... д-ра юрид. наук / О.Г. Дьяконова. – М., 2021. – 647 с.
4. Каштанова Н.С. О необходимости определения организационно-правовых форм негосударственных судебно-экспертных учреждений при назначении судебной экспертизы по уголовному делу: теоретико-практические аспекты / Н.С. Каштанова, А.Е. Кондратьев // Российский следователь. – 2017. – № 2. – С. 3–7.
5. Махтук С.О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2 (123). – С. 114–123.
6. Райзберг Б.А. Словарь современных экономических терминов, 4-е изд. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 480 с.
7. Россинский С.Б. Некоторые вопросы, возникающие в практике назначения судебных экспертиз по уголовным делам / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы криминалистики и судебных экспертиз по уголовным делам: материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2019. – С. 71–76.
8. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2019 № 20АП-4034/2019 по делу № 09-9193/2018. Документ опубликован не был // [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

*А.В. Ендольцева, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
г. Москва, Россия*

**Особое уголовное производство в отношении лиц,
занимающихся предпринимательской деятельностью:
необходима ли подобная дифференциация?**

В настоящей статье автор приводит примеры наличия особых производств в отношении отдельных категорий лиц и отношения к такому положению дел ученых. Особое внимание уделяется появлению нового дифференцированного производства – производства по уголовным делам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Автор статьи высказывает свое мнение о том, что следует говорить лишь об особенностях производства по таким уголовным делам.

Ключевые слова: предприниматель, предпринимательская деятельность, особые производства, дифференцированное производство.

Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 19 принципиальное положение, отражающее особенности демократического государства – все равны перед законом и судом. Положения нормативных правовых актов не могут противоречить этому установлению. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), закрепляя принцип равенства граждан перед законом, тем не менее, предусматривает особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, определяет особое отношение к лицам с психическим расстройством, совершившим общественно опасные деяния. Закреплены в УК РФ особенности назначения некоторых видов наказаний женщинам, мужчинам, достигшим пожилого возраста, инвалидам первой, а в некоторых случаях и второй группы и пр. Такой подход представляется оправданным, поскольку указанные категории лиц нуждаются в силу возраста и состояния здоровья в особом к ним отношении. Принцип равенства прав граждан нельзя рассматривать в отрыве от принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), который означает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) принципов, аналогичных вышеназванным, не закреплено. Это в большей мере связано с тем, что если принципы уголовного закона явля-

ются средством обеспечения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности и подлежащего наказанию за совершенное преступление, то принципы уголовного процесса есть правовое средство обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства, а также обеспечения осуществления правосудия.

В рамках сказанного полагаем вполне оправданным и справедливым определение законодателем особенностей уголовного судопроизводства по некоторым категориям уголовных дел (раздел XIV УПК РФ). Причем они также как и в уголовном праве связаны с особенностями личности правонарушителя. Но если в уголовном праве они являются основанием более мягкого подхода к нему, то в уголовно-процессуальном праве они имеют иную сущность – определяют более сложный порядок уголовно-процессуальной деятельности. Речь идет о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ), производстве о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ).

Спецификой главы 52 УПК РФ является то, что особенности возбуждения уголовного дела и его производства связаны с должностным положением человека; в ней установлены гарантии процессуальной неприкосновенности ряда должностных лиц законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, указанных в ст. 447 УПК РФ, от уголовного преследования за их принципиальную позицию при осуществлении своих обязанностей, возложенных на них государством. Особая процедура производства по уголовным делам в отношении таких лиц вызывает неоднозначное отношение к ней как в обществе, так и среди ученых. Изъятие из общих правил и создание преимуществ в сфере уголовного судопроизводства для отдельных категорий граждан на основе их должностного положения влечет постановку вопроса о том, как это соотносится с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом [2, с. 12]. Авторы заявляют, что «обеспечение профессиональной неприкосновенности высших должностных лиц государства, судей, депутатов парламента – реальная необходимость, но... в России эта привилегия распространяется на все более широкий круг субъектов и перерастает в непробиваемую корпоративную непогрешимость» [1, с. 256; 3, с. 24]. Высказываются различные позиции по поводу целесообразности наличия особой процедуры производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, о круге лиц, которым следует предоставить гарантии неприкосновенности, предусмотренные главой 52 УПК РФ.

Однако в современный период в Уголовно-процессуальном кодексе России появилась еще одна категория лиц, в отношении которых законодатель потихоньку закрепляет отличительные правила осуществления процессуальной деятельности без выделения (возможно пока) совокупности таких норм в отдельную главу Кодекса. Речь идет о субъектах предпринимательской и иной экономической деятельности.

Либерализация уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей является актуальной тенденцией, она связана с созданием благоприятного режима для предпринимательской деятельности, исключением риска необратимых последствий уничтожения бизнеса. Такая государственная политика способствовала обновлению уголовно-процессуального законодательства. Так, в период с 2009 года по настоящее время Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла более двадцати федеральных законов в этой области. Их результатом стало появление нового дифференцированного производства по уголовным делам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Сохранилась ли в нем тенденция, проявившаяся в главах раздела XIV УПК РФ, направленная на установление более сложного порядка уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в отношении указанных субъектов? По моему мнению, этого в данном случае не наблюдается. Однако наглядно видно, что дифференциация производства по обозначенным делам связана с более мягким подходом к лицам, совершившим преступления в рассматриваемой сфере.

Об этом говорит нам ст. 28.1 УПК РФ. История ее появления и развития имеет несколько этапов. В начале статья, правда, с другим названием, предусматривала прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших налоговые преступления, затем ее действие было распространено на лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В 2018 году данная статья была переименована, расширен перечень статей Особенной части УК РФ, по которым стало возможным прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. Субъект многих из таких преступлений (например, ст. 146, 159.1, 159.5, 160, 176 УК РФ) является общим (физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность). В связи с этим ст. 28.1 УПК РФ может применяться не только к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью, но и к другим людям. Изменение названия статьи и ее содержание способствовало тому, что в настоящее время нет ее конфронтации с конституционным принципом всеобщности равенства прав граждан.

Вспомним теперь часть 1.1 статьи 108 УПК РФ, установившей запрет на применение в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений, если они совершены лицом в связи с осуществлением им предпринимательской или иной экономической деятельности (в рассматриваемой норме указаны конкретные статьи Особенной части УК РФ). Авторы утверждают: «Часть 1.1 статьи 108 УПК РФ подлежит отмене ввиду противоречия конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, несоответствия концептуальным положениям уголовно-процессуального права и непреодолимых проблем в правоприменительной практике» [4, с. 24]. Под-

держиваем такую точку зрения. Если цель появления этой нормы, создающей привилегии для предпринимателей, находящихся под следствием и судом, состоит в том, чтобы не помешать ведению ими своего бизнеса, что, конечно же, затруднительно осуществлять содержащимся под стражей, то возникает вопрос: а если предприниматель совершил преступление в иной сфере, не связанной с экономической деятельностью (например, ст. 111, 264 УК РФ), тогда получается, что при наличии оснований, закрепленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, к нему можно применить меру пресечения в виде заключения под стражу. Где же логика законодателя? Тем более, что в 2016 году созданы условия для предупреждения уничтожения бизнеса. Так, подозреваемый и обвиняемый теперь имеют право с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

А часть 1.1 ст. 108 УПК РФ так и не отменена. Хотелось бы обратить внимание также на то, что в перечне в этой норме находятся преступления, предусмотренные статьями 171, 171.1, 171.3-172.3, 173.1-174.1 УК РФ. Какова сущность этих преступных деяний? Это незаконное предпринимательство в разных его вариантах. И не позволяя к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, которая уголовным законом оценивается как незаконная, избрать при наличии к тому оснований меру пресечения в виде заключения под стражу, уголовно-процессуальный закон создает условия, чтобы, находясь под следствием и судом, они могли продолжить преступную деятельность, оказывать противодействие в сборе доказательств по уголовному делу. А ведь это и есть основания для избрания меры пресечения, указанные в п. 2 и 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Не абсурд ли это?

В связи со сказанным полагаем, что говорить о дифференциации российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, как это делают некоторые авторы [4], и по данному пути, как мы видим, идет законодатель, не представляется необходимым. Можно выделить лишь некоторые особенности такого производства, регламентированные в ст. 81.1, ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1, ч. 7 ст. 241 УПК РФ, и не более.

Библиографический список

1. Володина Л.М. Обеспечение конституционных прав в уголовном процессе / Л.М. Володина // Конституции России 10 лет: материалы научно-практической Всероссийской конференции. – Тюмень, 2003. – С. 256–259.
2. Добровлянина О.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: дисс. ... канд. юрид. наук / О.В. Добровлянина. – Екатеринбург, 2010. – 270 с.

3. Марецкий Н.Е. Правовое регулирование участие отдельных категорий лиц в уголовном процессе / Н.Е. Марецкий, Д.В. Алехин // Российский следователь. – 2011. – № 15. – С. 23–27.

4. Сычев П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: дисс...докт. юрид. наук / П.Г. Сычев. – М., 2022. – 445 с.

УДК 343.1

*О.А. Зайцев, д.ю.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник ИЗиСП при Правительстве РФ
г. Москва, Россия*

Особенности производства по уголовным делам в отношении предпринимателей: тенденции и перспективы¹

В статье рассматриваются проблемы формирования правоприменительной системы, направленной на создание надлежащих условий ведения предпринимательства в ходе производства по уголовному делу. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, вызванного появлением новых угроз и вызовов в ходе социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: экономическая безопасность, уголовное судопроизводство, предпринимательская и иная экономическая деятельность.

1. Происходящие социально-экономические преобразования в Российской Федерации вызваны необходимостью противостоять неизвестным ранее крупномасштабным санкциям со стороны Евросоюза, США и ряда других стран; опасным проявлениям эпидемиологической ситуации, способным вызвать долговременные и непредсказуемые последствия для ведения бизнеса. В этих непростых условиях российское государство организует системную работу по обеспечению благоприятного ведения предпринимательской и иной экономической деятельности, а в целом – укреплению экономического суверенитета и финансовой устойчивости Российской Федерации [8, с. 5; 5, с. 17–29].

2. Экономические преступления отрицательно воздействуют на развитие факторов, непосредственно связанных с состоянием правопорядка,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00500 «Экономическая безопасность: теоретические основы, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения».

причиняют существенный материальный ущерб юридическим и физическим лицам [6, с. 273]. Не случайно в Указе Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» в числе основных факторов риска, которые оказывают существенное воздействие на существующие экономические институты, указаны:

- а) уязвимость финансово-банковской системы;
- б) снижение объема инвестиций в реальный сектор экономики; высокая степень криминализации и коррупции;
- в) наличие существенной доли теневой экономики.

3. Одной из важных задач, направленных на реализацию устойчивого развития отечественной экономической системы, является снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, возникающих при использовании формальных поводов для ее приостановления, применении избирательного подхода в отношении представителей бизнес-сообщества. В этих целях государство вырабатывает единые подходы с предпринимателями, направленные на исключение незаконного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов. В частности, только в последнее десятилетие со стороны Президента Российской Федерации в ходе ежегодных Посланий Федеральному Собранию вносились предложения по закреплению на законодательном уровне следующих уголовно-процессуальных механизмов:

- а) запрет на возбуждение уголовного дела без наличия соответствующего заявления потерпевшего по целому ряду экономических составов преступлений;
- б) исключение из системы уголовно-процессуального права возможности превращения хозяйственного спора в сведение счётов посредством возбуждения «заказных» дел;
- в) недопущение продления сроков содержания под стражей в случае длительного проведения судебных экспертиз, затягивания следственных и судебных действий;
- г) освобождение из-под стражи предпринимателей в случае отсутствия активных действий по производству предварительного расследования;
- д) расширение возможности применения альтернативных мер пресечения, не связанных с лишением свободы;
- е) исключение ситуаций, ведущих к приостановлению деятельности предприятий (к примеру, в случае изъятия жёстких дисков с рабочих компьютеров);
- ж) усиление ответственности за фальсификацию процессуальных документов уголовного дела и др.

4. В ходе модернизации уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности нуждаются в дальнейшем развитии происходя-

щие в последнее время процессы гуманизации и либерализации мер уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей. Следует продолжить оптимизацию положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, связанных с производством дел о преступлениях, совершенных в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности [1, 2, 3]. В частности, в числе уголовно-правовых средств охраны интересов представителей бизнес-сообщества могут быть:

а) «смягчение» уголовной ответственности за отдельные экономические преступления;

б) дальнейшая корректировка оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (статья 76¹ УК РФ);

в) продолжение декриминализации не представляющих существенной общественной опасности деяний в экономической сфере с сохранением соответствующих административно-правовых деликтов;

г) расширение практики конструирования составов преступлений с административной преюдицией;

д) совершенствование уголовно-правовых норм о мошенничестве, в части касающихся возможности привлечения предпринимателей к ответственности за деяние, причинившее крупный или особо крупный ущерб [8].

5. В дальнейшем совершенствовании нуждается и уголовно-процессуальное законодательство, где формируются дополнительные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, включая недопущение принятия незаконных ключевых процессуальных решений со стороны должностных лиц судебно-следственных органов.

В этих целях целесообразно развитие правового регулирования рассматриваемых отношений по следующим направлениям:

а) оптимизация процедур рассмотрения судами жалоб со стороны предпринимателей на ключевые процессуальные решения, принимаемые в рамках уголовного дела (к примеру, предусмотреть возможность для предпринимателя обжаловать постановление о привлечении в качестве обвиняемого в части квалификации деяния, позволяющей применять меру пресечения в виде заключения под стражу);

б) усиление роли прокурора при производстве дел о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, включая получение согласия на основные решения, принимаемые должностными лицами органов предварительного расследования в отношении предпринимателей;

в) формирование новых уголовно-процессуальных механизмов, касающихся работы с доказательствами по делам рассматриваемой категории преступлений (в частности, направленных на обеспечение сохранности имущества организаций в ходе производства по уголовному делу);

г) создание дополнительных уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, являющихся не

только обвиняемыми и подозреваемыми, но и выступающими в ином правовом статусе (потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и др.).

6. Кроме изменений уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства следует продолжить разработку концептуальных теоретических основ, выполняющих методические функции по отношению к проблемам обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в ходе производства по уголовному делу. Также нуждаются в оптимизации процессы правоприменения в сфере реализации мер, направленных на обеспечение благоприятного делового климата в Российской Федерации [4, 9].

Библиографический список

1. Александров А.С. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / А.С. Александров, И.А. Александрова // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 80–93.

2. Зайцев О.А. Новая уголовная политика Российской Федерации в сфере защиты прав инвесторов / О.А. Зайцев // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – С. 180–189.

3. Зайцев О.А., Кашепов В.П., Нудель С.Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – № 37. – С. 40–56.

4. Зайцев О.А., Нудель С.Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2021. – № 8. – С. 20–33.

5. Институты финансовой безопасности: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопян [и др.]; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина – М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 2017. – 246 с.

6. Габов А.В., Литовкин В.Н., Гутников О.В. Государство и бизнес в системе правовых координат: монография / А.В. Габов, В.Н. Литовкин, О.В. Гутников и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. – С. 272–279.

7. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. И.И. Кучеров,

О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. – 392 с.

8. Закон. Обеспечение безопасности и реальной экономики / Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, О.В. Гутников, В.П. Кашепов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2020. – 48 с.

9. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. – 320 с.

УДК 343.1

*Л.Н. Казакова, аспирант ФГНИУ ИЗиСП при Правительстве РФ
г. Москва, Россия*

Особенности применения мер пресечения по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности

В статье рассматриваются особенности применения мер уголовно-процессуального пресечения в отношении предпринимателей и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства о положении предпринимателей как особой категории субъектов. В работе освещены теоретические представления о сущности мер пресечения по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности, основы их правового определения, особенности применения по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности и современные проблемы реализации на практике.

Ключевые слова: уголовное преследование, предприниматель, меры принуждения, меры пресечения, заключение под стражу, залог

Государство уделяет большое внимание работе, направленной на формирование среды, улучшающей деловой климат, способствующей развитию бизнеса и обеспечению финансовой стабильности общества в целом. Практика применения права подтверждает необходимость выстраивания системы, стоящей на защите прав и свобод представителей предпринимательства, частью которой становится корректировка уголовной политики государства. Механизм такой системы представляет собой цели, методы, модели, средства и инструменты, используемые для законодательной регламентации соответствующих уголовно-правовых норм, а также воздействия на содержание правовой культуры и сознания общества.

Не взирая на предпринимаемые действия, сохраняются сложности привлечения к ответственности за совершение действий, образующих экономические преступления, определения их составов в совокупности с используемыми процессуальными формами производства по таким уголовным делам [1, с. 42]. Это требует проведения постоянного мониторинга правоприменительной практики, поиска несовершенств и последующего законодательного оформления мер по защите российского предпринимательского сектора.

Важным направлением такой защиты должна быть не только борьба и профилактика экономической преступности, но и развитие действенных уголовно-процессуальных механизмов судопроизводства. Согласно позиции В.П. Кашепова эти механизмы связаны с деятельностью по совершенствованию законодательства, практикой предупреждения и пресечения неправомерного наложения мер уголовной ответственности, применением мер уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия [2, с. 123–124].

Продуктивное осуществление уголовного судопроизводства по делам из предпринимательской деятельности предполагает выявление лиц, которые виновны в преступлении, и как следствие применение государством, в определенном порядке, соответствующих мер пресечения к субъектам предпринимательской деятельности, которые получили статус стороны уголовного дела.

Тенденцией современного периода долгое время продолжает оставаться работа, расширяющая либеральные принципы судопроизводства по уголовным делам из преступлений, совершаемых в ходе осуществления предпринимательской деятельности.

В ежегодных посланиях, адресованных Президентом Российской Федерации Федеральному собранию особенно акцентируется проблема применения в отношении лиц, обладающих статусом предпринимателей, необоснованно суровых мер уголовно-процессуального воздействия.

Согласно общему правилу, отраженному в положениях частей 1 и 2 статьи 97 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ дознаватель, следователь и судебные органы наделены правомочием на выбор одной из мер пресечения. Избрание в отношении подозреваемого или обвиняемого конкретной меры пресечения «по умолчанию» не допускается. Выбор меры пресечения должен быть основан на реальной, достоверной и достаточной информации, подтверждающей наличие оснований для их непосредственной реализации. Закон к таким основаниям относит вероятность того, что подозреваемый или обвиняемый:

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.

- может предпринять действия для того, чтобы скрыться от дознания, следствия или суда;
- продолжит реализовывать деятельность преступного содержания;
- может своими действиями создавать угрозу для свидетелей или уничтожить, имеющиеся по делу доказательства.

Доказанность следователем или дознавателем одного из этих оснований перед судом не означает автоматическое применение соответствующей меры пресечения. В каждом деле суд при рассмотрении вопроса относительно выбора мер пресечения или их продления должен обсуждать все возможные варианты для применения наиболее мягких мер. При этом обязательность рассмотрения возможности об избрании наименее суровой меры пресечения или ее продлении не зависит от того, было ли подано ходатайство об этом участниками дела, а также от стадии производства по делу.

Верховный суд в своих разъяснениях рекомендует нижестоящему суду ограничиться назначением мягкой мерой пресечения, даже тогда, когда фигурантом предприняты реальные действия по сокрытию от следственных органов и суда. Такие случаи отражены в положениях п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Жесткие меры пресечения избираются только тогда, когда существуют высокие риски того, что использование более мягких мер не принесет желаемого результата – восстановление справедливости и наказание лица виновного в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности.

Требования наличия правовых и социальных обоснований применения мер пресечения по отношению к определённым лицам являются гарантией государства от необоснованного ограничения их прав. При избрании и назначении меры наказания внимание должно быть уделено соблюдению условий, регламентированных уголовно-процессуальным законом, с которыми связывают законность и обоснованность принятого решения. В научной теории условия применения соответствующих мер пресечения принято делить на две группы: общие и специальные. Общие связаны с наличием постановления о возбуждении уголовного дела, указывающего на квалификацию преступления и статус лица в качестве обвиняемого или подозреваемого.

Специальные – это индивидуальные условия, которые изучаются в каждом конкретном уголовном деле и относятся к характеристике личности обвиняемого (подозреваемого). Например, наличие права собственности на жилое помещение для определения возможности назначения домашнего ареста.

Основная цель закрепления и непосредственного практического применения института государственного принуждения, его оснований и условий – это обеспечение правопорядка и безопасности общества. Цели применения мер пресечения по своему содержанию более конкретны – личное

присутствие обвиняемого при производстве по уголовному делу, причем как на стадии следствия, так и в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, официальная доктрина закрепила принцип избирательного характера применения предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер принудительного воздействия в отношении предпринимателей в сравнении гражданами, не обладающими таким статусом. Реализация уголовно-процессуальных моделей в ходе привлечения к ответственности за преступления, которые совершаются в рамках предпринимательской или экономической деятельности, происходит на основе формирования у субъектов предпринимательской деятельности особенного процессуального положения, характеризующегося наибольшим благоприятствованием. В первую очередь это затронуло способы и порядок применения мер пресечения.

Верховным Судом были даны рекомендации по усилению контрольных мероприятий за соблюдением принципа законности при осуществлении процедур возбуждения и расследования уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности. 11 июня 2020 года Пленумов Верховного Суда Российской Федерации были внесены дополнительные положения в Постановление от 19.12.2013 года №41 по вопросам выбора и непосредственного использования мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий¹.

Залог является самой гуманной мерой процессуального пресечения особенно по уголовным делам из предпринимательской деятельности. С одной стороны, залог дает право подозреваемому находится на воле, а с другой, это гарантия возмещения пострадавшим вреда за счет средств и имущества переданных в залог. При избрании залога в качестве меры пресечения исследуется тяжесть преступления, берется во внимание характеристика и финансовое состояние подозреваемого.

Внесение залога – это не освобождение от уголовной ответственности, это способ дисциплинировать поведение подозреваемого. В рамках залога он обязуется соблюдать установленные судом требования, воздержаться от общения с определенным кругом лиц, не предпринимать действия, которые могут оказать давление на свидетелей и не осуществлять деятельность преступного содержания.

Следует указать на ряд законодательных недоработок, которые оказывают влияние на эффективность применения залога в уголовном процессе: отсутствие контроля со стороны государства за исполнением данной меры пресечения, а также не закрепление в нормах уголовного процессуального

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. – 2013. – № 294.

законодательства легального перечня ограничений и запретов, налагаемых на подозреваемых по уголовным делам из предпринимательской деятельности, порядка и условий их применения. Поэтому следует внести соответствующие дополнения в УПК РФ с одновременным принятием на федеральном уровне специальных законов, способных обеспечить контролируемость залога.

Особо следует указать на тот факт, что в 2020 году Верховным судом были изменены правила рассмотрения ходатайств об избрании в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу. Ее применение возможно только, когда предполагаемое преступление не имеет прямой связи с предпринимательской деятельностью. Доводы об отсутствии такой связи должны быть основаны на материалах, изложенных в постановлении о возбуждении. В случае их отсутствия ходатайство об избрании заключения под стражу отклоняется. Практика содержит немало примеров, когда недобросовестность следователя, его тактическая заинтересованность в наложении на предпринимателя меры пресечения в виде заключения под стражу приводят к тому, что предпринимателю, в отношении которого ведется уголовное преследование, инкриминируют в вину более тяжкий состав преступления (мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере) либо используется ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации «Злоупотребление должностными полномочиями». Это позволяют содержать подозреваемого под стражей до рассмотрения дела по существу в суде, где и выясняется, были ли на самом деле подобные общественно-опасные факты.

Судебная практика содержит не мало примером, доказывающих существование значительных расхождений между толкованиями правоприменителя и идей законодателя по поводу сущности и оснований применения заключения под стражу в отношении предпринимателей.

Особое внимание должно быть уделено мерам ответственности следователя и дознавателя, которые абсолютно не определены в современном процессуальном механизме, за исключением случаев, когда они несут уголовную ответственность за совершение уголовно наказуемых деяний в процессе выполнения профессиональной деятельности. Это будет способствовать повышению дисциплинированности сотрудников правоохранительных органов и выстраиванию барьеров для действий, которые препятствуют качественному и ответственному расследованию уголовного дела в предпринимательской сфере, а также снижению числа обращений в суд для использования ограничительных процессуальных мер по отношению к предпринимателям.

Важно сказать, что работа в этом направлении уже начата. 23 июля 2020 года было подписано межведомственное указание «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное

следствие по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности»¹, предусмотревшее дополнительные меры по организации контроля за оперативно-розыскными мероприятиями, их мотивированностью и за процессом избрания мер пресечения в отношении предпринимателей, в целях недопущения вмешательства в гражданско-правовые и производственные отношения хозяйствующих субъектов.

Одним из последних нововведений в положения УПК РФ стало установление дополнительных условий для продления сроков содержания представителей бизнеса под стражей. Продление зависит от эффективности расследования, доказанности оснований для этого, а также стадии, на которой находится производство по делу. Суд может продлить срок на завершающей стадии предварительного расследования при условии окончания всех начатых следственных действий по конкретному уголовному делу из предпринимательской деятельности. Представляется, что установление такого запрета помогает свести к минимуму возможность необоснованного затягивания осуществления следственных и иных процессуальных действий.

Таким образом, наблюдается тенденция по формированию особой формы процессуального производства для отдельной категории лиц – предпринимателей, в отношении которых начато уголовное преследование. Для них предусмотрены дополнительные гарантии неприкосновенности и невозможности применения жестких мер государственного принуждения и пресечения. Это отвечает общей направленности государственной политики на предоставление представителям бизнес-структур наиболее благоприятного положения для развития. Некоторые теоретики и практики высказываются против создания в уголовном процессуальном законодательстве дополнительных гарантий для субъектов предпринимательской деятельности. Они утверждают, что изъятия из общего порядка и условий привлечения к уголовной ответственности для данной категории граждан является нарушением принципа справедливости, способствует еще большей социальной дифференциации общества, что в свою очередь может стать риском для экономической безопасности российского государства.

Библиографический список

1. Зайцев О.А. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности / О.А. Зайцев, В.П. Кашепов, С.Л. Нудель // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 40–56.

---

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

2. Кашепов В.П. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Контракт, 2018. – 280 с.

УДК 343.131.5

*С.А. Каменев, адвокат Адвокатской палаты Челябинской области
г. Челябинск, Россия*

Участие стороны защиты в проверке законности изъятия электронных носителей информации по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности

В статье рассматриваются проблемы участия стороны защиты в проверке законности изъятия электронных носителей информации при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, сторона защиты, электронные носители информации, следственные действия.

К производству по уголовным делам, связанным с предпринимательством, законодатель уделяет особе внимание. Это связано с тем, что руководство страны видит необходимость принятия дополнительных мер защиты лиц, занимающихся в данной сфере, с целью максимальной реализации их рыночных возможностей и ожидания положительного заметного эффекта в экономике.

Президент Российской Федерации В.В. Путин дал четко понять, что необходимо исключить применение в интересах следствия мер, приводящих к приостановлению деятельности предприятий, включая изъятие жестких дисков с рабочих компьютеров и серверов. По его мнению, если для «следствия нужно, а такая необходимость может возникать, и она имеется – достаточно снять копии, заверить их и пользоваться ими в ходе следствия» [5]. Такое обращение было сделано еще в августе 2017 года, и только через год появилась статья 164.1 УПК РФ, определяющая порядок изъятия электронных носителей информации при таких обстоятельствах.

До этого в уголовно-процессуальном законе появилось ряд положений, направленных на дополнительную защищенность предпринимателей от незаконных и необоснованных «нападков» со стороны правоохранителей в сфере уголовного судопроизводства.

Так, например, это относится к ч. 3 ст. 20 УПК РФ, в которой приведен перечень преступлений, которые если они связаны с предпринимательской

деятельностью, то относятся к преступлениям частно-публичного характера. Это означает, что они могут возбуждаться не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя.

Кроме того, согласно п.п. 1.1. п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу не может применяться по ряду статей, совершенных лицом в ходе осуществления им предпринимательской деятельности и т.д.

Статья 164.1 УПК РФ также ориентирована на соблюдение особых правил при изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий по преступлениям, о которых упоминалось выше.

Данная статья оберегает от злоупотреблений должностных лиц при получении доказательств в электронном виде в ходе осмотра, обыска, выемки. При этом, если при этом присутствуют участники стороны защиты, то они могут обратить внимание на те или иные допущенные нарушения. В первую очередь, это касается обнаружения и изъятия самого электронного носителя информации, а также участия при этом специалиста. Если следственные действия проводились в отсутствие стороны защиты, то ее участники имеют возможность проверить законность их проведения по представленным материалам уголовного дела, сопоставляя данные с фактами, а также с имеющейся у них информацией.

Анализ практики указывает на частые нарушения этого требования, закрепленных в ч. 2 указанной статьи, на что указывают также и другие авторы подобных исследований [1]. Это свидетельствует о неоднозначных подходах на практике по применению данных правил.

Известно, что существует ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения (с Поправкой)», согласно которому «электронный носитель представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» [6]. На практике следователи, дознаватели порой трактуют это по-своему. Среди ученых также нет единого мнения о том, что считать электронным носителем информации [3, с. 48; 4, с. 40; 2, с. 56].

Участие стороны защиты в названных следственных действиях не является распространенным явлением. При осмотре места происшествия вряд ли можно себе представить участие стороны защиты, так нет пока подозреваемого и обвиняемого, а значит и защитника, и какого-либо представителя. Следственное действие же, как правило, проводится до возбуждения уголовного дела.

При осмотре помещений, особенно если это касается офисов, учреждений, предприятий, защитник может присутствовать, если его заранее об этом предупредят. Это относится и к обыску, и к выемке. Если данные следственные действия проводятся с участием подозреваемого или обвиняемого, то участие защитника решает по общему правилу. В других случаях возникают споры о том, пускать или нет защитника, если он самостоятельно

прибыл на обыск. Об этом высказался Конституционный Суд РФ в своем определении от 14.01.2020 № 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: уголовно-процессуальный кодекс «не наделяет следователя возможностью отказа адвокату в допуске к участию в обыске на территории представляемого им лица, если он прибыл после начала следственного действия».

О том, что сторона защиты играет важную роль в обеспечении законности проведения следственных действий в досудебном производстве, свидетельствует следующий пример.

Так, адвокат С. обращаясь к суду в порядке ст. 125 УПК РФ обратил внимание на то, что сотрудники МУ МВД России «Серпуховское» своим бездействием нарушили закон. Изъятые ими предметы и документы не были признаны вещественными доказательствами по уголовному делу. Кроме того, отдельные материалы были выделены в отдельное производство, по которому были принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, однако документы не возвращены. Нарушены также положения закона относительно порядка проведения выемки [7].

При этом следует учитывать, что согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», рассматривая жалобу о преступлении в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, суд должен иметь в виду, что данное решение принимается дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа только на основании сведений, полученных в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ.

Подводя итог, следует заметить, что судам при рассмотрении обращений органов расследования за разрешением о проведении следственных действий, связанных с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей и (или) лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях, следует более тщательно изучать представленные ими в обосновании материалы, а также соответствующим образом реагировать на жалобы стороны защиты в случаях обнаружения нарушений закона.

Библиографический список

1. Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Вестник Томского государственного университета. – Право. 2020. – № 37. – С. 32–39.

2. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 45–50.

3. Григорьев В.Н. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве / В.Н. Григорьев, О.А. Максимов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (84). – С. 33–44.

4. Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 54–57.

5. Путин: нужно запретить следствию изымать серверы и жесткие диски предприятий // [Электронный ресурс] [https:// tass.ru/ obschestvo_/4459762](https://tass.ru/obschestvo/4459762) (дата обращения: 01.03.2022).

6. ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения // Консорциум КОДЕКС: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // [Электронный ресурс] <http://docs.cntd.ru/document/> (дата обращения: 02.03.2022).

7. Апелляционное постановление Московского областного суда от 23.01.2020 № 22К-307/2020 // [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.03.2022).

УДК 343.13

*О.В. Левченко, к.ю.н., прокурор Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы
г. Москва, Россия*

Роль прокуратуры в сфере обеспечения безопасности предпринимательства уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами

Прокуратура призвана законом играть решающую роль в обеспечении прав и законных интересов предпринимателей при осуществлении противодействия экономической преступности уголовно-правовыми средствами. Надо решать вопрос о доведении правового положения прокурора до роли руководителя всей деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений в сфере экономики.

Ключевые слова: прокурор, расследование, экономическая преступность, права предпринимателей, уголовный процесс.

В современной рыночной экономике предпринимательство имеет ведущее значение. Именно предприниматель активизирует всю экономическую деятельность. Поэтому приоритетными задачами государства являются создание оптимальных условий для развития предпринимательства и защита бизнеса, с одной стороны, от экономической преступности, а с другой стороны, от необоснованного давления правоохранительных органов.

Прокуратура в силу ее особого положения в государственно-правовой системе играет главную роль в обеспечения безопасности предпринимательства. Для этого прокуратуре законом предоставлены полномочия, как на применение общенадзорных мер реагирования на нарушения прав и законных интересов предпринимателей, так и полномочия по надзору за законностью в сфере осуществления правоохранителями оперативно-розыскной деятельности, дознания, предварительного следствия.

Сочетание средств общего надзора за исполнением законов в сфере экономики, защиты прав и законных интересов предпринимателей и уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств должно обеспечить благоприятный правовой режим для предпринимательской деятельности.

Статистические данные о работе прокуроров г. Москвы подтверждают данные положения [3]. Так, за январь – июль 2021 года прокурорами г. Москвы в сфере экономики было выявлено 9 382 нарушения законов (АППГ – 7 492, + 25,2 %), принесено 1 295 протестов (АППГ – 887, + 46 %), по постановлениям (заявлениям в арбитражный суд) прокуроров привлечено 1 562 лица к административной ответственности (АППГ – 1 001, + 56 %), предостережено 137 лиц о недопустимости нарушения закона (АППГ – 96, + 42,7 %), направлено 135 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (АППГ – 132, + 2,3 %), по ним возбуждено 98 уголовных дел (АППГ – 113, – 13,3 %).

В сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности прокурорами г. Москвы было выявлено 2 302 нарушения законов (АППГ – 1 641, + 40,3 %), по постановлениям (заявлениям в арбитражный суд) прокуроров привлечено 260 лиц к административной ответственности (АППГ – 79, + 229,1 %), предостережено 17 лиц о недопустимости нарушения закона (АППГ – 10, + 70 %), направлено 39 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (АППГ – 18, + 116,7 %), по ним возбуждено 27 уголовных дел (АППГ – 18, + 50 %).

Общее представление о состоянии законности в досудебных стадиях уголовного процесса дают следующие статистические данные. Так, за январь-июль 2021 года прокурорами города Москвы на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено 323 851 нарушение законов, что на 2,6 % больше аналогичного периода прошлого года (АППГ – 315 548). Количество выявленных нарушений закона возросло в подразделениях Следственного комитета РФ на 11,6 % (с 25 829 до 28 830), следствия МВД России на 9,2 % (с 60 429 до 65 967), дознания ФССП России на 14,8 % (с

479 до 550). При этом сократилось количество выявленных нарушений в органах дознания: МВД России на 0,1 % (с 228 323 до 228 007) и МЧС России на 3,9 % (488 до 469). Прокурорами выявлено 220 963 нарушения законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что на 1,5 % больше аналогичного периода прошлого года (АППГ – 217 786). Возросло количество выявленных нарушений в деятельности подразделений Следственного комитета РФ на 4,6 % (с 19 714 до 20 619), в органах: следствия МВД России на 28 % (3 634 до 4 650), дознания МВД России на 0,6 % (с 193 517 до 194 737), дознания ФССП России на 11 % (с 437 до 485). При этом количество таких нарушений в органах дознания МЧС России сократилось на 7 % (с 484 до 450). На 5,2 % возросло количество выявленных прокурорами нарушений законов при производстве следствия и дознания (с 97 762 до 102 888), в том числе в деятельности подразделений Следственного комитета РФ на 34,3 % (с 6 115 до 8 211), в органах: следствия МВД на 8 % (с 56 795 до 61 317), дознания ФССП России на 54,8 % (с 42 до 65), дознания МЧС России в 4 раза (с 4 до 19). При этом сократилось количество таких нарушений, выявленных в деятельности органов дознания МВД России на 4,4 % (с 34 806 до 33 270).

За анализируемый период на 7 % (с 11 157 до 11 941) возросло число удовлетворенных требований в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, в том числе, подразделениями Следственного комитета РФ на 5,7 % (с 2 533 до 2 677), органами: следствия и дознания МВД России на 1,4 % (с 6 015 до 6 102) и на 20,5 % (с 2 599 до 3 133) соответственно, дознания ФССП России на 166,7 % (с 9 до 24), МЧС России на 100 % (с 1 до 2). Прокурорами направлено 1 012 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, что на 1,6 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (АППГ – 996).

Надзор за уголовно-процессуальной деятельностью следственных органов и органов дознания. В целом по городу Москве на 23 % сократилось количество отмененных прокурорами постановлений о возбуждении уголовного дела (с 317 до 244), в том числе, вынесенных подразделениями Следственного комитета РФ на 36,4 % (с 11 до 7), следователями МВД России на 25,4 % (с 122 до 91), дознавателями МВД России на 22,4 % (с 183 до 142).

Таким образом, на примере г. Москвы можно констатировать наличие значительного числа случаев нарушения законов в досудебных стадиях уголовного процесса, что, очевидно, распространяется и на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Как отмечается в совместном указании Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 г. «Об усилении прокурорского надзора и ве-

домственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности», нарушения законодательства правоохранительными органами при выявлении, расследовании, раскрытии преступлений в сфере экономической деятельности, по-прежнему носят распространенный характер. Особо надо отметить в данном нормативно-правовом акте Генеральной Прокуратуры России указания на обеспечение уполномоченными прокурорами недопустимости вмешательства, органом, уполномоченным на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в гражданско-правовые отношения хозяйствующих субъектов и соответственно – недопустимости необоснованного расширения предмета проверки (п.п. 1.1–1.2 Указания). Аналогичное требование предъявляется и к решениям органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела (п.п. 2.2, 2.6-2.7 Указания). Кроме того, в данном подзаконном нормативно-правовом акте сформулировано предписание об усилении надзора за выдвижением обвинения в отношении субъектов предпринимательской деятельности. В частности, прокурорам надлежит изучать все постановления о привлечении в качестве обвиняемого на предмет их соответствия статье 171 УПК РФ и не позднее 10 суток с момента поступления копии данного постановления составлять мотивированное заключение о его законности. В случае обнаружения необоснованности или незаконности обвинения прокуроры должны незамедлительно принимать меры реагирования.

Заметим, что процессуальных гарантий для выполнения прокурором этих предписаний нет, как нет и процедуры участия прокурора в выдвижении прокурора.

В результате последовательно проводимой в сфере экономики уголовной политики были внесены значительные изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, призванные обеспечить права и интересы предпринимателей. Все эти изменения касались сложившейся уголовно-процессуальной модели взаимодействия прокуратуры с органами предварительного следствия, органами дознания, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Между тем, по мнению ряда специалистов [1, с. 480–484] есть причины ставить вопрос именно в контексте правовой организации противодействия экономической преступности об усилении роли прокурора в применении средств уголовно-правовой защиты и реформирования досудебного производства.

Мы поддерживаем позицию, разделяемую многими известными отечественными специалистами [2, с. 199–207] о придании руководящей роли прокурору в досудебном производстве по уголовным делам. В том числе, с нашей точки зрения, заслуживают поддержки предложения о введении санкционирования прокурором решений о возбуждении уголовных дел в отношении предпринимателей по признакам экономических преступлений,

передаче прокурора полномочия на выдвижения прокурором обвинения против субъекта предпринимательской деятельности в совершении экономического преступления [4, с. 43-48]. Не менее важным является возвращение прокурору полномочий субъекта доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса, в том числе по уголовным делам об экономических преступлениях, то есть возвращение ему полномочий на производство следственных и иных процессуальных действий по получению доказательств, дачу указаний относительно доказывания следователям.

Библиографический список

1. Александров А.С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики: монография / А.С. Александров, И.А. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 608 с.

2. Александров А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

3. Аналитическая справка об основных показателях работы прокуроров г. Москвы за январь – июль 2021 года.

4. Горюнов В.Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности / В.Ю. Горюнов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 43–48.

УДК 343.98

*А.В. Ордан, доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы,
заведующий криминалистической лаборатории ЮУрГУ*

*Т.И. Ястребова, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Криминалистические признаки преступлений и некоторые пути их установления по преступлениям, совершенным в сфере экономической деятельности

В статье рассматриваются вопросы установления и доказывания отдельных криминалистических признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности. Особое внимание уделено подготовке к производству выемки в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности; криминалистические признаки; установление и доказывание обстоятельств.

Преступные нарушения правил экономической деятельности наносят непоправимый вред экономике, ухудшают финансовый и инвестиционный климат нашей страны, способствуют развитию коррупции в органах исполнительной и судебной власти [1, с. 148].

Круг преступлений в сфере экономической деятельности ответственность за них предусмотрены в отдельной 22 главе УК РФ. Однако сегодня нет возможности утверждать, что практически все общественно-опасные деяния в этой сфере определены и очерчены их криминалистические признаки. Однако большинство ученых отмечают, что именно в этой сфере правоотношения в России урегулированы не плохо. Это можно объяснить тем, что в период становления новых правоотношений в сфере экономики, как правило, совершалось действие опасное для общества, а только потом оно оценивалось и регулировалось законодательно. В свою очередь благодаря своевременному и правильному установлению и изучению признаков таких преступлений, которые явно подрывая экономику, подрывали, и безопасность общества позволило дать реальную правовую оценку таким деяниям. Именно установление обстоятельств характерно для признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных статьями 169-200.7 УК РФ

Необходимо отметить, что сегодня еще большую сложность приобретает установление обстоятельств по изучаемой категории дел, поскольку сама экономическая деятельность, а значит и преступность в этой сфере переходят в цифровые технологии. Определение группы обстоятельств события преступлений (время, место, способ и т.д.), установление других признаков преступлений в сфере экономики требуют использование специальных знаний именно в области цифровых технологий. Современные требования к определению признаков в этой сфере напрямую влияют на особенности возбуждения уголовного дела и в дальнейшем на особенности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Признаки преступления относятся к любому элементу состава преступления, в сфере преступлений против экономической деятельности их соотносят со способом подготовки, совершения и сокрытия [5]. Тактически правильное обнаружение и изучение обстоятельств, характеризующих тот или иной способ этого вида преступлений позволяет как бы абстрактно вернуться в преступление, построить версии, в том числе и о личности преступника.

Каждое преступление в сфере экономической деятельности нарушает специфический государственный и общественный интерес, что и отражается в объекте покушения, а значит и признаки многих таких преступлений, которые необходимо обнаруживать и доказывать имеют одну основу и они

для них общие. Однако в этих преступлениях имеются и признаки присущие конкретным видам или группам экономических преступлений [7, с. 20–24].

Одним из общих признаков преступлений данной категории является присутствие ущерба, причиненного государству, обществу, гражданам. Причем, зачастую, вред (ущерб) наносится не конкретному человеку или предприятию, а государству в целом. Специфика таких преступлений заключается в том, что факты наличия ущерба отражаются в самых различных документах, прослеживающих буквально всю процедуру преступления. Так, нарушения нормативных требований документального оформления финансовых операций, регистрации юридического лица, наличие документов с недостоверными сведениями о реальных фактах профессиональной деятельности, сокрытие реальных доходов, незаконная оплата за труд и т.п. можно отнести к признакам присущим всем видам преступлений этой категории, т.е. к общим признакам.

Другую группу признаков, которые необходимо устанавливать и доказывать, как указано выше составляют специфические (частные) признаки. Можно сказать, что их установление и доказанность прямо указывают на определенную часть состава конкретного преступления, совершенного в сфере экономической деятельности. Например, путем проведения первоначальной ревизии с дальнейшим проведением судебной финансово-экономической экспертизы, почерковедческой экспертизы или технико-криминалистической экспертизы документов могут быть установлены обстоятельства подлинности или подложности документов на право получения льготного кредита. Эти обстоятельства рассматриваются как частные криминалистические признаки преступлений в сфере незаконного получения кредита.

Говоря о значении еще одной стороны установления и доказывания признаков, по преступлениям в сфере экономической деятельности, по мнению С.Г. Евдокимова, стоит отметить, что в большинстве случаев только установление таких признаков позволяет отграничить ряд смежных составов [3, с. 109]. Эти признаки необходимо тактически и методически правильно обнаруживать, фиксировать и использовать в раскрытии и расследовании преступлений. Логично, что установить основной признак данных преступлений возможно через проведение практически всех, предусмотренных законом следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Особо выделяют назначение и производство различных судебных экспертиз в сфере экономических исследований.

Кроме традиционных вопросов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования признаков, характеризующих экономические преступления, необходимо учитывать и многие иные специфические, хотя, по сути, они классические и предусмотрены ст. 73 УПК РФ. Так следует помнить, что участниками, например, кредитно-финансовых отношений кроме банков могут быть иные субъекты хозяйственной деятельности, поскольку каждый

из них имеет расчетный счет в банке и осуществляет кредитные и другие операции [2]. Исходя из этого при проведении оперативно-следственных мероприятий необходимо устанавливать возможные сговоры работников банковских учреждений с работниками предприятий различных форм собственности, а это не что иное как обстоятельства: события преступления, обстоятельства характеризующие личности сговаривающихся для преступных целей. Прямыми объектами исследования таких обстоятельств при оперативно-следственных мероприятиях должны, например, стать вопросы предоставления и изучения поддельных гарантийных документов на получение кредита, создание ложных предприятий и многие другие.

Устанавливая категорию признаков и обстоятельства о личности в процессе оперативно-следственных мероприятий, необходимо учитывать, что преступления в этой области невозможно обнаружить без участия третьей стороны, так как они совершаются в ходе обычных коммерческих операций [4, с. 61–63].

Особо следует в связи с этим обратить внимание при расследовании на такое следственное действие как выемка. Именно в ходе ее проведения для установления признаков преступления появляются обстоятельства, в том числе и о третьих лицах. В настоящее время такая выемка связана с изъятием документов в цифровом виде в памяти компьютера и с получением информации с «компьютерной почты». При подготовке к выемке при работе по преступлениям экономической направленности и получения признаков преступлений следует:

- поставить конкретные цели и задачи в зависимости от предполагаемых признаков, которые предполагается установить;
- определить уровень «компьютеризации используемого программного обеспечения, объема и вида почты и т.д.» на месте выемки;
- использовать при выемке специалистов в области цифровых технологий;
- обеспечить техническую фиксацию как хода выемки, так и изымаемой информации;
- обеспечить безопасность участников следственного действия;
- предусмотреть возможность исследования различных документов (электронных, бумажных и т.п.) на месте с целью бесперебойного обеспечения деятельности предприятия;
- определить места дальнейшего изучения изъятых документов в самые короткие сроки.

Определяя криминалистические признаки преступлений в сфере экономической деятельности, актуальной стала проблема установления признаков и обстоятельств, указывающих на совершение данных преступлений в составе преступного сообщества. Для установления роли каждого участника в иерархии этого сообщества следует вести наблюдение, наводить справки, использовать оперативное внедрение, допросы, опознание и т.п.

Одним из самых трудоемких и проблемных является установление обстоятельств в этих преступлениях по легализации преступного капитала в России. По оценкам специалистов в стране легализуется 70% всех денежных средств, полученных преступным путем. Сложность установления заключается в том, что легализацией занимаются, как правило, созданные специальные организованные группировки. Они в своём большинстве, в этих целях создают собственные легальные хозяйственные структуры, в том числе и банковские. Такие банковские группировки по отмыванию денег, по мнению Н.А. Лопашенко, создаются, как правило, в тех странах, где банковская тайна охраняется строжайшим образом: Швейцария, Австрия, княжество Монако [6, с. 13].

Исходя из этого признаки таких преступлений необходимо устанавливать по самым различным категориям преступных деяний в том числе, регулируемых международным правом.

В данной статье мы освятили лишь некоторые аспекты признаков и способов их установления по преступлениям в сфере экономической деятельности. Знание проблем и возможностей установления обстоятельств по данной категории преступлений должно привести к тому, что учеными, практиками будут разрабатываться четкие алгоритмы действий сотрудников правоохранительных органов при обнаружении признаков экономических преступлений, для предотвращения либо уменьшения причиненного ущерба.

Библиографический список

1. Бертовский Л.В. Преступное нарушение правил экономической деятельности (криминалистическая характеристика) / Л.В. Бертовский, И.В. Глазунова // Вестник финансового университета. – 2016. – № 6. – С. 148.
2. Гринев В.А. Правовые и криминалистические основы расследования незаконного получения кредита / В.А. Гринев. – Ростов-н/Д., 2015 // [Электронный ресурс] https://rostov.rpa-mu.ru/Media/rostov/Obuchauschimsia/uchebnye_posobia/Grinev_pravovye_i_kriminalisti_cheskie_osnovu.pdf (дата обращения: 29.03.2022).
3. Евдокимов С.Г. Криминалистические признаки экономических преступлений / С.Г. Евдокимов // В сб.: Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: Сборник научных статей. – Саратов, 1997. – С. 109.
4. Егоров В.А. Особенности признаков экономических преступлений на объектах кредитно-финансовой сферы / В.А. Егоров // В сб.: Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. – Саратов, 1999. – С. 61–63.
5. Козлов В.А. Криминалистические аспекты налоговых преступлений и правонарушений / В.А. Козлов // [Электронный ресурс] <http://www.kpress.ru/bh/2002/3/kozlov/kozlov.asp> (дата обращения: 29.03.2022).

6. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, состояние и проблемы борьбы / Н.А. Лопашенко // В сб.: Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. – Саратов, 1999. – С. 13.

7. Светлаков А.Г. Современные методы выявления и особенности обнаружения признаков экономических преступлений в системе управления региональной экономикой / А.Г. Светлаков, В.В. Епишин // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2012. – № 2 (13). – С. 20–24.

УДК 343.985

Н.П. Папоян, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, ст. преподаватель кафедры лингвистики и перевода ЮУрГУ г. Челябинск, Россия

Опыт использования возможностей лингвистической и фоноскопической экспертиз при расследовании уголовных дел экономической направленности

В статье описывается практический опыт использования возможностей судебных лингвистической и фоноскопической экспертиз при расследовании уголовных дел экономической направленности. Предлагаются варианты сведений, которые можно получить по результатам их проведения.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, фоноскопическая экспертиза, уголовные дела экономической направленности, мошенничество, коррупция, организованная преступная группа.

Краткая характеристика состояния преступности (по данным МВД) свидетельствует о том, что за январь-декабрь 2021 года в Российской Федерации выявлено 117,7 тысяч преступлений экономической направленности, что на 11,5 % больше аналогичного периода 2020 года. Очевидно, что обеспечение экономической безопасности страны является в настоящее время одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Выявление и расследование преступлений в сфере экономики затрудняется тем, что они совершаются "высоко интеллектуальными" преступниками, и как следствие, характеризуются высокой степенью скрытности, трудностями в раскрытии и расследовании. Перед следственными органами встает сложная задача собирания совокупности доказательств, достаточной для формирования обвинительного заключения. В этом случае необходимо задействовать все возможные источники доказательств, предусмотренные законодательством, среди которых особое место занимает производство судебной экспертизы. Особую роль играют исследования устной

и письменной речи, которые проводятся в рамках судебной фоноскопической и лингвистической экспертиз. Назначение фоноскопической экспертизы необходимо для решения вопросов установления текста дословного содержания зашумленных фонограмм, наличия или отсутствия на фонограмме неситуационных изменений [5], идентификации личности по устной речи [1]. Назначение лингвистической экспертизы необходимо для решения вопросов о смысловом содержании устных и письменных текстов [3].

Вопрос использования возможностей фоноскопической и лингвистической экспертиз при расследовании уголовных дел экономической направленности неоднократно поднимался в научных дискуссиях. Однако, их тематика затрагивает в основном порядок назначения экспертизы, постановку вопросов экспертам, отбор образцов для сравнительного исследования. В настоящей статье предлагается на основе практического опыта сформировать перечень тех доказательств, которые следственные органы могут получить по результатам назначения фоноскопических и лингвистических экспертиз. Поскольку несмотря на то, что в последнее время следователи и дознаватели довольно уверенно назначают экспертизы по устной и письменной речи, некоторые варианты её использования в качестве доказательства могут оставаться неочевидными. К тому же практикующие следователи и дознаватели больше ориентируются на реальные примеры расследования уголовных дел, чем на теоретические научные поиски.

Треть преступлений в сфере экономики совершается против собственности. Хищения, совершенные организованной группой, наносят наибольший урон экономическому развитию компаний и предприятий всех сфер деятельности. При подготовке, осуществлении хищения и при сбыте похищенного члены группы используют преимущественно телефонную связь. Кроме этого, деятельность по созданию преступного сообщества и руководству таковым состоит преимущественно из актов речевого общения. Поэтому следовая картина, возникающая в процессе функционирования преступного сообщества, наиболее полно отражается в способе и содержании коммуникативных связей его участников при подготовке и совершении преступлений, осуществлении денежных расчетов, сокрытии и отмытии преступных доходов, и, соответственно, точно отражает структуру преступного формирования [2, с. 42]. Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2018 г. № 445 «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» существенно расширяет возможности использования речевой информации в доказывании.

Так, в Южно-Уральском управлении МВД России на транспорте расследовалось уголовное дело о хищении грузов из железнодорожных вагонов, следовавших в составе грузовых поездов, на участке Южно-Уральской

железной дороги. В фабуле дела значилось, что группа лиц под руководством Федорова А.В. по предварительному сговору на протяжении 8 месяцев осуществляла сброс металлических труб из движущихся вагонов, идущих на малой скорости.

Силами ЭКЦ Южно-Уральского ЛУ МВД России на транспорте и ЭКЦ Управления на транспорте МВД России по УрФО был проведен комплекс фоноскопических экспертиз в отношении более чем 70 лиц. Используя результаты проведенных исследований, следственный орган получил следующую информацию:

– по установленным текстам дословного содержания фонограмм получены сведения:

- о подготовке к хищению: в состав группы входили работники РЖД, которые оповещали подозреваемых о времени прохода вагонов и о виде, находящихся в них металлических изделий;

- о совершении хищения: место, время и примерный объем украденного;

- о сокрытии украденного: сообщалось куда и на каком транспорте планируется отвезти изделия;

- о взаимных расчетах: сведения об уплате организатором средств, полученных после сбыта украденного каждому члену группы. В случае речевой маскировки указания на предназначение денежных средств, возможно назначение лингвистической экспертизы с постановкой следующего вопроса: «Идет ли речь в представленных на исследование разговорах о передаче денежных средств от одного собеседника другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?»;

- о распределении ролей в группе позволили выявить организатора, руководителей, других участников группы, а также их обязанности, специализации в структуре преступного сообщества. В случае затруднения в выявлении ролей участников ОПГ, возможно назначение лингвистической экспертизы с постановкой следующего вопроса: «Имеются ли в представленном тексте признаки побуждения к каким-либо действиям? Если да, то каковы роли и функции собеседников в представленной речевой ситуации, каков характер волеизъявления участников коммуникации (просьба, предложение, требование, принуждение и др.) и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках, а также обстоятельствах действий или событий идет речь?»;

- о подтверждении осознания участниками группы совершения противоправных действий. Например, владелец пункта приема металлолома на допросах утверждал, что не знает источник появления металлических изделий, привезенных к нему. Но в текстах дословного содержания неоднократно указывалось на то, что он делает «заказ» на определенную марку стали и размер трубы, которые позднее были похищены из вагонов (ст. 175

УК РФ Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем).

– по результатам проведенных фоноскопических идентификационных экспертиз получены сведения:

- о составе группы в конкретном эпизоде: в процессе разгрузки вагона члены группы переговаривались между собой посредством телефонной связи, что позднее позволило вычислить участников конкретных эпизодов хищений;

- о причастности лиц, не совершавших хищение собственноручно, но входящих в состав группы. Это так называемые наблюдатели, предупреждающие об опасности, о приближении сотрудников полиции или охраны. При этом в качестве доказательства причастности данных лиц к совершению преступления выступает только идентификация личности по устной речи.

Следует учитывать, что получение такой содержательной совокупности доказательств, стало возможным благодаря тесной работе следователей и экспертов при подготовке материалов, назначении и проведении фоноскопических экспертиз [4]. Данный практический опыт был неоднократно применен при расследования других уголовных дел по фактам хищений, совершенных группами лиц, например, хищения в особо крупном размере нефтепродуктов из железнодорожных цистерн работниками ЮУЖД при содействии сотрудников вневедомственной охраны; хищения металлических рельс железнодорожных подъездных путей, железнодорожных изделий, феррохрома, лома черных и цветных металлов с территории заводов и др.

Вместе с тем перечисленные выше типы сведений о взаимодействии участников преступной группы входят в совокупность доказательств, выявляемых при расследовании уголовных дел по фактам мошенничества, совершенного организованной группой, в том числе совершенного лицами с использованием своего служебного положения; мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности; организация и ведение незаконной предпринимательской деятельности. Так, в СО Оренбургского ЛО МВД России расследовалось уголовное дело по факту ведения незаконной предпринимательской деятельности без государственной регистрации, а именно реализация спиртосодержащей продукции, полученной посредством железнодорожного транспорта. В телефонных переговорах подозреваемые использовали кодовый язык для маскировки содержания, например, «муслики», «хроменёте», «бородачи», «хорёк», «талая», «с филками» и т.д. В таких случаях целесообразно назначение лингвистической экспертизы с целью решения вопроса о предмете речи, о речевом выражении каких-либо фактов действительности или положения дел, а именно постановка вопроса

«Имеются ли в тексте, представленном на исследование, признаки маскировки его содержательных элементов? Если да, то можно ли определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики?» [3, с. 250].

Необходимо отметить, что результаты лингвистических и фоноскопических экспертиз широко востребованы при расследовании любого вида коррупционных преступлений в экономической сфере. В рамках фоноскопической экспертизы решается вопрос о наличии неситуационных изменений в случае, когда имеются сомнения в достоверности аудиозаписи (записана и предоставлена лицом, у которого вымогали взятку); проводится идентификация личности по устной речи для определения состава участников беседы. В рамках лингвистической экспертизы при анализе волеизъявления в ситуациях, связанных с причиной передачи денежных средств от одного собеседника другому за выполнение каких-либо действий уточняются цели-установки передачи денежных средств для определения обстоятельств вымогательства взятки или дачи взятки, что важно для квалификации состава преступления [3, с. 268].

Как видим, назначение и проведение судебных лингвистических и фоноскопических экспертиз значительно повышают эффективность расследования уголовных дел экономической направленности. Практический опыт применения судебных фоноскопических и лингвистических экспертиз при раскрытии преступлений в сфере экономики показывает, что всестороннее исследование речевой информации позволяет составить наиболее полную базу доказательств для формирования обвинительного заключения по делу.

Библиографический список

1. Идентификация лиц по устной речи на русском языке. Методика «Диалект». Пособие для экспертов / Н.Б. Кураченкова, Н.В. Байчаров, М.А. Ермакова // под ред. В.М. Богданова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр специальной техники. Институт Криминалистики ФСБ РФ, 2007. – 136 с.

2. Ищенко П.П. Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения расследования организованной преступной деятельности // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 4. – С. 40–44.

3. Назарова Т.В. Лингвистическая экспертиза. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская // под ред. Ю.М. Дильдина. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – С. 243–293.

4. Папоян Н.П. Рекомендации сотрудникам оперативных служб, следствия и дознания Управления на транспорте МВД России по УрФО по вопросам назначения фоноскопических экспертиз: инф. письмо / Н.П. Папоян. – ЭКЦ УТ МВД России по УрФО. – 2013. – 7 с.

5. Хуртилов В.О. Техническое исследование фонограмм. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств /

В.О. Хуртилов, Т.В. Назарова, П.А. Манянин, И.А. Серебряков, К.А. Лебедев // под ред. Ю.М. Дильдина. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – С. 454–517.

УДК 343.1

*Д.П. Попов, адвокат, преподаватель кафедры уголовного процесса
и экспертной деятельности ЧелГУ
г. Челябинск, Россия*

Процессуальная деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причинённого преступлением: проблемные аспекты законодательной регламентации

Защита прав лиц, потерпевших от преступлений, восстановление их имущественных интересов, и принятие мер, по обеспечению возмещения вреда в уголовном судопроизводстве, является одним из основных элементов процессуальной деятельности следователя. Однако, законодательная регламентация правового механизма следственной деятельности по применению обеспечительных мер имущественного характера, в уголовном судопроизводстве, явно несовершенна. Правовые положения, предоставляющие право следователю, по применению мер, обеспечивающих иски требования, сформулированы таким образом, что их применение может нарушить права подозреваемого/обвиняемого, а не применение, соответственно права потерпевшего. В результате проведенного исследования, автором даются конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: следователь, обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, гражданский иск, наложение ареста на имущество.

Достижение назначения уголовного судопроизводства, ставит своей целью не только изобличение лиц, виновных в совершении преступления и назначение им справедливого наказания, но и принятие мер, направленных на возмещение вреда, причинённого потерпевшему преступлением.

Исследование статистических данных относительно данного направления следственной деятельности свидетельствуют о том, что данное направление правоохранительной деятельности в России находится в неэффективном, если не сказать в безрезультативном состоянии. Например, из статистических сведений о состоянии преступности в России, предоставленных МВД РФ за январь 2022 г. следует, что материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам составил – 36 469 753 [7]. Из отчета судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2021 г., сумма ущерба, присужденная судами к взысканию (по всем составам преступлений) за указанный период составила 12 386 846 554 [8].

Уполномоченный по правам человека в России, неоднократно в своих докладах отмечал, что потерпевший далеко не всегда может рассчитывать на возмещение причиненного ему вреда. Привлечение к уголовной ответственности и осуждение виновных, не является гарантией возмещения вреда пострадавшим, а следственными органами не всегда предпринимаются достаточные и исчерпывающие меры для выявления имущества обвиняемых [1], не принятие следствием таких мер, в максимально короткий срок затрудняет взыскание потерпевшим причиненного ему вреда [3].

Приведенные выше данные указывают: на недостаточную эффективность деятельности следственных органов по обеспечению восстановления имущественных прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве; отсутствие действенного должностного контроля и надзора за деятельностью следователя, по принятию мер, направленных на восстановление имущественных прав и интересов потерпевшего.

В теории уголовного процесса, к числу причин низкой эффективности мер, по возмещению вреда, причиненного преступлением, относят: отсутствие наступательности в действиях правоохранительных органов; несовершенство законодательства, не позволяющего оперативно обнаруживать, арестовывать и возвращать похищенное имущество; сокрытие собственности и перевод её на других лиц [4, с. 121], отсутствие механизмов эффективного взаимодействия с контрольными (регистрационными) органами при расследовании уголовных дел и др. [5, с. 462].

Исходя из темы, заявленной в наименовании статьи, объектом исследования являются проблемные вопросы законодательной регламентации следственной деятельности, направленной на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением.

По смыслу постановления Конституционного суда РФ от 10.12.2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория», гражданский иск о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, является одним из основных правовых средств, предназначенных для реализации предписаний ст. 52 Конституции РФ и конкретизирующего ее п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, а именно для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Реализация потерпевшим права на подачу исковых требований, порождает корреспондирующую обязанность следователя, при уклонении обвиняемого от возмещения причиненного вреда, принять меры, по принудительному обеспечению возмещения вреда.

Основным средством, принудительной деятельности следователя, позволяющим наиболее эффективно гарантировать обеспечение исковых требований в части возмещения вреда, причиненного преступлением, является наложение ареста на имущество лиц, ответственных за его причинение.

Данное средство представляет собой предусмотренную законом меру процессуального принуждения, применяемую должностными лицами в пределах своих полномочий, в целях предупреждения или пресечения действий подозреваемого, обвиняемого по сокрытию и расходованию принадлежащего им имущества [6, с. 23].

Механизм применения данной обеспечительной меры, законодательно сформулирован в ст. 160.1 УПК РФ, и изложен в контексте классификации последовательно осуществляемых следователем видов процессуальной деятельности, по: установлению имущества подозреваемого, обвиняемого на которое может быть наложен арест; собственно наложению на данное имущество ареста; определению стоимости арестованного имущества с точки зрения её (стоимости) достаточности для возмещения вреда.

Вместе с тем, визуальный анализ названия данной статьи «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий» и содержания диспозиции, приведенной в ней нормы, а также сравнительно-правовой анализ данной нормы с другими положениями УПК РФ, указывают на ряд недостатков и существенных противоречий, которые могут возникнуть при применении положений ст. 160.1 УПК РФ. Во-первых, диспозиция статьи не содержит указание о том, что меры, перечисленные в данной норме, применяются в целях обеспечения гражданского иска, указание на который, имеется только в наименовании статьи, что свидетельствует о несовершенстве примененных законодателем правил юридической техники, а также позволяет предположить, что, во-вторых, меры по установлению имущества подозреваемого и наложение на него ареста, могут применяться следователем, при наличии простых предположений о характере причиненного вреда, независимо от наличия в уголовном деле гражданского иска. В правоприменительной деятельности достаточно часто встречаются ситуации, особенно на начальном этапе расследования по делам о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, когда меры по определению стоимости причиненного потерпевшему вреда, ещё не начали приниматься, исковые требования и доказательства, его подтверждающие потерпевшим ещё не предъявлены, однако, следователь изымает имущество подозреваемого на которое в последующем может быть (также как может и не быть) наложен арест. В этой части смысл приведенной нормы, вступает в существенное противоречие с правами гражданского ответчика, предусмотренными п.п. 1, 2 и 3 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, обеспечивающими его права на защиту имущественных интересов. В-третьих, определение стоимости арестованного имущества, с точки её достаточности для возмещения вреда, по смыслу данной нормы возложено на следователя, который не является сведущим специалистом в области оценочной и товароведческой деятельности. В-четвертых, обеспечительные меры, могут приниматься только для возмещения имущественного вреда. Вне правового регу-

лирования остаются требования истца об имущественной компенсации морального вреда, и вреда причиненного деловой репутации юридического лица, что вступает в противоречие с ч. 1 ст. 44 УПК РФ, в части ущемления прав как физических лиц, так и хозяйствующих субъектов экономической деятельности.

Исходя из приведенных проблемных аспектов, законодательной регламентации применения мер, обеспечивающих иски потерпевшего, мы полагаем, что механизм процессуальной деятельности следователя ст. 160.1 УПК РФ, следует изложить в следующей редакции:

«1. В целях обеспечения исполнения приговора суда в части заявленного потерпевшим или гражданским истцом гражданского иска, конфискации имущества в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации либо наказания в виде штрафа или других имущественных взысканий следователь, дознаватель обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым и наложению ареста на данное имущество.

2. В целях установления имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, на которое может быть наложен арест, следователь, дознаватель вправе давать органу дознания письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий направленных на установление данного имущества, направлять запросы в учреждения, предприятия, организации, должностным лицам и гражданам.

3. Для определения стоимости имущества, на которое следователем, дознавателем наложен арест, а также определения достаточности стоимости этого имущества, для обеспечения исполнения приговора суда в части гражданского иска и иных имущественных взысканий, следователь, дознаватель привлекает специалиста или назначает экспертизу».

Внесение предложенного изменения положений ст. 160.1 УПК РФ, позволит:

– систематизировать работу следователя по уголовному делу, с точки зрения эффективной организации и осуществления процессуальной деятельности по применению обеспечительных мер;

– уравновесить права потерпевших и гражданских истцов, как на компенсацию причиненного прямого материального ущерба, так и компенсацию морального вреда, и вреда причиненного деловой репутации;

– создать эффективный механизм межведомственного процессуального взаимодействия между следственными органами и органами дознания, а также следственными органами и лицами, осуществляющими функцию

оказания содействия в уголовном судопроизводстве (экспертами, специалистами и др.).

Библиографический список

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ // [Электронный ресурс] [http:// ombudsmanrf.org](http://ombudsmanrf.org) (дата обращения 03.04.2018).

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ // [Электронный ресурс] [http:// ombudsmanrf.org](http://ombudsmanrf.org) (дата обращения 03.04.2018).

3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ // [Электронный ресурс] [http:// ombudsmanrf.org](http://ombudsmanrf.org) (дата обращения 03.04.2018).

4. Кутазова И.В. Некоторые вопросы возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 121.

5. Лелетова М.В. К вопросу о повышении эффективности возмещения вреда, причиняемого преступлениями // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2. – С. 462.

6. Прасковьян Д.А. Обеспечение гражданского иска на досудебных стадиях по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Прасковьян. – Саратов, 2004. – С. 23.

7. Состояние преступности в России за январь 2022 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // [Электронный ресурс] [https:// media.mvd.ru/files/application/1241295](https://media.mvd.ru/files/application/1241295) (дата обращения 09.03.2022).

8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 6 месяцев 2021 г.: отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] <http://www.cdep.ru> (дата обращения 09.03.2022).

*В.В. Рудич, д.ю.н., адвокат, основатель школы практического права,
профессор кафедры публичного права УрГЭУ
г. Екатеринбург, Россия*

Различия в соотношении норм материального и процессуального права и влияние этого различия на решение вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

В статье автор рассматривает проблематику различия в соотношении между нормами ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, положениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 (в ред. от 11.06.2020 г.), и нормами УК РФ, ГК РФ и Законом «Об общественных объединениях», касающихся сферы предпринимательской деятельности. Затрагивает вопрос о равенстве перед законом и судом граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность, будучи зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. А также рассматривается вопрос о применении меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении руководителей коммерческих организаций, в случае совершения ими преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, и руководителей общественных организаций так же в случае совершения ими преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Делает предложения о необходимости внесения дополнений в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 (в ред. от 11.06.2020 г.). Высказывает собственные суждения о важности соблюдения принципа равенства всех перед законом и судом.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, преступление в сфере предпринимательской деятельности, руководящий орган коммерческой организации, соучастие, общественные объединения, руководящий орган некоммерческой организации, УПК РФ, Федеральный Закон «Об общественных объединениях», постановление Пленума Верховного Суда РФ, равенство всех перед законом и судом.

Поводом для настоящей статьи послужил ряд противоречий, имеющих в положениях, закреплённых в нормах материального и уголовно-процессуального права, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства,

регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (в ред. от 11.06.2020 г.).

Так по смыслу, изложенному в положениях ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, запрет на применение самой строгой меры пресечения за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности действует в отношении индивидуальных предпринимателей и руководителей органов коммерческих организаций.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 (в ред. от 11.06.2020 г.), аналогично ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, и содержит положения о запрете применения меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении индивидуальных предпринимателей, руководителей коммерческих организаций, а также лиц, совершивших преступление в сфере предпринимательской деятельности в соучастии с индивидуальным предпринимателем или руководящим органом коммерческой организации.

Из буквального толкования текста вышеназванных нормативных актов следует, что ограничение на применение самой строгой меры пресечения прямо связано с правовым положением субъектов, которые должны быть зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей или, в соответствии с уставом коммерческой организации, должны обладать статусом руководящего органа.

Однако с позиции уголовного права, в самом общем виде, предпринимательские правоотношения могут быть охарактеризованы как урегулированные нормами права общественные отношения, которые возникают в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

При этом саму предпринимательскую деятельность в уголовном праве определяют исходя из положений ст. 2 Гражданского кодекса РФ.

Значительное число бланкетных норм, содержащихся в статьях главы 22 Уголовного кодекса РФ, позволяет сделать вывод о том, что «гражданско-правовая дефиниция предпринимательской деятельности имеет несомненное уголовно-правовое значение, а соответствующие частноправовые нормы, регламентирующие предпринимательские отношения, можно рассматривать в качестве структурного элемента системы уголовно-правовой охраны анализируемой сферы» [3, с. 6].

В этой связи А.А. Боровков отмечает, что с точки зрения уголовного права к «сфере предпринимательской деятельности необходимо относить такую область экономической активности, которая отвечает критериям предпринимательской деятельности, то есть обладает ее признаками» [1, с. 113].

Но самое важное то, что в научной литературе по уголовному праву признаки предпринимательской деятельности подразделяются на содержательные (сущностные) и формальные. «К числу первых, относят такие ха-

рактики рассматриваемой деятельности, как ее осуществление субъектом самостоятельно, на свой страх и риск, в целях систематического получения прибыли. К числу вторых – государственная регистрация субъекта в установленном законом порядке, а также в предусмотренных законодательством случаях наличие у него лицензии на занятие тем или иным видом предпринимательства» [3, с. 7].

Такое разделение признаков предпринимательской деятельности на содержательные и формальные имеет уголовно-правовое значение. При отсутствии какого-либо содержательного признака, говорить о предпринимательском характере деятельности нельзя. Если содержательные признаки в совокупности присутствуют, а отсутствует формальный признак, **то предпринимательская деятельность присутствует**, при этом она становится незаконной, но это вовсе не значит, что её нет де-факто.

Другими словами, с точки зрения уголовного права, предпринимательская деятельность, даже не будучи признаваемой таковой по закону, де-юре, вполне может являться такой по своей сути, то есть де-факто при наличии всех содержательных признаков. Об этом, в частности, свидетельствуют названия и тексты ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» и ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности». Уже из самих наименований этих статей следует, что предпринимательская деятельность, даже не будучи признаваемой таковой по закону, вполне может являться такой по своей сути.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что УК РФ, в отличие от положений ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ и позиции изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48, не связывает наличие предпринимательской деятельности с формальным признаком – обязательной регистрацией субъекта в качестве индивидуального предпринимателя.

Аналогичный вывод мы можем сделать и при анализе норм ст. 2 ГК РФ. С одной стороны в данной статье указывается, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке. Однако тут же в ст. 2 ГК РФ сказано, «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

И такое «иное» мы находим в ст. 23 ГК РФ. Так абзац 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ чётко устанавливает, что «в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности, законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя». Следовательно, предпринимательская деятельность в этом случае будет иметь место. При этом регистрация в качестве индивидуального предпринимателя для этого не требуется. В этом случае возникает вопрос: «Может ли осуществляемая гражданином такая предпринимательская деятельность, причём абсолютно

законная и легальная, подпадать под действие ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, в случае если в рамках этой деятельности будет совершено соответствующее преступление»? Исходя из буквального толкования текста ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ и текста Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48, нет, не подпадает, поскольку отсутствует условие, указанное в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ и в Постановлении – лицо не имеет регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Дальнейший анализ статьи 23 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что даже при условии, когда регистрация в качестве индивидуального предпринимателя должна быть, но в силу нарушения этого требования она отсутствует, деятельность всё равно может быть признана предпринимательской. Так согласно п. 4 ст. 23 ГК РФ «гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований абзаца 1 пункта 1 настоящей статьи, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила настоящего Кодекса об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Пункт 5 статьи 23 ГК РФ гласит, что «граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, заключенного в соответствии с законом о крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Как мы видим, указанная хозяйственная деятельность ведётся не на основании регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а на основании соответствующего соглашения.

Аналогичный вывод следует и из анализа норм ст. 69 ГК РФ, где сказано, что «участники полного товарищества в соответствии с заключенным между ними договором занимаются предпринимательской деятельностью от имени товарищества и несут ответственность по его обязательствам принадлежащим им имуществом». Из указанной нормы мы видим, что участники полного товарищества не имеют никакой регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей и могут не состоять в руководящем органе полного товарищества, но при этом осуществляют предпринимательскую деятельность.

Так же из норм материального права следует, что предпринимательскую деятельность вправе осуществлять и осуществляют, юридические лица, имеющие не только организационно-правовую форму в качестве коммерческой организации, но и иную организационно-правовую форму – форму некоммерческой организации.

Так пункт 5 ст. 123.24 ГК РФ содержит норму, согласно которой «автономная некоммерческая организация вправе заниматься предпринимательской деятельностью, необходимой для достижения целей, ради которых она создана».

Так же предпринимательскую деятельность могут осуществлять общественные организации – общественные объединения. В этом легко убедиться, внимательно изучив Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) «Об общественных объединениях» и, в частности, ст. 31 этого Закона. Для убедительности приведём цитату первого абзаца этой статьи: «Имущество общественного объединения формируется на основе вступительных и членских взносов, если их уплата предусмотрена уставом; добровольных взносов и пожертвований; поступлений от проводимых в соответствии с уставом общественного объединения лекций, выставок, лотерей, аукционов, спортивных и иных мероприятий; доходов от предпринимательской деятельности общественного объединения; гражданско-правовых сделок; внешнеэкономической деятельности общественного объединения; других, не запрещенных законом поступлений».

Приведённый выше текст, на мой взгляд, однозначно говорит о праве общественного объединения заниматься предпринимательской деятельностью, направленной на достижение своих уставных целей – но, именно, предпринимательской деятельностью – с целью получения дохода – прибыли. При этом есть основания, полагать, что в рамках осуществления руководящим органом общественного объединения разрешённой законом предпринимательской деятельности, вполне может быть совершено преступление, указанное в ч. 1.1. ст. 108 УК РФ. В этом случае возникает вопрос – а чем отличается преступление в сфере предпринимательской деятельности, совершённое руководящим органом коммерческой организации, от преступления в сфере предпринимательской деятельности, совершённого руководящим органом общественного объединения – ведь и там и там юридическое лицо, и там и там руководящий орган, и там и там предпринимательская деятельность? Если нет различия, то почему за одно и то же преступление в одной и той же сфере (предпринимательской), руководитель общественного объединения «поедет» в следственный изолятор, а руководитель коммерческой организации – в худшем случае – «пойдёт» под домашний арест? Конечно, следует принять во внимание, что такой специальный режим в отношении предпринимателей был введён, с целью защитить бизнес от произвола, в том числе и правоохранительных органов, с целью позволить сохранить предпринимательскую деятельность как основу решающую, в том числе, и важные социальные и экономические задачи. Но разве общественные организации, законно осуществляющие свою предпринимательскую деятельность для достижения своих уставных целей, не составляют такую же экономическую основу, и разве они не решают важные со-

циальные задачи. И разве они не нуждаются в защите от такого же произвола, как и коммерческие организации, в том числе и со стороны правоохранительных органов? Не думаю, что имеются более глубокие и более существенные основания не учитывать очевидный факт существования неравенства. Особенно, беря во внимание то, что и общественное объединение – общественная организация, равно как и коммерческая организация, платит налоги, занимается, как уже отмечалось, решением комплекса социальных задач. Поэтому полагаю, что создание условий для их нормального функционирования, даже в период уголовного расследования, ничуть не менее значимо, нежели создание условий для деятельности предпринимателя или коммерческой организации. Безусловно, следует признать, что внутри самих общественных объединений есть различия по организационно-правовой форме, но в данной статье я веду речь именно об общественных организациях, например, таких как районный, городской или областной комитет Союза ветеранов Афганистана, ветеранов локальных конфликтов, ветеранов пограничных войск и другие организации подобного рода. Для достижения своих уставных целей, кроме патриотической и воспитательной работы, таким организациям приходится вести, в том числе, и предпринимательскую деятельность, осуществлять управление принадлежащим им имуществом, осуществлять гражданско-правовые сделки, а также вести и внешнеэкономическую деятельность. И, как уже мною отмечалось, в такой деятельности могут быть совершены деяния, предусмотренные УК РФ, в том числе и указанные в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ.

При этом, конечно, нельзя не отметить, что возможно остро будет стоять вопрос правильного определения организационно-правовой формы такой общественной организации, реальное наличие у неё права осуществлять предпринимательскую деятельность, и совершено ли преступление руководящим органом такой организации, именно при осуществлении этой разрешённой предпринимательской деятельности, т.е. по сути, вопрос правильной квалификации деяния. Но ведь установление правильной квалификации – это то, чем и должны заниматься правоохранительные органы. А на судебные органы, при решении вопроса о применении меры пресечения, следует возложить контроль за правильной квалификацией предъявленного обвинения – такое предложение уже обосновывалось мной в более ранней работе [5, с. 147–149], поэтому я не буду подробно останавливаться на этом вопросе.

К сказанному добавлю, что в судебной практике, в случае, если следствие докажет, что предпринимательская деятельность осуществлялась лишь для видимости, чтобы прикрыть преступное деяние, то такой случай будет исключением из запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу [5, с. 341–342; 6, с. 158–162].

В этом случае исключение из запрета на применение самой строгой меры пресечения будет иметь место, не зависимо даже от того, что имеется

формальный признак – регистрация в качестве индивидуального предпринимателя. Из такой судебной практики следует, что для принятия решения о применении самой строгой меры пресечения важным всё же является наличие содержательных (сущностных) признаков предпринимательской деятельности, а не формальных. Вывод о второстепенной роли формальных признаков следует и из проведённого нами анализа материальных норм.

Так из приведённых материальных норм УК РФ; ГК РФ; Закона «Об общественных объединениях» мы видим, что для осуществления законной предпринимательской деятельности *не всегда надо быть обязательно зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя; не всегда надо состоять в органах управления коммерческой организации; не обязательно иметь организационно-правовую форму юридического лица в качестве коммерческой организации (выделено мной В.Р.).*

Однако положения ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ и буквальный смысл толкования текста, изложенного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 однозначно приводят к выводу, что любая осуществляемая гражданами или юридическими лицами предпринимательская деятельность не будет подпадать под действие ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, если будет **отсутствовать** регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или организационно-правовая форма юридического лица в качестве коммерческой организации.

Основываясь на выше изложенном, считаю необходимым внести предложение о дополнении ч.1.1. ст. 108 УПК РФ, указав в ней, в том числе и запрет на применение самой строгой меры пресечения – «содержание под стражей», распространяющийся на лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, или занимающих руководящие посты в общественных объединениях – общественных организациях, при совершении ими преступлений, указанных в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, в случае если эти преступления совершены в рамках осуществления ими разрешенной предпринимательской деятельности.

Что же касается непосредственно вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 г. № 48, то считаю, что в указанное постановление также следует внести соответствующие изменения. Делая такие предложения и подводя итог сказанному, хотел бы отметить, что не времена делают жизнь людей хуже или лучше, не времена делают людей равными и не равными, а люди [2, 7], в том числе и те, от которых в той или иной степени зависит вопрос равенства всех перед законом и судом.

Как отмечал известный русский философ И.А. Ильин «Не жалуйся на время – ты для того и рождён чтобы сделать его лучше» [4]. Мы и только мы сами, можем и должны исправлять и не допускать того, что противоречит общечеловеческому миропониманию, человеческим законам и человеческому правосудию. И одно из условий такого человеческого правосудия

– это равенство всех перед законом и судом, которое должно быть не декларативной формой в законодательных актах, а в явной реальности человеческого бытия.

Библиографический список

1. Боровков А.А. Сфера предпринимательской деятельности как признак объективной стороны мошенничества, предусмотренного частями 5-7 статьи 159 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1 (86). – С. 111–119.

2. Вольтер Ф.М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / Франсуа Мари Вольтер; Перевод с французского Н. Лапшиной под редакцией и с предисловием профессора А. Герцензона. – М.: Госюриздат, 1956. – 339 с.

3. Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография / М.Г. Жилкин – М.: Юриспруденция, 2019. – 144 с.

4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой / Источник Собрание сочинений И.А. Ильина: в 10 томах. 1993–1999. / Т. 5. Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Москва: Русская книга, 1996. – 608 с.

5. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020. – 538 с.

6. Рудич В.В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С. 158–162.

7. Утяшев М.М. Вольтер – первый правозащитник Европы / Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Том 4. – № 3. – С. 169–186.

УДК 343.1

*Г.С. Русман, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Значение дискреционных полномочий суда при прекращении уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ

В статье анализируется значение дискреционных полномочий для принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. Законодательство, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности по данному основанию не содержит пробе-

лов, детерминирующих усмотрение. Соблюдение судьей определенного алгоритма прекращения уголовного преследования по рассматриваемому основанию, будет способствовать вынесению законного и обоснованного решения.

Ключевые слова: дискреционные полномочия суда; судебское усмотрение; прекращение уголовного преследования; возмещение ущерба; освобождение от уголовной ответственности; решение суда.

Государство стремится к формированию благоприятного делового климата, закрепляя определенные гарантии защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования в том числе и посредством оптимизации законодательства, регламентирующего вопросы амнистирования капиталов, направленного на профилактику преступлений в предпринимательской деятельности. Это подтверждается и динамикой изменений, вносимых в ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривающей возможность прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации.

Несмотря на кажущуюся полноту регламентации процессуального порядка прекращения уголовного преследования по рассматриваемому основанию, правоприменителями применяется оно не часто и вызывает определенные вопросы. Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба относится к нереабилитирующим, оценочным основаниям, что требует реализации дискреционных полномочий при разрешении соответствующей процессуальной ситуации.

В уголовно-процессуальной науке дискреционные полномочия суда определяются как вызванные необходимостью преодоления фактической и правовой неопределенности, допускаемые принципами уголовного судопроизводства полномочия суда применять на основе собственного внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства [6, с. 22–23].

Изучив материалы уголовного дела суд, принимая решение, на основе внутреннего убеждения выражает собственное мнение, следовательно, внутреннее убеждение выражается посредством судебного усмотрения.

Ученые-процессуалисты к основаниям усмотрения относят объективно существующие элементы правовой системы, которые определяют, а значит непосредственно обуславливают, возможность выбора одного из законодательно разрешенных вариантов правоприменительного решения [1, с. 75].

В сфере уголовно-процессуальной деятельности судебское усмотрение понимается как способность выбора альтернативных легальных решений в установленных законом рамках по конкретному уголовному делу. Оно

выражается в конкретных уголовно-правовых мерах воздействия, применяемых к лицам, совершившим запрещенные уголовным законом деяния. Критерии такого выбора нормативно не определены, не установлено, из чего должен исходить судья при осуществлении усмотрения (при выборе той или иной нормы права) [7, с. 315].

Судейское усмотрение означает не абсолютную, а относительную свободу выбора при принятии решения, имеет условный и ограниченный характер, поскольку осуществляется либо в пределах, примерно очерченных уголовным законом, либо в рамках, опосредованно определенных наукой уголовного права или судебной практикой, при этом все варианты являются в равной мере законными и обоснованными [3, с. 156].

Не вызывает сомнения, что лимит усмотрения правоприменителя, в частности суда, предусмотрен законодательными конструкциями, конкретными обстоятельствами дела, границами полномочий правоприменителя, мотивацией должностного лица, правилами толкования правовых норм, интересами государства и граждан, а также возможностью последующего пересмотра решения, принятого на основании дискреции [5, с. 79].

Пределы судейского усмотрения направлены на предотвращение негативных результатов реализации дискреционных полномочий, судебных ошибок, злоупотреблений, а также способствуют обеспечению законности принимаемых правоприменителем судебных решений. Использование дискреционных полномочий при соблюдении пределов судейского усмотрения обеспечивает утверждение принципа справедливости при рассмотрении правовых споров, служит эффективной защите интересов лиц, участвующих в деле [2].

Однако, обращаясь к конструкции ст. 28.1 УПК РФ возникает вопрос: есть ли место судейскому усмотрению при решении вопроса о прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба?

В случае, когда речь идет о необходимости оценить определенные обстоятельства (например, возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, в полном объеме), от установления которых зависит прекращение уголовного дела, соответствующие должностные лица или суд в соответствии с законом вправе прекратить уголовное дело, если они признают, что имеют место указанные выше обстоятельства [4, с. 109].

Законодатель закрепил дискреционное полномочие в ст. 28.1 УПК РФ, давая суду возможность оценить имеющееся основание и соблюдение условий освобождения от уголовной ответственности, хотя процессуальная целесообразность подобной судейской дискреции вызывает сомнения.

Думается, что имеющаяся законодательная конструкция, регламентирующая реализацию уголовно-процессуальной деятельности и формализм уголовного процесса в целом, предоставляет судье определенный алгоритм

принятия решения при разрешении вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в преступлениях, перечисленных в ст. 28.1 УПК РФ.

Несмотря на то, что норма, закрепленная Уголовным кодексом Российской Федерации определяет правовые условия и основания для прекращения уголовного преследования (ст. 76.1 УК РФ), соответствующая процессуальная норма (ст. 28.1 УПК РФ) конкретизирует и регламентирует процедурные моменты, Верховным Судом даны разъяснения в Постановлении Пленума от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», законодатель закрепляет право суда на прекращение уголовного преследования, чем допускает возможную дискрецию судьи при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Стоит указать, что в п. 27 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ прописано, что если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. ст. 25, 25.1, 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование.

Таким образом сложилась неоднозначная ситуация, когда суд с одной стороны обязан прекратить уголовное преследование и необходимости в судебском усмотрении нет, с другой стороны может этого не делать, в случае если не усмотрел соответствующего основания и соблюдения условий.

Поскольку уголовный и уголовно-процессуальный законы определяют вполне понятное основание для прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, а пробелы, которые могли бы детерминировать усмотрение, в законодательстве отсутствуют, разумно говорить об определенном алгоритме принятия решения об освобождении от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию.

Данный алгоритм должен включать в себя обязательное установление судом таких фактов как соответствие процессуального статуса подсудимого предъявляемым требованиям (лицо впервые привлекается к уголовной ответственности; совершило преступление небольшой или средней тяжести; характеризуется социально-положительно), наличие согласия подсудимого на применение выбранного альтернативного способа разрешения уголовного дела, ущерб, причиненный преступлением, возмещен в полном объеме, соблюдены правовые и процессуальные условия для прекращения уголовного дела (подсудимому разъяснены правовые последствия освобождения от уголовной ответственности, имеется необходимое ходатайство стороны о прекращении уголовного дела, волеизъявление сторон подтверждено в судебном заседании).

Соблюдение указанной последовательности действий судьи, основанное на нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, позволит принимать соответствующие решения без ущербности самого усмотрения.

Библиографический список

1. Зеленский С.Н. Судейская дискреция в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 74–78.
2. Кириллова А.Д. Пределы судейского усмотрения в процессе реализации дискреционных полномочий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1–2. – С. 194–201.
3. Лопатина Т.М. Судейское усмотрение: теория и практика регионального применения // Журнал российского права. – 2016. – № 7. – С. 149–156.
4. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.
5. Попов В.А. Понимание пределов усмотрения как института уголовно-процессуального права // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4 (29). – С. 77–80.
6. Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: монография / К.В. Пронин. – М.: «Юрлитинформ», 2011. – 168 с.
7. Рубанов А.В. Некоторые вопросы теории судейского усмотрения // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 314–316.

УДК 343.121

*Г.И. Седова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного процесса СГЮА
г. Саратов, Россия*

О коллективных субъектах в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются проблемы правовой регламентации коллективных субъектов в уголовном судопроизводстве. Выделяются недостатки правового регулирования участия юридических лиц в уголовно-процессуальных правоотношениях на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: коллективные субъекты, юридические лица, потерпевший, представитель, возбуждение уголовного дела.

Вопросу вовлечения коллективных субъектов в различного рода правоотношения уделяли внимание исследователи во многих отраслях права [1,

3, 5, 6]. Это обусловлено тем, что основным участником экономических отношений в современных условиях нашей страны становятся коллективные субъекты права. В силу того, что с экономикой связаны все области жизни в обществе, определяющие и диктующие правила как в экономической, социальной, так и правовой сфере, то и регулирование деятельности их основных участников–коллективных субъектов права, также становится жизненной необходимостью. Например, К.И. Кистенев не случайно акцентировал внимание на необходимости единого подхода к решению вопросов правового регулирования деятельности коллективных субъектов российского права через совокупность юридических категорий – правового статуса, правоспособности и дееспособности, а также единого понимания системы субъектов российского права [2, с. 3]. Известно, что коллективные субъекты – это организованные, обособленные, самоуправляемые группы людей, наделенные правами выступать в отношениях с другими субъектами как единое целое, персонифицировано [7]. Применительно к уголовному судопроизводству следует сказать, что в данной сфере коллективные субъекты – это – государство и организации. И тот, и другой – с гражданско-правовой точки зрения, могут являться юридическими лицами. Однако, в силу основного признака уголовно-процессуальной деятельности, как особого вида государственной, – возможности осуществления ее только определенными субъектами – специально на то уполномоченными государственными органами и должностными лицами, государство, в данном случае, следует рассматривать в качестве особого субъекта права. Потому как его правосубъектность формируется из функциональной правоспособности, существующей *ipso facto*, и дееспособности, которую государство приобретает через действующий механизм осуществления государственной власти. Государство приобретает свою дееспособность через механизм осуществления государственной власти, без которого невозможно осуществление его функций и задач в правовых отношениях. В уголовном процессе, коллективные субъекты, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность согласно УПК РФ, это – органы дознания (ст. 40), следственная группа (ст. 163), группа дознавателей (ст. 223-2), суд (ст. 30). Естественно, вступая в уголовно-процессуальные отношения, представляя государство, данные субъекты могут позиционироваться не как юридические лица, а только как особый субъект права, выполняющий либо функцию уголовного преследования и обвинения от имени государства, либо функцию правосудия. Обоснованной в этой связи представляется точка зрения К.И. Кистенева, который считается недопустимым отождествление понятий «субъект права» и «субъект правоотношения». Он предлагает не считать их идентичными в силу того, что «субъект правоотношения – это тот же субъект права, но только ставший участником правоотношения, деятельно реализующий только часть из целого ряда своих прав и обязанностей, которыми он, будучи субь-

ектом права, потенциально обладает» [2, с. 10]. Поэтому рассматривать коллективных субъектов указанного вида в качестве юридических лиц в уголовном процессе нет никаких оснований. В качестве таковых в уголовно-процессуальных правоотношениях выступает иной вид коллективных субъектов – организации. Причиной вовлечения их в уголовное судопроизводство является факт их участия в рыночных отношениях, в процессе которого им могут быть причинены имущественный вред, ущерб деловой репутации, носящие криминальный характер. Не случайно, некоторые исследователи в рассматриваемой области под коллективными субъектами права, в данном случае, понимают таких, «которые для участия в рыночных отношениях обладают правосубъектностью, отношениями обязательного представительства при участии в сфере рыночных отношений, организационным единством, имущественной обособленностью и правовым положением (правовым статусом)» [3, с. 7]. Прежде всего, речь идет об их возможности участвовать в уголовно-процессуальных правоотношениях в качестве потерпевших, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Необходимо обратить внимание на некоторую некорректность использования терминологии законодателем. Если при формулировке одной из основных задач уголовного судопроизводства – защите потерпевших от преступлений, он употребляет категорию – «организации», имея в виду, что они также могут быть потерпевшими по уголовному делу, то уже при регламентации правового статуса данного участника уголовного процесса применяется категория «юридическое лицо». Представляется, что законодатель в данном случае, руководствуется тем, что многочисленные объединения, как коллективные субъекты права, будучи организациями, не имеющими статуса юридического лица, но обладая при этом правосубъектностью, а значит и возможностью вступать в правоотношения, считает эти категории в уголовном судопроизводстве тождественными. Между тем, участие таких субъектов, как было замечено в начале данной статьи, в уголовно-процессуальных правоотношениях требует четкого процессуального регулирования не только статуса как определенного участника, но и механизма участия на всех стадиях уголовного судопроизводства. В этом контексте следует говорить, прежде всего, о стадии возбуждения уголовного дела, начале судопроизводства, когда законность четко урегулированной процедуры обеспечивает эффективное расследование преступления и разрешение расследованного уголовного дела по существу, соответственно, и достижение задач уголовного судопроизводства. Здесь речь идет о положениях статьи 23 УПК РФ, регламентирующей привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации и предусматривающей, при определенных обстоятельствах, условие для принятия решения о возбуждении уголовного дела только по заявлению руководителя организации, либо с его согласия. Так как одним из признаков коллективного субъекта являются отношения представительства, соответ-

ственно, организации (юридические лица) в уголовном процессе осуществляют, защищают свои права и законные интересы через представителя. В том случае, если юридическое лицо выступает в качестве потерпевшего, то его интересы представляет адвокат, согласно части 1 статьи 45 УПК РФ, являясь самостоятельным участником процесса – представителем потерпевшего. Вместе с тем, статья 23 УПК РФ говорит именно о волеизъявлении руководителя организации. Поэтому логично законодательно предусмотреть обязательное участие в процедуре подачи заявления о возбуждении уголовного преследования и уголовного дела в органы расследования, наряду с адвокатом-представителем, руководителя юридического лица. Это может стать дополнительным инструментом защиты интересов юридических лиц, так как взаимный контроль указанных субъектов, сведет к минимуму как возможные злоупотребления с их стороны, так и просто ошибочные действия в указанной ситуации, как свидетельствует, уже проанализированная с этих позиций, следственная практика [4, с. 46–50].

Таким образом, четкость уголовно-процессуального регулирования как процессуального статуса юридических лиц, так и процессуального механизма на отдельных стадиях уголовного судопроизводства позволит избежать необходимость в применении в уголовно-процессуальных отношениях отсылок к общетеоретическим положениям по данным вопросам, позволит оперативно и эффективно решать задачи, поставленные законодателем перед судом и правоохранительными органами.

Библиографический список

1. Галяутдинова А.С. «Коллективные субъекты финансового права»: дис. ... канд. юрид. наук. / А.С. Галяутдинова. – Москва, 2013. – С. 102.
2. Кистенев К.И. «Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.И. Кистенев. – Саратов, 2011. – С. 3.
3. Климанов Р.В. «Коллективные субъекты права в рыночных отношениях (вопросы общей теории права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.В. Климанов. – Волгоград, 2003. – С. 7.
4. Комова Ю.В. Преступления против интересов частных организаций. Как доказать незаконность возбуждения дела // Уголовный процесс. – 2020. – № 6. – С. 46–50.
5. Позняков П.Н. «Правовое положение коллективных публичных субъектов права»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Позняков. – Нижний Новгород, 2003.
6. Ширяева Т.И. «Юридическое лицо как потерпевший: теоретические и практические проблемы участия в уголовном судопроизводстве»: монография / Т.И. Ширяева. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 144 с.
7. Янгуразов М.В. Виды коллективных субъектов права// Актуальные вопросы современной правовой науки: материалы Междунар. науч. конф.

Респ. Беларусь «НИРС – 2011», Минск, 4–5 нояб. 2011 г. / ред. кол.: О.И. Чуприс (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2012. – 247 с.

УДК 343.121

Ю.М. Усольцев, доцент кафедры уголовного права и процесса СурГУ

*Н.А. Усольцева, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин и трудового права СурГУ
г. Сургут, Россия*

Ведение бизнеса обвиняемым (подозреваемым) в условиях ограничения свободы: уголовно-процессуальный аспект

В статье рассматриваются вопросы возможности ведения предпринимательской деятельности обвиняемым (подозреваемым) в условиях ограничения свободы. Оцениваются предлагаемые уголовно-процессуальным законодательством возможности для дачи распоряжений по ведению такой деятельности и их эффективность.

Ключевые слова: уголовный процесс, обвиняемый (подозреваемый), предпринимательская деятельность, нотариус.

Вопросы использования уголовно-процессуальных мер пресечения в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, за совершение экономических преступлений, сохраняют свою актуальность, несмотря на явно произошедшие изменения в этой части за последние десять лет. Изменения Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), произошедшие в логике Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере [3] коснулись именно мер пресечения – статей 106-108 УПК РФ.

Высказывается точка зрения, что произведенные изменения были необходимы в связи с тем, что применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства при осуществлении предпринимательской деятельности тормозит экономическое развитие страны и ограничивают гарантированную Конституцией РФ свободу экономической деятельности [2, с. 38].

В итоге всех изменений часть 1.1 статьи 108 УПК РФ устанавливает, что заключение под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении отдельных экономических преступлений в качестве меры пресечения не может применяться при отсутствии определенных УПК РФ обстоятельств. В данной ситуации понимается обвиняемый (подозреваемый) – индивидуальный предприниматель, совершивший преступление в связи с осуществле-

нием им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо член органа управления коммерческой организации (член совета директоров (наблюдательного совета); член коллегиального исполнительного органа; лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 (ред. от 11.06.2020 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности») в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Если же такая мера пресечения в отношении указанных лиц будет применена, то естественно возникают вопросы о возможности индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации продолжать ведение предпринимательской деятельности в условиях ограничения свободы. Насколько вообще можно считать возможным и допустимым осуществлять ведение предпринимательской деятельности в условиях ограничения свободы?

Формально говоря, если продолжение предпринимательской деятельности не будет способствовать дальнейшему осуществлению незаконной деятельности или создавать условия, при которых обвиняемый (подозреваемый) сможет осуществлять помехи следствию и правосудию, то оснований к ограничению права на осуществление предпринимательской деятельности нет. Более того, можно говорить о том, что следователь должен создавать условия, при которых будет обеспечена сохранность имущества лица, заключенного под стражу (ст. 160 УПК РФ), возможность передачи распоряжений в отношении предпринимательской деятельности и сделок.

Де-юре мы понимаем, что ведение предпринимательской деятельности в условиях изолятора невозможно, как и в целом при изоляции субъекта. Осознавая, что обвиняемый (подозреваемый) находится под стражей и не может в прежнем полноценном режиме проводить мероприятия в сфере предпринимательской деятельности (свободное заключение сделок, проведение организационных мероприятий и т.д.), считаем необходимым обратиться к тем вариантам, которые остаются доступными для дачи распоряжений по ведению предпринимательской деятельности.

Возможным вариантом является право обвиняемого (подозреваемого) на свидания с нотариусом, при этом стоит обратить внимание, что это общее право любых обвиняемых (подозреваемых). Обвиняемый (подозреваемый) с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста может иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на

право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест (ст. 46, 47 УПК РФ).

В качестве места проведения свиданий с нотариусом рассматриваются: место заключения под стражу, место домашнего ареста. И если при домашнем аресте количество визитов нотариуса и соблюдение конфиденциальности такого общения не вызывают сомнения, то реализация прав на такие свидания с нотариусом в изоляторе временного содержания или в следственном изоляторе в плане количества свиданий, времени свидания (в течение суток), соблюдения конфиденциальности неразрывно связаны с правилами изолятора [5, 6]. Соответственно говорить о праве на свидания с нотариусом без ограничения их числа и продолжительности является явным преувеличением.

Рассуждение, что по запросу следователя нотариус должен будет раскрыть конфиденциальную информацию, ставшую ему известной при совершении нотариальных действий, и соответственно можно данную тайну не соблюдать, не логично, т.к. это является все-таки исключением из общих правил совершения нотариальных действий со специальным процессуальным порядком и привлечением суда (ч. 2 ст. 5 Основ законодательства о нотариате [4] и ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

По мнению Рудич В.В. в качестве варианта разрешения данной проблемы возможно доставление обвиняемого (подозреваемого) в следственный кабинет для предоставления возможности встречи с нотариусом, особенно в случае требования следователя о проведении нотариальных действий в его присутствии, с целью избежать выведения имущества и других ценностей из-под ареста, что предусмотрено ст. ст. 115, 116 УПК РФ [7, с. 19–20]. В продолжение сделанного предположения можно добавить, что в принципе в присутствии следователя возможно и проведение других встреч в рамках предпринимательской деятельности, проведение заседаний органа управления и т.д., очно или в удаленном формате.

УПК РФ ограничивает цель свиданий обвиняемого (подозреваемого) с нотариусом, а именно удостоверение доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности. Полагаем, складывается ситуация, при которой презюмируется разовая встреча на оформление генеральной доверенности, но фактически нигде не определен запрет оформления отдельных доверенностей на каждую сделку, на совершение других разовых юридических действий при ведении предпринимательской деятельности. И если полномочия члена органа управления коммерческой организации еще можно передать другому лицу на период ограничения свободы в целях обеспечения нормального функционирования компании, то индивидуальный предприниматель, несущий персо-

нальную заинтересованность и ответственность за каждое из своих решений, может потребовать создания условий для ведения предпринимательской деятельности при ограничении свободы и соответственно постоянных свиданий с нотариусом.

Остается открытым вопрос о совершении других нотариальных действий, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, например, для принятия и оформления каких-то решений и документов, вплоть до оформления решений собраний, заседаний органов управления юридического лица и т.д. Пока из логики уголовно-процессуального законодательства возможность оформления таких документов в условиях ограничения свободы не просматривается.

Как возможный вариант предложения, которое можно сделать по данному вопросу – совершение нотариального действия, которое необходимо для осуществления предпринимательской деятельности обвиняемого (подозреваемого), под полным контролем со стороны следователя и по заявлению на его имя со стороны обвиняемого (подозреваемого). Естественно, что заявитель в такой ситуации должен в полной мере осознавать, что соблюдение конфиденциальности будет невозможно изначально.

Мы полагаем, что свидания с нотариусом в присутствии следователя существенно помогли бы реализации в этой части положений УПК РФ, и дополнительно можно было бы говорить реализации и других мероприятий для управления предпринимательской деятельностью, свиданий с должностными лицами коммерческой организации или индивидуального предпринимателя для принятия организационно-управленческих решений.

Проводимая уголовно-процессуальная политика в отношении предпринимателей направлена на создание и поддержание благоприятного предпринимательского климата и привела к созданию особенного механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности, как указывают Александров А.С. и Александрова И.А. [1, с. 81]. Однако невозможно не отметить, что те меры, которые закреплены в УПК РФ являются явно недостаточными, и в условиях ограничения свободы осуществление предпринимательской деятельности на сегодняшний день представляется невозможным.

Библиографический список

1. Александров А.С. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. / А.С. Александров, И.А. Александрова // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 80–93.
2. Антипьев Н.В. Гуманизация и либерализация уголовного законодательства в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. // Отечественная юриспруденция. – 2021. – №3 (47). – С. 38–40.

3. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере (на основании Поручения Президента Российской Федерации № ПР-3169 от 28.11.2009 г.) / Институт современного развития // [Электронный ресурс] <http://insor-russia.ru/files/modernUK.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 02.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 11.03.1993. – № 10. – Ст. 357.

5. Приказ МВД России от 22.11.2005 г. № 950 (ред. от 27.05.2021 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 51. – 19.12.2005.

6. Приказ Минюста России от 14.10.2005 г. № 189 (ред. от 02.09.2021 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 46. – 14.11.2005.

7. Рудич В.В. Предоставление обвиняемому (подозреваемому) права на свидание с нотариусом для совершения нотариальных действий // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – №1 (72). – С. 18–21.

УДК 343.13

А.Р. Чикулина, старший преподаватель уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ЮУрГУ, г. Челябинск, Россия

Предмет доказывания в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности

Материально-правовые и уголовно-процессуальные гарантии, направленные на обеспечение прав предпринимателей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, устанавливаемые как в целях повышения эффективности судопроизводства, так и охраны интересов личности в уголовном процессе.

Ключевые слова: предмет преступления, уголовное судопроизводство, обстоятельства, подлежащие доказыванию, права и законные интересы предпринимателей.

Закрепленные в Конституции РФ положения о гарантии свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности; правах граждан на свободное ис-

пользование ими своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не только должны выступать социально-экономическим вектором, направленным на максимальное соответствие экономических интересов общества его потребностям, но и создавать необходимые условия для удовлетворения этих потребностей.

Ученые, правоприменители в своих исследованиях неоднократно указывали на необходимость закрепления на законодательном уровне гуманных материально-правовых и уголовно-процессуальных механизмов по делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности [2, с. 90–94], отмечая, что развитие современной экономической модели в России требует приведение ее в соответствии с общепринятыми правилами рыночной экономики [5, с. 59–62]. На актуальность анализируемой проблемы в своих выступлениях обращал внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин.

По данным правовой статистики шестнадцать процентов преступлений экономической направленности, регистрируемых в России, приходится на предпринимателей или каждое шестое. По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за 1-е полугодие (январь-июнь) 2021 г., увеличилось по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. на 10,8% число преступлений экономической направленности. В количественном выражении было выявлено 70,4 тыс. преступлений данной категории, из которых 38,5% составляют преступления в сфере экономической направленности.

При этом нельзя не отметить, что за последние годы в целях улучшения делового климата в стране и повышения качества национальной юрисдикции были внесены изменения в национальное законодательство, учитывающие статус индивидуального предпринимателя и осуществление коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Расследование уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности можно считать осуществленным всесторонне, полно и объективно, если были надлежащим образом, то есть полно и глубоко, установлены и исследованы все подлежащие доказыванию обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (как прямо входящие в предмет доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ, так и иные).

Учитывая, что предмет доказывания по отдельным категориям преступлений отличается рядом особенностей, которые классифицируются на материально-правовые и процессуально-правовые составляющие, предмет доказывания по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности так же специфичен. Уголовно-правовой элемент предмета доказывания в преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, заключается в установлении не предполагаемых выводов и суждений, а реальных явлений

объективной действительности исследуемого события, в котором отражены признаки состава преступления, то есть само содержание предмета доказывания.

Уголовно-процессуальный элемент предмета доказывания сводится к структурной составляющей ст. 73 УПК РФ, определению способов и средств обстоятельств совершенного преступления. При этом, представляется, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, выступают способом законодательного выражения понятия «предмет доказывания», существующего в уголовно-процессуальной науке. Согласимся с представителями процессуальной науки, отмечающими, что теоретическая градация предмета доказывания шире и сложнее обобщенной модели, содержание и структура которой регламентированы ст. 73 УПК РФ.

Л.В. Попова в своем исследовании [4 с. 79–81] характеризуя досудебное производство по уголовным делам в преступлениях, связанных с предпринимательской деятельностью как вида процессуального производства, отмечает характерную предметно-субъектную специализацию, обусловленную характером преступления и спецификой самого субъекта преступления. В процессуальной науке также можно найти подтверждение указанным положениям, авторы отмечают специфичность предмета процессуального производства и субъекта преступления [1, с. 14].

Согласимся с указанными позициями, ведь даже при доказывании регламентированного перечня обстоятельств, закрепленных в ст. 73 УПК РФ правоприменитель, не всегда учитывает специфику производства анализируемых преступлений, поскольку «значительная часть норм, регламентирующих уголовную ответственность предпринимателей, имеет бланкетный характер» [3, с. 66–72]. В связи с этим перед правоприменителем стоит сложная задача, ведь указанные особенности предмета доказывания должны отграничивать обстоятельства, составляющие основу правовых споров иной отраслевой природы от обстоятельств вменяемого преступления.

Безусловно, не установление указанных обстоятельств, пассивность и формальность подхода со стороны правоприменителя нарушает законодательные процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей.

На необходимость соблюдения и повышения эффективности процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов предпринимателей указывает и последняя редакция Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (от 11.06.2020 г.).

Очевидно, что правовая защищенность субъектов предпринимательской деятельности является одним из главных условий стабильного экономического развития Российской Федерации и неотъемлемой частью конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, соотношению публичных и личных интересов. Для исключения возможности использования уголовного преследования в качестве средства давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, законодателем установлены дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Библиографический список

1. Грачев С.А. Доказывание по уголовным делам об экономических преступлениях на досудебных стадиях судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Грачев. – Н. Новгород, 2003. – 28 с.

2. Зяблина М.Н. Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на защиту прав и законных интересов предпринимателей // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 1. – С. 90–94.

3. Колоколов Н.А. Президиум Верховного Суда РФ оправдал обвиненного в мошенничестве // Уголовный процесс. – 2018. – № 8. – С. 66–72.

4. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. / Попова Л.В. – Волгоград, 2019. – 278 с.

5. Смольянинов Е.С. Актуальные проблемы реализации современной уголовной политики в сфере экономической деятельности и защиты предпринимателей // Российский следователь. – 2021. – № 12. – С. 59–62.

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ БИЗНЕСА»

УДК 343.791

*Ф.Х. Асозода, ведущий специалист отдела законодательства
по государственному устройству, судебным и правоохранительным
органам Национального центра законодательства при Президенте
Республики Таджикистан
г. Душанбе, Таджикистан*

Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции по законодательству Республики Таджикистан

Настоящая статья посвящена вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РТ и привлечения к уголовной ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции. Проанализирован состав данного преступления.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольный орган, уголовная ответственность, доминирующее положение, антиконкурентные действия.

С обретением государственной независимости Республика Таджикистан встала на путь рыночной экономики. Основным признаком системы рыночной экономики является конкуренция. Конкуренция заставляет предприятия более эффективно работать в борьбе за потребителя, производить более качественные товары, внедрять новые технологии, повышать производительность труда.

Однако участники экономической деятельности часто недобросовестно себя ведут: ограничивают доступ на рынок или исключают другие предприятия; необоснованно отказываются от заключения договора с продавцом или покупателем-физическим лицом; заключают между собой соглашения, направленные на раздел рынка, установление, повышение, понижение или сохранение цен.

Ограничение конкуренции является одним из способов противодействия монополистической деятельности. Монополистическая деятельность антиконкурентна, поскольку направлена на ограничение, предотвращение или устранение конкуренции.

Государство разрабатывает правовую базу деятельности хозяйствующих субъектов на рынке в целях регулирования правоотношений, возникших в экономической сфере.

Основным нормативным правовым актом в области поддержки конкуренции и ограничения монополистической деятельности является Закон

Республики Таджикистан «О защите конкуренции»¹. Закон содержит широкий спектр различных правовых инструментов, направленных на предотвращение, ограничение и устранение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, создание условий для создания и эффективной деятельности хозяйствующих субъектов.

Конкурентные отношения регулируются различными отраслями права – административным и уголовным. Поэтому основным средством воздействия на них являются ограничения, за нарушение которых виновные лица привлекаются к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Антимонопольная служба при Правительстве Республики Таджикистан вправе привлекать виновных к административной ответственности. Антимонопольный орган привлекает к административной ответственности виновных в нарушении правил добросовестной конкуренции с определением и постановлением о наложении штрафа. Антимонопольный орган вправе информировать исполнительный орган государственной власти и органы местного самоуправления об отмене или изменении принятых ими незаконных актов, прекращении или изменении порядка совершения правонарушений. Однако на практике сотрудники правоохранительных органов сталкиваются со многими проблемами, особенно с судебным преследованием.

Статья 273 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) от 1998 года предусматривает уголовную ответственность за монополистические действия путем установления монопольно высоких или заниженных цен, распределения на рынке, ограничения доступа на рынок, ликвидации других хозяйствующих субъектов, установления или поддержания цен, а также ограничение конкуренции.

Проанализируем состав преступления, предусмотренное статьей 273 УК РТ.

Объектом преступления являются общественные отношения, влияющие на конкуренцию на товарных рынках, а также на рынках ценных бумаг, банковских услуг, страховых и иных финансовых услуг. Это следует из анализа положений Закона «О защите конкуренции» и статьи 273 УК РТ. Диспозиция статьи 273 УК РТ не относится к конкретному виду рынка, поэтому можно сделать вывод, что данная статья распространяется на все виды рынков [5; 6].

Объективная сторона данного преступления выражается в следующих видах противоправной деятельности:

1) монополистические действия, совершаемые путем установления высоких или низких монопольных цен;

---

¹ Закон Республики Таджикистан «О защите конкуренции» от 30 мая 2017 года. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2017. – № 5. – Ч.1. – Ст. 274.

2) ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, исключения других хозяйствующих субъектов, установления или поддержания единых цен.

Первое действие – это злоупотребление хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке. Доминирующее положение в статье 2 Закона «О защите конкуренции» как исключительное положение хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов на рынке товаров, не имеющих замещающих или взаимозаменяемых товаров, позволяет ему (им) иметь решающее влияние на общие экономические условия. Обращение товаров на соответствующем рынке или воспрепятствование этому рынку другим хозяйствующим субъектам. Как правило, положение хозяйствующего субъекта считается доминирующим, если его доля на рынке определенной продукции составляет 65% и более.

Согласно Закону Республики Таджикистан «О защите конкуренции» высокой монопольной ценой является цена товара, которая устанавливается субъектом хозяйствования в целях компенсации необоснованных затрат в результате недоиспользования производственных мощностей и (или) дополнительная прибыль продукции.

Низкой монопольной ценой признается цена приобретаемого товара, устанавливаемая хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке товаров в качестве покупателя, в целях получения дополнительной прибыли и (или) возмещения необоснованных расходов за счет продавца, либо цена товара умышленно устанавливается хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке товара в качестве продавца, на уровне, приводящем к убытку от реализации этого товара, что является или может быть ограничением конкуренции, путем устранения конкурентов с рынка.

Второе действие заключается в ограничении конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, отчуждения других хозяйствующих субъектов, установления или поддержания единых цен. Указанные действия совершаются хозяйствующими субъектами, на долю которых в целом приходится более 35 процентов рынка определенной продукции. Кроме того, возможны соглашения, направленные на ограничение конкуренции между хозяйствующими субъектами и исполнительной властью. Эти соглашения также предусмотрены диспозицией статьи 273 УК.

Целью отдельных действий должностных лиц органов исполнительной власти и органов местного самоуправления может быть также ограничение конкуренции. К таким действиям относится принятие актов исполнительных органов и исполнительных органов местного самоуправления, на основании которых создаются дискриминационные условия для деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. Например,

вводятся ограничения на создание новых хозяйствующих субъектов; устанавливаются необоснованные препятствия для деятельности хозяйствующих субъектов (отказ в выдаче лицензии на занятие определенной деятельностью); запрет на продажу товаров из одного региона в другой и так далее.

Разделение рынка – это определение сферы товарооборота по территории, по общему объему продаж или закупок, а также по перечню реализуемых товаров, кругу продавцов или покупателей.

Ограничение доступа на рынок – действие (действие или бездействие) виновного лица, создающее все неправомерные препятствия для входа на рынок хозяйствующего субъекта и препятствующее свободе экономической деятельности. Ограничения доступа на рынок могут быть вызваны физическими препятствиями для конкурентов, необоснованными запретами, неблагоприятными режимами, ограничениями на перемещение товаров и финансовых услуг как со стороны юридических лиц, так и со стороны исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Исключение с рынка других хозяйствующих субъектов – действия виновных лиц, понуждающие хозяйствующих субъектов, уже действующих на данном рынке, прекратить хозяйственную деятельность на соответствующем рынке полностью или частично.

Установление или поддержание единых цен – соглашение или согласованное действие между хозяйствующими субъектами о единых ценах на данном рынке, которое реализуется всеми участниками такого соглашения.

Опыт выявления нарушений антимонопольного законодательства показывает, что наиболее распространены злоупотребления со стороны хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение в виде установления невыгодных условий договора, нарушения ценообразования.

Состав преступления является официальным в соответствии со статьей 273 УК. Уголовная ответственность наступает за одно и то же деяние, целью которого является ограничение конкуренции, независимо от того, наступили или нет вредные последствия. Это положение основано на антимонопольном законодательстве США, которое запрещает монополию вообще, то есть сначала признает их незаконными, не уточняя их влияние на конкуренцию, при этом необходим признак «большого вреда» [3, с. 101]. Он основан на том, что признаются только действия, причинившие существенный ущерб государству, обществу или отдельным участникам экономической деятельности.

Субъектами данного преступления могут быть руководители юридического лица – хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на рынке товаров или услуг, и иные лица, занимающие доминирующее положение в интересах хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение.

Субъекты хозяйствования в соответствии со статьей 4 Закона «О защите конкуренции», отечественные и иностранные коммерческие организации и их объединения (союзы или ассоциации), некоммерческие организации, за исключением не осуществляющих предпринимательскую деятельность, в том числе сельскохозяйственные потребительские кооперативы, а также предприниматели.

Субъектом может быть индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность на рынке товаров или услуг на основании соответствующей лицензии.

Субъектами данного преступления могут быть должностные лица органов исполнительной власти, местных исполнительных органов и органов местного самоуправления, если они совершают действия, тем или иным образом ограничивающие конкуренцию на рынках товаров или финансовых услуг.

Преступление, предусмотренное статьей 273 УК РТ, совершается только в виде прямой мести.

Часть 2 статьи 273 УК РТ предусматривает квалификацию этого преступления и устанавливает ответственность за действия, указанные в пункте 1, совершенные повторно группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Любые договоренности хозяйствующих субъектов между собой или с органами исполнительной власти и местного самоуправления, направленные на ограничение конкуренции, фактически подпадают под действие части 2 вышеуказанной статьи, как и действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору. Участниками организованной группы могут быть также лица, не являющиеся руководителями хозяйствующих субъектов, индивидуальными предпринимателями, должностными лицами исполнительных органов государственной власти. Например, они могут совершать действия, указанные в части 3 указанной статьи (насилие, угроза, уничтожение или повреждение имущества), имеющие специальную квалификацию преступления.

Рассматриваемое преступление является преступлением небольшой тяжести. Максимальное наказание по части 1 лишение свободы на срок до двух лет.

По нашему мнению, необходимо развивать механизмы привлечения ко всем указанным выше видам юридической ответственности, исходя из степени вреда, причиненного конкурентам и конкуренции в целом.

При этом, как показывает практика, основным видом юридической ответственности за нарушения законодательства о защите конкуренции является административная ответственность, которая в первую очередь выражается в виде штрафных санкций.

Библиографический список

1. Андреев А. Монополистические действия и ограничение конкуренции: вопросы квалификации / А. Андреев, С. Гордейчик // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 13–16.
2. Денисова А.В. Уголовно-правовое противодействие посягательствам на конкуренцию: проблемы теории и практики // Законодательство. – 2012. – № 11. – С. 66–74.
3. Еременко В.И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 110–111.
4. Клепицкий И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? // Законодательство. – 2005. – № 10. – С. 56–63.
5. Рахимзода М.З. Предпринимательская деятельность в Республике Таджикистан: теория и нормы правового регулирования: монография / М.З. Рахимзода – Душанбе, 2018.
6. Тотьев К.Ю. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. – 1998. – № 5–6. – С. 54–57.

УДК 343.2/.7

*Д. Ж. Гостькова, к.ю.н., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Уголовная политика в сфере бизнеса

Анализируется современная уголовная политика в отношении представителей бизнеса. Устанавливается, что вопреки озвученной политики либерализации и гуманизации преступлений экономической направленности, бизнесмены не чувствуют себя комфортно и в безопасности. Обозначаются причины существующего положения и предлагаются способы их преодоления.

Ключевые слова: уголовная политика, бизнес, преступления, в сфере экономической деятельности, либерализация.

Некоторые представители науки связывают единственно возможным способом эффективного управления экономикой с развитием рыночных институтов и внедрением мировых стандартов конкуренции [4, с. 34]. При этом вопросы занятости населения, а также инвестиционная привлекательность страны, по их мнению, зависит, в первую очередь, от аутсорсинговых механизмов.

Однако достижение высоких экономических показателей и стабильности в обществе невозможно без грамотной поддержки государства. В том

числе, за счет функционирования достойной судебной системы и достаточной либеральной уголовно-правовой политики.

Тенденции гуманизации и либерализации уголовной политики в отношении экономических преступлений, неоднократно упоминались в выступлениях первых лиц страны. Еще в 2017 году Владимир Владимирович Путин обратился к правительству и Генпрокуратуре РФ с требованием: «Перестаньте кошмарить бизнес»¹. С последующими законодательными изменениями, направленными на уменьшение числа ежегодных внеплановых проверок бизнеса.

Спустя пять 5 лет вопрос необходимости максимальной экономической свободы бизнесменов не теряет своей актуальности. Так, 5 марта 2022 года, Президент РФ на встрече с женщинами летного состава российских авиакомпаний высказался: «Я считаю, я поддерживаю, в принципе такое решение уже принято, – нужно избавить людей от угрозы уголовного преследования за экономические преступления, тем более, если возмещен ущерб»².

Недавние события, а именно санкции, введенные в отношении России и ограничительные меры, направленные на противодействие распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) имеют ряд негативных последствий, в том числе, для лиц, занимающихся бизнесом. В целях стабилизации ситуации важным является поддержка и стимулирование бизнесменов, в том числе за счет уменьшения рисков уголовного преследования.

С данным утверждением согласны далеко не все ученые, видя в данном высказывании нарушение ключевых принципов уголовного права – справедливости и равенства граждан перед законом. Считают, что для данной категории лиц и так созданы максимально благоприятные условия, в частности, значительно расширен перечень преступлений, за совершение которых допускается освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения причиненного ущерба (ст. 761 УК РФ).

Однако, представляется, что проводимая уголовная политика в России обусловлена социально-экономическими запросами общества и государства. Поэтому обозначенные меры на сегодняшний день крайне необходимыми и направлены на отказ от избыточного уголовно-правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности [2, с. 46].

---

¹ Перестаньте «кошмарить бизнес». Путин поручил сократить внеплановые проверки / Информационное агентство «Национальная Служба Новостей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsn.fm/economy/economy-perestante-koshmarit-biznes-putin-poruchil-sokratit-vneplanovye-proverki>

² Путин поддержал отказ от уголовного преследования за экономические преступления / информационная группа «Интерфакс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/826585>

Но несмотря на предпринимаемые меры в сфере гуманизации и либерализации уголовного законодательства относительно преступлений экономической направленности, предприниматели не чувствуют себя комфортно и в безопасности. Так, доля респондентов, не доверяющих правоохранительным органам продолжает расти и на 2019 год составляла около 66% опрошенных [2, с. 41].

Также вызывает беспокойство высокий риск необоснованного привлечения предпринимателей к ответственности. Это проявляется в колоссальном разрыве числа возбужденных уголовных дел и количеством выявленных лиц. Так, в 2021 г. было зарегистрировано 117 707 преступлений экономической направленности, при этом выявлено лиц – 53 717. В случае сохранения данной тенденции – чревато укоренения негативной практики возбуждения дел в отношении предпринимателей при отсутствии судебной перспективы [2].

В теории уголовного права в качестве причин обозначенных пробелов преимущественно называют следующие аспекты. Первый основывается на том, что проблема уголовного преследования бизнеса связана не столько с самим уголовным законодательством, сколько с качеством его применения. И для полноценной гуманизации уголовной политики в отношении предпринимателей предлагается либо установить императивные запреты правоприменителям на совершение отдельных действий в отношении представителей бизнеса, либо повышение квалификации практических работников относительно правильности применения закона [4, с. 35].

Второй, напротив, в качестве главной причины называет непроработанность доктринальной стороны уголовно-правовой политики [1, с. 37]. То есть критике подвергается механизм внесения изменений в уголовный закон. А именно отсутствие криминологических исследований, обосновывающих целесообразность вносимых изменений. Преимущественно события случайного характера, имеющие большой общественный резонанс, выступают основанием изменения буквы закона, что свидетельствует о эмоциональном окрасе происходящего, нежели о «трезвом расчете» [1, с. 37].

Ряд исследователей указывает на совокупное негативное воздействие двух обозначенных факторов на усугубляющееся положение предпринимателей.

По исследуемому вопросу весьма интересны размышления В.И. Радченко [3]. Соглашаясь, что опасным явлением современного общества является «уголовно-правовые способы управления экономикой», он выделяет следующие негативные последствия этого: банкротство, безработица (появление до 2 миллионов безработных), утечка мозгов за границу, вывоз капитала за рубеж, а также существенный ущерб ВВП.

При этом он отдельно выделяет ряд проблем уголовного закона, необоснованно усиливающих карательное давление на предпринимателей.

Во-первых, это криминализация деяний, не представляющих общественной опасности (например, статьи 171 УК РФ).

Во-вторых, установление повторной уголовной ответственности за одно и то же преступление (на примере, ст. 174 .1 УК РФ).

В-третьих, применение в Уголовном кодексе России завышенных санкций, не соответствующих степени общественной опасности деяния.

В-четвертых, неоправданное использование в качестве квалифицирующего признака совершения преступления в группе. [3, с. 57]

В качестве способа разрешения существующих недочетов, продолжающих играть ключевую роль в регулировании деятельности бизнесменов преимущественно уголовно-правовыми средствами, предлагается комплекс мер.

Первый, уголовно-правовой, заключающийся во внесении изменений как в Особенную часть УК РФ, за счет депенализации и декриминализации ряда норм, так и в Общую часть, путем закрепления новых положений, учитывающих специфику предпринимательской деятельности России.

Второй, криминологический, сущность которого сводится к необходимости проведения криминологических исследований, обосновывающих целесообразность и своевременность вносимых изменений в уголовное законодательство.

Третий, предусматривает повышение квалификации практических работников, поскольку, по мнению ряда ученых, «экономическая неграмотность» силовых кадров несет в себе угрозу как экономическому благосостоянию страны, так и верховенству права в целом.

Библиографический список

1. Дорожкин И.О. Об уголовно-правовой политике в сфере предпринимательской деятельности // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6 (114). – С. 35–39.

2. Зайцев О.А. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности / О.А. Зайцев, в В.П. Кашепо, С.Л. Нудель // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 40–56.

3. Радченко В.И. Влияние уголовно-правовой политики на развитие экономики // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 3 (32). – С. 55–62.

4. Тимошенко А.А. Защита прав предпринимателей: нужны новые подходы к формированию уголовной политики государства // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4. – № 4 (13). – С. 34–37.

**К дискуссии относительно уголовно-правового воздействия
в отношении юридических лиц, причастных к преступной
деятельности**

В статье рассматриваются проблемные вопросы правового воздействия в отношении юридических лиц, вовлеченных в преступную деятельность. Констатируется недостаточность административно-правовых рычагов для противодействия преступным корпорациям. Предлагаются варианты изложения соответствующих уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: субъект преступления, уголовная ответственность юридических лиц, преступная деятельность корпораций, иные меры уголовно-правового характера.

Дискуссия о достаточности мер правового воздействия в отношении юридических лиц, вовлеченных в преступную деятельность, сохраняет свою актуальность. Российский законодатель на данном этапе не усматривает целесообразности в признании организации в качестве субъекта преступления, что с нашей точки зрения, является верным. Рассмотрение исключительно физического лица в качестве субъекта преступления обусловлено принципом личной виновной ответственности. Уголовная ответственность именно физического лица согласуется с базовыми принципами карательной деятельности, сформулированными еще классической школой уголовного права [1, с. 102]. Юридическое лицо как некая правовая фикция не может совершить преступление и, соответственно, подвергаться уголовной ответственности [4, с. 57].

Вместе с тем, учеными верно отмечается, что преступная деятельность юридических лиц затрудняет создание здоровых основ отечественной социальной, политической и экономической жизни [5]. Разрастающаяся преступность корпораций, в том числе, монополий, свидетельствует о недостаточности уголовно-правовых рычагов воздействия на менеджеров компаний и необходимости поисков вариантов уголовно-правового воздействия на юридических лиц. Важность отражения в национальном законодательстве норм об уголовно-правовом воздействии в отношении юридических лиц вытекает из положений Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (от 27.01.1999)¹, Конвенции ООН против

---

¹ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию // Страсбург. 27.01.1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007f58c>

коррупции (принята 31.10.2003)¹, Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) от 17 декабря 1997 года по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок², Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года³.

С позиции действующего законодательства причастность юридического лица к преступной деятельности рассматривается в качестве административного правонарушения (ст. 19.28 КоАП РФ). Однако, с нашей точки зрения, наличие лишь административных рычагов воздействия на организации не в полной мере соответствует той степени общественной опасности, которая возникает при участии в преступлении юридического лица. Более того, возможность реализации норм КоАП РФ для наказания организаций за причастность к преступлениям предопределяет выводы об определенной коллизии, поскольку ст. 1 УК РФ предусматривает, что единственным источником уголовного права является Уголовный кодекс РФ. Среди факторов, снижающих эффективность противодействия деятельности «преступных» организаций, можно отметить сокращенные сроки производства по делу по сравнению с предварительным расследованием, отсутствие возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограниченный набор санкций, слабый потенциал международного сотрудничества в условиях необходимости установления причастности к преступлениям, в том числе, транснациональных компаний, и др.

Проблемным остается вопрос и о возмещении убытков, причиненных преступлением, поскольку обязанность компенсировать вред ложится на виновное в совершении преступления физическое лицо, которое в потенциале может не обладать должной платежеспособностью. При этом, очевидно, что когда бенефициаром преступной деятельности выступает организация, то компенсацию ущерба разумно относить именно на нее. Также следует отметить, что в отдельных случаях при использовании в преступных схемах зарубежных компаний иностранные суды для решения вопроса о возмещении убытков в соответствии с нормами международного права запрашивают судебные акты о привлечении юридических лиц именно к уголовной ответственности.

---

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

² Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. 17.12.1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=201075437&collection

³ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.Shtml

Таким образом, можно заключить, что административно-правовые регуляторы не являются достаточными для сдерживания преступности с участием юридических лиц, что, в сочетании с затруднительностью отступления от принципа личной виновной ответственности, свидетельствует о необходимости поиска компромиссных решений регламентации уголовно-правового воздействия в отношении организаций. Отечественные ученые уже неоднократно предлагали различные варианты уголовной ответственности организаций в рамках сложившейся психологической концепции вины юридического лица, которая приравнивалась к психическому отношению всего коллектива организации [6, с. 13] либо руководства [3, с. 6], а также виновному поведению любого работника при исполнении им своих обязанностей [2, с. 49].

Уважая высказанные на страницах юридической печати предложения мы все же поддержим позицию о бесперспективности исследования проблем вины юридического лица в рамках субъективного направления [1, с. 102], поскольку, в конечном счете «приравнивание» вины юридического лица к вине отдельных физических лиц приводит к заключению об ответственности организации за чужую вину, что, по сути, сопоставимо с ответственностью без вины и входит в определенный диссонанс с принципом вины, сформулированным в ст. 5 УК РФ. Вина юридического лица, которая определяется согласно нормам административного законодательства (ст. 2.1 КоАП РФ), является проявлением объективной концепции вины, когда организация признается виновной в совершении правонарушения, если будет установлено, что у нее имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но ей не были приняты все зависящие меры по их соблюдению (Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П)¹. Однако, подобные правила достаточно сложно встроить в уголовно-правовой механизм, поскольку отличием административного законодательства выступает признание организации в качестве субъекта административного правонарушения. Соответственно, для отечественного законодательства наиболее безболезненной является модель уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, при которой, во-первых, организации не признаются субъектами преступления, во-вторых, отсутствует необходимость установления их вины в совершенном общественно опасном деянии, в-третьих, негативные правовые последствия, соответственно, не относятся к формам реализации уголовной ответственности.

На сегодняшний день, возможность реализации уголовно-правового принуждения в отношении лиц, не отвечающих требованиям субъекта преступления, которые совершают общественно-опасные деяния в отсутствие виновной воли предусмотрена при применении принудительных мер меди-

---

¹ Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс»

цинского характера к неменяемым (ч. 1, ст. 97 УК РФ). Более того, аналогично, на основании установления исключительно объективных признаков уголовно-правовое воздействие возможно в отношении юридических лиц при реализации норм о конфискации имущества (ч. 3, ст. 104.1 УК РФ).

Таким образом, своего рода фундамент для регламентации норм уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц заложен в нормах раздела VI УК РФ. Соответственно, наиболее оптимальным вариантом изложения рассматриваемых правовых предписаний является конструирование соответствующих норм в рамках института иных мер уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. Бытко Ю.И. Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 102–108.
2. Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – СПб., 1996. Ч. 1. – 600 с.
3. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С.Г. Демин. – Краснодар, 2014. – 23 с.
4. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. – 2006. – №4. – С. 56–59.
5. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. – 2010. – 10 декабря.
6. Комоско А.А. Уголовная ответственность юридических лиц: дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Комоско. – М., 2007. – 205 с.

УДК 343

*А.С. Озерова, аспирант кафедры уголовного права
и криминологии МГУ им. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Информация о частной жизни лица и персональные данные как предмет уголовно-правовой охраны

В статье рассматривается проблема уголовно-правовой охраны определенных категорий личной информации (тайна частной жизни, общедоступная информация о частной жизни лица, персональные данные). Действующее уголовное законодательство определяет в качестве предмета уголовно-правовой охраны исключительно личную и семейную тайну. При этом, в судебной практике предмет преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») понимается расшири-

тельно. Нередко правоприменитель предоставляет общедоступной информации о частной жизни и различным категориям персональных данных, не подпадающих под специальные правовые режимы, уголовно-правовую охрану наряду с тайной личной жизни. С нашей точки зрения, сложившаяся тенденция противоречит принципу законности.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, личная информация, тайна частной жизни, неприкосновенность частной жизни.

На сегодняшний день отсутствуют сомнения в том, что границы частной жизни выходят далеко за пределы материального физического мира (например, жилища потерпевшего). Традиционное понимание неприкосновенности частной жизни как защищенности от постороннего вмешательства особо интимного личного пространства лица не отвечает требованиям современных реалий. Право на информационное самоопределение (информационную автономию) получило самостоятельное значение, что подтверждается, в том числе, стремительным развитием отраслевого законодательства. Прежде всего, речь идет о законодательстве в области персональных данных.

В научной литературе используется такое понятие как «персональная информация» в значении совокупности всей информации о лице, включая сведения о частной, личной жизни, персональные данные, а также иную информацию (сведения, сообщения) о фактах, событиях и обстоятельствах жизни лица [1, с. 56].

Действительно, личная или персональная информация как родовое понятие включает в себя различные категории информации о физическом лице. С нашей точки зрения, исходя из положений отечественного законодательства можно выделить следующие категории личной информации:

1) личная и семейная тайна как информация о частной жизни с ограниченным доступом для третьих лиц (ст.ст. 137 УК РФ, 150 ГК РФ и другие);

2) общедоступная информация о частной жизни (например, сведения о происхождении лица, о месте пребывания или жительства, о личной и семейной жизни, времяпровождении и т.д.) как информация о частной жизни, доступ к которой является неограниченным (ст. 152.2 ГК РФ);

3) персональные данные, не подпадающие под специальные правовые режимы (например, ст.ст. 8 «Общедоступные источники персональных данных», 10.1 «Особенности обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения» ФЗ «О персональных данных»). К таким данным может относиться следующая информация: ИНН, паспортные данные, СНИЛС и другие;

4) персональные данные, подпадающие под специальные правовые режимы (например, коммерческой, банковской, налоговой тайны) (ФЗ «О персональных данных»; ст. 26 «Банковская тайна» ФЗ «О банках и банковской деятельности», ФЗ «О коммерческой тайне» и другие).

Иные категории сведений о частной жизни, выделяемые в научной литературе и судебной практике, не имеют правового значения, так как в законодательстве отсутствует их закрепление (например, «персональная информация» [2, с. 34, 37], «анкетные данные» [3, с. 55.].

Важно отметить то, что указанные выше разновидности информации имеют самостоятельное правовое значение. В связи с этим специфика определенных категорий личной информации (например, общедоступные сведения или тайные) должна обязательно учитываться при предоставлении *de lege ferenda* таким сведениям уголовно-правовой охраны.

Так, с нашей точки зрения, ошибочны предложения по определению в диспозиции ст. 137 УК РФ предмета преступления как информации о частной жизни лица без дифференциации правового режима соответствующих сведений (общедоступные или тайные). Например, некоторые правоведы предлагают рассматривать предмет нарушения неприкосновенности частной жизни «как сведения личного или семейного характера, относящиеся к частной жизни лица» [4, с. 116].

Полагаем, что расширение содержания предмета нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) невозможно без изменения особенностей объективной стороны, которые в действующей редакции характерны исключительно для категории тайных сведений. Фактически такие предложения об изменении в диспозиции ст. 137 УК РФ исключительно предмета преступления (путем включения в него и общедоступных сведений) означают криминализацию собирания и распространения общедоступной информации о частной жизни. По нашему мнению, предмет посягательств на информационный аспект частной жизни обуславливает особенности объективной стороны рассматриваемых преступлений.

Например, «собираание» информации о частной жизни как альтернативный признак объективной стороны нарушения личной тайны наличествует только в том случае, если доступ к источнику информации о частной жизни ограничен для третьих лиц. Нельзя согласиться с тем, что незаконное собирание личной тайны представляет собой *любые действия*, направленные на получение информации о частной жизни лица [2, с. 135].

Так, совершенно непонятно как виновный сможет получить закрытую для посторонних глаз информацию, составляющую тайну частной жизни, посредством визуального наблюдения за передвижениями потерпевшего или обследования участков местности. То же самое относится к беседам об обстоятельствах жизни потерпевшего, например, с соседями.

Вопрос криминализации собирания общедоступной информации о частной жизни и конструктивных признаков данного преступного деяния требует серьезного анализа, объем настоящей статьи не позволяет раскрыть указанный вопрос. Отметим лишь то, что *de lege ferenda* не любое собирание общедоступной информации о частной жизни должно влечь уголовную ответственность.

Самостоятельную уголовно-правовую охрану, с нашей точки зрения, должны получить также персональные данные. Мы полагаем, что объект посягательства на персональные данные и неприкосновенность частной жизни не совпадает. В связи с публично-правовой природой института персональных данных и его ключевой функцией «идентификации физического лица» непосредственным объектом преступного посягательства на персональные данные лица выступает право контролировать использование и распространение личных данных о себе и вступать в различные общественные отношения от своего имени. Тогда как основным непосредственным объектом преступного посягательства на информацию о частной жизни выступает неприкосновенность частной жизни лица.

Обоснованно, с нашей точки зрения, М.А. Филатова полагает, что «персональные данные все же относятся к сфере публичных правоотношений, т.е. являются проявлением участия лица в жизни общества, государства, вступления его в какие-либо официальные правоотношения, регулируемые государством» [5, с. 35–43].

Как уже было сказано ранее, уголовный закон *de lege lata* определяет в качестве предмета нарушения информационного компонента частной жизни исключительно личную и семейную тайну. Судебная практика идет по пути расширительного толкования и включает в предмет уголовно-правовой охраны преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, персональные данные, а также общедоступную информацию о частной жизни. Так, под посягательствами на информационную сферу лица правоприменитель понимает такие неоднородные деяния как:

- 1) сбор и разглашение тайны частной жизни лица [7];
- 2) сбор общедоступной информации о частной жизни в широком смысле (например, о времяпровождении, образе жизни, маршрутах передвижений) [8];
- 3) незаконное использование персональных данных, в том числе создание «фейковых аккаунтов» потерпевшего в социальных сетях или на сайтах знакомств с указанием информации о нем, а также общение посредством таких страниц с третьими лицами от имени потерпевшего [9];
- 4) продажа или покупка «досье» на конкретное лицо или баз персональных данных [10].

Отмеченное расширительное толкование предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, именуется иначе как «правоприменительная криминализация» и, с нашей точки зрения, нарушает основополагающий принцип законности. Необходимо переосмысление традиционных подходов к определению понятия частной жизни, общедоступной информации о частной жизни лица и персональных данных как предмета преступления в целях эффективной уголовно-правовой охраны рассматриваемых прав личности.

Библиографический список

1. Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 218 с.
2. Калашникова Е.Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 221 с.
3. Ульянченко А.М. Преступные посягательства на неприкосновенность частной жизни: уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 202 с.
4. Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 196 с.
5. Филатова М.А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. – 2021. – № 11. – С. 35–43.
6. Приговор Центрального районного суда города Новосибирска от 01.02.2021 по делу № 1-13/2021
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Кузнецкого района от 22.12.2021 № 1-19/2021
8. Постановление мирового судьи судебного участка № 7 г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 по делу № 1-8/2020
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 г. Старый Оскол от 31.10.2019 № 1-25/2019
10. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 26.03.2021 по делу № 22-1463/2021.

УДК 343.79

Е.В. Санькова, научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета г. Москва, Россия

Проблемы квалификации воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности

В статье рассмотрены выявленные в результате изучения правоприменительной практики проблемы квалификации воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности, ошибки применения квалифицирующих признаков, изложенных в диспозиции ч. 1 ст. 169 УК РФ.

Ключевые слова: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, преступления в сфере экономики, проблемы квалификации.

Изучение статистических данных и посвященных расследованию предусмотренных ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) преступлений научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что это одна из мало применяемых на практике его статей.

Так, Н.А. Лопаченко приводит данные о состоянии преступности, связанной с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, за 1997 – 2005 гг., в соответствии с которыми в течение этого периода времени зарегистрировано 185 таких преступлений, привлечено к ответственности 50 лиц при общей тенденции к постепенному уменьшению обоих показателей [3].

Согласно статистическим данным Генпрокуратуры России в 2016 г. зарегистрировано 72 таких преступления, предварительно расследовано 43 уголовных дела, направлено в суд с обвинительным заключением – 37, по 6 уголовным делам производство прекращено либо вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2017 г. соответствующие показатели составили 101, 52, 39, 10, в 2018 г. – 105, 79, 43, 36, в 2019 г. – 85, 49, 28, 21, в 2020 г. – 100, 58, 33, 19, в 2021 г. – 94, 50, 40, 9¹.

Диспозиция ч. 1 ст. 169 УК РФ предусматривает несколько видов действия и бездействия, образующих объективную сторону преступления. Результаты проведенного исследования, о которых подробнее сказано ниже, показывают, что нередко у правоприменителей отсутствует ясное понимание содержания каждого из способов совершения этого преступления, в результате чего при составлении формулы обвинения в нее включаются не имеющие отношения к обстоятельствам дела квалифицирующие признаки, допускается произвольное смешение описания двух и более самостоятельных способов совершения преступления, например: «ограничение прав и законных интересов юридического лица, а равно незаконное ограничение самостоятельности и иное незаконное вмешательство в деятельность юридического лица», «совершил действия, направленные на воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности, связанные с ограничением прав и законных интересов...», «ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя», «ограничение прав и законных интересов юридических лиц и иное незаконное вмешательство в деятельность этих юридических лиц».

Одновременно с этим не разграничиваются действия (бездействие), составляющие каждый из способов, не описано, например, в чем заключалось незаконное ограничение самостоятельности, а в чем – иное незаконное вмешательство в деятельность, и т.п.

Незначительную востребованность ст. 169 УК РФ отмечал В.И. Гладких, указывая, что в ходе проведенного исследования ему не удалось найти

---

¹ Отчеты по форме 4-ЕГС, раздел 2 отчетов за декабрь 2016-2020 гг. разделы 2 и 3 отчета за декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://crimestat.ru/analytics>.

рассмотренных судами уголовных дел по обвинению лиц в совершении воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности путем неправомерного отказа в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица (уклонения от нее) либо неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности (уклонения от его выдачи) [1, с. 34]. Аналогичные сложности правоприменительной практики отмечает В.Ю. Малахова [3, с. 179].

В ходе изучения практики расследования преступлений, предусмотренных ст. 169 УК РФ, за период с 2017 г. по первый квартал 2021 г. включительно, что составило более 200 уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлениях¹, случаи неправомерного отказа в регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонения от их регистрации нам также не встречались. По одному из уголовных дел воспрепятствование повлекло отказ в государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица (уголовное дело прекращено с назначением обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа).

Случаи неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонения от его выдачи, носили единичный характер. Нередко такая изначальная квалификация действий лица в дальнейшем изменялась в связи со смешением понятий специального разрешения (лицензии) и иного разрешения, а также непосредственно процедуры получения специального разрешения (лицензии) и иных связанных с ней действий.

Так, органами предварительного следствия, а затем и государственным обвинителем действия К. квалифицированы как «воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, путем неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности, либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов юридического лица, совершенные должностным лицом с использованием своего служебного положения».

Событие преступления заключалось в том, что К., являясь должностным лицом Ростехнадзора, неоднократно, по различным основаниям отказывала юридическому лицу в согласовании Методики проведения пусконаладочных и режимно-наладочных испытаний на тепловых энергоустановках, в отсутствие которой недопустимо выполнение таких работ и принятие их Ростехнадзором.

---

¹ Материалы научно-исследовательской работы на тему «Расследование преступлений, связанных с воспрепятствованием предпринимательской деятельности», проведенной в 2021 г. в научно-исследовательском отделе факультета подготовки научных кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Суд квалифицировал действия К. как «воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, путем ограничения прав и законных интересов юридического лица, совершенные должностным лицом с использованием своего служебного положения»¹.

Аналогичным образом как специальное разрешение ошибочно расцениваются разрешения на строительство, ввод объекта в эксплуатацию.

Из содержания изученных материалов следственной и судебной практики следует, что наибольшие трудности у правоприменителей возникают в связи с использованием квалифицирующего признака «ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 12 ноября 2019 года² в кассационном порядке рассмотрела уголовное дело в отношении Б., признанного виновным по ч. 1 ст. 169 УК РФ в том, возглавляя администрацию муниципального образования, он нарушил преимущественное право юридического лица на продление сроков договоров на право размещения нестационарных торговых объектов. Судебная коллегия отменила вынесенные нижестоящими судами определения и прекратила уголовное дело за отсутствием в деянии Б. состава преступления.

Перечислив следующие из содержания ч. 1 ст. 169 УК РФ формы выражения объективной стороны деяния, коллегия разъяснила, что ограничение прав и законных интересов лица заключается в уменьшении правоспособности в связи с принадлежностью к той или иной организационно-правовой форме, создании препятствий для реализации отдельных прав одним хозяйствующим субъектам за счет преимуществ другим по этому признаку, а также – действиях должностных лиц, существенно сужающих сферу, предоставляемую законодательством для удовлетворения интересов и прав субъектов предпринимательской и иной деятельности. Поскольку действия Б. в отношении юридического лица не были обусловлены организационно-правовой формой последнего, принято вышеуказанное решение.

Мотивированные аналогичным образом решения начали принимать и другие суды, а также сотрудники следственных органов, прокуратуры. Правоприменители трактуют соответствующую судебную практику как указание на наличие обязательной взаимосвязи любого воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности с ограничением прав лица с зависимости от его организационно-правовой формы во всех случаях, если только речь не идет о государственной регистрации или выдаче специального разрешения (лицензии).

---

¹ Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 25.07.2017 по делу № 1-217/2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://komsomolsky--sam.sudrf.ru>.

² Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2019 по делу № 3-УД19-11 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrif.ru>.

Между тем, в рассмотренном примере Б. изначально предъявлено обвинение в воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности в форме ограничения прав и законных интересов юридического лица, а равно ином незаконном вмешательстве в деятельность юридического лица, совершенном должностным лицом с использованием своего служебного положения. От обвинения в воспрепятствовании в форме иного незаконного вмешательства в его деятельность государственный обвинитель отказался, в связи с чем принятие какого-либо другого решения по делу было невозможно, поскольку содержание ограничения прав и законных интересов лица мотивировано не было.

Таким образом, взаимосвязь с организационно-правовой формой лица имеет лишь один способ воспрепятствования деятельности – ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что для верной квалификации деяния по ст. 169 УК РФ необходимо, прежде всего, из всех предусмотренных диспозицией ч. 1 этой статьи способов совершения преступления выбрать конкретный, соответствующий содеянному (или, при наличии оснований, несколько таких признаков), сформулировать обвинение в строгом соответствии с законом, обосновывая отдельно наличие каждого из вменяемых квалифицирующих признаков, не смешивая их описание между собой.

Библиографический список:

1. Гладких В.И. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности: теоретико-прикладной анализ статьи 169 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (53). – С. 32–39.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный) / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
3. Малахова В.Ю. Анализ материалов судебной практики по привлечению к уголовной ответственности за преступление, предусмотренного статьей 169 УК Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 178–182.

*Н.В. Ткачева, к.ю.н., доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права, криминологии ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Защита прав потерпевшего в производстве суда первой инстанции по преступлениям в сфере предпринимательства

В статье рассматриваются вопросы процессуального статуса потерпевшего по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности. Анализируются права, запреты и ответственность потерпевшего в производстве суда первой инстанции.

Ключевые слова: потерпевший, функция потерпевшего, производство в суде первой инстанции, преступления в сфере предпринимательства.

Следует отметить, что в последние годы, когда к защите прав участников уголовного судопроизводства стали относиться более внимательно, потерпевший по преступлениям в сфере предпринимательства, наряду с подсудимым в производстве суда первой инстанции приобретает защиту в рамках назначения уголовного судопроизводства, причем законодатель такую защиту потерпевшего ставит на первое место, отмечая, что уголовное судопроизводство своим назначением имеет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п.1 ч.1 ст. 6 УПК РФ). Исследованием функции потерпевшего в уголовном процессе занимались ученые в разные периоды российской истории [1–8, 10].

Представляется, что в производстве суда первой инстанции потерпевший посредством предоставленных ему прав на участие лично или через своего представителя в рассмотрении и разрешении уголовного дела приобретает статус обвинителя (ч. 1 ст. 249 УПК РФ). Не устанавливая дополнительных полномочий в ст. 249 УПК РФ, законодатель подчеркивает, что все права, запреты и ответственность потерпевшего, установленные ст. 42 УПК РФ, распространяются и на производство в суде первой инстанции. Отнесение законодателем потерпевшего к участникам со стороны обвинения (глава 6 УПК РФ) и предоставление ему права поддерживать обвинение (п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) позволяет утверждать, что по уголовным делам в сфере предпринимательства, которые являются делами публичного и частно-публичного характера, он наряду с государственным обвинителем поддерживает обвинение при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, реализуя функцию обвинения. Потерпевшего выступающего в качестве обвинителя в производстве суда первой инстанции, ученые [9, с. 469] именуют субсидиарным обвинителем.

Может показаться, что государственный обвинитель и потерпевший, реализуя функцию обвинения выполняют идентичные действия посредством имеющихся у них прав. Однако это далеко не так, поскольку главное, чего добивается лицо, пострадавшее от преступного посягательства в сфере предпринимательства быть признанным потерпевшим в установленном законом порядке, чтобы затем уже иметь право требовать от государства привлечения лица, совершившего преступное деяние, к уголовной ответственности и полного возмещения ущерба. Государственный обвинитель же как раз и выступает от лица государства для реализации этого права потерпевшего, так как он обладает профессиональными качествами и только ему предоставленными полномочиями от лица государства поддерживать в производстве суда первой инстанции обвинение, которое порой может и не совпадать с волей потерпевшего. Окончательное решение о невиновности или виновности лица, совершившего преступное деяние будет решать суд. Несмотря на то, что цели государственного обвинителя и потерпевшего могут совпадать, интересы потерпевшего самостоятельны и он может представлять себе желаемые действия и итоги уголовно-процессуальной деятельности участников производства в суде первой инстанции совершенно иначе, чем это делают профессиональные участники данных правоотношений. Поэтому потерпевший должен иметь соответствующие права как обвинителя для самостоятельного отстаивания своей позиции [9, с. 144]. Однако законодатель, указывая, что при неявке потерпевшего суд рассматривает уголовное дело в его отсутствие, за исключением случаев, когда явка потерпевшего признана судом обязательной (ч. 2 ст. 249 УПК РФ), а участие государственного обвинителя по делам публичного и частно-публичного обвинения является обязательным (ч. 2 ст. 246 УПК РФ), подчеркивает публичный характер уголовно-процессуальной деятельности и заинтересованность государства в привлечении к ответственности лицо, совершившее противоправное деяние.

Процессуальным актом, на основании которого потерпевший по преступлениям в сфере предпринимательства появляется в уголовном судопроизводстве и в дальнейшем осуществляет свои права, как участник правоотношений в производстве суда первой инстанции, является постановление дознавателя, следователя, судьи или определение суда, которое выносится незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Законодатель подчеркивает необходимость незамедлительного вынесения данного процессуального акта при условии, что физическое лицо, которому причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации, известно, при этом согласие его не требуется. В противном случае, постановление или определение выносится после получения данных о потенциальном потерпевшем (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Это свидетельствует о том, что потерпевший может вступить в правоотношения на любом этапе не только

производства в суде первой инстанции, но и на любой стадии уголовного процесса. Однако позднее вступление потерпевшего по преступлениям в сфере предпринимательства в уголовное судопроизводство может отразиться на таких требованиях к исследованиям обстоятельств уголовного дела, как полнота, всесторонность и объективность [9, с. 145].

Еще одно важное замечание, которое должно быть учтено при вынесении процессуального акта о признании лица потерпевшим по преступлениям в сфере предпринимательства, наличие причинно-следственной связи между событием преступления и любым из видов причиненного вреда, подтвержденной доказательствами.

Потерпевший обладает правами, которые позволяют ему реализовывать функцию обвинения, как на предварительном расследовании, так и в производстве суда первой инстанции. Остановимся на второй группе прав. Представляется, что к этим правам относятся право знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), давать показания (п.2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), представлять доказательства (п.4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), заявлять ходатайства (п.5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), иметь представителя (п.8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), получать копии постановлений о назначении судебного заседания (п.13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), знакомиться с протоколами и аудиозаписями судебного заседания и подавать замечания на них (п.17 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), приносить жалобы на действия (бездействия) и решения прокурора и суда (п.18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Некоторые права потерпевшего подчеркивают его непосредственное право поддерживать обвинение в производстве суда первой инстанции: право участвовать в судебном разбирательстве (п.14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право выступать в судебных прениях (п.15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право поддерживать обвинение (п.16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Однако процессуальный статус потерпевшего не ограничен только его правами, законодатель накладывает на него ряд запретов, выражая это в ч. 5 ст. 42 УПК РФ, указывая, что не вправе делать потерпевший. Относительно к производству в суде первой инстанции потерпевший не вправе уклоняться от явки в суд (п. 1 ч.5 ст. 42 УПК РФ), давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний (п. 2 ч.5 ст. 42 УПК РФ), уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы, когда не требуется его согласие, уклоняться от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (п. 1 ч.5 ст. 42 УПК РФ).

Что же касается ответственности потерпевшего, то она может быть ограничена приводом потерпевшего при неявке его по вызову без уважительной причины (ч. 6 ст. 42 УПК РФ), а может быть и в виде уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со ст. 307 УК РФ, за отказ от дачи показаний, за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы, когда не требуется его согласие, от предоставления образцов почерка и

иных образцов для сравнительного исследования в соответствии со ст. 308 УК РФ (ч. 7 ст. 42 УПК РФ).

Права, запреты, которые выражены тем, что не вправе делать потерпевший, а также его ответственность во взаимосвязи отражают его уголовно-процессуальный статус, как участника правоотношений в производстве суда первой инстанции по уголовным делам в сфере предпринимательства.

Библиографический список

1. Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Абабков. – М., 1998. – 191 с.
2. Божьев В.П. Потерпевший в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Божьев. – М., 1960. – 17 с.
3. Волосова Н.Ю. Процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Волосова. – Оренбург, 1999. – 154 с.
4. Дорохов В.Я. Показания потерпевшего как доказательство в уголовном процессе / В.Я. Дорохов. – М., 1959. – 24 с.
5. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления / Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1964. – 138 с.
6. Лазарева В.А. Проблемы реализации потерпевшим права на справедливую судебную процедуру при отказе прокурора от обвинения / В.А. Лазарева, В.В. Иванов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – 198 с.
7. Николаев М.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Николаев. – Томск, 2008. – 23 с.
8. Танцеров М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации / М.В. Танцеров, Н.Г. Стойко. – Красноярск: Издательский центр КрасГУ, 2003. – 101 с.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2011. – 688 с.
10. Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Ульянов. – Краснодар, 1998. – 26 с.

Общественная опасность коммерческого подкупа

В данной статье рассматриваются вопросы связанные с основанием отнесения коммерческого подкупа к уголовно наказуемым деяниям посредством раскрытия общественной опасности указанного преступления.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, взяточничество, интересы организации, управленческие функции.

Действие, а равно и бездействие, совершенное в нарушение существующих правовых норм, повлекшее причинение какого-либо вреда конкретному гражданину, обществу или охраняемым законом правоотношениям является противоправным и общественно-опасным деянием. Совершение любого противоправного общественно-опасного деяния требует квалификации в рамках законодательства, а также определения степени и конкретного вида ответственности в отношении лица его совершившего.

Некоторые общественно-опасные деяния законодатель возводит в ранг преступлений, зафиксировав их состав в соответствующей статье особенной части уголовного кодекса, запрещая его под угрозой уголовного наказания. Общественная опасность деяния, характеризующая тяжесть вреда, причиненного его последствиями и является критерием отнесения его к группе деяний, признанных государством преступлениями и именно по степени общественной опасности осуществляется разграничение преступлений и иных правонарушений. Преступление обладает повышенной общественной опасностью, так как посягает на наиболее важные общественные отношения и способно повлечь наиболее тяжкие последствия [5, с. 14].

Важность общественных отношений, на которые посягает противоправное деяние также является существенным критерием, так как от этого и зависит тяжесть возможных последствий. При этом оценивая общественную опасность деяния субъекта в первую очередь определяется характер и степень поражения общественных отношений, отклонением от нормы, неправомерностью вмешательства и изменением формы и содержания общественных отношений в той или иной сфере. Таким образом, определяя деяние как преступление, законодатель оценивает последствия, которые могут наступить в результате его причинения в конкретной сфере правоотношений.

В обществе, с капиталистическим устройством экономики, прибыль является основой взаимодействия и главной движущей силой его развития.

Именно получение прибыли в результате своей деятельности является целью коммерческой деятельности и правоотношений в сфере экономики. Указанное позволяет приравнять общественные отношения в сфере нормального функционирования экономики и коммерции, в сфере производства, обмена и распределения продукции, а также правоотношения, обеспечивающие законные интересы службы в коммерческих организациях к наиболее важным сферам правоотношений, нарушение которых влечет достаточно тяжкие последствия чтобы за посягательство на них деяние лица можно было отнести к категории противоправных деяний, закрепленных в уголовном кодексе [6].

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет коммерческие организации как преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (ч. 1 ст. 50). Хозяйственные товарищества и общества, хозяйственные партнерства, крестьянские (фермерские) хозяйства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия являются такими организациями (ч. 2 ст. 50) [7, с. 117].

Проанализировав практику рассмотрения уголовных дел в рассматриваемой сфере можно заключить, что влияние, оказываемое на экономику и иные смежные с ней сферы жизни общества лицами, выполняющими в коммерческой или иной организации управленческие функции, вполне сопоставимо по значимости с влиянием, должностных лиц, являющимися субъектами уголовной ответственности за взяточничество [3, с. 51].

При этом следует осознавать, что системное и безнаказанное осуществление подкупа на любом уровне и в любой сфере правоотношений вполне логично приводит к тому, что такое пагубное явление в определенный момент может фактически стать образом жизни и мышления, в связи с чем рано или поздно станет восприниматься как «норма». В данном случае применимо понятие «хабитуализации», характеризующее такие обстоятельства как своего рода доведения коррупционных действий до состояния привычки [4, с. 90].

Возможность преступного воздействия на обстоятельства, в данном случае экономического характера в сфере коммерции, на возмездной основе, неизбежно формирует непосредственное отношение и поведение как лица желающего оказать такое воздействие в чьих-либо интересах и передающего предмет незаконного вознаграждения, так и лица имеющего возможность реализовать такое желание и принимающего вознаграждение. Формирование подобной системы взаимоотношений их участников с обеих сторон крайне разрушительно воздействует на общество, непосредственно нарушая интересы других участников данной сферы правоотношений, чем лишает возможности соблюдающих законодательство граждан в одинаковых обстоятельствах и равных условиях принимать участие в конкурентной реализации своих целей и перспективности присутствия на рынке [2, с. 8].

Осознавая важность общественных отношений в сфере коммерции и экономики, а также необходимость обеспечения гарантий свободной и добросовестной конкуренции, законодатель возвел посягательство на них в ранг преступления, закрепив составы таких деяний в Уголовном кодексе Российской Федерации в разделе «Преступления против интересов службы в коммерческих и других организациях» определив незаконное вознаграждение для определенной категории работников таких организаций как «Коммерческий подкуп».

Формулируя состав данного преступления, законодатель определил, что коммерческим подкупом будут признаны действия, связанные с незаконной передачей ценных бумаг, денег, иного имущества, а равно незаконное оказание услуг имущественного характера лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации за совершение действий (бездействия), в интересах дающего, служебное положение которого обуславливает возможность реализации преступного умысла. Совершая такие действия виновные имеют цель на извлечение выгоды для себя или других лиц путем возмездного регулирования отношений посредством дачи взятки либо передачи ценного имущества, что в конечном итоге влечет к нарушению отношений, складывающиеся в сфере коммерческой деятельности [1].

При этом под общим названием «Коммерческий подкуп» содержится писание двух тесно связанных между собой преступлений. К первому относится «...незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, вознаграждения имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего...» (ч. 1 и 2 ст. 204). Вторым является «...незаконное получение этим лицом такого вознаграждения...» (ч. 3 и 4 ст. 204 УК).

Под интересами организации понимается совокупность интересов всех ее возможных участников, начиная от учредителей и собственников, непосредственно работников, заканчивая интересами кредиторов и инвесторов. Интересы организации на прямую связаны с определенными для нее уставными целями деятельности. При этом в круг охраняемых интересов должны входить не только цели и задачи организации, но также используемые методы их достижения, принципы работы и непосредственно сама нормальная работа органов ее управления.

Возможность принятия решения о начале, изменении и прекращении коммерческих отношений организацией с другими субъектами рынка посредством самостоятельного волеизъявления и транслирования ее через уполномоченных представителей руководящего аппарата непосредственно и является возможностью выступать организации в гражданском обороте от собственного имени. Только нормальное функционирование всех структур организации в целом, так и отдельных его элементов, и представителей

управления обеспечить достижение поставленных перед ним целей и удовлетворения законных интересов. В связи с чем уполномоченные организацией лица обязаны исполнять порученные им функции исключительно в интересах организации хотя-бы в силу того, что состоят с ней в служебных (либо трудовых) отношениях. И такая обязанность не абстрактна так как вполне конкретно закреплена существующими нормами права – трудового, гражданского и иных отраслей, а также вытекает из устоявшихся корпоративных норм и норм-принципов.

В результате коммерческого подкупа непосредственному посягательству подвергается внутренняя деятельность организации при принятии управленческих решений, которые в итоге влияют не только на деятельность самой организации, но и других участников правоотношений.

Сам факт вмешательства в управленческую деятельность организации постороннего лица, который «покупает» возможность влиять на принимаемые управленческие решения чем использует экономические и иные возможности организации в своих интересах и является коммерческим подкупом.

Такие действия противоречат интересам организации так как ведут к разрушению правового метода управления ее деятельностью.

Делая вывод можно заключить, что опасность коммерческого подкупа для общественных отношений заключается в используемом незаконном способе воздействия на деятельность организации посредством стимулирования поведения лица, наделенного специальными ей полномочиями, на совершение противоправных действий вопреки интересам организации влияя на принимаемые управленческие решения, чем нарушается принцип независимости (самостоятельности) организации в данном процессе.

Библиографический список

1. Гаврилов С.Т. История становления норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершаемые служащими коммерческих и иных организаций, в российском уголовном праве / С.Т. Гаврилов, С.А. Буданов, Е.Ю. Покаместова // Территория науки. – 2013. – № 1. – С. 115–121.

2. Миронова Г.Н. Общественная опасность мелкого коммерческого подкупа // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1 (72). – С. 8–11.

3. Михайлов В.И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 46–56.

4. Сидоренко Э.Л. Современные криминологические тенденции бытовой коррупции в России // Общество и право. – 2017. – № 2. – С. 90–95.

5. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие в таблицах /

Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Д.Ю. Краев, М.А. Любавина, Ю.В. Морозова, А.Н. Попов, П.В. Федышина; под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015 – 136 с.

6. Царёв Е.В. Понятие и объективные признаки преступлений, предусмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 3. – С. 18–23.

7. Шнитенков А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» / А.В. Шнитенков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2011. – 117 с.

УДК 343

*И.А. Шершикова, заместитель Председателя Центрального районного суда г. Челябинска
г. Челябинск, Россия*

Усеченное действие принципа непосредственности судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции

Производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, предусмотренном главами 35-39 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными главой 45.1 УПК РФ.

Согласно данным правовым нормам, общие условия судебного разбирательства (свойственные суду первой инстанции), также подлежат распространению и на судебное заседание суда апелляционной инстанции.

К числу данных условий относится требование непосредственности и устности, закрепленное в ст.240 УПК РФ, согласно которой все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, а показания подсудимого, свидетеля, потерпевшего должны быть заслушаны судом, в том числе посредством проведения допроса с использованием систем видеоконференц-связи в порядке, предусмотренном ст.278.1 УПК РФ¹. Законом установлено, что приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые исследованы в судебном заседании.

Буквальное толкование процессуальной нормы приводит нас к выводу о необходимости непосредственного исследования судом апелляционной

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ №51 от 19.12.2017 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». // СПС «Консультант плюс».

инстанции всей совокупности представленных по уголовному делу доказательств, в том числе и о необходимости повторного допроса лиц, дававших показания в суде первой инстанции.

Вместе с тем, данное условие судебного разбирательства, в условиях апелляционного производства реализуется со специфическими процессуальными особенностями, вытекающими из назначения апелляционного пересмотра.

Первоначально основные принципы судебного разбирательства – гласность, устность и непосредственность введены Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, в котором устанавливалось правило о том, что судебные заседания проходят «публично» (ст.620 Устава), а судебное следствие производится изустно» (ст. 625)¹. При этом, законодателем определялось, что судьи должны определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела (ст. 766)².

В дореволюционной науке принцип непосредственности понимался как отсутствие посредствующих звеньев между судом и доказательствами. Указывалось, что судебное решение должно быть основано не на том, что судья узнал с чужого голоса, а на том, что судья сам видел и слышал в суде [1, с. 43, 50], и которые выдержали проверку в судебном состязании [1, с. 43, 50]. Пояснялось, что судья должен брать за основание своего решения только непосредственно исследованные им обстоятельства дела, а судопроизводство должно быть устное, то есть все лица, прикосновенные к делу должны присутствовать на суде и устно изложить пред судьей все известные им по делу обстоятельства [2, с. 36]. Считалось, что каждый посредник между первоначальным источником доказательства и судьей увеличивает поводы для ошибок [3, с. 125].

В этой связи, Случевский В.К., в качестве последствий принятия в судопроизводстве начал непосредственности и устности указывал, в том числе: низведение предварительного следствия в степень подготовительной к судебному следствию стадии процесса и несогласование непосредственности с апелляционным способом обжалования решения, так как вторичное точное воспроизведение всего того, что путем устного изложения свидетелями своих показаний легло в основу приговора первой инстанции, не может быть уже достигнуто при рассмотрении дела во второй инстанции [4, с. 55].

В последующем указывалось, что способ ознакомления судьи с данными по делу должен быть наиболее совершенным, поскольку внутреннее

---

¹ Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. – М.: Юстицинформ, 2014. – С. 48.

² Устав Уголовного Судопроизводства 1864 года // Сайт Конституции Российской Федерации / <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

убеждение судьи должно быть основано на его личном впечатлении, на непосредственном ознакомлении [5, с. 48].

В советской доктрине дореволюционное понимание принципа непосредственности и устности судебного разбирательства сохранилось, что в полной мере соответствовало и принципу объективной истины [6, с. 77; 7, с. 56–57; 8, с. 165–171].

Отмечалось, что преимущество начала непосредственности заключается в том, что она устраняет опасность искажения воспринятого факта в результате появления дополнительных промежуточных звеньев [8, с. 165–171].

Положениями ст.240 УПК РСФСР непосредственность, наряду с устностью и непрерывностью судебного разбирательства также относилась к общим условиям судебного разбирательства и предполагала обязанность суда непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы [9, с. 104].

Лившиц В.Я. отмечал, что принцип непосредственности имеет значение главным образом для оценки достоверности источника сведений о факте, оценка же самого факта, его сопоставление – это логический процесс, который по самой своей природе не может быть непосредственным, и потому он полностью доступен вышестоящему суду [10, с. 29]. При этом, автор рассматривает принцип непосредственности как требование, чтобы суд основывал свой приговор на доказательствах, непосредственно исследованных в судебном заседании, не допуская без необходимости замены первоначальных доказательств производными [11, с. 67].

В свою очередь, Потапов С.М. указывал о противоречии такого понимания принципа непосредственности с принципом оценки доказательств по свободному внутреннему убеждению судей. Автор указывал, что принципу непосредственности соответствует и «непосредственное» использование судом производных доказательств, в частности, протоколов предварительного следствия, а иное понимание, по мнению автора, является выражением недоверия к органам следствия [11, с. 67].

В качестве составляющих непосредственности указывалось на:

1) присутствие сторон при судебном разбирательстве для содействия разъяснению дела (по общему правилу); 2) непосредственную проверку доказательств судом (заслушивание показаний свидетеля и эксперта; личный осмотр вещественных доказательств; оглашение письменных актов и документов, относящихся к делу); 3) непрерывность процесса и неизменность состава суда по каждому делу [12, с. 83–84].

Наряду с приведенными условиями непосредственности, к процессуальным гарантиям её осуществления относят также требования о том, что в

основу приговора могут быть положены лишь непосредственно исследованные в судебном следствии доказательства; правило, согласно которому стороны в прениях не вправе ссылаться на доказательства, не проверенные в судебном следствии; требование о том, что в основу приговора могут быть положены лишь показания свидетелей и потерпевших, данные в суде; указание свидетелем источника своей осведомленности при сообщении сведений с чужих слов; оглашение в суде экспертного заключения без вызова эксперта, допускалось в качестве разумного исключения при условии ясного, полного и объективного заключения и не настаивании сторон на его вызове в судебное заседание [13, с. 182–183].

Понимание непосредственности судебного разбирательства как метода исследования доказательств судом и участниками судебного разбирательства, заключается в личном восприятии судом и участниками судебного разбирательства источников доказательств, с помощью которых устанавливаются фактические данные по делу [14, с. 9, 74]; такая технология исследования доказательств, которая обеспечивает непосредственное (личное) и одновременное восприятие и исследование доказательств судом, участниками процесса со стороны обвинения и со стороны защиты [15, с. 10]; ... субъект уголовного процесса при рассмотрении уголовного дела должен сам исследовать доказательства по уголовному делу [16, с. 40].

Иными словами, принцип непосредственности предлагается рассматривать не только применительно к полномочиям суда, но и по отношению к правовым возможностям участвующих в состязательном процессе сторон, которые также вправе непосредственно исследовать представленные по делу доказательства путем участия в допросе, осмотре вещественных доказательств и исследования документов.

В современной науке непосредственность и устность также понимаются как два главных условия формирования судебных доказательств в ходе судебного следствия [17, с. 162]. При этом акцент в понимании данного принципа делается на приоритетности судебного, а не следственного способа формирования доказательств по уголовному делу. Отмечается, что судебное следствие является центральной частью уголовного процесса, потому что именно в этой части суд непосредственно воспринимает и оценивает доказательства и по своему внутреннему убеждению устанавливаются факты по делу [17, с. 162].

Также в науке правило процессуальной непосредственности формулируется как требование закона к судье о необходимости проанализировать представленные сторонами доказательства, выслушать их точки зрения, объяснения, замечания, указания на определенные детали и пр. по каждому из них [18, с. 37].

Непосредственность судебного разбирательства понимается нами как процессуальный метод получения доказательств по уголовному делу, за-

ключающийся в формировании доказательств на основе личного непосредственного познания судом и участниками процесса источников доказательств путем аудиовизуального наблюдения.

В рамках апелляционного пересмотра судебных решений отмечается отсутствие непосредственности в исследовании большинства доказательств, как отличительной особенности процесса оценки доказательств судом апелляционной инстанции [19, с. 189], что, по мнению некоторых авторов, является одним из минусов существующего апелляционного порядка пересмотра судебных решений в виду сокращения начал непосредственности судебного разбирательства [20, с. 28].

Вместе с тем другие авторы указывают, что инструментарием для реализации полномочий суда второй инстанции выступает определенный порядок рассмотрения уголовного дела в суде второй инстанции, главной особенностью которого должно являться судебное следствие, проводимое с непосредственным исследованием доказательств, позволяющим изучать как ранее исследованные, так и новые доказательства [21, с. 11].

Назначение судебного следствия в апелляционной инстанции определяются в науке следующими составляющими: 1) рассмотрение апелляционной жалобы и (или) представления (апелляционная инстанция обязана рассмотреть каждый довод апелляционной жалобы и (или) представления согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ); 2) проверка законности и обоснованности обжалуемого решения на основании доказательств, рассмотренных судом первой инстанции, согласно материалам дела либо иных доказательств, представленных в апелляционную инстанцию сторонами для их исследования; 3) право апелляционной инстанции дать новую оценку доказательствам, исследованным непосредственно (в соответствии со ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый осужденный имеет право на пересмотр его дела судом второй инстанции»); 4) обязанность в содействии в истребовании дополнительных доказательств для их исследования; 5) судебное следствие в суде апелляционной инстанции – это новое судебное разбирательство в целях фактической и правовой оценки инкриминируемого; 6) право апелляционной инстанции разрешить вопросы относительно возмещения ущерба, мер пресечения, судебных издержек и любых иных вопросов в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию [22].

По мнению других авторов, проведение в апелляционном производстве судебного следствия возможно только при одном принципиальном условии: если на этом настаивает сторона или обе стороны для того, чтобы обосновать фактическими материалами свои утверждения перед судом. Указывается, что проведение судебного следствия заново в объеме, необходимом для формирования внутреннего убеждения судьи, на основе судеб-

ного доказывания, произошедшего в судебном заседании должно стать реальностью судопроизводства, войти в «обыкновение» суда апелляционной инстанции [23, с. 26].

Таким образом, с точки зрения процессуальной эффективности правосудия и соблюдения разумных сроков его отправления, полномасштабное распространение принципа непосредственности и устности на судебное следствие в апелляционной инстанции является нецелесообразным.

Так, законодателем установлена специальная процедура проверки доказательств, предусматривающая возможность ограниченного непосредственного исследования судом апелляционной инстанции не только новых доказательств по уголовному делу, представляемых сторонами после вынесенного приговора по уголовному делу, но и в отношении тех доказательств, которые ранее изучались судом первой инстанции.

В силу ч.5 ст.389.13 УПК РФ свидетели и лица, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, которые ранее допрашивались в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции только в случае признания их вызова необходимым.

Отмечается, что ради сокращения принципа непосредственности судебного разбирательства из порядка апелляции исключено правило, согласно которому суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон [20, с. 28].

Речь идет о положениях ч.6.1 ст.389.13 УПК РФ, предусматривающих, что новые доказательства принимаются судом только в случае обоснования стороной невозможности их представления в суд первой инстанции.

К ограниченному действию принципа непосредственности можно отнести и право суда апелляционной инстанции исследовать доказательства с использованием видеоконференц-связи. Некоторые авторы в этой связи указывают, что ВКС – скорее суррогат непосредственности, устности и гласности, и обстановки реального судебного заседания (в частности, фактора публичности) вполне воссоздать не может [24, с. 65].

Также в качестве усеченной формы действия принципа непосредственности можно рассматривать и право суда апелляционной инстанции провести судебное разбирательство в отсутствие участников процесса, в том числе подсудимого, не заявившего соответствующего ходатайства на участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции.

Таким образом, процессуальные принципы: гласность, устность, непосредственность и состязательность являются органически связанными элементами процесса, друг от друга зависящие и друг друга определяющие [25, с. 100], приведенные примеры усеченного действия принципа непосредственности судебного заседания в суде апелляционной инстанции, им не противоречат.

Так, принцип состязательности в рамках апелляционного пересмотра не искажается, поскольку судом апелляционной инстанции соблюдаются основные его требования по обеспечению равноправия сторон в судебном заседании (в части представления новых доказательств в том числе).

В свою очередь, суд апелляционной инстанции, сохраняя независимость, проводит оценку проделанной работы каждой из сторон (оценивая совокупность доказательств по делу) и осуществляет проверку законности и обоснованности вынесенного по делу решения нижестоящим судом, реализуя принцип публичности в рамках гласного и устного судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции.

Таким образом, усеченное действие принципа непосредственности судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции обосновано сущностью самого апелляционного пересмотра уголовного дела – проведение проверки уголовных дел и итоговых судебных решений, а не вторым пересмотром уголовного дела судом апелляционной инстанции.

Библиографический список

1. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев – М., 1913. – С. 43, 50
2. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство / Д.Г. Тальберг. – СПб.: Лань, 2013. – С. 36. / Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/30453>.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров – Тула: Автограф, 2000. – С. 125.
4. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство / В. Случевский – СПб, 1913. – С. 55.
5. Ундревич В.С. О непосредственности нашего уголовного процесса // Вестник советской юстиции. – 1927. – № 2 – С. 48.
6. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941 – С. 77.
7. Чугунов В.Е., Кокорев Л.Д. Уголовный процесс РСФСР / В.Е. Чугунов, Л.Д. Кокорев – Воронеж: издательство Воронежского университета. – С. 56–57.
8. Мотовиловкер Я.О. О процессуальном принципе непосредственности / Я.О. Мотовиловкер // Вопросы государства и права. Издательство Томского университета, – Томск, 1968, выпуск 199 – С. 165–171.
9. УПК РСФСР 1960 года с постатейными материалами. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 104.
10. Лившиц В.Я. Проблема оценки доказательств в кассационной инстанции // Социалистическая законность. – 1946. – № 3 – С. 29.

11. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе (Диссертация В.Я. Лившица) // Советское государство и право. – 1949. – № 1 – С. 67.
12. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – С. 83–84.
13. Петрухин И.Л. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / И.Л. Петрухин – М., 1973. – С. 182–183.
14. Дудко Н.А. Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия: диссер ... канд. юрид. наук – М., 1984 – С. 9, 74.
15. Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дисс. канд. юрид. наук – Владивосток, 2007. – С. 10.
16. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш – СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 40.
17. Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А.О. Машовец – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 162.
18. Виницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – №1 – С. 37.
19. Гайворонская Л.В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук / Л.В. Гайворонская – М., 2018. – С. 189.
20. Дорошков В.В. Плюсы и минусы проверочных инстанций в современном уголовном процессе России // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года. / под редакцией К.Б. Калиновского. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 28.
21. Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Н.В. Сидорова – Томск, 2005. – С. 11.
22. Апелляционное производство в Российском уголовном процессе: монография / Л.Д. Калинкина, Е.И. Шигурова, О.А. Сухова [и др.]; под общей редакцией Л.Д. Калинкиной. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2014// https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28336802_27669808.html.
23. Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дисс. канд. юрид. наук / А.А. Романова – Н. Новгород, 2017. – С. 26.

24. Александров А.С. Судебное следствие в процедуре рассмотрения уголовного дела апелляционным судом общей юрисдикции: реальность или юридический симулякр // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 года / Под редакцией К.Б. Калиновского. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 65.

25. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М.С. Строгович – М.: юридическое издательство НКЮ СССР, 1939 – С. 100.

Научное издание

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ
«ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

Материалы Международной научно-практической
конференции
24–25 марта 2022

Часть II

Под редакцией В.В. Кваниной

Техн. редактор *А.В. Миних*
Дизайн обложки *А.С. Пановой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 06.06.2022. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,53. Тираж 100 экз. Заказ 179/190.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.